

СОЧИНЕНІЯ
ИММОКЕНТІЯ

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

ТОМЪ ІХ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА. —
ЖИЗНЬ АПОСТОЛА ПАВЛА. — ЖИЗНЬ СВ. КИПРІАНА.

ИЗДАНИЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Гостинный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,
Кузнецкій Мостъ, д. Рузакова.

1872.

Родился 15 декабря 1800 г.
Умеръ 26 мая 1857 г.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

Усопшій святитель Таврической Иннокентій, стяжавшій себѣ еще при жизни своей имя «русскаго Златоуста» по справедливости можетъ быть названъ любимѣйшимъ изъ духовныхъ писателей русской Церкви. Его задушевное слово, проникнутое неизъяснимою прелестью христіанской простоты и смиренія, обладаетъ чудною силою: оно воздвигало высокія христіанскія чувства не только въ душахъ людей вѣрующихъ, но даже слягчало и привлекало къ себѣ строптивое и гордое безвѣріе.

Выпуская въ свѣтъ настоящее собраніе его сочиненій, Всемилостивѣйшая Государыня, я осмѣливаюсь съ вѣрноподданническииъ благоговѣніемъ посвятить эту книгу Вашему Высочайшему имени, да перейдетъ съ нею въ отдаленное потомство, въ чертогъ и въ хижину, воспоминаніе о высокоиъ вниманіи Вашего Императорскаго Величества къ моему скромному старанію дать русскому читателю полное собраніе сочиненій великаго витіи, служащаго украшеніемъ русской Церкви и всегда властнаго укрѣплять обураваемыя страсти души владычицеиъ духомъ христіанской силы, устрояющей смятенное сердце человека въ священныиъ сосудъ Божій.

Безмѣрно счастливый тѣмъ, что послѣ продолжительной моей издательской дѣятельности, я получилъ возможность дать русскому обществу это первое полное собраніе сочиненій Иннокентія, я съ благоговѣніемъ повергаю эту книгу предъ Ваше Императорское Величество, какъ посильную мою лепту Вашимъ Августѣйшимъ заботамъ о преуспѣяніи духа христіанской любви въ странѣ, Церковь которой молится о Васъ и Вашемъ Августѣйшемъ Домѣ.

вѣрнопоподаннѣйшій

МАВРИКІЙ ВОЛЬФЪ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ

ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ ГОСПОДА НАШЕГО

ИСУСА ХРИСТА.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-МУ ИЗДАНІЮ.

Предлагаемое здѣсь вниманію христіанскаго читателя писано не вчера и третьяго дня, а за 30 лѣтъ предѣ силъ, и писано не по случайной охотѣ, а по обязанности — представить воспитанникамъ одного изъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній опытъ изложенія Исторіи Евангельской на основаніи всѣхъ четырехъ Евангелистовъ. Большая часть того, что писалось такимъ образомъ для класса, въ тоже время предложено было и общественному вниманію, чрезъ напечатаніе въ «Христіанско́мъ Ученіи» за 1828, 1829 и 1830 годы, и нашло столько сочувствія въ читателяхъ, что тогдаже отъ разныхъ лицъ и изъ разныхъ мѣстъ получены были сочинителемъ весьма благосклонные отзывы, съ желаніемъ — видѣть собраннѣ въ особой книжкѣ то, что было разбѣяно отрывками по разнымъ годамъ и нумералъ «Христіанскаго Ученія».

Обстоятельства общественнаго служенія, постоянно требовавшія отъ сочинителя занятія другими не меньшей важности предметами, доселѣ не позво-

лили удовлетворить сему желанію, хотя изъ несо-
лѣтѣнныхъ свидѣтельствъ видно было, что оно и въ
продолженіе столькихъ лѣтъ не пришло въ забвеніе.
Теперь это желаніе удовлетворяется. Не поздно
ли?... Много ли найдется даже въ живыхъ изъ тѣхъ
лицъ, въ коихъ оно было нѣкогда со всею живо-
стію? — Тѣ, напротивъ, кои пришли на свѣтъ послѣ,
раздѣляютъ ли въ семъ отношеніи мнѣніе и вкусъ
своихъ предшественниковъ?... Въ 30 лѣтъ столько
произошло перемѣнъ и съ людьми и съ вещами, съ
ихъ мнѣніями и желаніями, что трудно найти че-
ловѣка, который былъ бы въ состояніи отвѣчать на
подобный вопросъ утвердительно.

Не смотря на все сіе, книга издается! Почему?
Потому, какъ выше сказано, что доселѣ есть же-
лающіе того, и легко можетъ статься, что и те-
перь она найдетъ приѣмъ, подобный тому, коимъ,
безъ всякаго солѣтнія, была бы встрѣчена при своемъ
появленіи на свѣтъ, — за 30 лѣтъ назадъ. По край-
ней мѣрѣ, прилется, какъ принимаются старыя
знакомцы, коимъ и въ нынѣшнелѣтѣ вѣкъ не пренеб-
регаютъ, прощая имъ, ради давняго знакомства,
даже нѣкоторыя слабости. Съ другой стороны, на
судьбѣ давняго, вновь издаваемаго нынѣ, сочиненія
поучительно будетъ видѣть свойство самаго нынѣш-
няго времени въ сравненіи съ тѣмъ, каковымъ оно
было за 30 лѣтъ...

Но, все это внѣшнее и случайное: важнѣе и воз-
делѣннѣе всего то, чтобы представляемое здѣсь Бо-
голюбивому читателю послужило, при благословеніи

Божіель, къ возбужденію вѣры и любви къ Господу нашему Іисусу Христу, Который и во всей земной жизни Своей есть высочайшій образецъ совершенствъ для всего рода человѣческаго, а въ послѣднихъ дняхъ Своего земнаго служенія человѣчеству и среди страданій Своихъ особенно является, яко Единородный отъ Отца, исполнь благодати и истины! (Іоан. 1, 17).

1860 г.

ОБОЗРѢНІЕ

ЗВѢДНОЙ ЖИЗНИ ІИСУСА ХРИСТА

ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ЕГО ПОСЛѢДНИМЪ ДНЯМЪ НА ЗЕМЛѢ.

Въ три съ половиною года всенароднаго служенія Іисуса Христа, въ качествѣ Мессіи, среди народа іудейскаго, уже совершенно оправдалось многозначительное предсказаніе о немъ праведнаго Симеона, изреченное въ то время, когда Онъ, яко мнимый сынъ Іосифа, еще младенцемъ принесенъ былъ, по закону въ храмъ Іерусалимскій—*поставити Его предъ Господемъ* (Лук. 2, 22). Со дня на день становилось очевиднѣе, что *утѣха Израіля* лежитъ не только на востаніе, но и на паденіе многихъ во *Израилѣ*—въ предметъ противорѣчій, да *открыются помышленія многихъ сердець* (Лук. 2, 34—36). Божественный Потомокъ Давида не являлся еще въ видѣ грознаго домовладыки, который пришелъ отребить гумно свое (народъ израильскій), дабы плевелы сожечь *огнемъ негасающимъ* (Матѳ. 3, 12); лучшіе люди видѣли въ Немъ токмо Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра (Іоан. 1, 29), во всѣхъ бесѣдахъ Его открывалось одно кроткое вѣянiе духа благодати: но для плевелъ, давно истлѣвшихъ отъ зноя страстей, несносно было и это небесное вѣянiе; они сами собою возметались и летѣли прочь

отъ Вѣятеля; неусуѣльнымъ членамъ народа іудейскаго не обращался во исцѣленіе самый благотворный бальзамъ, который небеснымъ Человѣколюбцемъ былъ возливаемъ на ихъ раны (Лук. 10, 29—37). Предъ концемъ трехлѣтняго общенароднаго служенія Іисуса, въ качествѣ Мессіи, уже вся Іудея въ отношеніи къ Нему видимо дѣлилась на двѣ стороны (Іоан. 11, 48), изъ коихъ одна вѣровала въ Него и благоговѣла предъ Нимъ, а другая враждовала противъ Него (Іоан. 12, 37) съ такою злобою, что не усумнилась вознести Его на крестъ.

Краткое обозрѣніе сего, по многимъ отношеніямъ, единственнаго въ мірѣ явленія послужить для насъ вмѣсто историческаго введенія въ послѣдніе дни земной жизни Господа нашего.

Съ перваго взгляда казалось невозможнымъ, чтобы народъ іудейскій не узналъ своего Мессію, во время Его пришествія. Никогда не ожидали Мессіи съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ во времена Іисуса Христа: о пришествіи Его молились во храмѣ и по домамъ; разсуждали въ синедріонѣ и синагогахъ; Мессію старались находить во всѣхъ сказаніяхъ пророковъ, какія не только относились дѣйствительно, но могли быть относимы какъ-нибудь къ Его лицу 1). Даже презираемые іудеями за свою ересь, самаряне твердо вѣрили 2), что скоро придетъ величайшій изъ пророковъ, Который разрѣшитъ всѣ недоумѣнія о предметахъ вѣры, раздѣлявшія тогда народъ израильскій. Между самыми язычниками повсюду распространился въ то

---

1) Schötlgenii Hor. Hebr. et Talm. multis in locis.

2) Іоан. 4, 25. Friedrich de Christologia Samaritanorum. 1821.

время слухъ о скоромъ наступленіи чрезвычайнаго *переворота вещей*, когда *Востокъ снова возьметъ верхъ надъ Западомъ*, и изъ *Иудеи выйдутъ люди для возобладанія всѣмъ свѣтомъ* 1). Нѣкоторые по легкомыслию и нетерпѣнью, а иные изъ ласкательства, думали уже видѣть исполненіе всеобщихъ надеждъ касательно пришествія Мессіи, то въ Иродѣ Великомъ 2), то въ разныхъ кесаряхъ римскихъ 3). Были даже такіе мечтатели и честолюбцы, кои, пользуясь народнымъ ожиданіемъ, осмѣливались выдавать дерзновенно самихъ себя за обѣтованнаго Избавителя 4), и хотя скоро обнаруживались въ своей лжи, но увлекали за собою не малое число послѣдователей изъ народа.

Чтобы удалить отъ себя всякую опасность — не узнать и отвергнуть истиннаго Мессіи, или принять ложнаго, іудейскіе книжники старались для всего извлекать изъ писаній пророческихъ всѣ указанія на Его лице и время пришествія 5). На сей конецъ издавна составилось въ синагогахъ пространное ученіе о *признакахъ* истиннаго Мессіи 6), то есть о Его именахъ, происхожденіи, природѣ, свойствахъ, дѣйствіяхъ, требованіяхъ и проч. 7), которое во всѣхъ синагогахъ излагалось съ утонченіями, свойственными раввинской

---

1) Tacit. Hist. L. 5. Pluribus persuasio inerat, antiquis Sacerdotum libris contineri, eo ipso tempore fore, ut valesceret oriens, profectique Iudaea rerum potirentur. Подобное у Светонія in Vita Vespas. c. 4. Joseph. Bell. Iud. 5, 5. 7. 31. Philo, tom. 2 p. 423. sqq. 435. sq.

2) Gratz. Comment. in Math 1821. t. 1. p. 72.

3) Svet. in Vit. Vespas. c. 4. Joseph. Bell. Iud. L. VI. c. 5. § 4. «*Εδηλου δ'αρα περι του Υεσπαδιανου το λογιον* (предсказаніе о Мессіи) *ηγεμονιαν αποδειχθεντος, επι Ιουδαιας, αυτοκρατορος.*»

4) Дѣян. 5, 36. Матѳ. 24, 24. Ioseph. Antiquit. XX. 5. 1.

5) Ioseph. Bell. Iud. L. 1. cap. 2. 7. § 13. 38.

6) Матѳ. 2, 4. Іоан. 7, 42. Stahl. von den Messian. Zeiten in Eichhorn. Bibl. 6. 13. 3. st.

7) *Σημεία* знаменія, Матѳ. 24, 3; Лук. 21, 7; 3 Ездр. 4, 51. 52. Midrasch Tehilim ad Psal. 74, 9.

учености 1). Простой народъ не участвовалъ въ подобныхъ изслѣдованіяхъ, почитавшихся собственностію книжниковъ; но, поелику предметъ оныхъ былъ крайне занимателенъ и равно важенъ для всякаго, то многія мнѣнія и толки о Мессіи непримѣтно перешли изъ школъ къ народу, и столько распространились повсюду, что, въ случаѣ нужды, самый послѣдній простодушнѣ почиталъ себя способнымъ судить о лицѣ Мессіи.

При такомъ всеобщемъ и пламенномъ ожиданіи Мессіи, при такой заботливости предохранить себя отъ заблужденій касательно Его пришествія, можно ли было думать, что пришедшій Мессія будетъ неузнанъ, отвергнутъ, осужденъ, распятъ?... (Іоан. 12, 37). Но, такъ произошло на самомъ дѣлѣ!...

Причины столь гибельнаго ослѣпленія существовали въ народѣ іудейскомъ издавна, хотя ужасное дѣйствіе, ими произведенное, трудно было представить себѣ заранѣе во всей полнотѣ 2).

И во первыхъ, для вѣрнаго дознанія и сердечнаго принятія Того, Кто имѣлъ придти съ неба именно для того, чтобы всѣхъ возвести за Собою отъ земли на небо, необходимо было народу іудейскому имѣть — хотя въ нѣкоторой степени — чувство небснаго, жажду вѣчнаго, стремленіе къ святому и освящающему: но въ сихъ-то драгоцѣнныхъ качествахъ, — кромѣ малаго числа избранныхъ, — былъ крайній недостатокъ (3 Ездр. 4, 27 — 28; Матѳ. 3, 7. 12). Поклоненіе истинному Богу не было мѣняемо теперь, какъ прежде было, на служеніе идоламъ; но, заключааясь въ исполненіи однихъ обрядовъ, оно не проникало въ сердца и не производило благотворныхъ дѣйствій въ

---

1) Eisenmengers Entdecktes Judenthum. t. 2. p. 698. sqq.

2) Однажды, когда Іисусъ Христосъ сдѣлалъ намекъ на сіе событіе, то одинъ изъ фарисеевъ съ живостію воскликнулъ: «избави Богъ!» (Лук. 20, 16; Іоан. 9, 40).

нравахъ и жизни (Матѳ. 23, 23 — 31). У большей части дѣйствительнымъ богомъ души и сердца былъ не Іегова, а *чрево* (Іоан. 12, 17 — 43; Лук. 12, 57) и *злато*. Уже по сему самому Мессію не могъ не потребовать, тотчасъ по явленіи Своемъ, совершенной перемѣны въ мысляхъ, чувствахъ и во всемъ образѣ жизни отъ желающихъ быть Его послѣдователями (Іоан. 3, 3): но, какъ было отказаться отъ своихъ любимыхъ предразсудковъ и страстей тѣмъ, кои измлада привыкли ограничивать права свои на благоволеніе Божіе однимъ происхожденіемъ своимъ по плоти отъ Авраама, однимъ обрѣзаніемъ по закону и наблюденіемъ покоя субботняго (Матѳ. 3, 9)? Что всего неблагопріятнѣе, — вожди народа Божія, — старѣйшины и книжники, на коихъ особенно и прежде другихъ лежалъ долгъ познать явившагося Мессію и принять Его, первые принадлежали къ числу людей неспособныхъ, по ихъ душевной нечистотѣ, войти въ царствіе Божіе (Матѳ. 23, 24).

Во вторыхъ, не смотря на безконечные толки о признакахъ истиннаго Мессію, въ раввинскомъ ученіи о семъ важномъ предметѣ не было надлежащаго единства и точной опредѣленности 1): губельное несогласіе сектъ, отъ коихъ страдала церковь іудейская, обнаруживалось — къ величайшему вреду — и здѣсь: когда напр., по мнѣнію однихъ, основывающемся на ясномъ указаніи Пророка, Мессію долженъ былъ произойти изъ Виелеема 2), другіе, слѣдуя какимъ-то устнымъ преданіямъ, утверждали, что Онъ явится неизвѣстно откуда 3).

Наконецъ, превратное понятіе о царствѣ Мессію и цѣли Его пришествія довершало зло и содѣлывало

---

1) Schmidii Dissertatio, quae Iudaeorum, qui Chr. tempore vixerunt, de eadem re varias opiniones accommodat ad loca N. T. enarrat. 1775.

2) Матѳ. 2, 4 Targ. in Mich. 5, 2.

3) Berthold. Christologia Iudaeorum Jesu Apostolorumque aetate 1811.

большую часть народа іудейскаго мало способною узнать Мессію истиннаго і).

Чтобы видѣть, въ чемъ состояло и какимъ образомъ составилось это жалкое, превратное понятіе, для сего должно привести себѣ на память ученіе о Мессіи древнихъ пророковъ. Изображая Его въ видѣ величайшаго Пророка, Первосвященника, Ангела завѣта, Святаго святыхъ, Жертвы всемірнаго примиренія и проч. (Втор. 18, 15; 1 Мак. 14, 14; Псал. 109, 4; Мал. 3, 2; Прем. 3, 7. 8. 18; 5, 16. 17; Дѣян. 7, 52), они весьма часто, — дабы приблизить понятіе о Немъ къ разумѣнію народа, — представляли Мессію и подъ видомъ Царя, подобнаго Давиду (Исаі. 11, 6; Іезек. 34, 23; 36, 24. 28), имѣющаго возставить *скинію Давидову падшую, воцариться въ дому Іаковли во вѣки вѣковъ*, и быть Владыкою всѣхъ народовъ отъ моря до моря, въ царствѣ коего *всѣ раскуютъ мечи на рала и котія на серпы* (Исаі. 53, 10. Іезек. 38, 40). Поступая такимъ образомъ, пророки отнюдь не разумѣли царства Мессіи въ смыслѣ мірскомъ; иначе они непрестанно противорѣчили бы сами себѣ, усвоая тому же царству другія свойства, совершенно несовмѣстныя съ существомъ царствъ земныхъ. — Не ограничивали также пророки благодѣяній отъ пришествія Мессіи однимъ іудейскимъ народомъ, а распространяли ихъ на весь родъ человѣческій (Быт. 12, 3; Псал. 96, 10 — 13; 97, 1 — 6; Исаі 49, 7; 45, 23. 24; Зах. 9, 9. 16. 17). Вообще цѣлію пришествія Его поставлялось у нихъ не временное, а духовное и вѣчное блаженство, состоящее въ искупленіи отъ грѣховъ, въ чистотѣ нравовъ и жизни, въ мирѣ съ Богомъ, въ восстановленіи первобытнаго богоподобія и достоинства человѣка и проч. (Дѣян. 10, 43. Исаі. 2, 2; 11, 1 — 10; Іерем.

33, 13 — 22, 21, 31) 1). Если при семъ упоминается у пророковъ и о земномъ благоденствіи почитателей Мессіи; то оно является плодомъ не какихъ либо гражданскихъ переворотовъ, сраженій и побѣдъ, а естественнымъ слѣдствіемъ ихъ духовно-нравственнаго усовершенствованія и вѣрнаго исполненія заповѣдей новаго высшаго завѣта съ Богомъ чрезъ Мессію 2), какъ то дѣйствительно сбѣлось надъ послѣдователями христіанской религіи, кои, превзошедши всѣ прочіе народы нравственнымъ образованіемъ, рѣшительно превзошли ихъ наконецъ и земнымъ могуществомъ, такъ что теперь судьба всѣхъ прочихъ народовъ видимо зависитъ отъ христіанъ.

Усвояя наконецъ народу іудейскому, какъ первому изъ народовъ и избранному пріемнику и хранителю откровеній Божіихъ, особенное участіе въ благодареніяхъ пришествія Мессіи, — пророки усвоили оное не безусловно, а съ предположеніемъ его неизмѣнной вѣрности Богу отцевъ, преимущественной чистоты нравовъ и особенныхъ будущихъ трудовъ въ царствѣ Мессіи, для распространенія его путемъ проповѣди по всему роду человѣческому. Въ противномъ случаѣ, они угрожали сему народу еще большимъ наказаніемъ и бѣдствіями, нежели какимъ подвергался онъ въ самыя несчастныя времена своей исторіи 3).

Но, чувственный, ниспадшій въ глубину униженія сначала нравственнаго, а потомъ и гражданскаго, народъ іудейскій не долго былъ въ состояніи слѣдовать за симъ высокимъ, чистымъ и свѣтлымъ ученіемъ пророковъ о Мессіи и Его царствѣ. Особенно послѣднѣна вавилонскаго, быстро начало оно унижаться и

---

1) Berthold in *Christologia* § 31, 32.

2) V. Seiler de Regni a vatibus divinis Messiae promissi vera natura atque indole. In opus. theolog. 1793.

3) *Mat.* 3, 3 — 5, 4, 1 — 6. Stapfer. *Theologia Polemica*. Sect. de Judaismo.

темнѣть въ умѣ іудеевъ. Тогдашнее всеобщее оскудѣніе духа вѣры и чистой нравственности, умноженіе различныхъ, одна другой противоположныхъ, сектъ, образованіе новаго народнаго діалекта и постепенное забвеніе древняго священнаго языка, особенно образа выраженія пророческаго, — измѣненіе нравовъ отъ смѣшенія съ другими народами, вольное и невольное участіе въ нечистыхъ видахъ царей сирійскихъ, египетскихъ, а потомъ римлянъ, и многія другія причины 1), сдѣлали то, что народъ іудейскій, не стараясь проникать въ истинный духъ пророческихъ сказаній о царствѣ Мессіи, остановился на ихъ буквѣ, и тѣмъ паче прилѣпился къ превратнымъ толкованіямъ сей буквы, чѣмъ болѣе представлялось въ нихъ пищи для воображенія и чувствъ, для народнаго самолюбія и выгодъ земныхъ. вмѣсто Ангела завѣта, имѣющаго начертать въ сердцахъ людей новыхъ законъ жизни, вмѣсто Первосвященника по чину Мельхиседекову, долженствующаго искупить Своею кровію весь родъ человѣческій отъ грѣха и смерти, вмѣсто великаго Пророка, грядущаго водворить по всей землѣ истину, добродѣтель и вѣру, вмѣсто Сына Божія, имѣющаго дать вѣрующимъ во имя Его *сердце новое и духъ новый*, почти всѣ начали ожидать въ лицѣ Мессіи всемірнаго завоевателя, который для того и явится во всемъ могуществѣ Посланника Божія, окруженный знаменіями и чудесами, чтобы низложить и упразднить всѣ тогдашнія царства на землѣ, составить изъ всего рода человѣческаго единую державу, въ коей іудеи должны занять первое мѣсто и быть Его наперсниками 2). Крайнія притѣсненія отъ царей сирійскихъ, египетскихъ

---

1) V. Berthold in Christolog. § 2. 3.

2) Conf. Fleck. in Dissert. de Regno Christi. 1826.

и наконецъ отъ римлянъ 1), еще болѣе усиливали въ іудеяхъ таковое ожиданіе: чѣмъ болѣе терпѣли въ настоящемъ, тѣмъ большаго надѣялись въ будущемъ 2). Между прочимъ воображали, что пришествіе Мессіи должно быть предварено явленіемъ Іліи (Матѹ. 18, 10; Марк. 6, 35. 8, 28, Лук. 9, 8. 19) 3), имѣющаго помазать Его на царство 4), Іереміи (2 Мак. 15, 14; Матѹ. 16, 13. 14; 3 Ездр. 2, 18), Исаіи (3 Ездр. 2, 18) и многихъ другихъ пророковъ (Матѹ. 16, 14; Мар. 6, 15. 8, 28; Лук. 9, 8). Касательно лица Мессіи существовало у многихъ грубое заблужденіе, состоящее въ томъ, что Онъ будетъ челоѣкъ подобный прочимъ 5), только съ необыкновенными силами и дарами отъ Бога; другіе представляли Его существомъ высшимъ, но однакоже не Богомъ 6), претыкаясь слѣпо о слова Моисея: *Господь Богъ твой, Господь единъ есть*. Мессія, по мнѣнію іудеевъ, не подлежалъ смерти 7). Плодами пришествія Мессіи почиталось между прочимъ немедленное чудесное 8) собраніе въ Палестину іудеевъ изъ разсѣянія ихъ по всему свѣту, неисключая и десяти колѣнъ Израилевыхъ (3 Ездр. 13, 13. 39. 40), изведеніе изъ ада и вос-

---

1) См. Начерт. Церк. Биб. Ист. періодъ 10.

2) Berthold. Comment. de ortu Theologiae veter. Hebr. p. 1. p. 5. sqq. p. 100 sqq.

3) Targum. Jonath. 40. 10.

4) Justin. Dialog. cum Gtriph. p. 268. *Πατρὲς ἡμεῖς τὸν Χριστὸν ἀνθρώπου προδοκοῦμεν γενέσθαι, καὶ τὸν Ἰλιαν χρῆσαι αὐτὸν ἐλθόντα.* p. 226.

5) Это видно, между прочимъ, изъ ереси евіонитовъ и назореевъ, кои учили, что Христосъ есть челоѣкъ, а не Богъ. Ибо сіи еретіки, происходя отъ іудеевъ палестинскихъ, удержали, какъ полагаютъ, то мнѣніе о Мессіи, которое они имѣли до обращенія въ христіанство. Evseb. Hist. 3, 27. Jeron. advers. Gnost. 1. 26. Tertul. de praescr. 33.

6) Іоан. 10, 33. Berthold in Christologia § 29. 23.

7) Іоан. 12, 24. Neve Schalom. 1. 9. с. 5.

8) Самъ Филонъ, въ другихъ отношеніяхъ весьма свободный отъ мечтательности своихъ соотечественниковъ, надѣялся, что разсѣянные іудеи перенесены будутъ въ Іерусалимъ, во мгновение ока, Ангелами (de Egesr. p. 435).

кресеніе всѣхъ умершихъ іудеевъ 1), возстановленіе царства Давидова (Дѣян. 1, 6), обновленіе Іерусалима и устроеніе новаго великолѣпнаго храма, покореніе всѣхъ народовъ іудеямъ 2), учрежденіе великолѣпныхъ вечерей 3), чрезвычайное плодоношеніе земли, уничтоженіе болѣзней и смерти и проч. Лучшіе и благонаправнѣйшіе соглашались, что входъ въ царство Мессіи будетъ открытъ не всѣмъ іудеямъ безъ разбора, а достойнымъ (3 Ездр. 2, 37 — 41), и что сіе достоинство должно состоять въ истинномъ благочестіи и въ неукоризненности нравовъ, или въ искреннемъ всецѣломъ покаяніи 4); но большая часть основывала надежду войти въ царство Мессіи единственно на своемъ плотскомъ происхожденіи отъ Авраама (Лук. 3, 8; Рим. 2, 28. 29; 9, 6 — 8), почитая невозможнымъ, чтобы Богъ, обѣщавъ потомкамъ его вѣчное Свое благоволеніе, лишилъ потомъ кого-либо изъ нихъ самаго перваго блага — участія въ блаженномъ царствѣ Мессіи (Рим. 11, 1; 3, 3).

Вслѣдствіе сихъ и подобныхъ заблужденій, первосвященники іудейскіе и прочіе старѣйшины естественно надѣялись, что Мессія если не къ нимъ первымъ обратится, по Своемъ Божественномъ явленіи въ міръ (Іоан. 1, 19), то по крайней мѣрѣ не оставитъ ихъ

---

1) Въ одной апокрифической книгѣ еврейской, по свидѣтельству Іустина (Dialog. cum Tryph. p. 288. ed Col.) и Иринея (adv. Haer. 4. 39.) читалось: *Εμνήσθη δὲ Κύριος ὁ Θεὸς ἅγιος Ἰσραὴλ τῶν νεκρῶν αὐτοῦ, τῶν κεκοιμημένων εἰς γῆν χριστάγιος, καὶ κατέρη πρὸς αὐτοὺς εὐαγγελισθῆναι αὐτοῖς τὸ βασίλειον αὐτοῦ.* Lib. Enoch. in Fabric. cod. Psevdop. V. Test. t. 1. 187 — 195. 3. Ездр. 2. 10. 13. 15. 16. 30. 31; 4, 35. 41.

2) Joseph. de Bell. Jud. 6, 5. 6. Ant. 10. 4. 4. 11. 7. Baueri Theologie des A. T. p. 413.

3) Лук. 14, 15. 3 Ездр. 2, 38. Eisenmenger im Judenth. t. 2. p. 872. sqq.

4) Лук. 1, 76. 77. Philo de Execr. Edit. Manger. t. 2. p. 435. 436 de Proëmiis et poenis. t. 2. p. 424 — 26. de vita Mosis. 1. 2. t. 2. p. 141. de somniis t. 1. p. 647.

безъ особеннаго вниманія вполѣдствіи, призоветъ ихъ на служеніе и помощь Себѣ, и что они, передавъ Ему власть надъ народомъ, останутся однакоже первыми и довѣреннѣйшими слугами Его новаго небесно-земнаго царства. Надменнымъ своею мнимою святостію, фарисеямъ, при той силѣ, которую они имѣли въ синагогахъ и народѣ, особенно казалось невозможнымъ (Іоан. 1, 24; 7, 48), чтобы великое дѣло открытія на землѣ царства Мессіи совершилось безъ ихъ участія, чтобы они не были приняты въ Его особенное благоволеніе и не сдѣланы ближайшими орудіями Его всемірнаго владычества. Также, безъ сомнѣнія, мечталось и прочимъ сектамъ іудейскимъ: саддукеямъ, ессеямъ, иродіанамъ, — изъ коихъ каждая находила въ себѣ то самое, что, по ея понятію, было особенно нужно и благопотребно для будущаго великаго Царя Израилева 1).

При такомъ гибельномъ ослѣпленіи умовъ и сердець, что должноствовало произвести появленіе Іисуса Христа въ народѣ іудейскомъ, не съ мечемъ, величіемъ и славою земною, а въ самомъ простомъ и смиренномъ видѣ народнаго Учителя, окруженнаго не легионами воиновъ, а дванадесятію простыхъ и бѣдныхъ учениковъ, — съ одною проповѣдію о приближеніи царства Божія (Матѳ. 4, 17. 23; Мар. 1, 14; Лук. 4, 21, 43; Мал. 3, 2) и исцѣленіемъ недужныхъ, безъ обѣщаній свободы отъ ига иноплеменниковъ, безъ всякихъ предложеній какихъ-либо земныхъ выгодъ, даже безъ обращенія къ главамъ народа, къ лицамъ, имѣющимъ вѣсъ и вліяніе въ обществѣ? Мессія изъ Галилеи, откуда, по ложному понятію тогдашнихъ книж-

---

1) Schötlgenii Dissert.. de Regno Messiae. 1742. Serarii Trihae resium 1. 2. c. 13. p. 79.

никовъ, и обыкновенный пророкъ *не приходитъ* (Іоан. 7, 52), — изъ Назарета, гдѣ, по бѣдности и малолюдству сего города, не предполагали ничего важнаго и общепользнаго (Іоан. 1, 46), Мессія, вмѣсто славы и побѣды, проповѣдующій нищету и самоотверженіе (Матѳ. 5, 10), неимѣющій гдѣ поклонить главу (Мат. 8, 20), нерѣдко предрекающій Себѣ поносную смерть на крестѣ, а между тѣмъ въ тоже время усвояющій Себѣ бытіе до рожденія Авраама (Іоан. 8, 56 — 59), возносящій Себя выше всѣхъ праотцевъ (Іоан. 4, 12; 8, 53) и даже равняющій Себя съ Самимъ Богомъ (Іоан. 10, 24 — 34), Мессія, не щадящій страстей и проковокъ въ фарисеяхъ и первосвященникахъ (Мар. 7, 6; Іоан. 8; Матѳ. 23; 21, 31. 32), ставящій ни во что ихъ мнимую праведность (Матѳ. 5, 20), и въ тоже время обращающійся съ мытарями и грѣшниками (Мар. 2, 16), обѣщающій ввести въ царство небесное язычниковъ, съ изгнаніемъ изъ онаго многихъ іудеевъ во тьму кромѣшнюю (Матѳ. 8, 11, 12; Лук. 13, 24—30), Мессія, повелѣвающій платить безпрекословно дань кесарю (Матѳ. 20, 43; Мар. 12, 13—17; Лук. 20, 20—26), думающій безъ оружія и земной силы одною проповѣдію основать какое то духовное, невидимое царство (Лук. 12, 20; Іоан. 18, 26.), мимо всякаго участія синедріона (Матѳ. 21, 23 — 27), Мессія, идущій во всемъ вопреки любимѣйшимъ ожиданіямъ народа, вопреки всѣхъ понятій книжниковъ, противъ господства самаго синедріона, — такой Мессія, преданному мірскимъ видамъ и честолюбію, своекорыстному и гордому Каіаѳѣ и клеветамъ его въ синедріонѣ, по необходимости, казался лицомъ страннымъ и неудобопріемлемымъ, противнымъ и опаснымъ.

Не принимавшіе Іисуса Христа за Мессію расходились, какъ обыкновенно, въ разныя стороны своими мнѣніями касательно Его лица и дѣйствій. Еще од-

нимъ изъ самыхъ снисходительныхъ сужденій было то, что необыкновенный Учитель Назаретскій есть человекъ благочестивый, любящій истину и правду, желающій добра ближнимъ и отечеству, но предающійся воображенію, слишкомъ вѣрящій въ силу добра надъ людьми, и потому замышляющій величайшія дѣла съ малыми средствами, не видящій опасныхъ сторонъ своего положенія и несбыточности своихъ предпріятій (Іоан. 2, 48). Когда Богочеловѣкъ, въ полнотѣ сознанія своего Божественнаго достоинства, вѣщаль и дѣйствовалъ какъ Сынъ Божій, Коему Отецъ все передалъ во власть, Онъ казался въ то время для таковыхъ людей выходящимъ изъ самого себя, и потому требующимъ даже предостереженія и дружескаго надзора надъ Собою (Мар. 3, 21). Таковъ взглядъ на дѣло и состояніе Іисусова былъ у тѣхъ, о коихъ евангелистъ Маркъ говоритъ, что они, *слышавше, изыдоша, да илутъ Его: глаголаху бо, яко неистовъ есть* (вышелъ изъ себя).

Другіе, судя, безъ сомнѣнія, по самимъ себѣ, позволяли себѣ въ сужденіи о Іисусѣ идти еще ниже, и думали видѣть въ Немъ человекъ, преданнаго тайному честолюбію, Который, подъ личиною ревности по правдѣ, намѣренъ обратить въ Свою пользу народное ожиданіе Мессіи. Это тѣ, кои, по свидѣтельству Евангелиста, вопреки утверждавшихъ о Іисусѣ, *яко благъ есть, глаголаху: ни, но льститъ народы* (Лук. 17, 18).

Наконецъ были и такіе, кои съ намѣреніемъ, или безъ намѣренія, въ слѣдъ за другими утверждали, что новый Учитель и Чудотворецъ есть какъбы наперсникъ духа тьмы, что Онъ, если и изгоняетъ дѣсовъ и совершаетъ чудеса; то творить все это силою не Божіею, а о Вельзевулѣ, князѣ дѣсовствѣмъ (Іоан. 10, 22; Мар. 3, 22).

Все это было и означилось совершенно и рѣзко уже

подъ конецъ служенія Іисусова; а вначалѣ Онъ, по простотѣ Своей жизни, по бѣдности Своей, по недостатку какихъ-либо связей въ обществѣ, долго не обращалъ на Себя вниманія гордыхъ старѣйшинъ іудейскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на чудесныя событія, сопровождавшія первые дни земной жизни Іисусовой (появленіе волхвовъ восточныхъ во Іерусалимѣ и чудесной звѣзды, пророчества Симеона и Анны, отверстіе небесъ на Іорданѣ и гласъ при семъ съ неба) и, безъ сомнѣнія, сдѣлавшіяся вполсѣдствіи извѣстными въ народѣ (Іоан. 1, 15 — 20; Матѹ. 3, 2 — 12; Лук. 3, 4 — 16), не смотря даже на торжественный отзывъ Іоанна Крестителя, нѣсколько разъ повторенный предъ посланными отъ синедріона (Іоан. 1, 29—34; Матѹ. 3, 16; Мар. 1, 10), предъ народомъ (Іоан. 1, 35—36; 3, 27 — 36; Матѹ. 21, 26) и учениками о томъ, что принявшій отъ него крещеніе Іисусъ, а не кто другой, есть истинный Агнецъ Божій, вземлющій грѣхи міра, — отзывъ, долженствовавшій имѣть великую силу по тому уваженію, которое всѣ имѣли къ Іоанну, — мы нисколько не видимъ, чтобы къ Іисусу отправляемо было какое-либо посольство, и чтобы Его, подобно Іоанну, спросили: не Онъ ли Мессія? Для безумной гордости синедріона, соблазнявшагося уничтоженнымъ состояніемъ Іисуса Христа, таковое изслѣдованіе казалось вѣдсе ненужнымъ и бесполезнымъ. Уже вполсѣдствіи, когда святость жизни Іисусовой, необыкновенная сила Его слова и бесѣдъ (Лук. 4, 32, 15 — 22; Матѹ. 7, 29; 13, 54; Іоан. 7, 15), проповѣдь 12-ти и 70-ти учениковъ, обошедшихъ всѣ города Израильскіе съ возвѣщеніемъ Царства Божія (Матѹ. 10, Мар. 6, 30), и особенно слава знаменій и чудесъ (Лук. 4, 36. 5, 9; Матѹ. 8, 27. 9, 8, 26, 33. 12, 23. 15, 31), обратили къ Іисусу сердце большей части народа іудейскаго (Лук. 5, 15. 4, 14. 42. 37; Матѹ. 4,

24; Мар. 6, 54 — 56) и содѣлали Его предметомъ самыхъ лучшихъ надеждъ для благонамѣренныхъ людей изъ всѣхъ состояній (Іоан. 12, 42), — фарисеи и книжники, тщательно наблюдавшіе за всѣмъ, что происходило въ народѣ, начали въ большемъ и большемъ числѣ окружать новаго Пророка и Чудотворца (Лук. 5, 17; Мар. 7, 1), каждый съ своими собственными нечистыми видами и цѣлями, многіе съ личною ненавистію къ Нему за Его проповѣдь и обличенія, почти всѣ съ сердцемъ глухимъ для истины и добродѣтели, съ желаніемъ найти въ Немъ что-либо предосудительное и обратить Ему во вредъ. Открылся непрерывный рядъ хитрыхъ вопросовъ, злонамѣренныхъ толкованій словъ Іисусовыхъ, нареканій на дѣйствія Его и учениковъ, даже прямыхъ клеветъ и подушеній противъ Него народа, — что все съ такою простотою и вѣрностію описано Евангелистами. Вначалѣ дѣйствовали порознь, безъ особеннаго плана, по временамъ, — но всегда хитро и злобно (Мат. 9, 3. п. 12, 38. 16, 1. 19, 3; Мар. 8, п; Лук. п, 53 — 54). Чтобы умалить и обезсилить всеобщее расположеніе къ Іисусу Христу народа, старались приводить въ подозрѣніе образъ дѣйствій Его и жизни: твердили всѣмъ и каждому, что Онъ другъ мытарямъ и грѣшникамъ, врагъ закона и преданій, разоритель покоя субботняго, благопріятель язычниковъ, особенно самарянъ, даже сообщникъ Вельзевула и темныхъ силъ (Матѹ. п, 19. 12, 2. 15, 2; Мар. 2, 18. 24; Іоан. 8, 48. 10 20). Послѣдняя клевета особенно была ядовита и важна по дѣйствию ея на народъ простодушный; ибо такимъ образомъ въ мысляхъ его самое разительное и неопровержимое доказательство касательно Божественности лица и ученія Іисусова теряло всю силу, даже оказывало противное дѣйствіе, производя вмѣсто любви

и уваженія къ Іисусу, отвращеніе отъ Его лица, какъ орудія темныхъ силъ.

Слѣдствіемъ подобныхъ-то клеветъ и наущеній было то, что нѣкоторые изъ простаго народа, приверженнаго къ фарисеямъ, въ жару фанатическаго раздраженія, не разъ покушались лишить Іисуса Христа жизни: то хотѣли свергнуть Его съ горы; то брали камни, чтобы побить Его, какъ богохульника (Іоан. 7, 12); то хотѣли захватить Его въ свои руки (Іоан. 7, 26), дабы предать врагамъ Его.

Среди таковаго волненія умовъ, естественно всѣ ожидали мнѣнія верховнаго синедріона (Іоан. 7, 26), на коемъ лежали право и долгъ пецись о чистотѣ вѣры и нравовъ, различать истинныхъ пророковъ отъ ложныхъ, тѣмъ паче быть руководителями народа въ сужденіи о Мессіи ¹⁾. Мнѣніе сіе дѣйствительно вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ народу; но, будучи основано на явномъ пристрастіи, противорѣча очевидному опыту, вмѣсто успокоенія, произвело повсюду новое волненіе въ совѣстяхъ. Напрасно благонамѣренные члены синедріона предлагали (Іоан. 7, 51) изслѣдовать дѣло Іисуса по законамъ, выслушать Его ученіе и доказательства, и потомъ разсудить о Немъ безпристрастно. Фарисеи и саддукеи, изъ коихъ большею частію состоялъ верховный совѣтъ іудейскій, не хотѣли и думать, чтобы презираемый ими Галилеянинъ могъ быть Мессіею. Подъ личиною любви къ отечеству, положено преслѣдовать Его всѣми средствами, какъ чловѣка, опаснаго между прочимъ для покоя общественнаго, съ тѣмъ, чтобы при первомъ случаѣ захватить Его въ свои руки и погубить, такъ или иначе.

---

¹⁾ Mat. 2, 4. Non indicant tribum, nec Pseudoprophetam, nec summum Pontificem, nisi iudicio septuaginta unius. Sanh. fol. 2. 1. V. Lighthfoot ad. Luc. 13, 33.

Можетъ казаться непонятнымъ, что случая сего не успѣли найти въ продолженіе не одного года; но при семъ не должно забывать, что Іисусъ Христосъ большую часть времени проводилъ въ странствованіи по Галилеи (Марк. 7, 31; 6, 53. 5, 1. 4, 1. 8, 11; Мат. 19, 1), находившейся подъ управленіемъ Ирода Агрипы, который не очень благопріятствовалъ власти первосвященниковъ и вліянію фарисеевъ, — что, во время посѣщенія Іерусалима, Онъ бывалъ окруженъ множествомъ приверженнаго къ Нему народа, и на ночь удалялся въ окрестныя мѣста къ Своимъ почитателямъ, особенно въ Вифанію, — что подъ владычествомъ римлянъ, старѣйшины іудейскіе не могли располагать сами безъ римскаго прокуратора военными средствами, и вообще принуждены были дѣйствовать болѣе хитростію, нежели открытою силою. Паче же всего должно не упустить изъ виду, что время и продолженіе великаго служенія Спасителя міра зависѣло не отъ слѣпаго произвола человѣческаго, а отъ непосредственнаго распоряженія свыше; и поелику назначенный въ предвѣчномъ совѣтѣ великій часъ всемірнаго искупленія еще не пришелъ (Іоан. 7, 30); то всѣ козни враговъ Іисусовыхъ распались сами собою, какъ паутина. Между тѣмъ синедріонъ дѣлалъ все, что могъ. Послѣ безуспѣшя нѣкоторыхъ частныхъ мѣръ, всенародно объявлено было, что тотъ изъ іудеевъ будетъ отлученъ отъ синагоги (угроза страшная), кто признаетъ Іисуса Христа за Мессію (Іоан. 9, 22). Это значило связать совѣсти и навести ужасъ на почитателей Его; ибо подвергшійся отлученію изъ синагоги почитался какъбы исключеннымъ изъ потомства Авраамова, обреченнымъ, подобно язычнику, на вѣчную гибель за гробомъ. Не довольствуясь симъ, старѣйшины іудейскіе старались захватить Іисуса Христа въ свои руки: въ послѣднее пребываніе Его въ Іеруса-

лимъ 1) нарочно были отправлены для сего ближайшіе слуги архіерейскіе. Только небесная сладость Его бесѣды, тронувшая до глубины души сихъ простыхъ, а потому безпристрастныхъ людей, сдѣлала мѣру сію недѣйствительною; ибо они не посмѣли возложить рукъ своихъ на Того, Кто говорилъ такъ, какъ не говорилъ никогда никакой человѣкъ (Іоан. 7, 45. 46). Изобрѣтательность и злоба фарисеевъ ручаются за то, что были для сей же цѣли употреблены и другія мѣры, хотя Евангелисты, по свойственной имъ краткости, не упоминають о нихъ (Матѹ. 12, 14; Іоан. 10, 39. 7, 19). Вообще, въ началѣ четвертаго года служенія Іисусова, ненависть враговъ Его уже совершенно созрѣла: ученики Іисусовы, какъ увидимъ, страшились и одной мысли идти въ Іудею (Іоан. 11, 9. 10), и въ самомъ народѣ опасались даже говорить о Немъ, чтобы не подвергнуться преслѣдованію отъ фарисеевъ (Іоан. 12—10).

Послѣ сего, что оставалось дѣлать Тому, Кто, возвращая судъ и правду народамъ, долженъ былъ вести Себя такъ, чтобы *не воспрекословить, ни возопіять, трости-надломленной не преломлять, и льна курящагося не угашать, пока правда* (одна правда) *Его не одержитъ побѣды?* (Матѹ. 12, 18 — 21; Исаі. 41, 1—3). Прежде Іисусъ Христосъ въ случаѣ опасности со стороны іерусалимскихъ враговъ Своихъ, могъ по крайней мѣрѣ — безпрепятственно удаляться въ Галилею (Іоан. 12, 1), гдѣ они не имѣли силы. Но къ концу третьяго года служенія Его и здѣсь открылась опасность. Владѣвшій Галилеею Иродъ, послѣ Іоанна Крестителя, имъ умерщвленнаго, обратилъ свои кровавыя подозрѣнія и на Іисуса, и замышлялъ при первомъ случаѣ лишить жизни и Его, также какъ погубилъ

---

1) Іисусъ Христосъ былъ въ Іерусалимѣ на праздникѣ обновленія храма, который праздновался 25 хаслева, по нашему счету — 15 декабря. Іоан. 10, 23. Joseph. Antiq. 12. 7. 7.

Іоанна (Лук. 13, 31 — 33). Посему, чтобы избѣжать злобы враговъ, надлежало или не являться въ Іерусалимъ, оставить даже Палестину, идти къ народамъ чуждымъ и начать учить язычниковъ (Іоан. 7, 35), — что несообразно было съ цѣлю служенія Мессіи, *посланнаго къ овцамъ погибшимъ дома Израилева* (Мат. 15, 24), или непрестанно спасать свою и учениковъ своихъ жизнь какими либо чудесными средствами, что однако же не соотвѣтствовало бы состоянію Его уничтоженія (Матѳ. 26, 53 — 54). Судя по такому ожесточенію и кознямъ враговъ Іисусовыхъ, можно было предугадывать, что Агнецъ Божій, преслѣдуемый лютыми вепрями, не продлитъ Своего пребыванія на земли, а поспѣшитъ, для окончанія Своего дѣла, на крестный жертвенникъ, который уже давно сооруженъ былъ для Него въ ихъ умѣ и сердцѣ.

Къ тому же заключенію, хотя другимъ образомъ, могъ вести взглядъ на самыхъ расположенныхъ къ Іисусу Христу людей.

Число почитателей Его, привлеченныхъ всеобщимъ ожиданіемъ Мессіи, многократнымъ свидѣтельствомъ о Іисусѣ Іоанна Крестителя (Іоан. 10, 41), и вообще славою чудесъ и силою проповѣди Іисусовой, было очень значительно и умножалось 1) со дня на день. Уваженіе и любовь ихъ къ Нему были глубоки и искренни; но образъ мыслей ихъ большею частію былъ ниже своего предмета и не соотвѣтствовалъ Его плану о спасеніи рода человѣческаго (Лук. 2, 34. 35). Только немногія чистыя и святыя души (Іоаннъ Креститель, Симеонъ и др.), озаренныя свѣтомъ свыше, проникали совершенно въ высокую цѣль пришествія Мессіи, — провидѣли и открывали другимъ, что, для спасенія міра отъ грѣховъ, Іисусу Христу,

---

1) V. Franke Entwurf einer Apologetik der chr. Religion. S. 33 — 63. 1817.

какъ Агнцу Божію, надлежитъ быть заклану на крестѣ, и потомъ уже — путемъ страданій войти въ славу Свою, и что самая сія слава должна состоять не въ земномъ владычествѣ надъ Іудеею, соединенномъ съ покореніемъ прочихъ народовъ, а въ духовномъ, невидимомъ, благодатномъ царствованіи надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ (Лук. 2, 31. 22). Прочіе послѣдователи Іисусовы, будучи болѣе или менѣе омрачены народнымъ ожиданіемъ въ лицѣ Мессіи царя и завоевателя, думали иначе. Нѣкоторые изъ нихъ почитали Его даже не за самого Мессію, а только за одного изъ Его предтечей, т. е., тѣхъ изъ пророковъ, кои, по мнѣнію іудеевъ, имѣли востать изъ мертвыхъ предъ пришествіемъ Мессіи (Мат. 16, 14; Іоан. 7, 40. 41). Такимъ образомъ мыслей примирялось въ умѣ ихъ, иначе не разрѣшимое для нихъ, противорѣчіе, что Іисусъ Христосъ весьма святъ, одаренъ Божественною силою, и между тѣмъ не имѣетъ земнаго величія Мессіи. Тѣ, кои признавали Іисуса Христа за самого Мессію, также не оставляли совершенно отрадной мечты о Его земномъ царствѣ, воображая, что Онъ на время только принялъ видъ уничиженія и бѣдности, но вскорѣ покажетъ Себя истиннымъ потомкомъ побѣдоноснаго Давида (Мат. 20, 21), превознесеннымъ Царемъ Израиля, къ подножію престола коего должны пасть всѣ цари и народы. Къ сему числу, не смотря на всю доброту сердца, принадлежали и 12-ть учениковъ Іисусовыхъ, доколѣ благодатію Св. Духа не потреблено было въ душѣ ихъ все земное и плотское, что послѣдовало уже по воскресеніи Господа и сошествіи Духа Утѣшителя въ день Пятидесятницы. А до сего времени, во все пребываніе ихъ съ Учителемъ, особенно же предъ Его страданіями, и даже по воскресеніи, мы видимъ противное: они тѣмъ прилежнѣе мечтаютъ о земномъ величіи Учителя, чѣмъ большія принесены для Него жертвы и чѣмъ важнѣйшими

потому самому надѣялись они наслаждаться выгодами въ Его царствѣ (Мат. 19, 27; Лук. 18, 28).

Богочеловѣкъ употреблялъ всѣ средства для освобожденія Своихъ послѣдователей, особенно же Своихъ ближайшихъ учениковъ, отъ несбыточной надежды на Его земное владычество надъ міромъ. Уже первыя бесѣды Его явственны показали всѣмъ и каждому, что царство, коего Онъ возвѣщалъ приближеніе, а Себя основателемъ и главою, есть царство истины, добродѣтели и мира съ Богомъ и съ самимъ собою, а не владычество земное 1). Кромѣ постоянныхъ частныхъ намековъ и указаній на сію истину, неоднократно и прямо объявляемо было отъ Него ученикамъ, что это царство Божіе не придетъ, какъ того неразумно ожидали іудеи, чувственнымъ какимъ-либо, пышнымъ и торжественнымъ образомъ (Лук. 17, 21), что оно вообще находится не *внѣ*, а *внутри* каждаго, не имѣетъ никакого сходства съ преобладаніемъ властителей земныхъ (Лук. 22, 25), и состоитъ въ свободѣ отъ грѣха и страстей, во владычествѣ надъ своимъ сердцемъ и наклонностями, въ возстановленіи въ себѣ первобытнаго совершенства и Богоподобія 2). Частое объявленіе о Своихъ будущихъ страданіяхъ и смерти, какъ главной цѣли Своего пришествія на землю, прямо направлено было всегда противъ народной мечты о земномъ царствѣ Мессіи; и, что весьма примѣчательно, Іисусъ Христосъ дѣлаетъ сіе объявленіе именно тогда, когда ученики Его по чему-либо особенно предавались воображеніямъ о семъ царствѣ. Вообще всѣ бесѣды и дѣянія Его обнаруживали, что если Онъ позволяетъ иногда именовать Себя Сыномъ Давидовымъ, то не по какимъ-либо

---

1) Main. 5, 6. Flatts Dissert. de notione vocis *Βασιλεία τῶν οὐρανῶν*. In comm. a Velth. et Rupert. Editio vol. 2, p. 421.

2) Reinhard. Sur le plan, formé par le Fondateur de la Religion Chrétienne pour le bonheur du genre humain. 55 — 77.

видамъ на тогдашній престолъ іудейскій, а единственно потому, что происходитъ по плоти отъ Давида и предсказанъ подъ симъ наименованіемъ пророками.

Но ученики Іисусовы, *по окаленѣнію* (какъ выражается одинъ изъ нихъ) *сердца своего* (Мар. 6, 52), лучше соглашались не понимать словъ своего Учителя, нежели, разумѣя ихъ какъ должно, разстаться со всеобщимъ любимымъ народнымъ предразсудкомъ о чувственномъ царствѣ Мессіи. Прочіе почитатели Его еще менѣе способны были измѣнить мысль о Мессіи — побѣдитель народовъ, на вѣру въ Мессію — распятаго 1). Отъ такого образа мыслей далеко ли было до соотвѣтственныхъ сему образу дѣйствій?... Долго ли было кому-либо изъ пламенныхъ почитателей Іисусовыхъ поднять Его именемъ знамя возстанія противъ синагона, который нисколько въ то время не пользовался уваженіемъ народнымъ? И какъ противно было бы это Божественному характеру служенія Іисусова!

Для избѣжанія сего, можно сказать, бѣдствія, весьма много служило уже то, что Спаситель не составлялъ изъ Своихъ послѣдователей никакого видимаго, внѣшно связаннаго чѣмъ-либо, общества, въ коемъ могъ бы образоваться духъ самостоятельности гражданской и противодѣйствія тогдашнему римскому преобладанію надъ Іудеею. Только 12 учениковъ находились въ постоянномъ союзѣ между собою и съ Нимъ: всѣ же прочіе почитатели Его, даже — такъ называемые — 70 учениковъ собирались вокругъ Его повременно; слушали Его бесѣды, получали исцѣленіе отъ своихъ недуговъ, оказывали разные знаки уваженія и пособія Ему и Его ученикамъ (Матѹ. 27, 25); но, по удаленіи небеснаго Наставника (ибо Онъ постоянно переходилъ изъ одного мѣста въ другое) (Дѣян. 10, 38), немед-

---

1) Іоан. 6, 66. — 70. Златоус. 5. Hom. in Math. ad. Cap. 19, in Іоан. ad Cap. 13 — 17.

ленно всѣ возвращались къ своему мѣсту жительства и обыкновеннымъ занятіямъ, не думая почитать себя членами какого-либо новоучрежденнаго общества, или признавать себя подлежащими какимъ-либо новымъ обязанностямъ, кромѣ тѣхъ, кои давно лежали на каждомъ по закону Моисея и по внушенію собственной совѣсти. Тѣмъ не менѣе многіе изъ послѣдователей Іисусовыхъ думали, что Ему надлежало бы соединить Своихъ почитателей во едино, и, объявивъ Себя главою новаго общества, начать преобразование Іудеи, вопреки всѣхъ ея властей, и римскихъ и отечественныхъ. Нѣкоторые изъ таковыхъ, въ жару набожно-мірской мечтательности, покушались сами положить начало тому, чего съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали отъ Іисуса — объявить Его царемъ Іудеи (Іоан. 7, 15), въ томъ, безъ сомнѣнія, чаяніи, что Онъ Самъ, волею-неволею, долженъ будетъ принять сіе усердіе; прочіе послѣдователи не замедлятъ присоединиться къ нимъ, и престолъ Давидовъ будетъ возстановленъ, къ утѣшенію и славѣ всего народа Израильскаго. Съ продолженіемъ времени надлежало ожидать еще болѣе подобныхъ явленій; ибо народъ, волнуемый различными мнѣніями о Іисусѣ Христѣ, не могъ судить хладнокровно, и отъ споровъ легко переходилъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Римское правительство, весьма подозрительное и вездѣ, тѣмъ паче въ Іудеѣ 1), славившейся безпокойнымъ характеромъ своихъ жителей 2), вскорѣ обратило бы вниманіе на такое волненіе народа, и небесный Посланникъ мира, вопреки цѣли Своего пришествія въ міръ, сдѣлался бы поводомъ и предметомъ гражданскихъ смуть и народныхъ тревоженій.

---

1) Лук. 13, 1. Joseph. Ant. 18, 3. 2.

2) Tacit. Hist. L. 5. C. 5.

Посему, и смотря на большую часть послѣдователей Иисусовыхъ, можно было предвидѣть, что ихъ дѣтская мечтательность и ревность не по разуму скоро заставятъ Сына человѣческаго, окончивъ Свое земное поприще, вознестись *туда, откуда нисшелъ*, и куда не могли бы слѣдовать за Нимъ ихъ противныя Его цѣли мечтанія о земномъ царствѣ (Іоан. 13, 33. 8, 21).

Впрочемъ, самый внимательный наблюдатель происшествій не могъ рѣшительно сказать, когда и какъ окончится великое движеніе умовъ и совѣстей, происшедшее по всей Іудеи отъ появленія Иисуса Христа на проповѣдь съ знаменіями и чудесами. Явно было только, что первосвященники и книжники не оставляютъ своего злобнаго предубѣжденія противъ неумолимаго Обличителя ихъ нравовъ и жизни; еще явнѣе, что Сынъ Давидовъ не измѣнитъ грознаго гласа обличеній на ласкательство Каіаѳѣ и его клеветамъ: слѣд. рано или поздно надлежало быть неминуемо одному изъ двухъ: или врагамъ Иисуса произвольно пасть предъ величіемъ Его святости, или Ему содѣлаться жертвою ихъ злобы и коварства. Но нельзя было утверждать, чтобы это случилось непременно въ слѣдующемъ году, тѣмъ менѣе въ слѣдующую пасху. Ибо, кромѣ того, что не было невозможности — продлиться еще на неопредѣленное время Божественному служенію Иисусову, сего самаго требовало, повидимому, даже благо учениковъ Иисусовыхъ, еще не успѣвшихъ отвыкнуть совершенно отъ народныхъ предразсудковъ и совершенно войти въ духъ Его религіи (Іоан. 16, 12), требовало и свойство Его служенія, ибо Онъ еще не объявилъ Себя гласно и всенародно Мессією (Іоан. 10, 24), что было необходимо какъ для народа іудейскаго, такъ и для исполненія въ лицѣ Его пророчествъ о Мессіи.

Уже послѣдующія событія, кои впрочемъ состояли въ волѣ Иисуса Христа, какъ-то: воскрешеніе Лазаря,

входъ въ Иерусалимъ и проч., дали рѣшительное направ-
леніе ходу обстоятельствъ, дотолѣ неопредѣленному, и
приблизили Его ко кресту, который, кромѣ Его Самого,
еще ни для кого изъ послѣдователей Его не былъ при-
мѣтенъ въ такой близости и неизбѣжности.

Съ сихъ-то событій и мы, при помощи Божіей, нач-
немъ описаніе послѣднихъ дней земной жизни Господа
нашего, имѣя въ виду не одно приращеніе нашихъ
умственныхъ свѣдѣній о семъ важномъ предметѣ, но
и назиданіе души и сердца.

ПОСЛѢДНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ИСУСА ХРИСТА ИЗ ГАЛИЛЕИ ВЪ ИЕРУСАЛИМЪ.

(Вѣсть о болѣзни Лазаря и предсказаніе о его воскресеніи. — Бесѣда съ учениками по случаю путешествія въ Иудею. — Мечтательное прошеніе двухъ учениковъ. — Исцѣленіе слѣпцовъ Иерихонскихъ. — Обращеніе Закхея. — Поучительная притча ученикамъ).

Между тѣмъ, какъ Іисусъ Христосъ въ твердой рѣшимости положить вскорѣ душу Свою за спасеніе міра, приготовлялъ къ сему необычайному событію Своихъ учениковъ (Мар. 8, 31), и въ самихъ врагахъ хотѣлъ произвести спасительную перемѣну мыслей, — приближался праздникъ Пасхи, четвертый въ продолженіе служенія Іисусова, и, по опредѣленію Промысла, долженствовавшій служить концемъ сего служенія. Богочеловѣкъ и прежде имѣлъ обыкновеніе приходитъ ежегодно на сей праздникъ въ Иерусалимъ, гдѣ закономъ Моисеевымъ предписано было совершать Пасху: теперь сего требовала уже необходимость. Посему, странствуя по Галилеѣ, Онъ еще за нѣсколько недѣль до праздника началъ склонять путь Свой къ предѣламъ іудейскимъ, только не прямо, а по долинѣ Іорданской, продолжая между тѣмъ обыкновенное свое занятіе: проповѣдь Евангелія и чудесное исцѣленіе болящихъ (Лук. 9, 51; 13, 33).

Въ окрестностяхъ Іордана до малаго общества Іисусова достигло извѣстіе о такомъ обстоятельстве, которое, повидимому, должно было побудить Его ускорить Свое путешествіе. — Нѣкто Лазарь, давній другъ Іисусовъ, жившій въ Вифаніи близъ Іерусалима, сдѣлался боленъ. Сестры его: Марѳа и Марія, — кои также пользовались благоволеніемъ Господа, — не находя, вѣроятно, средствъ помочь болящему брату естественнымъ образомъ, прислали извѣстить о его болѣзни Іисуса, въ той, конечно, надеждѣ, что Онъ,

помогая столь охотно всѣмъ страждущимъ. тѣмъ паче не оставить безъ помощи Своего болящаго друга. Посланные должны были только сказать: «Господи, се, егоже любиши, болитъ!» — всѣ другія убѣжденія и просьбы поспѣшить на помощь казались излишними для святой дружбы (Іоан. II, 1—3.)

Услышавъ о болѣзни Лазаря, Іисусъ не обнаружилъ повидимому ни особеннаго чувства, ни равнодушія; явно было, что Онъ слышитъ какъ будто о такомъ предметѣ, который Ему, какъ Всевѣдущему, давно уже былъ извѣстенъ. Въ присутствіи учениковъ, которые также знали и любили Лазаря, Онъ сказалъ только посланнымъ: *«сія болѣзнь нѣсть къ смерти, но о славъ Божіей, да прославится Сынъ Божій ея ради».*

Такой отвѣтъ походилъ болѣе на пророчество, нежели на совѣтъ друга, у коего просятъ помощи, — и, доставляя на первый разъ нужное успокоеніе сестрамъ Лазаревымъ и ему самому, служилъ вмѣстѣ съ симъ не малымъ испытаніемъ ихъ вѣры. Видя доселѣ въ болѣзни брата своего одно естественное, несчастное приключеніе, онѣ должны были теперь узнать, что сіе горькое приключеніе находится въ непосредственномъ распоряженіи самаго Промысла Божія, имѣетъ цѣль самую высокую и благотворную — славу Божію и прославленіе Сына Божія, а не смерть Лазаря, которой онѣ столько страшились. Это уже одно должно было ихъ успокоить за будущее и расположить къ полной преданности въ волю Божію и къ ожиданію чего-то высшаго и необыкновеннаго. (Какой истинный израильтянинъ не согласился бы перенести болѣзнь, даже умереть, для славы своего Мессіи?)

Но все сіе могло быть только подъ условіемъ живой и высокой вѣры; — для вѣры обыкновенной, какова была вѣра сестеръ Лазаревыхъ, слова Господа, особенно по сравненію ихъ съ послѣдующими печальными событіями, могли казаться непонятными, странными, противными дѣлу; и потому даже какъ бы огорчительными. Не говоря о томъ, что въ отвѣтъ не объявлено, какимъ образомъ въ болѣзни Лазаря откроется слава Божія и Мессіи, — нисколько не предувѣдомлено даже о томъ, что было всего нужнѣе, то есть, что больной долженъ, хотя на краткое время, умереть и быть погребеннымъ. Слова: *болѣзнь не къ смерти*, побуждали даже рѣшительно ожидать, что Лазарь не умретъ; а посему, когда Лазарь умеръ, то сіи, прежде весьма утѣшительныя, слова потеряли весь смыслъ, могли представляться не иначе, какъ только какимъ либо иносказаніемъ, тѣмъ болѣе безотраднымъ и огорчительнымъ, что оно напрасно служило прежде дѣй-

ствительнымъ утѣшеніемъ. Одна вѣра Авраама могла бы не пасть при гробѣ Лазаря: но сестры Лазаревы, при всемъ ихъ уваженіи и искренней любви ко Господу, — какъ увидимъ, — были еще не такъ близки къ этой высотѣ вѣры.

И въ ученикахъ Іисусовыхъ знаменательныя слова Господа не произвели никакого высшаго ожиданія. Довольствуясь тѣмъ, что болѣзнь Лазаря, какъ говорилъ Учитель, не смертельна, они даже не любопытствовали знать, какимъ образомъ чрезъ нее должна открыться Божественная слава ихъ Учителя.

По отшествіи посланныхъ, Іисусъ Христосъ, безъ сомнѣнія, съ особеннымъ намѣреніемъ, пребылъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ получена вѣсть о болѣзни Лазаря, еще два дня (Іоан. II, 6). По такой медленности тѣмъ паче можно было заключать, что Лазарь находится внѣ всякой опасности; ибо Учитель никогда не медлилъ въ подаяніи нужной помощи, тѣмъ паче не замедлилъ бы теперь. А чтобы Онъ оставался здѣсь въ ожиданіи того, пока наступитъ опредѣленный Промысломъ день явить надъ Лазаремъ Свое Божественное всемогущество, — это, послѣ словъ Учителя, едва ли кому изъ нихъ приходило на мысль.

Когда Лазарь съ его болѣзнію такимъ образомъ былъ какъ бы забытъ, спустя три дня, Богочеловѣкъ, безъ всякаго новаго повода, вдругъ сказалъ ученикамъ Своимъ: *идеть во Іудею!* Поелику о происшедшемъ теперь съ Лазаремъ ученики ничего не знали, а Пасха была еще не такъ близко, то слова Учителя удивили ихъ и привели въ страхъ: воображенію нѣкоторыхъ тотчасъ представились опасности, коимъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ они подвергались въ Іерусалимѣ, когда были тамъ на праздникѣ обновленія храма *). Посему, чтобы отклонить отъ путешествія, какъ казалось, преждевременнаго, и потому опаснаго (въ самый праздникъ Пасхи по множеству народа, къ Іисусу вообще весьма приверженнаго, не было такъ опасно), нѣкоторые осмѣлились привести на память прошедшее: *Равви, говорили, давно ли Іудеи искаху Тебе каменіемъ побити, и паки ли идеши тамо?* (Іоан. II, 8.)

Языкъ сей, очевидно, отзывался искреннимъ усердіемъ и осторожностію, не былъ однакоже вполне достоинъ учениковъ Іисусовыхъ. Находясь при Немъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ и будучи

---

*) Праздникъ обновленія храма совершался въ мѣсяцѣ хаслевѣ, который соотвѣтствуетъ нашему декабрю. Іоан. Іо, 22.

свидѣтелями всей Его жизни и дѣйствій, они должны были примѣтить, что всѣ пути и дѣла ихъ находятся подѣ охраненіемъ свыше, что Отецъ небесный никогда не оставляетъ Своею помощію Сына, въ Которомъ положилъ все Свое благоволеніе (Мар. 1, 11). Даже одного обыкновеннаго довѣрія къ великимъ качествамъ своего Учителя достаточно было къ предохраненію учениковъ отъ напраснаго опасенія, будто Онъ можетъ предаваться опасностямъ, не предвидѣвъ ихъ или не подумавъ о нихъ. Только невниманіе къ путямъ Промысла, нѣкое забвеніе Божественности служенія Іисусова и чрезмѣрная человѣческая забота о своей личной безопасности — могли привести учениковъ къ той мысли, что враги Іисусовы въ состояніи воспрепятствовать Его великому дѣлу и побить преждевременно камнями Того, Кто могъ *изъ камня воздвигнуть чадъ Аврааму* (Мат. 3, 9).

Богочеловѣкъ не обнаружилъ при семъ никакого неудовольствія; далъ однакоже замѣтить ученикамъ, какъ опасенія ихъ недостойны людей, совершающихъ, какъ они, великое дѣло Божіе. *«Не два надесять ли, сказалъ Онъ имъ въ отвѣтъ, часовъ есть во дни? Аще кто ходитъ во дни, не поткнется, яко свѣтъ міра сего видитъ. Аще кто ходитъ въ нощи, поткнется, яко нѣсть свѣта въ нель.»* — Изъ сихъ, нѣсколько прикровенныхъ словъ, ученики Іисусовы должны были выразумѣть три, весьма важныя и нужныя для нихъ, истины, ими теперь забытыя, или непонимаемыя, какъ должно: первое, что Промыслъ Отца небеснаго ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставить безъ помощи ихъ Божественнаго Учителя; во вторыхъ, что для служенія Іисусова, по чрезвычайной важности его, назначено свыше со всею точностію опредѣленное время, коего не могутъ ни продлить, ни сократить никакія усилія враговъ; въ третьихъ, что сіе предопредѣленное время еще не окончилось, а продолжается. Сравненіе Своего служенія съ продолженіемъ дневнаго пути употреблено здѣсь Спасителемъ, безъ сомнѣнія, потому, что предметомъ настоящей бесѣды Его съ учениками было не другое что, какъ путешествіе въ Іудею.

Бесѣда сія снова подтвердила, что Господь имѣлъ обыкновеніе отвѣчать на недоумѣнія Своихъ учениковъ, сколько было только нужно для ихъ настоящаго вразумленія и успокоенія, не входя въ изъясненіе всѣхъ причинъ, почему Онъ поступаетъ такъ, а не иначе. Ибо въ Іерусалимѣ ожидали Его теперь не только великія опасности, но и самыя страданія и смерть; между тѣмъ Онъ не говоритъ теперь о семъ; сказываетъ даже нѣчто

какъ бы противное тому, то есть, что ученики напрасно опасаются за Него. И почему поступаетъ такимъ образомъ? Потому что истинная сила вопроса, предложеннаго выше ученикамъ, состояла не въ томъ, ожидаютъ ли ихъ въ Іерусалимѣ опасности, а въ томъ, можно ли, не подвергаясь упреку въ безразсудности, идти туда, гдѣ опасность? — Господь отвѣчаетъ, что можно: ибо сей путь принадлежитъ къ дѣламъ дня, ко времени Его служенія, которое, вопреки опасеніямъ учениковъ, никѣмъ на землѣ и никакъ не можетъ быть ни сокращено, ни продолжено.

Ученики успокоились, по крайней мѣрѣ умолкли. Тогда Господь, какъ бы вспомнивъ о Лазарѣ, сказалъ имъ: «*Лазарь, другъ нашъ, усне; но иду, да возбужу его*». Такъ говорилъ Онъ о смерти Лазаря, которая случилась именно въ сіе время, и дѣйствительно была какъ бы сномъ и для Лазаря, — по ея кратковременности, и для Іусуса — по той легкости, съ которою Онъ возбуждалъ уснувшихъ сномъ смертнымъ. Ученики однакоже поняли слова Его буквально, не о смерти, а о усыпленіи Лазаря. Привыкнуши къ опытамъ Его всевѣдѣнія, они не думали спрашивать, какъ Онъ узналъ о положеніи Лазаря; только нѣкоторые замѣтили, что это добрый знакъ; ибо, говорили они, *еще усне, спасенъ будетъ*, то есть, если онъ уснулъ, то скоро выздоровѣетъ *). И слѣдовательно, подразумѣвалось, нѣтъ нужды идти теперь во Іудею — и для Лазаря.

Тогда Учитель сказалъ уже необинуясь: *Лазарь умре; и радуюсь васъ ради, яко не бѣхъ тамо*. (Иначе просьбы Лазаря, слезы сестръ его побудили бы Премилосердаго исцѣлить Своего болящаго друга и недопустить до смерти). *Идетъ къ нему!*

Вѣроятно, нѣкоторые изъ учениковъ и при семъ не обнаружили всей ожидаемой рѣшимости идти во Іудею, хотя для погребенія Лазаря, что для одного изъ нихъ, именовъ Фомы, показалось уже совершенно неумѣстнымъ. «Что же мы медлимъ, воскликнулъ онъ къ соученикамъ, *идетъ и мы, да умремъ съ Нимъ!*» И для Фомы идти къ умершему въ Іудею значило почти тоже, что идти на смерть; однакоже онъ не только не продолжаетъ отклонять Учителя отъ Его намѣренія, но и недоволенъ медленностію прочихъ учениковъ, и приглашаетъ всѣхъ умереть

---

*) Сонъ издревле почитался признакомъ начала выздоровленія во многихъ болѣзняхъ. *Υπνος παντωνъ νοσησαντωνъ φαρμακον*. Evrip. Orest. 211. conf. Weitsen ad Joh. 11.

съ Лазаремъ и Іисусомъ: приглашеніе, достойное ученика Іисуса! Хотя увидимъ впослѣдствіи, что сердце Оомы еще не было теперь дѣйствительно такъ самоотверженно, какъ были его уста...

Въ слѣдъ за симъ Господь и ученики Его отправились въ Іудею, но безъ поспѣшности /однакоже, которая, повидимому, теперь не была уже и нужна. Достигли предѣловъ Іерихона, отъ коего до самаго Іерусалима оставалось не болѣе шести часовъ пути, а до Виваніи еще менѣе. Дорога была покрыта путешественниками, со всѣхъ сторонъ стекавшимися въ Іерусалимъ на приближающійся праздникъ. Учитель шелъ одинъ (Мар. 10, 32), впереди Своихъ учениковъ, кои слѣдовали за Нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, размышляя и бесѣдуя между собою о будущемъ. Внутреннее состояніе ихъ, по замѣчанію Евангелиста Марка, было весьма разстроено (Марк. 10, 32). Сколько можно судить по соображенію обстоятельствъ (Іоан. 11, 8; Мар. 10, 35), въ душѣ ихъ боролись теперь между собою два чувства: желаніе, какъ можно скорѣе, видѣть открытіе царства Мессіи и раздѣлить съ своимъ Учителемъ славу Его земнаго владычества надъ всѣмъ міромъ, и нежеланіе подвергнуться страшнымъ опасностямъ, кои, по общему понятію, почитались при семъ неизбѣжными. Слова Іисуса Христа, еще въ одной изъ бесѣдъ въ Галилеѣ, обѣщавшаго содѣлать ихъ, въ награду за пожертвованіе и труды, судьями Израіля и посадить на 12-ти престолахъ (Матѳ. 19, 27—30) (обѣщаніе, заключавшее въ себѣ высшій духовный смыслъ, но учениками понятое буквально), надежда, что настоящій путь въ Іерусалимъ, будетъ послѣднимъ, и съ наступленіемъ праздника Пасхи откроется царство Мессіи — ихъ Учителя, примѣчаніе всеобщаго расположенія въ народѣ къ гражданскимъ и религіознымъ перемѣнамъ, и, въ частности, сильнаго расположенія къ Іисусу Христу, и другія обстоятельства наполняли воображеніе учениковъ мыслями, самыми восхитительными. Но, когда воображеніе утихало, и отъ будущихъ неопредѣленныхъ надеждъ обращались къ суровой дѣйствительности прошедшаго и настоящаго, когда начинали безпристрастно судить о положеніи вещей, своей беззащитности, бѣдности, силѣ и злобѣ своихъ враговъ: тогда невольно приходили къ недоумѣніямъ и опасенію, дѣлались малодушными и боязливыми. *И ужасаются, и во слѣдъ идуще, бояхуся.*

Такое расположеніе духа не могло укрыться отъ Сердцевѣдца. Поелику главнымъ источникомъ боязни была нерѣшительность

мыслей, незнаніе будущаго; то Онъ нашелъ нужнымъ еще разъ; съ возможною ясностію повторить ученикамъ, чего они доселѣ не выразумѣли надлежащимъ образомъ, то есть, что Его въ Іерусалимѣ ожидаетъ не престолъ, а крестъ, который однакоже не прекратитъ дѣла Божія и Его великой дѣятельности, а доставитъ спасеніе всему міру и Ему такую славу, которая несравненно выше всякой, воображаемой ими, славы и величія. Для сего, подозвавъ учениковъ къ Себѣ и уединившись отъ прочихъ путешественниковъ, Господь началъ говорить имъ такъ: *се восхотѣлъ во Іерусалимъ и Сынъ человѣческій (такъ Онъ любилъ называть Себя) преданъ будетъ архіереямъ и книжникамъ, и осудятъ Его на смерть, и предадутъ Его языкомъ на поруганіе, бїеніе и пропятіе, и въ третій день воскреснетъ!* (Матѣ. 20, 17 — 19; Марк. 10, 32 — 34; Лук. 18, 31 — 34). Такъ рѣшительно, такъ ясно, и съ такою подробностію обстоятельство никогда еще не было говорено Имъ о Своей будущей судьбѣ: въ сихъ словахъ заключалась кратко вся исторія наступающихъ событій, все, что въ нихъ было и крайне печальнаго и вполне утѣшительнаго. «Учитель нашъ вскорѣ будетъ преданъ, осужденъ, умученъ, распятъ, мертвъ; но потомъ долженъ воскреснуть со славою: значитъ (такъ должны были разсуждать ученики) напрасно мы предаемъ теперь несбыточнымъ мечтамъ о Его земномъ царствѣ, напрасно и страшимся за Него и за себя: судьбы Всевышняго должны совершиться!» Между тѣмъ ученики Іисусовы не только не вывели изъ настоящаго предсказанія Его подобныхъ заключеній; но, по свидѣтельству Евангелиста, не поняли даже изъ него ни одного слова. *И ти ничесоже отъ сихъ разумѣша: и бѣ глаголь сей сокровенъ отъ нихъ, и не разумѣваху глаголемыхъ* (Лук. 18, 34).

Непонятность изумительная — для насъ, коимъ теперь такъ трудно поставить себя въ умѣ на мѣсто учениковъ Іисусовыхъ и войти совершенно въ ихъ образъ мыслей и чувствованій: но въ нихъ самихъ все это происходило естественно. Не представляя себѣ никогда, сообразно народному вѣрованію, что Мессія долженъ умереть, тѣмъ паче умереть такъ, какъ предсказывалъ теперь Господь, — смертію самую поносною, на крестѣ, — ожидая напротивъ со дня на день открытія Его славнаго земнаго царства, ученики, при всей добротѣ ихъ сердца, потому самому не могли уразумѣть словъ Его въ прямомъ ихъ смыслѣ и какъ надлежаю. Для объясненія сего представимъ, что кто нибудь, бывъ другомъ сына царева, слышалъ отъ него и отъ другихъ, что

отецъ назначилъ его себѣ наследникомъ престола, видѣлъ не разъ опыты особеннаго благоволенія къ нему отца; потомъ услышалъ отъ него же, что отецъ его, ни мало не перемѣнивъ ни своихъ мыслей объ немъ, ни любви къ нему, позволить однакоже нѣкоторымъ развращеннымъ людямъ подвергнуть его посяганію, мученіямъ и самой смерти, имѣя возможность все сіе отворотить — такой человѣкъ, слыша все сіе, повѣрилъ ли бы сыну цареву — своему другу? Или, повѣривъ ему, понялъ ли бы вдругъ слова его, какъ должно? Не скорѣе ли бы согласился предположить въ нихъ какой либо, неизвѣстный для себя, иносказательный смыслъ, — особенно, если бы зналъ, что другъ его любить выражаться языкомъ приточнымъ? — Подобное сему случилось и съ Апостолами: безъ сомнѣнія, они представили себѣ слова своего Учителя какимъ либо непонятнымъ для нихъ иносказаніемъ. — Но въ такомъ случаѣ къ чему служило предсказаніе Господа о Своихъ страданіяхъ и смерти? — Оно было полезно, хотя ученики и не поняли его. Кромѣ того, что впослѣдствіи яснѣйшимъ образомъ открылось изъ него, что Богочеловѣкъ провидѣлъ крестъ Свой со всѣми его ужасами, имѣлъ потому всю возможность уклониться отъ него, и если подвергъ Себя смерти, то добровольно, для блага рода человѣческаго. Кромѣ сего, самые ученики, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, при наступленіи страданій Учителя, должны были привести себѣ на память настоящее предсказаніе, и видя точное исполненіе, со стороны его печальной, то есть, по бѣдствіямъ, симъ самимъ побуждались съ благодушіемъ ожидать исполненія и радостной части пророчества — о славномъ воскресеніи Господа. (Не симъ ли самымъ предсказаніемъ воодушевленъ былъ впослѣдствіи св. Іоаннъ, который, какъ увидимъ, во время страданій и смерти Іисусовой, не смотря на свою юность, оказалъ себя мужественнѣе всѣхъ прочихъ учениковъ Его?)

Какъ бы въ доказательство того, что бѣда о крестѣ оставалась теперь непонятною, двое изъ учениковъ, Іаковъ и Іоаннъ, сыны Зеведея, обнаружили теперь же въ себѣ слѣды любочестія, самаго дѣтскаго. Господь замѣтно отличалъ ихъ отъ прочихъ учениковъ, удостоивая особенной довѣренности и близости: только одинъ Петръ могъ спорить съ ними въ семъ отношеніи; ибо Господь отличалъ и его. Сіе-то, безъ сомнѣнія, пророчество, худо понимаемое, возродило въ юныхъ умахъ надежду, что Учитель и по наступающемъ мнимомъ возшествіи Его на престолъ іудейскій, не преминетъ отличить ихъ отъ прочихъ при разданіи

награды и милостей. Матерь ихъ Саломія (которая теперь вмѣстѣ съ ними шла въ Іерусалимъ на праздникъ) раздѣляла, и едва ли не возбуждала сіи надежды. Воображая, что ея просьба (Саломія была знакома Господу) можетъ быть въ семъ дѣлѣ не бесполезною, и желая предварительно получить отъ Іисуса Христа обѣщаніе касательно будущей награды дѣтей своихъ, она рѣшилась воспользоваться уединенною бесѣдою съ Господомъ, и, подошедъ къ Нему вмѣстѣ съ дѣтьми, со всею покорностію и дружествомъ, обнаружила, что хочетъ просить у Него чего-то, не важнаго для Него, но весьма важнаго и пріятнаго ей, сыновьямъ ея и всему ихъ семейству (Матѣ. 20, 20). «*Чесо хочещи?*» спросилъ Господь. «Ничего болѣе, отвѣчала она, какъ только препоручить въ Твою милость сыновей моихъ. Ты, безъ сомнѣнія, скоро взойдешь на престолъ Давидовъ: сдѣлай тогда, по любви Своей къ нимъ, чтобы одинъ изъ нихъ занялъ мѣсто по правую, а другой по лѣвую сторону Твоего престола». То есть, Саломія хотѣла, чтобы дѣти ея были первые по Мессіи въ Его царствѣ, и удостоились преимущества не только предъ всѣмъ прочимъ народомъ, но и предъ ближайшими Его учениками и друзьями *). Оба брата видомъ своимъ показывали, что желаніе матери есть вмѣстѣ и ихъ собственное желаніе.

Нельзя было найти прошенія, болѣе противнаго настоящему душевному состоянію Богочеловѣка, Который весь былъ занятъ мыслию о Своихъ будущихъ страданіяхъ. Извиненіемъ могло служить одно то, что Іаковъ и Іоаннъ не поняли Его предсказанія и искали быть близкими къ своему Учителю, безъ сомнѣнія, не по одному любочестію, а и по чувству любви къ Нему, которая опасалась быть удаленною отъ Него, во славу Его. Отвѣтъ Господа служить поучительнымъ примѣромъ, съ какою снисходительностію исправлялъ Онъ самыя важныя ошибки Своихъ учениковъ. Вмѣсто какихъ либо упрековъ, Онъ отвѣчалъ просто съ кротостію: *не вѣста чесо просита. Можета ли пити чашу* (чаша у евреевъ означала страданія и бѣдствія Псал. 59, 5; Псалм. 51, 17, 22; Псалм. Іерем. 4, 21), *юже Азъ ималъ пити, или крещеніемъ* (такъ иносказательно назывались великія искушенія **) , *иль же Азъ кре-*

*) Выраженіе: сидѣть возлѣ кого нибудь вообще означаетъ 1) достоинство и честь. (3 Цар. 2, 19). Такъ Александръ, царь сирійскій (1 Мак. 10, 63), желая оказать особенную почеть Іонаану, велѣлъ ему садиться возлѣ себя. 2) Особенную власть и участіе въ правленіи народомъ (Псал. 109, 1). 3) Дружество и близость (Сир. 12, 12).

**) Смотри. Безѣд. Злат. на Мат.

щаюся, креститися? То есть, Господь хотѣлъ внушить мечтателямъ, что имъ должно думать еще не о наградѣ, которая сама собою придетъ къ достойному, а о средствахъ, какъ заслужить оную. «*Можева*» — отвѣчали ученики, побуждаемые, вѣроятно, болѣе желаніемъ получить просимое и показать себя достойными онаго, нежели по внутреннему убѣжденію въ необходимости страданій для достиженія славы (Матѳ. 20, 22); ибо они не имѣли еще яснаго понятія ни о предстоящей чашѣ, ни о крещеніи, о коихъ говорилъ Господь. Но Учитель, яко Сердцевѣдецъ, провидѣлъ уже, что слова эти, сказанныя теперь безъ яснаго сознанія дѣла, придутъ нѣкогда въ совершенное исполненіе, что сыны Зеведеевы дѣйствительно современемъ будутъ, подобно Ему, крещены страданіями *): посему въ духѣ пророчества, которое они должны были выразумѣть впоследствии, продолжалъ: «*чашую испieta, и крещеніе.ль, Иль же Азь крещаяся, креститася, а еже свѣсти одесную Мене и ошуюю Мене, нѣсть Мое дати, но иль же уготовася отъ Отца Моего.*» Симъ кончилась бесѣда.

Очевидно, что Господь хотѣлъ преподавать сынамъ Зеведеевымъ наставленіе, для нихъ необходимое, но безъ той строгости, которой заслуживало болѣе прошеніе, нежели просители. Они должны были узнать, что въ дѣлѣ столь важномъ, каково учрежденіе на земли царства Божія, ничто не можетъ зависѣть отъ произвола или пристрастія личнаго, а все отъ закона и справедливости; что Господь и Учитель ихъ, если можно такъ сказать, Самъ не можетъ оказать имъ какую либо милость, безъ ихъ способности и заслугъ. Послѣ сего они сами собою должны были убѣдиться, что и въ семъ отношеніи они не знали, *чего просили* **).

---

*) Сказаніе о мученической кончинѣ св. Іакова находится въ Дѣян. 12, 2. Св. Іоаннь, по преданію, умеръ естественною смертію: однакоже св. Церковь справедливо величаетъ его, между прочими хвалами, и мученикомъ; потому что онъ, какъ самъ говоритъ (Апок. 1, 2, 9), былъ общникомъ въ терпѣніи Іисуса Христовомъ; и за свидѣтельство Его претерпѣлъ заточеніе на островѣ Патмосѣ, принявъ чашу съ ядомъ и былъ поверженъ въ кипящее масло, хотя вышелъ изъ него, по сказанію Тертуліана, крѣпче и бодрѣе, нежели какимъ вошелъ. Conf. Cornelius a Lapide in Math.

***) Никто да не смущается, говорить св. Златоустъ, находя Апостоловъ при настоящемъ случаѣ столь несовершенными; потому что таинство крещенія не было еще совершено, и въ сердца ихъ еще не излилась благодать Духа... Для того теперь открывается ихъ несовершенство, дабы ты узналъ, каковы они сдѣлались потомъ мгновенно дѣйствіемъ благодати. На Матѳ.

Хотя бесѣда сія не была слышима прочими учениками, но они не замедлили узнать, что было ея предметомъ. Это произвело неудовольствіе и ропотъ между ними, не несправедливые въ отношеніи къ искателямъ первенства, но напрасные по существу дѣла: ибо они искали невозможнаго. Особенно могъ оставаться недовольнымъ Петръ, который не менѣе сыновъ Саломіиныхъ былъ отличаемъ въ обществѣ учениковъ Іисусовыхъ (Матѳ. 19, 27; Мар. 10, 41 — 45), не менѣе имѣлъ и правъ на то, но никогда не доходилъ до такого любочестія, чтобы видимо желать господства даже надъ своими соучениками, довольствуясь общаніемъ Учителя — посадить каждаго изъ нихъ на особенномъ престолѣ.

Это взаимное неудовольствіе учениковъ послужило случаемъ къ преподанію имъ самаго назидательнаго урока въ смиреніи и братской любви. «Вамъ извѣстно, — сказалъ Господь, собравъ ихъ вокругъ Себя, — въ чемъ полагаютъ господство свое мірскіе владыки и повелители: въ томъ, чтобы имъ служили и повиновались, славил и величали ихъ. Но между вами — Моими учениками не должно быть сего; никто не долженъ искать отличія, соединеннаго съ униженіемъ другихъ: между вами — *иже хочетъ вѣщій быти, да будетъ вѣль слуга! И иже аще хочетъ въ васъ первый быти, да будетъ вѣль рабъ!*» Вспомните, — продолжалъ Господь, обращая рѣчь къ предмету, забытому учениками, но о которомъ теперъ болѣе всего надлежало думать, — вспомните, что Самъ Сынъ человѣческой, Коему предлежитъ всякая слава, пришелъ въ міръ сей не для того, чтобы, — какъ многіе ложно думаютъ, — покорять народы и принимать почести и услуги отъ другихъ, но чтобы оказать ихъ съ своей стороны другимъ, и самую душу Свою отдать для искупленія міра!» Такимъ образомъ о томъ, чего ученики никакъ не могли согласить съ достоинствомъ Мессіи, — о страданіяхъ и смерти Своей, Іисусъ Христосъ говорилъ снова, какъ о главной и первой цѣли Своего пришествія въ міръ. Столь часто и съ такою силою повторяемое внушеніе о семъ могло бы совершенно и навсегда отвратить учениковъ отъ честолюбивыхъ мечтаній и замысловъ: но предразсудокъ о земномъ царствѣ Мессіи, ихъ Учителя, такъ былъ силенъ, что самый крестъ и Голгоза не могли совершенно искоренить его. И по воскресеніи, при первомъ явленіи Учителя, они будутъ вопрошать его: *аще въ лѣто сіе, устроиши царствіе Израилево?* Только сошествіе Святаго Духа въ день Пятдесятницы совершенно возродило ихъ, уничтоживъ въ душѣ ихъ всѣ плотскія понятія, такъ

что они всё могли сказать о себѣ словами св. Павла: *аще и разумѣхоль Христа по плоти, нынѣ же кто-му не разумѣеть.*

Въ продолженіе таковыхъ бесѣдъ, Господь и ученики Его приблизились къ Іерихону, одному изъ значительнѣйшихъ городовъ іудейскихъ, по его древности и богатству *). Предъ вратами города у дороги сидѣло два **) слѣпца для испрошенія милостыни у проходящихъ. Шумъ отъ толпы путешественниковъ, сопровождавшихъ Господа, не замедлилъ привлечь ихъ вниманіе, и они любопытствовали знать, кто идетъ; то есть, не вельможа ли съ многочисленною свитою, у котораго можно получить богатую милостыню (Лук. 18, 36). Когда сказали, что это Іисусъ, извѣстный Чудотворецъ и Пророкъ Галилейскій, то въ нихъ тотчасъ возродилась надежда быть исцѣленными отъ Него. Посему, со всѣмъ нетерпѣніемъ людей, кои хотятъ насладиться свѣтомъ Божиимъ, они начали восклицать: *«Господи, Сыне Давидовъ, съжался надъ нами!»* Называя Іисуса сыномъ Давидовымъ, слѣпцы симъ самымъ всенародно признавали Его Мессією: признаніе, въ коемъ хотя давно участвовали весьма многіе, но рѣдкій отваживался сдѣлать публично, тѣмъ паче, что Самъ Господь не всегда одобрялъ его, почитая преждевременнымъ. Посему-то многіе изъ народа, окружавшаго Іисуса, опасаясь, вѣроятно, фарисеевъ и римлянъ, приказывали теперь слѣпцамъ умолкнуть, по крайней мѣрѣ не проносить названіе сына Давидова, столько же опасное, сколько для всѣхъ любезное. Напрасно! — Слѣпцы продолжали кричать еще громче: *«сыне Давидовъ, сыне Давидовъ, по-тилуі насъ!»*

Богочеловѣкъ остановился, и велѣлъ позвать слѣпцовъ: воззваніе ихъ преклонило Его оказать имъ помощь. Услышавъ, что Іисусъ ожидаетъ ихъ, слѣпцы сбросили съ себя даже все свое

*) Relandi Palestina. Также: Rosenmüllers Bibl. Alterthumskunde, 2. B. 2. th. 1827.

**) По сказанію св. Матѳея, исцѣлены два слѣпца; а по сказанію Марка и Луки — одинъ. Притомъ у Марка и Матѳея исцѣленіе совершается при выходѣ изъ Іерихона, а у Луки предъ входомъ въ сей городъ. Кромѣ сего св. Маркъ называетъ слѣпца по имени и отечеству. Для примиренія перваго несогласія полагаютъ, что одинъ изъ слѣпцовъ былъ всѣмъ извѣстенъ, посему объ немъ одномъ упоминаютъ Лука и Маркъ; между тѣмъ Матѳей, бывшій очевидецъ чуда, описываетъ его подробнѣе, какъ оно было. V. Storr. über den Zweck der Evang. Gesch. p. 345. Въ изъясненіе втораго разногласія предполагаютъ, что одинъ слѣпецъ исцѣленъ при входѣ, а другой при выходѣ изъ города. Впрочемъ достоверность сказанія Евангельскаго не имѣетъ большой нужды въ подобныхъ догадкахъ: она говоритъ сама за себя!

верхнее платье, чтобы скорѣе явиться предъ Божественнымъ Врачемъ. «*Уто хочета, да сотворю вама?*» спросилъ Онъ. «*Господи, чтобы отверзлись очи наши!*» Господь коснулся ихъ очей, и они тотчасъ отверзлись. «*Ступайте въ домъ свой,* сказалъ Онъ потомъ: *вѣра ваша спасла васъ*» (Лук. 18, 42).

Въ самомъ дѣлѣ, бѣдствіе ли, угнетавшее сихъ несчастныхъ и часто располагающее людей къ лучшему образу мыслей, или другія обстоятельства были причиною, — только настоящій поступокъ слѣпцовъ въ отношеніи къ Іисусу Христу показалъ, что ихъ душевное око было несравненно чище и дальновиднѣе очей книжниковъ и фарисеевъ. Слепцы іерихонскіе неспособны были, подобно симъ суесвятаямъ, соблазняться происхожденіемъ Іисуса Христа изъ Галилеи, отъ бѣдныхъ родителей; великія и святыя дѣла Его оставались для нихъ великими и святыми, не смотря на то, въ какой бы день ни были совершены, въ пятокъ или субботу; мудрое мнѣніе слѣпца іерусалимскаго, что грѣшниковъ Богъ не послушаетъ, и что Іисусъ не могъ бы творить чудесъ, если бы не былъ отъ Бога (Іоан. 9, 33) — служило и для нихъ руководствомъ въ сужденіи о Его Божественномъ достоинствѣ. Сердце ихъ, безъ сомнѣнія, давно уже признало Его истиннымъ сыномъ Давидовымъ: представился случай, и они всенародно свидѣтельствуютъ свою вѣру въ Него, пренебрегая опасностію быть отлученными за то отъ синагоги, или оклеветанными въ возмущеніи противъ римлянъ.

Не смотря на позволеніе Божественнаго Врача — идти куда угодно, исцѣленные слѣпцы шли во слѣдъ Его, славя Бога и своего Спасителя. Проходили чрезъ Іерихонъ. Слухъ о чудѣ немедленно разнесся по всему городу, и еще болѣе увеличилъ толпу, окружавшую Іисуса: каждый хотѣлъ видѣть великаго Чудотворца, но по сему самому многіе не могли видѣть Его. Въ числѣ послѣднихъ былъ и нѣкто Закхей, старшина надъ мытарями (*Ἀρχιτελώνης* Лук. 19, 2), или сборщиками податей. Посредствомъ своего промысла, онъ пріобрѣлъ себѣ великое богатство, не всегда чуждаясь, вѣроятно, и такихъ средствъ, кои людямъ его званія ставилъ въ упрекъ еще Іоаннъ Креститель (Лук. 3, 13). Скупость, жестокосердіе, склонность къ притѣсненіямъ были общимъ свойствомъ мытарей *), къ чему располагало самое ихъ званіе.

---

*) V. Svicer. sub. voce: *Τελώνης* Rurmanus de vectigal. popul. Roman. c. p. 125. Salm.:s. de Foen. trapcz. p. 253.

Снимая у римлянъ на откупъ подати, они естественно употребляли всѣ мѣры, чтобы не остаться въ убыткѣ: соотечественники, кромѣ неохоты платить подати иноплеменникамъ, видѣли въ нихъ орудіе римскаго преобладанія, тѣмъ болѣе ненавистное, что имъ соглашались быть сами іудеи. Посему мытарь и язычникъ почитались словами равнозначущими (Мат. 9, 10, 11; Лук. 15, 1. 2; Матѳ. 18, 17): для того и другаго даже было одно общее названіе — *грѣшника* (Лук, 19, 7). Закхей былъ старѣйшина мытарей, сѣдовательно, по мнѣнію народа, однимъ изъ первыхъ грѣшниковъ.

Впрочемъ Закхей, какъ видно изъ всѣхъ настоящихъ поступковъ его, не былъ теперь уже тѣмъ, чѣмъ бывалъ (если бывалъ дѣйствительно) нѣкогда: въ душѣ его пробудилось отвращеніе къ пороку, злато не прельщало его болѣе, и онъ начиналъ чувствовать нужду къ приобрѣтенію сокровища негибнущаго *). Въ такомъ расположеніи духа, обыкновенно, ищутъ предъ кѣмъ либо раскрыть язвы своей совѣсти: и кто же болѣе могъ уврачевать ихъ, какъ не Іисусъ? Такимъ образомъ сердце неволью влекло Закхея къ великому Разрѣшителю узъ грѣховныхъ. Но онъ еще не смѣлъ надѣяться столь великой милости, чтобы святѣйшій изъ Пророковъ обратилъ вниманіе на перваго изъ грѣшниковъ; и, въ сознаниіи собственнаго недостойнства, искалъ только *видѣть Іисуса* — сравнить черты Божественнаго лица Его съ тѣмъ, что говорили о Немъ, Его милосердію, величію, святости, — почерпнуть въ Его взорахъ для себя назиданіе и утѣшеніе, прочесть въ нихъ будущую судьбу грѣшниковъ, — свою собственную **). И сего желанія нельзя было достигнуть! Будучи малъ ростомъ, Закхей совершенно терялся въ толпѣ народа, сопровождавшаго Іисуса. Но, на пути, чрезъ который надлежало проходить Іисусу, стояло дерево: — Закхей, опередивъ всѣхъ, съ поспѣшностію взлѣзаетъ на него, въ сладкой надеждѣ насмотрѣться на лице Пророка (можетъ быть, — думалъ Закхей, — Мессію, который вскорѣ будетъ судить его), тѣмъ лучше, чѣмъ непримѣтнѣе.

Іисусъ Христосъ могъ и не видѣть Закхея; не видно такъ же, чтобы сей мытарь былъ извѣстенъ Ему прежде сего: но отъ Сердцевѣдца могло ли что нибудь укрыться? Человѣколюбецъ

---

*) Conf. Bergers moral. Einleitung ad h. I. Также Niemeyer Charakteristik der Bibel.

***) S. Gregor. 1. 27. moral. in fin. Christ. Hom. de Zacchæo.

могъ ли не воспріять на рамена заблудшую овцу, которая сама начинала искать пастыря? Едва только поровнялись съ деревомъ, на которомъ сидѣлъ Закхей, Іисусъ остановился и, устремивъ взоры на Закхея, сказалъ ему: *«Закхее, потищався, слѣзи: днесь бо въ долу твою подобаетъ Ми быти (Лук. 19, 5).*

Изумленный такою снисходительностію, мытарь спѣшитъ оставить дерево и принять въ домъ свой столъ необыкновеннаго Гостя, не зная еще, что за цѣль Его посѣщенія, но убѣждаясь самимъ дѣломъ, что Пророкъ Галилейскій ни мало не сходенъ съ знаменитыми фарисейскими раввинами, кои почли бы за оскверненіе для себя — сказать ему всенародно одно дружеское слово. Іисусъ, напротивъ, не обнаруживалъ ничѣмъ, будто домъ Закхея, въ который шелъ Онъ, кажется для Него чѣмъ либо нечище другихъ, или что Онъ, вступая въ него, отступаетъ отъ какихъ либо правилъ. Но толпа, Его сопровождавшая, судила иначе. Вступить въ дружескій разговоръ съ разбогатѣвшимъ мытаремъ — челоуѣкомъ, какъ думали, безъ любви къ отечеству, безъ вѣры, — самому вызваться на посѣщеніе его дома, не взять по крайней мѣрѣ, при вступленіи въ него, предосторожностей къ сохраненію законной чистоты, постоянно въ подобномъ случаѣ употребляемыхъ фарисеями *): все сіе въ глазахъ безразсудныхъ ревнителей преданій фарисейскихъ казалось страннымъ, предосудительнымъ, нисколько не достойнымъ того мнѣнія, какое имъ хотѣлось имѣть о великомъ Пророкѣ.

Закхей самъ чувствовалъ, какъ далеко простирается къ нему снисхожденіе Іисуса, и какъ много можетъ страдать чрезъ то слава Его въ народѣ. Какъ бы желая дать отчетъ въ своемъ поведеніи, — показать, что онъ уже не рабъ своихъ сокровищъ, что въ сердцѣ его живетъ еще, или ожива, любовь ко всему доброму, благоразумный мытарь становится предъ Іисусомъ, и въ слухъ всѣхъ, соблазнявшихся милостию, ему оказанною, объявляетъ, что (въ память посѣщенія Іисусова) цѣлая половина имѣнія его роздана будетъ нищимъ, и если онъ кого обидѣлъ, то такому возвратитъ вчетверо. — Такое обѣщаніе дѣйствительно могло убѣдить каждаго, что Закхей хочетъ сдѣлаться достойнымъ своего имени **). По самому закону Моисееву (Исх. 22, г. 4;

*) V. Schötlgenii hor. Heb. et Talm.

***) Закхей значитъ невинный, чистый. Езд. 2, 9. Неем. 7, 14 по еврейск. подлиннику.

Числ. 5, 7) только тотъ обязывается вдвое, или вчетверо возвращать похищенное, кто былъ приведенъ въ судъ и обличенъ въ преступленіи; а кто самъ собою признавалъ свой грѣхъ, тотъ долженъ былъ возратить похищенное только съ присовокупленіемъ пятой части: но Закхей, бывший доселѣ ниже закона, вдругъ дѣлается выше его, и хочетъ поступать отселѣ по закону не только правды, но и любви, коей Божественный образецъ видитъ предъ собою въ Іисусѣ.

По всему видно, что благоразумный мытарь понялъ цѣль посѣщенія Іисусова, вошелъ, такъ сказать, въ духъ милости, ему оказанной. Евангелистъ не говоритъ, чтобы онъ заботился слишкомъ много (какъ нѣкогда Марѳа) о угощеніи Господа и учениковъ Его, не сказываетъ даже, чтобы угощалъ ихъ. Искреннее обѣщаніе вознаградить всѣхъ обиженныхъ, раздать пол-имѣнія нищимъ было самымъ лучшимъ угощеніемъ для Того, Кто поставлялъ брашно Свое въ исполненіи воли Отца небеснаго (Іоан. 4, 34).

Господь не оставилъ безъ награды усердія столь чистаго. Какъ бы въ увѣреніе, что онъ нимало не сомнѣвается въ исполненіи обѣщанія Закхеева, не сожалѣетъ о посѣщеніи его дома, *«днесь, сказалъ Онъ окружавшимъ Его, днесь спасеніе дому сему бысть»* (благотворная перемѣна въ домовладыкѣ должна была произвести перемѣну и въ домочадцахъ); — *заче и сей сынъ Авраамль есть* (какъ доказалъ настоящій опытъ, хотя доселѣ многіе почитали его наравнѣ съ язычниками); — *прииде бо Сынъ человѣческій зыскати и спасти погибшаго.*

Послѣднія слова, очевидно, направлены противъ тѣхъ, кои соблазнялись милостію, оказанною старѣйшинѣ мытарей; въ нихъ раскрывалась тайна общенія Іисуса съ грѣшниками, которое постоянно ставилось Ему въ упрекъ отъ фарисеевъ. Мечтая только о славѣ, богатствахъ и почестяхъ, сіи лицемѣры забывали, что нѣтъ величія выше того, которое состоитъ въ благодѣяніяхъ, и особенно нравственныхъ, — въ наученіи и исправленіи грѣшниковъ, а посему нисколько не представляли себѣ и того, чтобы главною цѣлію пришествія Мессіи было — *зыскати и спасти погибшее.* Та же слѣпота открывалась и въ сужденіи ихъ о ближнихъ. Привыкнуши видѣть въ очахъ брата малый сучецъ и не замѣчать въ своемъ глазѣ бревна, суесвяты не хотѣли и думать, чтобы изъ явныхъ грѣшниковъ, ими презираемыхъ, многіе были гораздо ближе ихъ къ царствію небесному, потому что ближе ихъ были къ сознанию своего недостойнства, къ раскаянію во грѣхахъ. Но Іисусъ Христосъ взиралъ иначе; — и въ толпѣ язычниковъ обрѣ-

та.тъ иногда вѣру, которой напрасно искалъ въ цѣломъ Израилѣ. Многократные опыты доказали, что милосердіе Сына человѣческаго, съ коимъ Онъ обращался съ грѣшниками, производило еще большія дѣйствія, нежели Его чудотворенія. Многіе изъ живыхъ мертвецовъ, какъ бы оживленные любвеобильнымъ дыханіемъ Человѣколюбца, вставали изъ гробовъ — совершенно перемѣняли свою злую жизнь, имѣя то преимущество предъ воскрешенными отъ смерти тѣлесной, что послѣдніе снова подвергались смерти, а первые могли всегда наслаждаться жизнью духа. Доказательствомъ сего служить между прочимъ сей самый Захей: по свидѣтельству древнѣйшаго преданія, онъ сдѣлался истиннымъ послѣдователемъ Іисуса Христа: былъ потомъ спутникомъ Апостола Петра въ его апостольскихъ путешествіяхъ, и посвященъ имъ въ епископа Кесаріи Палестинской *).

Оставивъ домъ Захейя, Іисусъ продолжалъ путь Свой къ Вифаніи, и могъ бы въ этотъ же день придти туда, если бы до Пасхи не оставалось еще около недѣли, и не надлежало дать Лазарю бытъ погребеннымъ и сдѣлаться четверодневымъ мертвецомъ: посему Онъ шелъ медленно, останавливаясь въ селеніяхъ, лежащихъ при пути, и пользуясь всѣми случаями для наставленія Своихъ учениковъ и народа.

Ученики однакоже (такъ велика была сила народнаго предразсудка!), забывъ о смерти Лазаря и недавнюю бесѣду о крестѣ Учителя, снова предались мечтательности, — и еще болѣе нежели когда-либо. Полагали между прочимъ за достовѣрное, что съ наступающимъ праздникомъ должны окончиться всѣ ихъ труды и опасности, что Учитель ихъ, по случаю великаго стеченія народа іудейскаго на праздникъ, торжественно объявить Себя Мессіею (Лук. 19, 11.) Такую надежду могла питать, кромѣ другихъ причинъ, благосклонность, съ коею при входѣ въ Іерихонъ принято было Имъ всенародно наименованіе сына Давидова отъ слѣпцовъ іерихонскихъ. «Не есть ли это, — такъ могли судить ученики, — прямой вызовъ къ тому, чтобы наконецъ всѣ признали Его теперь за Мессію? А если Онъ уже рѣшился на всенародное объявленіе Себя Мессіею; то когда лучше сдѣлать это, какъ не въ праздникъ Пасхи?» — И изъ спутниковъ многіе думали согласно съ учениками, восхищаясь заранѣе славою, въ какой они увидятъ вскорѣ того самаго Іисуса, который шелъ съ ними

---

*) Clem. Lib. 1. et 3. Recogn.

Инокентій. Сочиненія. IX.

по одному пути, бесѣдовалъ съ ними и, можетъ быть, раздѣлялъ ихъ дорожную трапезу.

Поелику въ мнѣніи іудеевъ о земномъ царствѣ Мессіи было не все ложное и несбыточное, а была и истина; то нельзя было въ настоящемъ случаѣ сказать ученикамъ вообще: «ваши ожиданія напрасны!» Они не были бы напрасны, если бы ученики и всѣ іудеи умѣли отличать пришествіе Мессіи первое и уничтоженное — отъ пришествія втораго, славнаго и величественнаго, и не смѣшивали духовнаго всемірнаго владычества Его съ земнымъ господствомъ надъ Іудеею. Чтобы указать имъ истинную точку зрѣнія на предметы и дать ключъ къ разумѣнію наступающихъ событій, кои дѣйствительно содержали въ себѣ весьма много превышающаго ихъ тогдашнія понятія и чудеснаго, Господь обратился къ обыкновенному Своему роду рѣчи — къ притчѣ.

«Одинъ человѣкъ, — сказалъ Онъ, — высокаго происхожденія, отправляясь въ далекую страну, для принятія царскаго достоинства: въ полученіи вѣнца царскаго онъ увѣренъ былъ столько, что предъ отшествіемъ своимъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы, во время отсутствія, обыкновенные доходы его ни мало не потерпѣли. Изъ десяти избранныхъ рабовъ его каждому дано было по минѣ *), съ тѣмъ, чтобы они употребили сіи деньгу въ дѣло. Послѣ сего онъ отправился. Но изъ согражданъ многіе, хотя безъ всякой съ его стороны причины, не были расположены къ нему. Чтобы удалить его отъ престола, они отправили посольство къ тому царю, который долженъ былъ утвердить права его на царствѣ. Всякаго другаго, говорили посланные, мы скорѣе согласимся имѣть царемъ, только не его. Но представленія ихъ не имѣли никакого дѣйствія: нелюбимый наследникъ возвратился царемъ. Начался отчетъ въ деньгахъ, ввѣренныхъ рабамъ. — Государь, сказалъ съ радостію первый, посмотри: мина твоя принесла десять минъ! — Прекрасно поступлено, отвѣчалъ царь, ты добрый слуга; я ввѣрилъ тебѣ мало, но ты сдѣлалъ много: возьми въ управленіе десять городовъ! — И я сдѣлалъ пять минъ изъ одной, сказалъ другой. — Получи и ты награду за труды, отвѣчалъ царь: пять городовъ будутъ въ твоемъ управленіи. — А я, началъ говорить третій, ничего не сдѣлалъ и не дѣлалъ изъ твоей мины. Зная, что ты весьма скупъ и жестокъ, — жнешь, гдѣ не сѣялъ,

---

*) Мина (*μνα*) аттическая изъ 100 драхмъ (v. Svid. s. h. v.); а драхма равнялась нашей имперіалу. v. Michael. ad. Luc. 19, 13.

берешь, гдѣ не клалъ, — я заботился только о томъ, чтобы сохранить ее въ цѣлости, и для сего держалъ ее въ потаенномъ мѣстѣ, завернувши въ платъ. Вотъ она! ни болѣе, ни менѣе, какъ была взята! — Твоими же словами, сказалъ царь, я осужду тебя, змой рабъ! Ты зналъ, что я человекъ жестокій, который болѣе требуетъ, нежели даетъ, жнетъ, гдѣ не сѣялъ, собираетъ, гдѣ не расточалъ: для чего же ты не отдалъ серебра моего въ оборотъ, чтобы я, возвратясь, получилъ его съ лихвою? Возьмите у него, сказалъ онъ прочимъ слугамъ, сію мину и отдайте тому, у кого десять минъ. — Такая награда одного человека показалась имъ слишкомъ великою, особенно въ сравненіи съ тѣмъ, у кого все отнималось. — Государь, замѣтили они, у него и такъ уже десять минъ. — Что за нужда, отвѣчалъ царь? Имѣющему (и хорошо употребляющему) дано будетъ, а у неимѣющаго (употребляющаго неправильно, или вовсе не употребляющаго) и то, что онъ имѣетъ, отнимется!...

«Окончивъ расчетъ съ слугами, государь потребовалъ предъ себя враговъ своихъ. Не было нужды судить и обличать ихъ, — и они всѣ преданы казни» (Лук. 19, 12 — 27).

Глубокія и важныя наставленія содержались въ сей притчѣ. Что Іисусу Христу надлежитъ отойти въ дальнюю страну — къ Отцу, на небо, для принятія царства (это противъ заблужденія, будто Онъ вскорѣ взойдетъ на престолъ іудейскій); что сограждане Его — іудеи, и по Его отшествіи, не убѣдятся въ дѣйствительности Его правъ на царство, а будутъ отвращать всѣхъ отъ признанія Его Мессією (это противъ предразсудка, что Мессія можетъ быть не узанъ и отвергнуть іудейскимъ народомъ); что избранные слуги Его — Апостолы и другіе послѣдователи Его получаютъ при семъ каждый известное число минъ — дарованій духовныхъ, кои они должны употребить на пользу Царя и царства (это противъ ложнаго мнѣнія, будто послѣдователи Его вскорѣ раздѣляютъ съ Нимъ власть, и притомъ земную, не заслуживъ предварительно награды вѣрнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей); что Онъ не прежде, какъ по возвращеніи Своемъ, явится въ должномъ величіи, благотворномъ для вѣрныхъ подданныхъ и трудолюбивыхъ рабовъ, грозномъ и нестерпимомъ для подданныхъ мятежныхъ и рабовъ лукавыхъ (это противъ сомнѣнія, что, можетъ быть, и никогда не исполнятся предсказанія Пророковъ о царствѣ Мессіи, если не исполнятся нынѣ, видимо). Что все сіе болѣе или менѣе ясно и опредѣленно содержится въ сей притчѣ, въ томъ каждый убѣдится самъ собою, коль скоро сравнитъ содержаніе ея съ тѣмъ,

что намъ вообще извѣстно о свойствѣ, продолженіи и различныхъ видахъ царства Христова. Но, чтобы ученики выразумѣли теперь, какъ должно, весь смыслъ сей притчи, сего ни мало не видно изъ Евангелія и обстоятельствъ. Уже вполслѣдствіи, по воскресеніи Господа, они должны были между прочими, непонятными для нихъ, бесѣдами своего Учителя, вспомнить и о сей притчѣ, и, при озареніи отъ Святаго Духа, постигнуть глубокой смыслъ ея. Для позднѣйшихъ читателей, каковы мы, притча сія служить сокращеннымъ начертаніемъ всего великаго предначертанія Іисуса, Его сугубаго царства, послѣдователей и враговъ Его, и показывая, что уже случилось, располагаетъ къ ожиданію того, что должно совершиться въ будущемъ.

Материаломъ для сей притчи могло служить одно изъ современныхъ событій гражданскихъ. Высокородный челоѣкъ, въ ней представленный, напоминаетъ собою Архелая, сына Иродова, который, по смерти отца своего, отправлялся къ Августу, для принятія отъ него царскаго скипетра; и дѣйствительно получилъ его — вопреки всѣмъ усиліямъ іудеевъ, кои, чрезъ особенное посольство, просили Кесаря не отдавать ихъ въ подданство Архелая *). Такимъ образомъ, въ устахъ небеснаго Учителя самыя земныя событія служили для изображенія духовныхъ предметовъ царства благодатнаго!

Между тѣмъ путь продолжался, и Господь съ учениками Своими приблизился къ Вифаніи, гдѣ обиталъ Лазарь, лежавшій теперь уже четвертый день во гробѣ.

---

*) Joseph. Antiq. 17. n. Conf. Wolf. in curis ad Luc. 19, 12.

ВОСКРЕСЕНІЕ ЛАЗАРЯ СЪ ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯМИ.

(Горестное положеніе Вифанскихъ друзей Іисусовыхъ. — Нерѣшительность вѣры сестръ Лазаревыхъ. — Чудо воскресенія. — Совѣщаніе по сему случаю синедриона, съ его рѣшеніемъ. — Удаленіе Іисуса Христа въ Ефραίимъ. — Мнѣніе о Немъ народа. — Вечера въ дому Симона прокаженного).

Домъ Вифанскаго друга Іисусова не былъ уже теперь тѣмъ мирнымъ убѣжищемъ, въ которомъ Онъ съ учениками Своими не разъ уклонялся отъ шумнаго и враждебнаго Іерусалима: мѣсто прежней тишины и довольства, коимъ наслаждалось добродѣтельное семейство, заступили теперь скорбь и слезы о потерѣ, столько-же непредвидѣнной и невознаградимой, сколько драгоцѣнной. Лазарь умеръ вскорѣ послѣ того, какъ посланные возвратились отъ Іисуса: смерть его была ничѣмъ не вознаградиною потерей для его сестеръ, для коихъ онъ замѣнялъ собою родителей. Чѣмъ болѣе онъ былъ любимъ, тѣмъ болѣе сокрушались у его гроба. Таинственное общаніе Господа — явить въ болѣзни Лазаря Свою Божественную славу не было понятно, а посему и не могло доставить утѣшенія, въ немъ заключавшагося. Когда воспоминали воскресеніе юноши Наинскаго (Лук. 7, 11—15) и дочери Іаировой (Матѣ. 9, 18; Марк. 5, 22), совершенное Іисусомъ въ Галилеѣ; то лучъ надежды могъ мгновенно озарять сердца, омраченныя скорбію: но сія надежда тѣмъ болѣе ослабѣвала, чѣмъ болѣе Лазарь продолжалъ лежать во гробѣ, а Іисусъ медлить. Признаки совершеннаго разрушенія, обнаружившіяся въ бездушномъ трупѣ, побуждали оставить и послѣднюю надежду видѣть его снова одушевленнымъ; и теперь, спустя четыре дня по смерти Лазаря, Іисуса, по видимому, уже не ожидали въ Вифанію, полагая, что если Онъ и зайдетъ утѣшить друзей Своихъ,

то предъ самымъ праздникомъ, когда будетъ идти во Іерусалимъ, или послѣ онаго, при Своемъ возвращеніи въ Галилею.

Между тѣмъ домъ Лазаревъ представлялся многолюднѣе, нежели когда-либо. По прежнему обыкновению іудеевъ, отчасти сохранившемуся доселѣ, родственники, друзья и знакомые умершаго должны были, въ продолженіе седми дней послѣ кончины, навѣщать его домъ, доставлять утѣшеніе оставшемуся семейству и участвовать въ печальныхъ обрядахъ, кои оканчивались не прежде осьмаго дня *). Число таковыхъ утѣшителей было теперь весьма велико уже потому, что домъ Лазаревъ почитался между значительнѣйшими домами въ Виваніи. Кромѣ сего Лазарь своими добродѣтелями и дружелюбіемъ невольно привлекалъ къ себѣ общее уваженіе и любовь, кои, какъ извѣстно, никогда не обнаруживаются съ такою живостію, какъ по смерти лица уважаемаго. Между посѣтителями находились многіе изъ іерусалимлянъ, и притомъ изъ людей высшаго сословія, едвали даже не членовъ синагога: потому что Евангелистъ Іоаннъ подъ общимъ названіемъ іудеевъ (которое употреблено въ настоящемъ случаѣ) почти всегда разумѣетъ старѣйшинъ и начальниковъ іудейскихъ **). Чтобы тѣмъ вѣрнѣе исполнить долгъ любви и дружбы, а вмѣстѣ соблюсти обычай, нѣкоторые изъ іерусалимскихъ посѣтителей оставались въ домѣ Лазаря на всю печальную седмицу.

О знакомствѣ умершаго съ Іисусомъ могъ знать всякій; но что Іисуса нарочно приглашали къ болящему другу, а равно и о таинственномъ отвѣтѣ Его и медленности на пути, повидимому, не было извѣстно посѣтителямъ: скромность сестръ Лазаревыхъ не позволяла открывать сихъ обстоятельствъ, кои весьма легко могли быть перетолкованы въ неблагопріятную сторону для Іисуса Христа, для нихъ самихъ и умершаго брата.

Слухъ о Божественномъ Учителѣ и Чудотворцѣ всегда предвѣщая приходъ Его. Марѳа (вѣроятно, вышедши изъ дома по нуждамъ домашнимъ, коими она особенно занималась) (Лук. 10, 38—42), первая услышала, что Іисусъ приближается къ Виваніи; и тотчасъ, не заходя въ домъ, чтобы увѣдомить сестру, поспѣшила на встрѣчу Ему тѣмъ путемъ, по коему надлежало идти Господу. Онъ находился еще внѣ селенія, когда печальная Марѳа

*) Geyer de luctu hebr. c. b. § 23. sq. Также Grotius et Lighfoot ad Joh. 9, 20.

***) V. Eckermann, Stolcius, Schultessius ad Joh. 11, 19.

пала къ ногамъ Его. При видѣ всемогущаго друга въ душѣ ея невольнo, со всею живостію, пробудилась мысль: какъ было бы все иначе, если бы Іисусъ пришелъ въ надлежащее время, то есть, когда Лазарь находился еще въ живыхъ. «*Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ!*» Но, продолжала Марѳа, желая исправить мысль свою и показать, что ея вѣра въ Учителя не измѣнилась, — но и нынѣ вѣмъ, яко *елика аще просиши у Бога, дастъ тебѣ Богъ!* — Оставалось досказать: «и что Ты можешь воскресить брата.» Но скромность, по замѣчанію блаженнаго Августина, не позволяла обнаружить сего желанія, ибо откуда, продолжаетъ онъ, знала Марѳа, что брату ея полезно воскреснуть? Посему-то и сказала просто: знаю, что можешь: если хочешь, сдѣлай; ибо Тебѣ одному извѣстно, должно ли сдѣлать» *).

«*Воскреснетъ братъ твой!*» — отвѣчала Господь, — какъ бы въ оправданіе медленности Своего прихода. Величественная простота и спокойствіе, съ коими произнесены слова сіи, должны были вдохнуть надежду въ душу Марѳы, убитую печалію.

Но для ней самое это спокойствіе было безотраднo: съ послѣдними словами ея измѣлся уже, такъ сказать, весь остатокъ ея надежды. Мысль, что Господь такъ просто и такъ внезапно общается ей чудесное воскресеніе брата, — четверодневнаго, смердящаго мертвеца, — была превыше ея воображенія; сердце искало для словъ Учителя обыкновеннаго и ближайшаго смысла, который не требовалъ бы новыхъ усилій вѣры. Смысл сей представлялся самъ собою: ибо выраженіе — *воскреснетъ*, употребленное Іисусомъ, у іудеевъ постоянно означало будущее всеобщее воскресеніе мертвыхъ **). На семъ-то воскресеніи остановилась скорбная мысль Марѳы. «Вѣмъ, — отвѣчала она съ нѣкоторымъ прискорбіемъ и какъ бы сухостію, — что воскреснетъ — въ общее воскресеніе, въ послѣдній день.»

Явно было, что сердце Марѳы, пораженной скорбію, имѣетъ нужду въ сильномъ движеніи, чтобы возбудиться отъ безнадежности. И Господь началъ вѣщать къ ней тѣмъ возвышеннымъ языкомъ, который приличествовалъ только Сыну Божію, *имѣющему жизнь въ Сатомѣ Себѣ*, и могущему даровать оную, кому и когда угодно.

*) Tract. in Joh. ad h. l.

**) V. Kuinöl Comment. in Joh. 11.

«Я есмь, продолжалъ Иисусъ, воскресеніе и животъ! вѣруй въ Мя еще и умреть (тѣлесно), оживетъ, и всякъ живой и вѣруй въ Мя, не умреть во вѣки. (Ибо смерть тѣлесная, коей подвергаются вѣрующіе, не есть собственно смерть, а только перемѣна бытія худшаго на лучшее.) Еплещи ли вѣру сему?»

Такое требованіе безусловной вѣры заставляло ожидать отъ Требовавшаго чего-то необыкновеннаго. Казалось, Иисусъ Христосъ хотѣлъ внушить, что для Него не нужно никакого условія, дабы получить что либо отъ Бога (какъ говорила Марѳа), — что Онъ Самъ есть источникъ всѣхъ благъ и всѣхъ даровъ *).

Марѳа чувствовала, что ею сказано нѣчто не такъ; видѣла, что Господь не совсѣмъ доволенъ ея словами; не знала, на что именно нужна ея вѣра и чего ей должно ожидать отъ Господа: но напоминаніе о вѣрѣ было чувствительно для сердца нѣжнаго; имъ предполагалось въ ней сомнѣніе о достоинствѣ Учителя, которое она почла бы для себя величайшимъ несчастіемъ. Это какъ бы пробудило ее. «Ей, Господи, воскликнула она, я всегда вѣрила и теперь вѣрую, что Ты Христосъ, Коему надлежало придти для спасенія міра!»

Справедливо замѣчено еще отцами Церкви, что послѣ исповѣданія Иисуса Сыномъ Бога живаго (Мессією), которое произнесъ нѣкогда Петръ, еще никто не исповѣдывалъ Его съ такою силою обѣтованнымъ Мессією и Спасителемъ міра, какъ дѣлаетъ теперь Марѳа. Но несмотря на живость и искренность ея вѣры, мысль о воскресеніи брата, которую именно хотѣлъ возбудить въ ней Господь, и теперь осталась для нея чуждою **). Она могла ожидать отъ Господа всего, — только не возвращенія своей потери, которую почитала невознаграждимою. Таково свойство тѣхъ, кои долгое время колебались между надеждою и страхомъ, и наконецъ предались печали: истощенное сердце становится безчувственнымъ; какъ прежде, когда оно еще могло надѣяться, все ободряло и питало его, въ чемъ человѣкъ съ холоднымъ размышленіемъ не нашелъ бы для себя никакого ободренія; такъ послѣ ничто не можетъ его воодушевить. Посему не должно удивляться, если Марѳа какъ бы противорѣчитъ самой себѣ; и начавъ вѣрую, когда Иисусъ Христосъ еще не подалъ признака

---

*) См. Феофил. толк. на Іоан.

**) И Св. Златоустъ и Евѳимій полагали, что Марѳа не поняла словъ Иисуса Христа, какъ должно. Толк. на Іоан.

надежды, потомъ, не смотря на явныя намеки на предстоящее чудо, представляется безутѣшною и непонимающею. Сердцу, пораженному скорбію, таковыя противорѣчія весьма естественны: и въ Марѣѣ вѣрующей, колеблющейся, недоумѣвающей, видимъ изображение всѣхъ страдальцевъ. Впрочемъ и послѣднія слова Господа, при всей ихъ разительности и способности возбудить надежду на воскресеніе Лазаря, заключали въ себѣ довольно темноты, чтобы служить испытаніемъ вѣры. Для безутѣшной Марѣи могло казаться, что Учитель преподаетъ ей наставленіе о томъ, что всякому вѣрующему въ Него не должно заботиться о земномъ и временномъ, ниже о самой жизни и смерти, потому что его ожидаетъ блаженство вѣчное, предъ которымъ временныя потери и страданія ничего не значатъ.

Господь не сказалъ ничего на слова Марѣи, хотя разговоръ казался еще не оконченнымъ. Смущенная Марѣа не могла не почувствовать, что гораздо лучше было бы, если бы при ней находилась сестра ея, которая, чаще ея бесѣдуя съ Господомъ, привыкла понимать Его возвышенныя бесѣды. Тѣмъ пріятнѣе было, когда Учитель, какъ бы желая вывести ее изъ замѣшательства, велѣлъ идти домой и пригласить Марію. Самъ Онъ не пошелъ въ домъ ихъ, какъ всего ближе думать, потому, что иначе надлежало бы снова возвращаться на гробъ Лазаря, который, по обыкновенію іудеевъ, находился внѣ селенія. Но Марѣѣ между прочимъ представилось, что Ему неугодно обращаться въ многочисленномъ собраніи іудеевъ, находившемся съ Марією. Посему пришедши домой, она тайно отъ гостей сказала сестрѣ, что Учитель (такъ называли онъ своего Божественнаго друга, Который всегда поучалъ ихъ чему нибудь) здѣсь и зоветъ ее.

Марія немедленно послѣдовала за сестрою, не сказавъ никому, куда она идетъ и зачѣмъ.

Иисусъ оставался на томъ же мѣстѣ, гдѣ сѣѣла Его Марѣа, отдыхая отъ пути и занимаясь бесѣдою съ учениками.

Первая мысль, возбуждавшаяся въ Марію при взглядѣ на своего Учителя, была таже самая, которая обнаружена Марѣю. «Ахъ, Господи! воскликнула она, павши къ стопамъ Его, — если бы Ты былъ здѣсь, братъ нашъ не умеръ бы!» Въ семъ восклицаніи выражалась вся полнота ея чувствованій — и прежняя надежда, и настоящая безутѣшность, и любовь къ брату, навсегда потерянному, и уваженіе къ Учителю, нечаянно явившемуся. Болѣе ничего не могла она сказать: однѣ слезы свидѣтельствовали о томъ, что происходило въ ея сердцѣ!...

Иисусъ Христосъ еще не началъ Своей бесѣды съ Маріею, какъ явилось предъ нимъ все печальное общество іудеевъ, находившихся въ домѣ Лазаря. Какъ скоро Марія, по первому знаку сестры, оставила ихъ, имъ пришло на мысль, что она пошла на гробъ брата, дабы тамъ снова предаться слезамъ *). Не идти за нею казалось неблагопріистойію. Но вышедъ изъ селенія, они, къ удивленію своему, нашли ее у ногъ Иисуса. Взглядъ на первое свиданіе друзей и знакомыхъ послѣ того, какъ одни изъ нихъ потерпѣли какую-либо великую потерю, всегда имѣеть въ себѣ нѣчто трогательное. Величіе Иисуса, о Коемъ всѣ думали, что Онъ повелѣваетъ природою, — слабость и безпомощность осиротѣвшихъ сестръ, кои, обливаясь слезами, искали у ногъ Его утѣшенія, еще болѣе усугубляли сію трогательность. Изъ іудеевъ многіе не могли удержаться отъ слезъ; другихъ побуждало къ тому уже самое приличіе: всѣ молчали и всѣ плакали!

Любвеобильное сердце Иисуса всегда было исполнено сострадательности къ страждущимъ. Мы увидимъ, что одинъ взглядъ на Иерусалимъ, одно представленіе бѣдствій, имѣющихъ отяготѣть надъ его жителями, будутъ для Него причиною слезъ. Теперь все располагало къ скорби, — и мысль о бренности естества человѣческаго, и воображеніе друга, который лежитъ бездыханнымъ во гробѣ, и видъ плачущихъ сестръ, кои ожидали, но еще не получили отъ Него помощи. — Между тѣмъ невниманіе къ словамъ Иисуса Христа, коими Онъ хотѣлъ возбудить вѣру, злонамѣренность нѣкоторыхъ изъ іудеевъ, имѣвшихъ быть свидѣтелями величайшаго изъ чудесъ, Имъ совершенныхъ, самый недостатокъ вѣры въ друзьяхъ Своихъ, когда она особенно была необходима, — невольнo возбуждали горестное чувство... *Огорчися духомъ и возмутися* **) «Гдѣ вы положили его?» ***) — сказалъ Онъ наконецъ тономъ, который показывалъ, что говорящій гораздо болѣе чувствуетъ, нежели говоритъ.

«Господи, поди и посмотри», отвѣчала одна изъ сестръ. Въ

*) Въ древности любили оплакивать мертвыхъ на ихъ могилахъ. Geyer. de Iust. Hebr. 7. § 26. p. 121. Rosenmüller Altes und Neues Morgenland. B. 5 p. 258.

**) Іоан. II, 33. Conf. Chrysostomus, Euthymius, Cyrillus, Augustinus, Theophylactus.

***) Ты зналъ, вопрошаетъ при семъ блаж. Августинъ, что Лазарь умеръ, и не знаешь, гдѣ погребенъ! — и присовокупляетъ, что Богочеловѣкъ зналъ, гдѣ погребенъ Лазарь; но, обращаясь съ человѣками, поступалъ по человѣчески. Tract. 49 in Johan.

настоящемъ положеніи и то уже казалось утѣшеніемъ, чтобы вмѣстѣ съ Учителемъ и другомъ посѣтить гробъ брата. Новые потоки слезъ показывали, какъ нужно теперь утѣшеніе.

Такое положеніе сестръ могло тронуть всякаго. Могъ ли не тронуться имъ Іисусъ? — Совершенная увѣренность, что Лазарь скоро будетъ Имъ воскрешенъ и слезы плачущихъ друзей будутъ отерты и перемѣнены на радость, не препятствовала отдать долгъ природѣ человѣческой. Сердце истинно-человѣколюбивое не можетъ не скорбѣть съ страждущимъ, хотя готовитъ ему полную отраду. Самая радость, особенно, если она слѣдуетъ за огорченіемъ и какъ бы борется въ душѣ съ печалію, любить выражаться въ слезахъ. Іосифъ, плачущій при свиданіи съ братьями, служитъ сему трогательнымъ примѣромъ *).

Прослезися Іисусъ!... «Смотри, какъ Онъ любилъ его», говорили между собою іудеи, идя въ слѣдъ за Іисусомъ. Слезы Его для нихъ были нѣчто необыкновенное: между тѣмъ, какъ во всякомъ другомъ недостатокъ ихъ показался бы теперь необыкновеннымъ. Если такой великій Пророкъ, думали, — который не печется ни о чемъ земномъ, не возмущается ничѣмъ плотскимъ, весь живетъ въ Богѣ, если Онъ плачетъ; то предметъ, имъ оплакиваемый, долженъ быть крайне дорогъ Его сердцу. Но, — шептали другіе, вѣроятно, не совѣмъ расположенные къ Іисусу, — Тотъ, Кто отверзъ нѣкогда очи слѣпому, не могъ ли слѣлать, чтобы другъ Его не умеръ? Если не хотѣлъ, зачѣмъ теперь такъ скорбить? Если же хотѣлъ, для чего не спѣшилъ на помощь? Больнаго можетъ исцѣлить каждый врачъ; а возвратитъ зрѣніе слѣпорожденному никто не можетъ. Что же случилось съ Его чудотворною силою? Ужели ее нѣтъ для одной дружбы? — Такой языкъ свидѣтельствовалъ, что сіи люди едва ли не сомнѣвались и въ чудесномъ исцѣленіи слѣпорожденного, и припоминали о немъ единственно для того, чтобы имѣть теперь возраженіе противъ чудодѣйственной силы Іисуса Христа.

Для Господа, Коего сердце весьма болѣзновало уже о печальномъ положеніи друзей Своихъ, такое невѣріе іудеевъ было тѣмъ чувствительнѣе. Слезы не струились болѣе изъ очей Его: но изъ взоровъ и движенія обнаруживалось, что душа Его сильно страдаетъ **).

*) Христосъ, пишетъ Августинъ, плакалъ, дабы челоуѣкъ заплакалъ о себѣ; ибо, для чего инаго плакалъ Христосъ, какъ не для того, чтобы научить челоуѣка плакать! — Тракт. 49 in Johan.

**) Опять скорбѣя внутренно (*Ἐνερσιωμένος*).

Пришли на гробъ. Это была изсѣченная въ скалѣ пещера, коея устье заваливалось камнемъ, чтобы погребаемыя тѣла не сдѣлались добычею плотоядныхъ звѣрей. Таковы были гробы всѣхъ богатыхъ людей въ Палестинѣ *). Почва земли, устьянной небольшими каменными скалами, благоприятствовала сему обычаю; а примѣръ Авраама и другихъ праотцевъ, кои всѣ погребены были въ подобныхъ пещерахъ, располагалъ поддерживать его во всей силѣ.

Никто не ожидалъ прямо чуда. Думали, вѣроятно, что Иисусъ хочетъ только видѣть мѣсто, гдѣ лежатъ бездыханные останки друга, отдать ему послѣднюю дань слезами, и потомъ преподать утѣшеніе сестрамъ. Тѣмъ удивительнѣе было, когда Онъ велѣлъ отвалить, заграждавшій входъ, тотъ камень, который, въ слѣдствіе обычая, содѣлавшагося почти закономъ, почитался неприкосновеннымъ и былъ отваливаемъ только въ случаѣ особенной необходимости **). Для внимательной Маріи и подобныхъ ей такое повелѣніе могло служить предвѣстіемъ чего либо чудеснаго; — но заботливой Марѣѣ, которая привыкла смотрѣть на вещи простѣе, отваленіе камня показалось даже неумѣстнымъ ***); она почла нужнымъ предварить Учителя, что исполненіе Его приказанія соединено съ неприятностію: «Господи, уже смердитъ; ибо четыре дня, какъ онъ во гробѣ!»

Это было послѣднее усиліе маловѣрія. *«Не рѣхъ ли ти, отвѣчалъ Господь, яко аще вѣруеши, узриши славу Божию!»*

Камень тотчасъ отвалили. Стоявшіе ближе къ устью пещеры уже могли видѣть обвитый погребальными пеленами трупъ, который начиналъ предаваться тлѣнію. Но взоры всѣхъ болѣе устремлены были на Иисуса: каждому хотѣлось знать, что Онъ будетъ дѣлать; ибо не напрасно, думали, заставилъ Онъ отвалить камень.

Въ положеніи, подобномъ настоящему, Самъ Иисусъ еще никогда не находился. Весьма часто совершая чудеса, Онъ совершалъ ихъ, такъ сказать, между дѣломъ, то есть проповѣди о спасеніи человѣческомъ. Чѣмъ они бывали разительнѣе, тѣмъ менѣе искалъ Онъ свидѣтелей и даже запрещалъ иногда повѣдать о нихъ. Теперь надлежало совершить самое великое чудо и со-

*) Nicol. de sepulcr. Hebr. 3. 10. 11. Conf. Lampius et Woltium ad h. 1.

**) V. Lampii comment. in Johan.

***) См. Злат. и Теоф. толк. на Іоан.

вершить — всенародно! Обстоятельства служенія Его требовали именно подобнаго чуда и знаменія. Ибо благотворное впечатлѣніе въ умѣ народа отъ прежнихъ чудесъ Иисусовыхъ, совершенныхъ въ Иерусалимѣ (въ коемъ Онъ впрочемъ гораздо менѣе творилъ ихъ, нежели въ Галилеѣ), могло ослабѣть частію отъ продолженія времени, а еще болѣе отъ злонамѣренныхъ толковъ фарисейскихъ. Съ другой стороны, для друзей и почитателей Иисусовыхъ предстояло теперь самое великое искушеніе — въ Его страданіяхъ и смерти, отъ коего неукрѣпленная вѣра могла пасть. Надлежало посему новымъ рѣшительнымъ чудомъ оживить въ умѣ народа память о прежнихъ знаменіяхъ и даровать ученикамъ и послѣдователямъ Своимъ твердую опору вѣры и залогъ надежды. Настоящее время, мѣсто и другія обстоятельства совершенно благоприятствовали сему. Никогда чудо не могло произвести большаго впечатлѣнія какъ теперь, будучи совершенно близъ Иерусалима, въ присутствіи многихъ изъ его жителей, — предъ праздникомъ Пасхи, когда святой градъ наполненъ былъ іудеями со всего свѣта, и слѣдовательно все, въ немъ случившееся, могло вскорѣ содѣлаться извѣстнымъ всюду, гдѣ только были іудеи.

Возведь очи къ небу, — туда, гдѣ всегда было сердце Его, — «Отче, сказалъ Богочеловѣкъ, благодарю Тя, яко услышалъ еси Мя *); Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда слушаеши Мя; но, народа ради, стоящаго окрестъ, рѣхъ, да вѣру илутъ, яко Ты Мя послалъ еси **).

Сказавъ сіе, Иисусъ воззвалъ гласомъ велимъ: *«Лазаре, гряди вонъ!» ***).*

При семъ гласѣ четверодневный мертвецъ тотчасъ всталъ и вышелъ изъ гроба — въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ положили его во гробъ, — съ лицомъ, обвязаннымъ убрисомъ, по рукамъ и ногамъ обвитый погребальными пеленами. Сила, разрѣшившая узы смерти, разрѣшила дѣйствіе и сихъ преградъ ****). Господь повелѣлъ однако-же снять пелены и развязать лице.

Столь внезапное, чрезвычайное, чудо должно было произвести

*) Успѣхъ молитвы столь былъ несомнителенъ, какъ бы уже она исполнилась на самомъ дѣлѣ.

**) Дабы снова не начали говорить фарисеи, что Я совершаю чудеса не Твоею силою, что Я не Твой посланникъ.

***) «Царское, достойное Бога, повелѣніе!» Сутрил. in Johan.

****) Мертвый оживаетъ, связанный ходить; чудо къ чуду; ноги, связанные пеленами, не препятствуютъ движенію! Вас. В. de gratiarum actione.

не удивленіе токмо, но и ужась. Предъ очами всѣхъ стоялъ живымъ тотъ, кто за мгновение предъ тѣмъ находился въ другомъ мірѣ, коего самыя ближніе не прежде надѣялись увидѣть, какъ въ послѣдній день на всемірномъ судѣ! Можно ли было смотрѣть на Лазаря и не вѣровать въ Иисуса? — Многіе изъ иудеевъ, тутъ находившихся, дѣйствительно увѣровали въ Него. Но были и такіе, кои самымъ опытомъ доказали истину словъ Спасителя: *«еще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не илутъ вѣры.»* Въмѣсто того, чтобы остаться долѣе въ домѣ Лазаря, раздѣлить общую радость и насладиться бесѣдою и лицезрѣніемъ Сына Божія, погибельные люди сіи поспѣшили въ Иерусалимъ, дабы увѣдомить скорѣе первосвященниковъ и книжниковъ о томъ, что случилось въ Визаніи *). Такимъ образомъ величайшее изъ чудесъ и слѣдовательно священнѣйшее изъ дѣйствій Богочеловѣка для сихъ людей съ сожженною совѣстію послужило, можетъ быть, случаемъ высказать приверженность свою къ какому-либо знатному фарисею!

Здѣсь какъ бы прерывается нить повѣствованія Іоаннова. Онъ не сказываетъ ничего болѣе ни о первыхъ чувствахъ и выраженіяхъ воскрешеннаго Лазаря, ни о радости и восторгахъ сестръ его; умалчиваетъ даже о томъ, чѣмъ кончилось сіе трогательное зрѣлище, и былъ ли Иисусъ въ домѣ Лазаря: уже — по изображенію находимъ, что Господь съ учениками Своими, скоро оставивъ Визанію, удалился въ одинъ изъ смежныхъ уединенныхъ городковъ. — Краткость удивительная! — Тамъ, гдѣ писатель, водящійся собственнымъ воображеніемъ, далъ бы ему всю волю, почелъ бы за долгъ показать, что онъ умѣетъ понимать великое, трогаться дивнымъ и сообщать свои чувствованія другимъ, — тамъ писатель, движимый Духомъ Божиимъ, *глаголющій не въ наученныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ* (1 Кор. 2, 13), молчитъ, не заботясь о томъ, что его разсказъ можетъ показаться неполнымъ. Между тѣмъ онъ полонъ, цѣль достигнута,

---

*) Нѣкоторые (Origenus, Neumanus, Semlerus, Hesenius) полагали, что эти люди не имѣли злаго намѣренія, и хотѣли только или обличить фарисеевъ, враждовавшихъ на Иисуса, или посоветоваться съ ними, можно ли послѣ сего чуда не вѣрить въ истину Его ученія. Но а) Евангелистъ явно противопоставляетъ сихъ людей увѣровавшимъ въ Господа; б) идти къ явнымъ врагамъ Иисуса за совѣтомъ, должно ли вѣровать въ Него, значитъ — не хотѣть вѣровать; с) предполагаемое намѣреніе — обличить фарисеевъ, слишкомъ произвольно и неумѣстно.

предсказаніе Іисуса исполнилось, въ воскресеніи Лазаря открылась Его Божественная слава; сего довольно: остающіяся за симъ подробности, при всей занимательности ихъ для ума и воображенія, ничего не значили въ очахъ писателя, коего цѣлю быю, дабы читающіе вѣровали, яко *Іисусъ есть Сынъ Божій*, и, вѣруя, наслѣдовали во имя Его жизнь вѣчную (Іоан. 20, 31).

Изъ трехъ прочихъ Евангелистовъ ни одинъ не упоминаетъ о воскресеніи Лазаря. Причина сего открывается сама собою, коль скоро обращаемъ вниманіе на свойство и цѣль ихъ повѣствованія. Изъ всего видно, что Евангелисты не имѣли намѣренія описывать всѣхъ дѣяній Іисуса Христа *): каждый, сообразно своей частной цѣли (главная цѣль — произвести вѣру въ Іисуса Христа — была у всѣхъ одна), избиралъ извѣстныя дѣянія и бесѣды Его; оттого находимъ, что у Евангелистовъ есть сказанія, имъ всѣмъ общія, и у каждаго есть нѣчто такое, чего нѣтъ у другихъ. Въ частности, Матѳей, Маркъ и Лука, какъ видно изъ ихъ Евангелій, занимались болѣе описаніемъ тѣхъ дѣяній Іисуса Христа, кои совершены Имъ въ Галилеѣ; о послѣднихъ событіяхъ — отъ праздника кущей до послѣдней Пасхи — они почти ничего не говорятъ. Напротивъ св. Іоаннъ повѣствуетъ болѣе о томъ, что Іисусъ Христосъ совершалъ въ Іудеѣ, и особенно о томъ, что происходило отъ праздника кущей до послѣдней Пасхи. Посему, какъ прочимъ Евангелистамъ весьма удобно было не упомянуть о воскресеніи Лазаря; такъ св. Іоанну нельзя было умолчать о немъ. Для показанія, что Іисусъ Христосъ воскрешалъ мертвыхъ, могли служить другія чудеса, совершенныя Имъ въ Галилеѣ: какъ то и дѣйствительно — у св. Матѳея (Мат. 9, 18) и Марка (Мар. 5, 42) описано воскресеніе дочери Іаировой (Лук. 8, 41), а у св. Луки — воскресеніе юноши Наинскаго: Іоаннъ напротивъ, имѣя болѣе въ виду Іудею, уже не упоминаетъ о сихъ чудесахъ, довольствуясь воскресеніемъ Лазаря, которое онъ потому излагаетъ съ особенною подробностію.

Довольно правдоподобна также мысль нѣкоторыхъ **), что Лазарь находился еще въ живыхъ, когда первые три Евангелиста описывали дѣянія Іисуса Христа, и что посему упомянуть о его

*) Іоаннъ прямо говоритъ, что онъ описалъ въ своемъ Евангеліи только нѣкоторыя изъ дѣяній Іисуса Христа, и что если бы описывать ихъ всѣ, то цѣлый міръ не вмѣстилъ бы написанныхъ книгъ. Іоан. 20, 30, 31, 21, 25.

**) Grotius in Comment. in Joh. Liljenthalius die gute Sache der Offenbarung. Th. 10. p. 842.

воскресеніи значило бы подвергнуть его новымъ гоненіямъ со стороны іудеевъ, кои и безъ того хотѣли Его умертвить. А св. Іоаннъ, какъ извѣстно, писалъ Евангеліе свое весьма поздно, когда Лазаря, какъ должно полагать, не было уже въ живыхъ, — и слѣдовательно, не было причины къ подобнымъ опасеніямъ *).

Присовокупимъ нѣчто изъ древнихъ преданій къ сказанію Евангельскому. Лазарю было около 30 лѣтъ, когда онъ воскрешенъ изъ мертвыхъ, и столько же почти лѣтъ прожилъ онъ послѣ сего. По воскресеніи своемъ, онъ будто спросилъ Господа: должно ли ему будетъ умереть въ другой разъ? Образъ жизни и поступковъ воскресшаго Лазаря былъ такъ строгъ, что никто не видѣлъ на лицѣ его улыбки: много вмѣстѣ съ сестрами своими онъ содѣйствовалъ къ распространенію вѣры христіанской и скончался епископомъ массилійскимъ, на островѣ Кипрѣ **).

Надъ первосвященниками и фарисеями извѣстіе о новомъ виванскомъ чудѣ Іисуса Христа произвело такое же дѣйствіе, какое испыталъ Иродъ при ужасномъ для него слухѣ о рожденіи царя іудейскаго. Честолюбіе ихъ давно не предвидѣло для себя отъ новаго Чудотворца ничего, кромѣ опасностей: но воскресеніе Лазаря казалось имъ объявленіемъ открытой войны. Въ смущеніи и нерѣшимости немедленно собранъ верховный совѣтъ (Іоан. II, 47), не съ тѣмъ, чтобы разсуждать о Божественности новаго чуда (Анна, Каіаѳа и имъ подобные, едва ли вѣрили чудесамъ, а если и вѣрили, то давно предположили, что чудеса Іисуса не отъ Бога); но чтобы съ общаго согласія опредѣлить, какъ удобнѣе остановить Его успѣхи, предотвратить дальнѣйшее дѣйствіе ихъ на народъ, и такимъ образомъ спасти свою власть и выгоды. Анна съ Каіаѳою, въ рукахъ коихъ была вся сила, конечно, предварительно были увѣрены, что собраніе не сдѣлаетъ ничего больше, какъ только послѣдуетъ ихъ мнѣнію; они могли бы привести въ дѣйство противъ Іисуса собственныя свои средства, не опасаясь отвѣтственности предъ своими сочленами; — но имъ хотѣлось въ такомъ опасномъ дѣлѣ, которое могло вести къ народному возмущенію, дѣйствовать отъ имени всего синедріона, имѣть на своей сторонѣ общій голосъ: обыкновенная хитрость людей, кои не хотятъ обнаружить своего самовластія, хотя тайно все направляютъ къ своимъ цѣлямъ, даже своихъ противниковъ.

*) Schultessius die Gewissheit der Schrifteklarung, erprobt an d. Evang. Erzählung von der Wiederbelebung des Lazarus. 1808 p. 127.

**) Conf. Cornel. a Lapid ad Johan. II.

Мы замѣтили, что въ синадріонѣ, съ самаго начала въ отношеніи къ Іисусу Христу, было два мнѣнія: значительнѣйшая часть членовъ, состоя изъ фарисеевъ, саддукеевъ и книжниковъ, явно враждовала противъ Него; другая, гораздо меньшая, но самая лучшая по своимъ добродѣтелямъ, замѣтно благопріятствовала Ему. Теперь, когда разсужденіямъ касательно Его надлежало принять тонъ болѣе рѣшительный и окончательный; когда дѣло начинало идти уже не только о Его ученіи, но о Его жизни и смерти, — разногласіе членовъ должно было обнаружиться въ самой высшей степени. Такъ дѣйствительно и было, какъ видно по ходу дѣла, хотя Евангелистъ Іоаннъ, по краткости своей, и не говоритъ о семъ прямо и подробно....

Голоса враговъ Іисусовыхъ, по самой многочисленности ихъ, естественно были громче и сильнѣе въ синадріонѣ. Чтобы достигнуть своей цѣли — склонить собраніе къ мѣрамъ насильственнымъ, старался, какъ можно, сильнѣе изобразить мнимую опасность положенія, въ коемъ будто бы находилось отечество и синадріонъ (Іоан. II, 48). Для сего охотно признавались въ томъ, что въ другое время было бы нестерпимымъ униженіемъ для гордости фарисейской: то есть, что большая часть народа явно или тайно благопріятствуетъ новому Пророку и Чудотворцу галилейскому, и что мѣры, доселѣ противъ Него употребляемыя, не принесли никакого успѣха (Іоан. II, 47—50). Будущее изображали въ чертахъ, еще ужаснѣйшихъ. «Не явно ли — разсуждали съ видомъ безпристрастія, — что гробъ Лазаря угрожаетъ гибелію отечеству? — Столь необыкновенное чудо, совершенное въ такой близости отъ Іерусалима, — предъ самымъ праздникомъ Пасхи, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, безъ сомнѣнія, совершено не безъ цѣли; оно — и вотъ тайная цѣль его! — должно оказать чрезвычайное дѣйствіе на весь народъ; теперь и не слѣпой скажетъ: если бы Онъ не былъ отъ Бога, то не могъ бы творить такихъ чудесъ (Іоан. 9, 33); толпа за толпою, всѣ перейдутъ на сторону Чудотворца; синадріонъ останется съ пустыми знаками власти, которая будетъ находиться въ рукахъ Галилеянина, и главы народа Божія должны будутъ ожидать милости и призрѣнія отъ рыбарей геннисаретскихъ!... Но собственное наше бѣдствіе не ужасаетъ насъ: что будетъ съ отечествомъ? — Признанный за Мессію, Онъ, сообразуясь съ желаніями народа, долженъ будетъ объявить войну римлянамъ; да хотя бы и не объявлялъ, повелители свѣта не унесутъ орловъ своихъ, не растерзавъ ихъ когтями всей Іудеи. Что же принесетъ война сія, которая будетъ

стоит послѣднихъ усилій для народа, и безъ того истощеннаго? — Врагамъ нашимъ — новыя побѣды; намъ — новыя пораженія и оковы. Народъ іудейскій слишкомъ слабъ, слишкомъ неприготовленъ, чтобы могъ спорить о побѣдѣ съ легионами Кесаря; новый вождь слишкомъ духовенъ и удаленъ отъ земныхъ дѣлъ, чтобы Его духъ или мужество могли замѣнить недостатокъ дѣйствительной силы. Раздраженные побѣдители свѣта отнимутъ у насъ и послѣднія права, обратятъ въ развалины все, что теперь есть лучшаго — храмъ и городъ; отягчатъ иго, которое и безъ того заставляетъ насъ преклоняться до земли; — и имя Іудеи можетъ навсегда изгладиться изъ списка народовъ (Іоан. II, 46—53).»

Слыша такія сужденія, можно было подумать, что это — отцы отечества, кои, забывъ собственныя выгоды, пекутся единственно о благосостояніи народа. — Всего менѣе! — Римъ и отечество были только на языкѣ, а въ сердцахъ: — личная ненависть къ Іисусу за Его обличенія (Мат. 15, 14), опасеніе потерять свои выгоды и права при новомъ порядкѣ вещей (Мат. 21, 38), нежеланіе разстаться съ своими нечистыми мечтами о Мессіи, — кои видимо не приходились къ Божественному лицу Іисуса, — привычка управлять обстоятельствами, а не подчиняться имъ. Кто зналъ истинное положеніе дѣлъ, тому патріотическія сужденія враговъ Іисусовыхъ, по необходимости, казались жалкими и неосновательными. Во первыхъ Іисусъ Христосъ никогда не обнаруживалъ намѣренія быть земнымъ царемъ; Онъ постоянно избѣгалъ всѣхъ случаевъ, въ коихъ народъ хотѣлъ воздать Ему царскія почести (Іоан. 6, 15). По отношенію къ римлянамъ, Онъ всегда и словами и примѣромъ располагалъ къ безропотному повиновенію существующимъ властямъ: дань Кесарю, коею столько тяготились мнимые патріоты іудейскіе, была, по Его ученію, дань должная, вовсе непротивозаконная (Мат. 17, 24; Злат. Бесѣд. на Іоан. 64). Слѣдственно опасеніе войны съ римлянами отъ лица Іисуса Христа было совершенно напрасно. Между тѣмъ, что ложно приписывали Ему, въ томъ именно были виновны враги Его сами: мысль свѣргнуть иго римлянъ, возвратитъ независимость народа, или точнѣе, синедріона, была любимомъ мыслию вельможъ іудейскихъ *). Если бы новый Чудотворецъ былъ снисходителенъ къ ихъ порокамъ, сообразовался въ ученіи Своемъ съ предразсудками фарисеевъ, не уклонялся отъ дружелюбнаго общенія съ первосвя-

---

*) V. Kuinöl. Comment. ad Math. 14, 2. Johan. 1. 19. sqq.

щенниками, — далъ явственно вырази́тъ, что Его будущее величіе будетъ весьма полезно синедріону: то утвердительно можно сказать, что опасеніе римлянъ не удержало бы никого изъ тѣхъ, кои теперь всего страшились, — что большая часть вельможъ неумедлила бы объявить себя на сторонѣ Іисуса, какъ Мессію, что, вѣроятно, самъ Анна съ Каіафою съ радостію воспользовались бы случаемъ — отъ имени человѣка, приобрѣвшаго любовь народную, прославившагося чудесами, — объявить войну преторіи Пилатовой!...

Признаніе, напротивъ, Іисуса Христа за Мессію, — и только оно одно — могло избавить; какъ замѣчалъ Самъ Богочеловѣкъ, (Лук. 19, 41 — 44), народъ іудейскій отъ тѣхъ бѣдствій, кои угрожали ему со всѣхъ сторонъ. При семъ надлежало бы только разсѣяться мечтамъ о земномъ, всемірномъ владычествѣ Мессію: но сіи-то мечты, по свидѣтельству исторіи, и довели до гибели Іудею, побудивъ ее безразсудно возстать на римлянъ. Надлежало только потерять силу негѣпнымъ преданіямъ фарисеевъ, прекратиться пустымъ спорамъ книжниковъ, окончиться бесполезнымъ хитросплетеніямъ совопросниковъ: но отъ сихъ-то золь и страдала вѣра, нравственность, гражданство; отсюда и брали начало всѣ кровавыя явленія, коими такъ богата исторія народа іудейскаго предъ его паденіемъ. Надлежало наконецъ съ признаніемъ Іисуса за Мессію вытти изъ забвенія древней чистотѣ и простотѣ нравовъ, придти въ силу истинной набожности, религіи очиститься отъ суевѣрія, законамъ освободиться отъ пристрастныхъ толковъ, умамъ получить лучшее направленіе, сердцамъ ознакомиться съ истинною любовію къ Богу и ближнимъ: но въ сей-то благотворной перемѣнѣ и состояло бы духовно-нравственное возрожденіе народа іудейскаго, то изведеніе его изъ гроба, которое предвидѣлъ нѣкогда Пророкъ (Іезек. 37). Къ сожалѣнію, все сіе сокрыто было отъ очей лжеучителей іерусалимскихъ (Лук. 19, 42). Они опасались, по замѣчанію блаженнаго Августина, потерять временное, ни мало не думая о вѣчномъ, и потому потеряли то и другое *). Не будучи способны вникнуть въ высокую цѣль дѣйствій Іисуса Христа, возчувствовать и оцѣнить превосходство Его характера и чистоту ученія, понять простоту и вмѣстѣ дѣйствительность средствъ, коими Онъ хотѣлъ доставить, между прочимъ, земному отечеству Своему счастье и земное,

---

*) Tract. in Johan.

ожидаемое отъ Мессіи, — они судили о Немъ и дѣлахъ Его превратно, поверхностно, злонамѣренно. Имѣя сами нечистые виды, никогда не дѣйствуя безкорыстно, — для общаго блага, думали, что и всѣ дѣйствуютъ, подобно имъ, ищутъ только своихъ выгодъ. При такомъ образѣ мыслей, удаленіе, и въ случаѣ неуспѣха въ томъ, смерть Іисуса Христа представлялись вельможамъ іудейскимъ необходимымъ средствомъ избавить себя и отечество отъ мнимыхъ опасностей: всякая другая мѣра казалась слабѣю, невѣрною, а посему неблагоразумною (Іоан, II, 53; Злат. бес. на Іоан. 64, ad. 63).

Благомыслящіе члены, расположенные къ Іисусу Христу, вѣроятно, должны были щадить покровъ лицемѣрія, принявшаго теперь видъ любви къ отечеству: сорвать его явно значило бы вооружить на себя все полчище Каіафино. Оставалось, не касаясь источника мнѣній и опасеній противниковъ, предполагая ихъ даже происходящими изъ любви къ отечеству, — сражаться тѣмъ же самымъ оружіемъ, показывая, что ихъ основанія не тверды, заключенія не вѣрны. Негодованіе первосвященника противъ членовъ разномыслящихъ, которое мы скоро увидимъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что въ защищеніе Іисуса Христа говорено было теперь не мало (Іоан. II, 49). И чего нельзя было сказать въ защищеніе Того, въ Комъ не было и тѣни грѣха? — Между тѣмъ, какъ зловѣщіе книжники опасенія свои, по необходимости, основывали на однѣхъ выдумкахъ, друзья истины имѣли право ссылаться на дѣла и событія неоспоримыя. Въ опроверженіе нечистыхъ видовъ, приписываемыхъ Іисусу Христу, могли указывать на Божественную чистоту Его нравовъ, на Его высочайшую любовь къ человѣчеству, на образъ Его жизни, въ коемъ невозможно было замѣтить ничего предосудительнаго. Именемъ человѣчества могли требовать, чтобы не осуждали Праведника, не разсмотрѣвъ безпристрастно, виновенъ ли Онъ въ томъ, въ чемъ Его подозрѣваютъ (Іоан. 7, 51); именемъ того же самаго отечества могли умолять не спѣшить осужденіемъ Лица, Которое имѣетъ на себѣ столько признаковъ Мессіи, въ Коемъ большая часть народа находить для себя величайшее утѣшеніе и назиданіе. Могли выставять опасность заблужденія въ томъ случаѣ, если будетъ отвергнутъ истинный Мессія (Дѣян. 5, 39); могли даже напоминать о дѣйствованіи по совѣсти, которая, безъ сомнѣнія, каждому члену или говорила, или готова была сказать, что онъ дѣйствуетъ неправильно, если дѣйствуетъ противъ Іисуса.

Всѣ таковыя внушенія проистекали сами собою изъ любви къ справедливости, изъ уваженія къ законамъ Божескимъ и чело-вѣческимъ; а посему предлагавшимъ ихъ не было нужды опа-саться упрека, что ихъ такъ заставляетъ говорить пристрастіе къ Іисусу, которое въ настоящихъ обстоятельствахъ было бы врагами Его сочтено за измѣну отечеству. Но сія-то самая пра-вота и безстрастіе одному изъ первосвященниковъ, предсѣда-тельствовавшихъ въ собраніи, показали недальновидностію, гру-бою простотою, приличною простолюдинамъ, а не членамъ сине-дріона. Дѣло Іисуса, по его мнѣнію, было дѣломъ не совѣсти и справедливости, а общественнаго порядка, при чемъ должно было смотрѣть не на что другое, а только на общественную пользу или вредъ. «Вы, — вскричалъ онъ какъ бы въ нѣкоторомъ изступ-леніи, — ничего не понимаете! Къ чему сіи челоувѣколюбивыя умствованія? Такая правдивость и чувствительность? — Пусть Онъ будетъ совершенно невиненъ и праведенъ: но Его жизнь, какъ видите, несовмѣстна съ благоденствіемъ общественнымъ; и Онъ долженъ погибнуть! — Эта жертва необходимости: ибо *у не естъ, да одинъ челоувѣкъ умретъ за люди, неже весь языкъ погибнетъ* (Іоан. II, 49. 50).

Евангелистъ, пересказывая послѣднія слова Каіафы, замѣ-чаетъ, что они изречены имъ не отъ себя, а по нѣкому вдох-новенію, и что въ нихъ, безъ нарушенія мысли первосвящен-ника, можно видѣть разительное предсказаніе о спасительной для всего рода челоувѣческаго цѣли смерти Христовой; «ибо, продол-жаетъ Евангелистъ, Іисусу дѣйствительно, по предопредѣленію свыше, надлежало умереть не только за народъ (іудейскій), но и чтобы разсѣянныхъ чадъ Божиихъ (язычниковъ, уже предна-значенныхъ къ чадству Божію) собрать во едино.»

И такое прорицаніе вышло изъ устъ первѣйшаго врага Іису-сова, Его убійцы!... Вышло потому, какъ замѣчаетъ святой Іоаннъ, что Каіафа былъ на то время первосвященникомъ; а кому приличнѣе произнести судъ о цѣнѣ жертвы, какъ не пер-восвященнику? — «Каіафа, по глубокому выраженію одного па-стыря Церкви, прозвучалъ въ этомъ случаѣ, какъ колоколъ, въ который на тотъ день надлежало благовѣстить *).» Лучъ какъ

---

*) Смот. слов. въ вел. пятюкъ, преосвящ. Филарета. Еще св. Златоустъ замѣтилъ, что благодать была только на языкѣ Каіафы, а нечистое сердце его осталось для ней неприкосновеннымъ. Бесѣд. на Іоан. 65. al 64.

бы высшаго озаренія отразился на мгновеніе въ мрачной душѣ саддукея, какъ лучъ солнца отражается въ мутной и зловонной водѣ, не теряя своей чистоты и силы.

Изреченіемъ Каіафы окончилсь пренія членовъ, и голосъ враговъ Іисусовыхъ взялъ рѣшительный перевѣсъ. Лъстецы Каіафы, коили былъ наполненъ синедріонъ, даже не нарушая приличія, могли объявить мнѣніе его какъ бы приговоромъ самыхъ небесъ, потому что между предметами тогдашней народной вѣры было и то, что Богъ открываетъ иногда волю Свою чрезъ великаго первосвященника *). Искусный оборотъ, придуманный Каіафою, казалось, долженъ былъ, безъ оскорбленія, заставить молчать самыхъ друзей Іисуса, если только они не хотѣли защищать Его явно, какъ друзья: — съ ними не спорили уже о Его невинности; требовали только пожертванія симъ невиннымъ человѣкомъ для блага общественнаго, не по чему другому, какъ по той одной причинѣ, что Онъ имѣлъ несчастіе явиться на свѣтъ, такъ сказать, не во время и не у мѣста (Іоан. II, 53). Определено немедленно объявить отъ лица синедріона, чтобы всякій житель Іерусалима, коль скоро узнаетъ о пребываніи гдѣ либо Іисуса, немедленно объявлялъ о томъ своему ближайшему начальству (Іоан. II, 57), которое должно было взять Его и представить синедріону.

Совѣщаніе синедріона съ его кровавымъ опредѣленіемъ не могло не сдѣлаться вскорѣ извѣстнымъ Господу, хотя бы Онъ и не восхотѣлъ въ семъ случаѣ пользоваться силою Своего Божественнаго всевѣдѣнія; потому что между совѣщателями, какъ мы видѣли, находились давніе, хотя тайные, ученики Его и послѣдователи. Вѣсть сія не содержала въ себѣ ничего новаго для Того, Кто видѣлъ все, и ничего печальнаго и ужаснаго для Того, Кто съ гѣмъ, какъ мы видѣли, и шелъ теперь въ Іерусалимъ, чтобы принести Себя въ жертву для спасенія міра. Іисусъ Христосъ неоднократно свидѣтельствовалъ, что Онъ пламенно ожидаетъ того великаго часа, когда Ему, вознесенному на крестъ, можно будетъ сказать: «совершишася!» — Но благо учениковъ Его и послѣдователей, благо вѣры, Имъ проповѣдуемой, благо всего рода человѣческаго требовало, чтобы Онъ уклонился теперь на время отъ преслѣдованій. Сѣмя, долженствующее пасть на землю (Іоан. II, 24) (земная жизнь Богочеловѣка), было столь драго-

*) Joseph. Antiq. 6. 3. Editio obertur. Philo, de creat. princ. p. 723.

цѣнно и Божественно, что для паденія его на землю надлежало избрать время самое приличное, мѣсто самое удобное, чего теперь, очевидно, не доставало. Ибо злоба враговъ Его, вѣроятно, уготовляла Ему смерть тайную; и, можетъ быть, предназначала Ему теперь пасть отъ руки какого либо наемнаго злота. Такая смерть вмѣсто того, чтобъ быть торжественнымъ свидѣтельствомъ истины, всемірною жертвою, принесенною для спасенія рода человѣческаго предъ лицомъ неба и земли, потеряла бы свой величественный, всемірный, Божественный характеръ. И вотъ причины, — каждый чувствуетъ ихъ важность, — почему Иисусъ Христосъ, какъ замѣчаетъ св. Іоаннъ, со времени воскресенія Лазаря *не хождаше къ тому между іудеями явѣ* (Іоан. II, 54; Бесѣд. Злат. на Іоан. 65. ал. 64).

Чтобъ быть до времени въ большей безопасности, Иисусъ Христосъ удалился изъ самой Виѳаніи, не смотря на приверженность къ Нему ея жителей. Мѣсто сіе находилось слишкомъ близко къ Іерусалиму; надлежало ожидать, что, съ распространеніемъ слуха о воскресеніи Лазаря; любопытство привлечетъ сюда толпы народа, а въ слѣдъ за ними подозрѣнія и происки фарисеевъ. Между тѣмъ Онъ не хотѣлъ Своимъ пребываніемъ подвергать жителей Виѳаніи непріятностямъ отъ синедриона.

Убѣжищемъ, на сей разъ избраннымъ, былъ городокъ Ефраимъ, лежавшій въ сторонѣ между Виѳаніею и Іерихономъ, возлѣ дикой и страшной отъ разбоевъ пустыни Карантанской *). Въ сей пустынь, какъ повѣствуетъ преданіе, Господь приготовлялся сорокадневнымъ постомъ къ великому служенію Своему. Въ сихъ же мѣстахъ восхотѣлъ провести и послѣдніе дни, въ приготовленіи къ Своей смерти. Здѣсь Онъ и ученики Его находились въ совершенной безопасности; потому что мѣстопребываніе Его, вѣроятно, было извѣстно только Его ученикамъ и небольшому числу друзей виѳанскихъ.

Какъ отраднo еще разъ, хотя на краткое время, видѣтъ Божественнаго Учителя истины въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Онъ, не стѣсняемый стеченіемъ народа, не возмущаясь кознями враговъ, могъ спокойно провести нѣсколько дней въ тишинѣ и мирѣ! Для Него всегда пріятны были часы уединенія и безмолвія

---

*) Такъ названа сія пустыня первенствующими христіанами отъ сорокадневнаго поста Иисусова. (V. Maundrell. in Paulus Sammlung von Reisebeschreibungen über den Orient. Tom. 1, p. 100.

Лук. 4, 42. 5, 16), обыкновенно посвящаемые Имъ на молитвенное собесѣдованіе съ Отцемъ, или на дружеское наставленіе Своихъ учениковъ. Теперь — съ приближеніемъ страданій и смерти, такое уединеніе и безмолвіе были еще нужнѣе и пріятнѣе. Величественная суровость мѣстоположенія *), видъ безмолвной природы (Исусъ Христосъ всегда любилъ обращать на нее вниманіе) совершенно согласовались съ предметами, коими занята была душа Иисусова. Если ученики Его проразумѣвали и предчувствовали важность наступающихъ событій; то и для нихъ дни, проведенные въ Ефраимѣ, были днями размышленія, молитвъ и тайныхъ великихъ ожиданій.

Евангелистъ не сказываетъ, чтобъ Исусъ Христосъ поучалъ теперь чему нибудь учениковъ Своихъ. Ефраимское уединеніе, кажется, было посвящено Имъ болѣе Себѣ Самому, нежели ученикамъ. Впрочемъ ближайшее обхожденіе съ Учителемъ, воспоминаніе о всемъ прошедшемъ, особенно о послѣднихъ событіяхъ, были сами по себѣ уже весьма поучительны. Такъ бывало и прежде, что Исусъ Христосъ прерывалъ на время Свои наставленія. — Вообще образованіе, данное будущимъ наставникамъ и просвѣтителемъ рода человѣческаго, никакъ не состояло, какъ можетъ подумать кто-либо, въ систематическомъ поученіи ихъ высокимъ предметамъ вѣры. Нѣтъ! оно походило болѣе на обыкновенное, свободное обхожденіе отца съ дѣтьми, опытнаго наставника съ юными друзьями. Господь нерѣдко предоставлялъ учениковъ Своихъ самимъ себѣ, всегда позволялъ имъ дѣйствовать съ полною свободою, какъ бы на единѣ, не входя прямо въ ихъ разговоры и прекословія: только постоянно наблюдалъ за ними, а по временамъ давалъ замѣчать, что отъ Него не сокрыта ни одна ихъ мысль, ни одно желаніе; что Его духъ присутствуетъ между ними и тогда, когда они почитаютъ себя на единѣ.

Между тѣмъ, въ Иерусалимѣ, по случаю приближенія Пасхи, часть отъ часу стекалось болѣе народа. Причиною преждевременнаго прибытія богомольцевъ были набожность и выгода. Отъ желающихъ праздновать Пасху требовалось, на основаніи древняго примѣра (Исх. 19, 10), особеннаго приготовленія, которое въ сіи времена состояло изъ различныхъ очищеній, поста и мило-

---

*) Описаніе сихъ мѣстъ можно видѣть у Розенмюллера въ его Handbuch der Bibl. Alterthumskunde. 1827.

стыни *). Болѣе набожные вѣрили, что сего приготовленія нигдѣ нельзя совершить лучше, какъ въ Иерусалимѣ, предъ домомъ Божиимъ, при помощи и наставленіяхъ фарисеевъ; почему и приходили для сего за недѣлю и болѣе до праздника. Кромѣ сего іудеи, приходившіе издалека, — особенно египетскіе и вавилонскіе, — привозили съ собою различныя издѣлія и произведенія своихъ земель: продажа и мѣна оныхъ заставляла придти на праздникъ ранѣе и уходить позже обыкновеннаго. По симъ и другимъ причинамъ, святой градъ, въ продолженіе пасхальнаго мѣсяца, походилъ на сборное мѣсто всего тогда извѣстнаго міра, особенно Востока.

Воскреситель Лазаря естественно былъ теперь предметомъ народной молвы и всеобщихъ разговоровъ. Всѣ (исключая враговъ Іисусовыхъ) съ нетерпѣніемъ ожидали прихода Его во Иерусалимъ; хотя всякій видѣлъ, что исполненіе сего ожиданія сопряжено съ необыкновенною трудностію, по причинѣ грознаго опредѣленія синадріона противу Іисуса. Вообще въ народѣ господствовало тайное ожиданіе чего-то великаго, необыкновеннаго, сильно пробужденное столь великимъ чудомъ, каково было воскресеніе Лазаря, — съ нимъ, казалось, воскресли всѣ лучшія надежды Израиля. Съ другой стороны видѣли, что верховный совѣтъ іудейскій наполненъ непримиримыми врагами Іисуса, готовыми употребить противъ Него и свои силы, и свое коварство. Отъ сего невольно распространялось уныніе и раждались печальныя предчувствія, тѣмъ болѣе, что, по общему мнѣнію, началу и открытію царства Мессіи, должны были предшествовать величайшія всеобщія скорби и злключенія **). Различныя, справедливыя и несправедливыя слухи и рассказы о Чудотворцѣ, о чудѣ, Имъ произведенномъ, о предпріятіяхъ враговъ Его и проч., — какъ то обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, — то усугубляли надежду лучшихъ временъ, то увеличивали опасенія и недоумѣнія. Если когда, то теперь наипаче — въ рѣшительныя минуты, когда надлежало принять или отвергнуть своего Мессію, — народъ іудейскій уподоблялся овцамъ, неимѣющимъ пастыря (Матѣ. 9, 36). Большая часть пастырей іудейскихъ были не что иное, какъ волки въ одеждахъ овчихъ, и почти всѣ были противъ великаго Пастыреначальника. (Іоанна Предтечи, Пра-

---

*) V. Lightfoot. Hor. Heb. et Talm. Іоан. II, 55.

**) V. Berthold. Christologia Judaeorum, Jesu Apostolorumque, aetate 1811.

веднаго Симеона и Анны, Виѳлеемскихъ пастырей, могущихъ свидѣтельствовать о истинѣ и вразумить народъ, теперь уже не было въ живыхъ). Одна только совѣсть въ каждомъ, — кто имѣлъ ее, — говорила за Іисуса....

Въ такомъ волненіи умовъ протекло нѣсколько дней *). Произвольное и неожиданное удаленіе Іисуса Христа отъ Іерусалима дало новое направленіе мнѣніямъ и содѣлалось новымъ предметомъ догадокъ. Многіе изъ иноземныхъ іудеевъ, слыжавшихъ прежде бесѣды Іисуса Христа въ Іерусалимѣ и имѣвшихъ къ Нему особенное уваженіе, не разъ приходили въ храмъ, думая обрѣсти въ немъ по прежнему Божественнаго Учителя. Не находя Его, начали думать, что Онъ вовсе не придетъ на праздникъ (Іоан. II, 56). Такое мнѣніе, кромѣ медленности, подтверждалось самою сокровенностію Его пребыванія. Вообще, кто менѣе зналъ Іисуса, величіе Его характера, неизмѣнную преданность волѣ Отца небеснаго, готовность принести Себя въ жертву за спасеніе рода человѣческаго, тотъ самымъ положеніемъ вещей склонялся думать, что благоразуміе заставитъ Его не являться въ Іерусалимъ, по крайней мѣрѣ до того времени, какъ измѣнятся обстоятельства. Съ другой стороны извѣстно было, что Іисусъ Христосъ всегда приходилъ на праздники (Іоан. 20, 3. 8, 2, 37), особенно на Пасху въ Іерусалимъ; что Онъ для сего самаго предпринялъ недавно путь изъ Галилеи во Іудею. Самое чудо Виѳанское казалось Его предтечею: произвести его близъ Іерусалима и удалиться ни съ чѣмъ, казалось несообразнымъ съ порядкомъ вещей и событій. Последняя мысль (хотя въ другомъ смыслѣ) заставляла, вѣроятно, и враговъ Іисусовыхъ полагать, что Онъ непременно придетъ на праздникъ. Для нихъ трудно было представить, чтобы виѳанское явленіе не было началомъ другихъ явленій и осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій; чтобы Тотъ, Кто произвелъ его, отказался отъ плодовъ, кои воскресеніе Лазаря должно было принести, доставивъ Ему всеобщее удивленіе и любовь народа, стекшагося на праздникъ. Посему фарисеи со дня на день становились дѣятельнѣе и внимательнѣе; — многіе уже съ тою цѣлію, чтобы прежде всѣхъ открыть приходъ Іисуса, и донести о семъ синедріону, показать себя патріотами и заслужить награду.

За шесть дней предъ Пасхою, какъ говоритъ св. Іоаннъ,

*) Это ясно видно изъ соображенія обстоятельствъ.

Исусъ дѣйствительно явился опять въ Виоаніи. Приходъ Его былъ празднествомъ для всего населенія, особенно для Его почитателей и друзей. Одинъ изъ нихъ, именемъ Симонъ, такъ называемый, прокаженный *), котораго Исусъ Христосъ исцѣлилъ, вѣроятно, отъ проказы, — воспользовавшись покоемъ субботняго дня, учредилъ богатую вечерю для Его угощенія **). Гостепріимная Марѳа уступила ему честь — принять у себя Господа; но взяла на себя трудъ распорядить угощеніемъ и служить самой при трапезѣ Исусу. Уже то показывало величайшее уваженіе къ Нему, что все сіе происходило близъ Иерусалима, когда каждый израильянинъ, подъ опасеніемъ проклятія и казни, долженъ былъ доносить верховному синедріону о мѣстопробываніи Исуса. Общество состояло изъ учениковъ и друзей Его, кои были Имъ исцѣлены, или получили отъ Него другое какое-либо благодѣяніе. Воскрешенный мертвецъ также былъ въ числѣ гостей: и на его лицѣ, конечно, блистала радость, кою исполнены были всѣ вечеряшіе, но отличная отъ прочихъ, свойственная тому, кто еще такъ недавно провелъ нѣсколько дней за предѣлами сего міра. Всѣ глубоко уважали и любили Исуса: но для Лазаря Онъ былъ уже Господомъ жизни и смерти.

Никто не чувствовалъ живѣе радости сихъ минутъ, никто не признавалъ болѣе обязаннымъ себя сею радостію Исусу, какъ Марія. Съ жизнію брата, Господь какъ бы снова даровалъ ей самой жизнь. Чувствительное сердце ея горѣло желаніемъ выразить свою признательность къ Нему какимъ-либо особеннымъ знакомъ. Къ удовольствію своему, она замѣтила, что дражайшему Гостю не оказана еще одна услуга: Онъ не помазанъ благовонными мастями, какъ то бывало иногда при усердныхъ и богатыхъ пиршествахъ ***). Въ домѣ ея оставался (вѣроятно, отъ

---

*) Симонъ былъ теперь свободенъ отъ проказы; иначе онъ, по закону, не только не могъ никого принимать въ домъ свой, но и самъ — быть въ ономъ. Онъ называется прокаженнымъ такъ же, какъ Лазарь — умершимъ (Іоан. 12, 1.), Матѳеі — мытаремъ (Матѳ. 10, 3.), слѣпые — видящими, глухіе — слышащими (Матѳ. 12, 5), — то есть, по извѣстному обороту словъ, прошедшее состояніе берется за настоящее.

***) Вечеря сія помѣщена здѣсь сообразно порядку времени, коего держится св. Іоаннъ. Матѳеі и Маркъ помѣщаютъ ее послѣ предсказаній о разрушеніи храма и концѣ міра, — непосредственно предъ повѣствованіемъ о предательствѣ Иуды. Но это, кажется, только потому, что она въ тѣсной внутренней связи съ симъ предательствомъ. Такая перестановка событій нерѣдко встрѣчается у Евангелистовъ. V. Kuinöl. ad. h. I.

****) Martial. 3, 12 — 14.

погребенія Лазаря) *), фунтъ народоваго чистаго муро. Что можетъ быть лучше, думала она, какъ употребить его въ честь дражайшаго Гостя? — Въ сихъ мысляхъ она не примѣтно выходитъ изъ собранія, и вскорѣ паки является съ алавастровымъ сосудомъ, наполненнымъ драгоцѣннаго благовонія. Между тѣмъ какъ прочіе вечеряли, она начала возливать муро на Господа. Въ такомъ случаѣ обыкновенно помазывали только главу **): но рукою Маріи управляло не обыкновеніе, а глубокое благоговѣніе и любовь; она возливала муро и на ноги Іисусовы, и не довольствуясь еще симъ знакомъ величайшаго усердія, отирала ихъ вмѣсто обыкновеннаго полотенца своими волосами (Іоан. 12, 3). Большой чести нельзя было оказать, хотя бы посѣтителемъ былъ какой-либо царь. Весь домъ наполнился благовоніемъ (Іоан. 12, 3).

Кто взиралъ на Господа такими же очами, какими взирала Марія, и умѣлъ отличать въ дѣйствіяхъ человѣческихъ черты прекраснаго и добраго; тому поступокъ ея былъ весьма пріятенъ, отличаясь особенною рѣшимостію, усердіемъ, благоговѣніемъ и трогательностію.

Господь не говорилъ ничего Маріи; но изъ самаго молчанія Его явствовало, что чистое намѣреніе ея, доставить Ему удовольствіе, достигнуто. Большой награды и не нужно было для сердца признательнаго. Всѣ радовались, но эта общая веселость вдругъ возмущена была неудовольствіемъ, причиненнымъ, сверхъ всякаго чаянія, однимъ изъ учениковъ Іисусовыхъ.

Прекрасный поступокъ Маріи показался ему неумѣстною расточительностію, болѣе прилично какому-либо пышному фарисейскому наставнику, любящему роскошь, а не его Учителю, Который любитъ простоту и не терпитъ излишества, далеку отъ всякаго вида роскоши и всегда возстаетъ противъ жестокосердія богатыхъ къ бѣднымъ. Приличіе требовало, по крайней мѣрѣ, не обнаруживать подобныхъ мыслей: Іуда, напротивъ, (такъ назывался ученикъ) не замедилъ передать ихъ тѣмъ изъ учениковъ, кои сидѣли подлѣ него, а потомъ простеръ дерзость свою до того, что началъ вслухъ осуждать Марію. «Къ чему такая трата? — разсуждалъ онъ: — не лучше ли было продать это муро за триста (столько, по крайней мѣрѣ, дали бы за него) дена-

---

*) Къ сей мысли располагаетъ выраженіе Спасителя: сберегла (*τηρησεν*), и слова Іуды, который упрекалъ Марію не за то, что она купила, а что не продала (прежде купленнаго) муро.

**) V. Lampius ad Johan. 12, 5.

ріевъ и деньги сіи раздать нищимъ?» Такой благовидный предлогъ къ упреку, повидимому, подѣйствовалъ и на другихъ учениковъ, изъ коихъ нѣкоторые также возимѣли мысль, что если и дерзко замѣчаніе Іуды, то самое замѣчаніе сдѣлано не безъ основанія, и въ семъ случаѣ несогласно съ собственными правилами Учителя, и что вообще едва ли не было бы лучше, если бы съ муромъ поступили такъ, какъ говорилъ Іуда (Матѳ. 22, 8).

Если ученики, предосуждая такимъ образомъ сдѣланное Марією, нарушали нѣкоторымъ образомъ долгъ уваженія къ ней, тѣмъ паче къ своему Учителю: то это происходило въ нихъ не отъ злаго намѣренія, тѣмъ паче не отъ худаго сердца, а отъ простоты, привычки изъяснять свободно предъ Учителемъ всѣ свои мысли, — нѣкоторой на сей разъ неспособности оцѣнить достоинство и, такъ сказать, сердечность поступка Маріи, — похвальной, но безвременной заботы о нищихъ, и слѣдственно, — увлеченія примѣромъ Іуды, который, по дерзости и наглости своего характера, и не въ семъ одномъ случаѣ могъ увлекать своими мнѣніями прочихъ. Но въ самомъ Іудѣ дѣйствовало теперь совсѣмъ другое; его мнимое сожалѣніе о нищихъ происходило изъ самаго нечистаго источника... По препорученію Учителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе собственнаго вызова на то, онъ издавна былъ хранителемъ денегъ въ маломъ обществѣ Іисусовомъ, и носилъ для сего именно небольшой ящикъ, въ который усердствующіе клали, кто что могъ (Лук. 8, 3; Матѳ. 22, 55). Большая часть сихъ денегъ обыкновенно расходилась на нищихъ — чрезъ руки Іуды, который въ семъ дѣлѣ не наблюдалъ никакой вѣрности, и многіе бралъ себѣ. По свойству каждой страсти постепенно возрастать и усиливаться, когда ей даютъ пищу, — корыстолюбіе содѣлалось наконецъ неизлѣчимымъ недугомъ души Іудиной, и владѣло теперь всѣми его мыслями и желаніями. Оно-то заставило его осуждать усердіе Маріи и говорить тѣмъ языкомъ состраданія къ нищимъ, который ему менѣе всего былъ сроденъ.

Триста денаріевъ за муро были бы отданы Іудѣ, который поступилъ бы и съ сими деньгами такъ же, какъ поступалъ съ другими. — Господь зналъ о семъ несчастномъ состояніи души Своего ученика и употреблялъ, безъ сомнѣнія, всѣ средства къ его исправленію: только не открывалъ прямо Своихъ мыслей о немъ и не обличалъ его порока предъ другими. При семъ великодушномъ щадѣніи безстыдный ученикъ пользовался возможностью скрывать свое корыстолюбіе и хищничество, то подъ видомъ

попеченія о нищихъ, какъ теперь, то подъ другими, столь же благовидными предлогами. Безъ сомнѣнія, и въ настоящемъ случаѣ низкій лицемѣръ, изъясняясь столь дерзкимъ образомъ, не думалъ чрезъ то сдѣлать какую-либо неблагопристойность; надѣялся, можетъ быть, еще заслужить одобреніе за свою откровенность, мнимую прямоту характера и любовь къ бѣднымъ, которая наблюдаетъ ихъ выгоды и тогда, когда другіе почли бы за лучшее молчать.

Чувствительная Марія тѣмъ болѣе должна была смутиться отъ нареканія Іуды, чѣмъ чище и возвышеннѣе было чувство, изъ коего произошелъ ея поступокъ. Ахъ, какъ холодно, безщадно судили о томъ, что было плодомъ пламенной, чистѣйшей любви къ Спасителю! — «Можно ли называть тратою почесть, оказанную Тому, Кто воскресилъ Лазаря? Всѣ благоуханія ливана ничтожны въ сравненіи съ Его благодареніемъ.» Но, Марія могла чувствовать только свою правоту, а не защищать ее.

Господь благоволилъ сдѣлаться защитникомъ ея кротости. Обнаруженіе низкой страсти Іуды — его постыднаго лицемѣрія было бы самымъ дѣйствительнымъ защищеніемъ и вмѣстѣ справедливимъ наказаніемъ для вѣроломнаго ученика, который омрачалъ присутствіемъ своимъ святѣйшее общество будущихъ просвѣтителей рода человѣческаго. И прочіе ученики могли бы научиться изъ сего не полагаться, безъ разсужденія, на слова другаго, сколько бы они ни были благовидны. Но Господь, по плану премудрости Своей, предоставивъ сына погибельнаго идти своимъ путемъ до конца, пощадилъ и теперь гибельную тайну его сердца; далъ видѣть, будто сожалѣніе о мврѣ проистекаетъ у всѣхъ изъ одного источника — любви къ нищимъ. «*Что вы даете трудъ жепѣ, — сказали Онъ (обратясь къ ученикамъ, и особенно къ Іудѣ). Оставьте ю! Дѣло бо добро содѣла о Мнѣ, еже возможе, сотвори, предваривъ помазати тѣло Мое на погребеніе *)*; нищія всегда илаете съ собою, и егда хоцете, можете илѣ добро творити, Мене же не всегда илаете. Аминь глаголю вамъ, идѣже аще проповѣстѣя Евангеліе сіе (о Мнѣ и смерти Моей) — во всемъ мѣрѣ, и еже сотвори сія, глаголаю будетъ въ память ея (Мар. 14, 3—9; Мат. 26, 6—13).

---

* Нѣкоторые толковники св. писанія (Moschius in der Leidensgeschichte p. 32. Storr. Dissert. Exeg. in Johan. Hess. Lebensgeschichte Jesu) полагаютъ, что Марія сама предугадывала смерть Іисуса Христа, и помазала Его мврѣ именно на погребеніе.

Такія слова не могли не произвести впечатлѣнія сильнаго, хотя оно было различно по различію лицъ. Кроткая радость блистала на лицѣ скромной Маріи: тотъ, кто хотѣлъ подвергнуть ее стыду и смущенію, самъ былъ пристыженъ и смущенъ! Ея имя и дѣянія сдѣлаются извѣстными всему міру, соединятся навсегда съ дѣяніями Іисуса! — «О, такую великую награду за столь малую услугу — за минутное смущеніе можетъ даровать только Тотъ, Кто воскресилъ Лазаря, въ десницѣ Коего — все!» Ученики напротивъ должны были крайне стыдиться, узнавъ, что они почтала напрасною тратою то, что служило приготовленіемъ для ихъ Учителя къ смерти! Какъ неумѣстно представлялось послѣ сего ихъ сожалѣніе о мврѣ! Какъ непріятенъ былъ Іуда съ его безвременною заботою о нищихъ!

Мысль о смерти Господа должна была дать бесѣдѣ другой видъ. Случайно, повидимому, открылъ Онъ судьбу, вскорѣ Его ожидающую: но сіе открытіе тѣмъ было разительнѣе, составляя совершенную противоположность съ общимъ веселіемъ. Взоры всѣхъ, и безъ того часто обращавшіеся на Іисуса, теперъ еще чаще обращались: каждый хотѣлъ прочесть на Божественномъ лицѣ Его, что это за погребеніе, о которомъ Онъ сейчасъ сказалъ?—Въ самомъ ли дѣлѣ, Онъ такъ скоро долженъ умереть?— Мѣсто веселости послѣ сего необходимо заступали задумчивость и мрачность. Ученики снова слышали, что смерть ихъ Учителя не воспрепятствуетъ Ему, какъ они думали, быть Мессіею, и Евангелію о Немъ сдѣлаться извѣстнымъ и восторжествовать надъ всѣмъ міромъ. Какъ все сіе можетъ быть и совмѣститься? Это составляло новый поводъ къ недоумѣніямъ и догадкамъ.

Наступающая ночь проведена была въ Виѳаніи. На другой день Господь намѣревался идти въ Іерусалимъ.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВХОДЪ ИСУСА ХРИСТА ВЪ ИЕРУСАЛИМЪ, ЕГО ДѢЛЪ И ЗНАЧЕНІЮ.

(Отправление двухъ учениковъ въ Висфагію за ослателямъ. — Усердіе и любовь народа. — Слезы Іисуса и Его пророчества объ Іерусалимѣ. — Входъ во храмъ. — Исцѣленіе недужныхъ. — Возвращеніе въ Виѳанію. — Намѣреніе первосвященниковъ — умертвить Іисуса Христа и Лазаря. — Размышленіе о входѣ во Іерусалимъ).

ѣсть о возвращеніи Іисуса Христа въ Виѳанію немедленно достигла Іерусалима, и произвела во многихъ рѣшимость идти туда, чтобы скорѣе видѣть Іисуса (Іоан. 12, 9). Покой субботняго дня, простертый фарисеями до нелѣпныхъ излишествъ (Лук. 13, 15; 14, 5), не позволяяль предпринять сего путешествія теперъ же; только одни саддукеи, по началамъ своей сѣкты, могли нарушать его ненаказанно: но, на другой день рано по утру, Виѳанія уже наполнилась всякаго рода людьями, изъ коихъ большая часть пришла изъявить свое уваженіе великому Чудотворцу, а нѣкоторые — наблюдать за Его поступками (Лук. 19, 39), чтобы донести о нихъ синедріону. Лазарь, послѣ Іисуса, служилъ главнымъ предметомъ любопытства (Іоан. 12, 9): и какъ непосредственный свидѣтель всемогущества Іисусова, и какъ пришлецъ изъ той страны, куда отъ начала міра всѣ илутъ, не возвращаясь. Какихъ вопросовъ не могла предложить ему праздная любознательность фарисейскихъ и саддукейскихъ совопросниковъ, кои въ своихъ синагогахъ непрестанно судили и рядили о будущей жизни: — о томъ, какъ живутъ умершіе, какія у нихъ вечера, велико ли доно Авраамово, остаются ли тамъ въ силѣ узы родства и проч....

Іудеи, пришедшіе въ Виѳанію, вѣроятно, не полагали, чтобы Іисусъ Христосъ осмѣлился идти теперъ во Іерусалимъ. Тѣмъ

приятнѣе было для всѣхъ, когда узнали, что Онъ намѣренъ идти туда въ сей же самый день. Такое намѣреніе служило залогомъ, что Онъ не хочетъ болѣе держать послѣдователей и враговъ Своихъ въ неизвѣстности о цѣли Своего служенія; — рѣшился торжественно предъ всѣмъ Іерусалимомъ объявить Себя Мессіею; и слѣдовательно, совершенно увѣренъ, что враждующій противъ Него синедрионъ не въ состояніи Ему противиться (Мар. II, 10; Лук. 19, 36 — 38). Все это было весьма приятно для народа, который давно съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда, служащій предметомъ всеобщихъ ожиданій, Пророкъ объявитъ Себя Мессіею. Мысль сопровождать Іисуса Христа при Его настоящемъ входѣ во Іерусалимъ, быть свидѣтелемъ того впечатлѣнія, которое произведетъ появленіе Его надъ синедриономъ, раздѣлять съ Нимъ опасность и славу сихъ величественныхъ минутъ, — эта мысль заняла теперь воображеніе и сердце каждаго, — и Іисусъ, при самомъ выходѣ изъ Виваніу, уже окруженъ былъ толпами народа, готовога оказать Ему все усердіе и всѣ почести.

Достигнувъ на пути мѣста (Мар. II, 1; Лук. 19, 29; Мат. 21, 1), противъ котораго находилась Висфагія, — небольшое селеніе, видимое и изъ Іерусалима, на сѣверной оконечности горы Елеонской; — Господь остановился и, подозвавъ къ Себѣ двухъ учениковъ (Петра и Іоанна?), *«идита, сказалъ имъ, въ весь, яже прямо вала: и абіе входяще въ ню обрящета ося привязано и жребля съ ниль, на неже никтоже николиже отъ человекъ всѣде: отрѣшившиа приведита Ми, и аще кто вала речеть: что творита сіе? почто отрѣшиаета? сице рцета ему: Господь требуетъ е, и абіе послеть е сѣло»* (Мат. 21, 3 — 5; Мар. II, 2 — 3; Лук. 19, 29 — 31).» Такое порученіе, не смотря на малость его предмета, было не изъ числа обыкновенныхъ: Іисусъ Христосъ всегда ходилъ пѣшій, до Іерусалима оставалось не далеко; и между тѣмъ теперь надлежало идти за ослицею, какъ бы для какого либо дальняго и утомительнаго пути! И какъ дивно было слышать изъ устъ Іисуса: *Господь того требуетъ!* Но ученикамъ не въ первый разъ было не обнимать мыслію поступковъ своего Божественнаго Учителя, и узнавать цѣль ихъ уже изъ послѣдствій: посланные тотчасъ пошли въ Висфагію, нашли ослицу съ осленкомъ на томъ самомъ мѣстѣ, о которомъ говорилъ Іисусъ; предстоящіе дѣйствительно спросили ихъ, зачѣмъ они берутъ ослевъ: и когда они отвѣчали, какъ имъ было велѣно, то безпрепятственно отпустили ихъ. Такое точное соотвѣтствіе событія съ предсказаніемъ еще болѣе должно было удивить учениковъ, еслибы они не привыкли уже къ не-

обыкновенному. Все показывало, что наступаетъ время чудесныхъ событій. Сынъ Божій начиналъ являть Божественную славу Свою даже въ маловажныхъ, повидимому, обстоятельствахъ; потому что скоро должно было послѣдовать величайшее затмѣнiе Его Божества.

Исусъ между тѣмъ оставался на томъ же мѣстѣ, откуда пошли ученики. Число народа, Его окружающаго, часть отъ часу возрастало: жители Иерусалима и богомольцы, пришедшіе на праздникъ, узнавъ, что Онъ идетъ въ Иерусалимъ; шли Ему на встрѣчу многочисленными толпами (Іоан. 12, 12. 13).

Посланные возвратились. По усердію, и чтобы удобнѣе было сѣсть на жребя ослицы, ученики покрыли его своими верхними одеждами. Когда Учитель возсѣлъ, прерванное шествіе снова продолжалось съ медленностію, которая свойственна сему роду ѣзды. Теперь великій Пророкъ не скрывался уже во многолюдствѣ народа, былъ виднѣе для всякаго; и шествіе, при всей простотѣ своей, являло въ себѣ уже нѣчто торжественное и священное, между прочимъ и потому, — что въ древности животныя, не носившія на себѣ ярма, особенно были выбираемы на священное употребленіе *); въ частности осель издревле на Востокѣ служить символомъ мира, никогда не употребляясь на войнѣ и въ сраженіяхъ **). Посему одинъ взглядъ на Иисуса Христа вдругъ напоминалъ теперь внимательному слова пророка Захаріи, который, описывая царство Мессіи, говоритъ: *рцйте дщери Сионовой: се царь твой грядетъ тебѣ кротокъ, сидя на жребяти осли* (Зах. 9, 9) ***). Такое, повидимому, согласіе Господа съ расположеніемъ народа, хотѣвшаго видѣть Его, какъ можно скорѣе, царемъ, еще болѣе одушевило толпы, Его окружавшія, и возродило въ нихъ смѣлость выразить предъ Нимъ всю полноту своего усердія, самымъ торжественнымъ образомъ. Въ жару увеличивающагося восторга, одни начали рѣзать пальмовыя вѣтви и, потрясая ими въ воздухъ, бросать ихъ по пути предъ Иисусомъ; другіе дѣлали еще болѣе — снимали съ себя платѣе и стлали его по дорогѣ ****). Всякій ста-

*) Втор. 21, 3; 1 Цар. 6, 7. Horat. Epod. 9. 22. Ovid. Metam. 3. 12. Virg. Georg. 4. 540. 551.

**) Meyerі Versuch einer Hermeneut. des N. T. th. 2. p. 558.

***) Что сіе пророчество прилагаетъ къ Мессіи самими евреями, это видно изъ многихъ свидѣтельствъ раввинскихъ. U. Paulus in comment. über das N. T. 3 th. 2 Ausg. 5. 117—119.

****) Слѣды сего обычая донынѣ остались на востокѣ. Chardins Reisen tom 3. p. 103. 209. in form. min.

рался превзойти въ усердіи другаго. Подобно сему встрѣчаемъ былъ въ Иерусалимѣ грозный завоеватель свѣта, Александръ Великій *); подобно сему привѣтствовали нѣкогда царя Агриппу **), — такъ хотѣли почтить теперь и Того, Кто былъ единственнымъ предметомъ всѣхъ надеждъ для бѣдствующаго Израиля.

Пальмовыя вѣтви привели на память праздникъ кущей, а вмѣстѣ съ симъ извѣстный псаломъ Давидовъ ***), который пѣвался въ продолженіе его. Какъ разительнo осуществлялось содержаніе сего пророчественнаго псалма въ настоящемъ событіи! — Иисусъ Христосъ, грядущій въ Иерусалимъ, но отвергаемый синедриономъ, видимо образовалъ Собою тотъ *камень, пренебреженный зиждущими*, который, по слову Давида, долженъ содѣлаться *во главу угла*, и быть дивнымъ въ очахъ всего народа іудейскаго (Псал. 117, 22 — 23). «Настоящій день, думали, покажетъ это. Подлинно, Самъ Господь сотворилъ его, чтобы намъ радоваться и веселиться въ оны (Псал. 117, 24)!» Среди подобныхъ мыслей, любимый и знаемый всѣми наизусть псаломъ непримѣтно переходилъ изъ устъ въ уста; особенно нѣкоторые стихи его, такъ прямо выражавшіе настоящее событіе. Со всѣхъ сторонъ начало раздаваться псаломское: «осанна Сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне! Осанна ва вышнихъ ****)!»

Всеобщій восторгъ еще болѣе усилился, когда достигли послѣдней возвышенности, съ коею надлежало спускаться внизъ до самаго Иерусалима (Лук. 19, 37). Это было одно изъ лучшихъ мѣстъ въ окрестности; Иерусалимъ представлялся отсюда, какъ на картинѣ *****): тамъ, въ правой сторонѣ, надъ ужасною бездною возвышался храмъ Иерусалимскій, и по многочисленнымъ, блистательной бѣлизны, мраморнымъ столпамъ своимъ казался искусственною громадою льдовъ, съ золотымъ куполомъ, отъ коего

*) Joseph. Antiq. 2. 8. 5.

***) Phil. Legat. ad Cajum. L. 1.

****) Kuinöl. Rosenmüller, Gratz. Comment. in Matth. Впослѣдствіи самыя пальмовыя вѣтви у іудеевъ назывались осаннами — отъ частаго повторенія сего слова и цѣлаго псалма 117-го въ праздникъ кущей. V. Angeli Caninii tract. de nomin. Hebr. с. 4.

*****) Псал. 117, 25. 26. Осанна — на еврейскомъ значить: спаси, даруй счастье! — Осанна въ вышнихъ (*ἐν τοῖς ὑψίστοις*) т. е. (*ὁ ὢν ἐν ὑψίστοις*) сущій въ вышнихъ, обитающій на небѣ! Ибо *τὰ ὑψίστα* на еврейскомъ то же, что небо. Сир. 63, 9; Псал. 93, 4; Іов. 31. 2.

*****) Hempel Beschreibung des Jud. Landes 1825 mit Kupfer. S. 44. 45. Relandi Palästina.

лучи полдневнаго солнца отражались, по замѣчанію Флавія, безчисленными молніями. Наружное великолѣпіе его еще сильно напоминало счастливыя времена Давида и Соломона: но онъ былъ уже окруженъ мерзостію запустѣнія, которая вскорѣ имѣла стать на мѣстѣ святѣ. Украшенная орлами римскими, крѣпость Антонія, съ ея огромною башнею, господствуя надъ высотой храма, казалось, выражала униженіе, въ коемъ находился народъ Божій. Тутъ же являлась взору преторія Пилатова: но дворцы первосвященниковъ казались удаленными и были отдѣлены отъ храма пропастями *), какъ бы въ знакъ внутренняго удаленія ихъ обитателей отъ Бога отцевъ своихъ. Останки домовъ Давида и Соломона уже едва были примѣтны во множествѣ новыхъ зданій. Среди сихъ видовъ, изъ коихъ каждый приводилъ на память и древнюю славу, и настоящее униженіе отечества, — взоры всѣхъ невольно обращались на Іисуса, Который видимо несъ съ Собою Іерусалиму его прежнее святое величіе. Надежда славнаго царства Мессіи, казалось, готова была теперь исполниться на самомъ дѣлѣ. «Такъ, думали, Онъ примиритъ насъ съ Богомъ, раздраженнымъ нашими неправдами (Лук. 19, 38)! Онъ возставитъ царство праотца нашего Давида (Мар. 11, 10)! Подъ сѣнію Его мы снова насладимся миромъ, не будемъ рабами язычниковъ!» И полнота патріотическихъ чувствъ снова выражалась въ восклицаніяхъ: еще болѣе со всѣхъ сторонъ сыпалось вѣтвей, цвѣтовъ и одеждъ; еще чаще и громче раздавалось: «осанна».

Господь не препятствовалъ сему искреннему и радостному излиянію чувствъ, происходящихъ изъ пламенной, хотя нѣсколько мечтательной, любви къ Нему и отечеству, и видѣлъ въ семъ случаѣ слѣдствіе не одного обыкновеннаго стеченія обстоятельствъ, а тайныхъ, давно предсказанныхъ Пророками, распоряженій самаго Промысла, который симъ самымъ теперь обращалъ на пришедшаго Мессію вниманіе Іерусалима и всего народа. Взирая такимъ образомъ, Онъ не могъ не принять глубокаго и сердечнаго участія въ томъ, что происходило вокругъ Его.

Но для фарисеевъ (нѣкоторые изъ нихъ вышли съ прочими на встрѣчу Іисусу для обыкновенныхъ своихъ наблюденій) такое зрѣлище народной приверженности было нестерпимо. Чувство любви къ отечеству, столь сильно выражавшееся въ настоящемъ

---

*) Дворецъ Анана стоялъ на Акрѣ, а Каиафы — на Сіонѣ, — двухъ горахъ, кои составляли двѣ особыя части города, в. Непел.

поступкѣ народа, препятствовало осуждать ихъ явно. Можетъ быть, даже фарисеямъ не хотѣлось обнаружить себя публично неблагопріятствующими Іисусу, Который, судя по ходу дѣлъ, какъ они думали, могъ легко сдѣлаться ихъ повелителемъ. Посему лицемѣры приняли такой тонъ, который не знающему ихъ внутренняго расположенія къ Іисусу, могъ казаться безпристрастнымъ, даже дружественнымъ. «Учитель! — замѣтили нѣкоторые, можетъ быть, не мѣшало бы остановить и унять учениковъ», то есть, хитрые лицемѣры хотѣли какъ будто бы дать выразумѣть, что подобныя восклицанія народа, называвшаго Іисуса Сыномъ Давидовымъ, могутъ быть опасны какъ для Него, такъ и для народа со стороны римскаго правительства (Лук. 19, 39 — 40).

Сердцевѣдецъ вѣдалъ, изъ какого сердца истекаетъ мнимый совѣтъ предосторожности: но теперь не время было обличать лицемѣровъ. Не такъ бы начали разсуждать они сами, если бы видѣли, подобно Ему, всю важность настоящихъ событій, ихъ прямое соотвѣтствіе съ предвѣчными судьбами Промысла. «*Аще сіи умолчатъ*, отвѣчалъ Онъ, *каменіе возопіють!*» Такъ, то есть, суждено свыше.

Но эта великая и святая тайна Промысла, совершившаяся теперь надъ Іисусомъ Христомъ, далеко была выше ума слѣпыхъ книжниковъ іудейскихъ; и фарисеи изъ отвѣта Іисусова скорѣе могли заключить, *по своелу*, то есть, что Онъ, какъ потомокъ Давида, твердо рѣшился требовать престола Давидова: и потому открыто позволяетъ Себѣ и народу то, что въ другое время было бы опасною неосторожностію.

Народъ, при всеобщемъ пѣніи и восклицаніяхъ, вѣроятно, не слышалъ отвѣта, сдѣланнаго фарисеямъ. Если Господь не хотѣлъ прекратить восторга народнаго; то еще менѣе, конечно, расположенъ былъ возбуждать его Своими словами. Не смотря на благосклонное принятіе знаковъ радости отъ народа, Его настоящія чувствованія крайне были отличны теперь отъ радостныхъ чувствъ, коими воодушевленъ былъ народъ. Сынъ человѣческій ясно видѣлъ, что настоящее торжественное: «осанна!» скоро будетъ замѣнено неистовымъ воплемъ: «распни, распни Его!» Одного сего предвѣдѣнія достаточно было, чтобы удалить отъ сердца всякую радость. Но не собственная участь занимала Его теперь: Онъ помышлялъ о несчастной судьбѣ Своего отечества. Какъ мрачна и ужасна она была въ будущемъ! — Іудейскій народъ отвергнетъ Его, и вмѣстѣ съ симъ лишится благоволенія небснаго; настоящій день, который долженъ былъ служить началомъ благоденствія

для Его соотечественниковъ, содѣляется по тому самому началомъ ужасныхъ бѣдствій для всего Израиля. Сколько причинъ скорби для Того, Кто пришелъ на землю составить одно благословенное стадо изъ всего рода человѣческаго; но всегда сознавалъ, что на Немъ лежитъ вмѣстѣ съ симъ и особенная обязанность — нещисъ о благѣ погибающихъ овецъ дома Израилева (Матѳ. 15, 24)!

На послѣднемъ спускѣ съ горы, гдѣ дорога касается Геосиманіи, Іисусъ остановился (Лук. 19, 41). На Божественномъ лицѣ Его, дотолѣ ясномъ, обнаружилась глубокая скорбь. (Окружающіе могли замѣтить это, и, въ ожиданіи чего либо съ Его стороны, прекратить на время восклицанія). Господь въ молчаніи взиралъ на Іерусалимъ, какъ бы ища въ немъ признака жизни духовной: обильныя струи слезъ возвѣщали, что искомаго не обрѣлось: «о, если бы, воскликнулъ Онъ наконецъ отъ полноты чувствъ, — о, если бы ты, хотя въ день сей твой, уразумѣлъ, что служить къ спасенію твоему! Но это и нынѣ (какъ прежде) *сокрыся отъ очію твою* (только твоею)! *Придутъ дніе на тя* (Я вижу ихъ: они не далеко), *егда врази твои обложатъ острогъ о тебѣ, и обыдутъ тя и обымутъ тя отвсюду, и разбѣютъ тя и чада твоя посреди тебе, и не оставятъ камень на камени въ тебѣ, понеже не уразумѣлъ еси времени посѣщенія твоего* *).

Продолжающіеся потоки слезъ показывали, съ какимъ чувствомъ произнесены были слова сіи. Ахъ, Кто говорилъ, Кто плакалъ такимъ образомъ объ Іерусалимѣ, Тотъ не былъ, какъ клеветали фарисеи, оболъстителемъ народа, — не желалъ бѣдствій Своему отечеству!

Шествіе продолжалось. При вступленіи въ городъ, Іисусъ окруженъ былъ еще большими толпами народа, такъ что, когда Онъ вошелъ въ Іерусалимъ, то, по выраженію св. Матѳея, *потрясеса весь градъ* (Матѳ. 21, ю). Всякому желалось знать, кто это идетъ съ такою торжественностью. Мысль, что это Іисусъ, не вдругъ могла придти тому, кто зналъ Его прежнее обращеніе и грозное опредѣленіе противъ Него синадріона. Тѣмъ паче, сопровождавшій Господа, народъ съ радостію кричалъ въ отвѣтъ, что это Іисусъ, великій Пророкъ изъ Назарета!

Шествіе направлено было прямо къ храму, который всегда служилъ единственнымъ и какъбы естественнымъ пристанищемъ Сына

---

*) Бѣдственные дни сіи пришли спустя 38 лѣтъ. Іерусалимъ, по распоряженію Тита, дѣйствительно со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ высокимъ валомъ, такъ что нельзя было ни войти въ него, ни выйти.

Божія. Такъ впрочемъ поступали и всѣ путешественники, когда приходили на праздникъ, желая первѣе всего явиться, такъ сказать, лицу Бога отцевъ своихъ. Вошелъ въ храмъ *), Господь осмотрѣлъ все, въ немъ находившееся. (Мар. II, II. *περιβλεψάμενος πάντα*.) Можно было подумать, что Онъ, яко Господь храма, вполне вступилъ въ права Свои и намѣренъ требовать отчета у тѣхъ, коимъ онъ вѣренъ былъ въ Его отсутствіе. И для обыкновеннаго ревнителя благочестія, тѣмъ паче для Сына Божія, храмъ Иерусалимскій представлялъ теперь не мало безпорядковъ, требующихъ исправленія: но оно отложено до слѣдующаго дня, какъ бы для того, чтобы не нарушить торжественности настоящаго. Къ новому Посѣтителю и Владыкѣ храма немедленно собрались, какъ меньшіе братья Его, — хромыя, слѣпые и прочіе недужные, кои и всегда, тѣмъ паче теперь во множествѣ находились при храмѣ: всѣмъ имъ преподано исцѣленіе (Матѣ. 21, 14). Такое обиліе чудесъ еще болѣе должно было увеличить всеобщую радость: торжественное: «осанна!» начало раздаваться въ самомъ храмѣ. Особенное трогательное зрѣлище представляли малыя дѣти, кои, подражая старшимъ, повторяли: «осанна Сыну Давидову!» Псаломъ, изъ котораго взяты слова сіи, былъ имъ извѣстенъ на память, такъ какъ въ праздникъ кушей его пѣвали цѣлыми семействами. Среди общаго восторга имъ казалось, что вмѣстѣ съ Пасхою наступилъ теперь и сей праздникъ, заключавшій въ обрядахъ своихъ весьма много символическаго и занимательнаго для всякаго, особенно для дѣтей. Иисусъ Христосъ всегда благоволилъ къ дѣтямъ **), въ коихъ природа чело- вѣческая является въ простотѣ и откровенности, любезной для сердца добраго. Но первосвященникамъ и книжникамъ восклицанія въ честь Богочеловѣка дѣтей казались жалкимъ триумфомъ, приличнымъ только такому чело- вѣку, который, по собственнымъ Его словамъ, не имѣлъ гдѣ поклонить главу. «Слышишь ли, замѣтили съ негодованіемъ нѣкоторые изъ нихъ, что

---

*) Подъ храмомъ, какъ въ семь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ говорится, что Иисусъ Христосъ вошелъ во храмъ, училъ въ храмѣ и проч., — должно разумѣть внѣшнюю часть храма, которая состояла въ пространномъ, раздѣленномъ на различныя отдѣленія, дворѣ и внѣшнихъ многочисленныхъ пристройкахъ къ самому храму: Святое и Святое Святыхъ, кои собственно составляли храмъ, были неприступны для людей, не принадлежащихъ къ сословію священниковъ. v. Rosenm. in Alterthumskunde.

** Gratz. Comment. in Matth. 21, 15. Lightfootus in Hor. Heb. et Talmud.

они говорятъ? Какую, то есть, честь Тебѣ оказываютъ?» — А вы, отвѣчалъ Господь, развѣ никогда не читали въ писаніи: *яко изъ усть младенецъ и сущихъ совершилъ еси хвалу* (Мат. 21, 16)?

Слова сіи содержали въ себѣ и самый лучший отвѣтъ, и самый сильный упрекъ книжникамъ: потому что за ними въ псалмѣ слѣдуетъ: *врагъ твоихъ ради, еже разрушити врага и лестника* (Псал. 8, 3). Ибо кто болѣе враждовалъ противъ Іисуса, какъ не первосвященнику и книжнику?

Давидъ въ помянутомъ псалмѣ описываетъ величіе Божіе, которое столь явно повсюду, что самые грудные младенцы чувствуютъ оное и прославляютъ Бога. Іисусъ Христосъ, относя сіе описаніе Давидово къ настоящему случаю, какъ бы такъ говорилъ книжникамъ: вмѣсто того, чтобы недоумѣвать и издѣваться надъ дѣтьми, вамъ бы должно было устыдиться ихъ безъискусственныхъ восклицаній: эти малолѣтныя, признавая Меня въ младенческой простотѣ своей за Мессію, вразумляютъ своимъ примѣромъ васъ — престарѣлыхъ!

Враги и местники умолкли, — и Господь безпрепятственно оставался въ храмѣ до окончанія дня, занимая, вѣроятно, народъ поучительными бесѣдами. Съ наступленіемъ вечера Онъ оставилъ не только храмъ, но и городъ, и, въ соупутствіи двѣнадцати учениковъ Своихъ, удалился паки въ Виѳанію. Тамъ, среди друзей, Онъ могъ совершенно предаться успокоенію, особенно нужному послѣ такого дня, который и для Іерусалима и для Него Самого былъ днемъ единственнымъ и чрезвычайнымъ.

Для учениковъ Іисусовыхъ день сей былъ какъ бы приятнымъ видѣніемъ. Высокая цѣль знаменательныхъ дѣйствій ихъ Учителя, по признанію одного изъ нихъ, не была ими понята (Іоан. 12, 16). Находя въ событіяхъ сего дня столь много благопріятствующаго своему мнѣнію о скоромъ воцареніи Учителя надъ Израилемъ, они не могли не думать, что, объявивъ Себя, какъ имъ казалось, Мессію, Онъ съ сего времени будетъ дѣйствовать рѣшительнѣе, и такимъ образомъ скоро достигнется конецъ ихъ пламенныхъ желаній, то есть, Его видимое воцареніе надъ Израилемъ.

Вечеръ, проведенный въ Виѳаніи послѣ того дня, не могъ быть проведенъ безмолвно. Въ кругу учениковъ и друзей Господь, безъ сомнѣнія, пояснилъ знаменательныя событія прошедшаго дня; по крайней мѣрѣ сколько нужно было для устранения ложной мысли, что Его торжественное вшествіе во Іерусалимъ предпринято было съ какою либо мірскою цѣлію.

Какъ отрадно, безъ сомнѣнія, было бы для Богочеловѣка теперь, на концѣ великаго поприща Своего, раскрыть предъ учениками и всѣ прочіе Божественныя виды Свои, ввести ихъ, такъ сказать, въ самую среду великихъ судебъ Божиихъ, кои въ лицѣ Его вскорѣ должны были совершиться! — Возвышенныя души всегда тяготятся и скорбятъ, если не могутъ сообщить другимъ всего прекраснаго и великаго, которое зрѣтъ въ ихъ глубинѣ. Что же могло быть величественнѣе и святѣе рѣшимости — принести Себя въ жертву за спасеніе міра, которая управляла теперь всѣми дѣйствіями Богочеловѣка? И когда нужнѣе было дружеское участіе, какъ не теперь, когда, — сообразно высокой цѣли искупленія человѣковъ, — изъ любви къ истинѣ и добродѣтели, надлежало идти на крестъ? — Но ученики и друзья Іисусовы еще не способны были вознестись на ту высоту, съ которой Сынъ человѣческій взиралъ на Свое предназначеніе — быть Спасителемъ рода человѣческаго. Потому, при всемъ желаніи раздѣлять съ ними всѣ чувства Свои, Онъ долженъ былъ до самаго креста сокрывать въ собственномъ сердцѣ большую часть тѣхъ возвышенныхъ истинъ, кои служили основаніемъ Его великой дѣятельности. Только Отецъ небесный зрѣлъ возлюбленнаго Сына во всей лѣпотѣ Его нравственныхъ совершенствъ; только сонмы премірныхъ духовъ (Іоан. 1, 51) могли созерцать великую цѣль, для которой подвизался Сынъ человѣческій, — высоту и чистоту средствъ, Имъ употребленныхъ, и то послушаніе и самоотверженіе, по коему Онъ, *будучи въ образѣ Божіемъ*, благоволилъ смирить Себя *до смерти крестной*.

Среди ночной тишины, въ молитвѣ предъ Отцемъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе пролито слезъ о несчастной участи народа іудейскаго, нежели сколько было видимо оныхъ на лицѣ Богочеловѣка при торжественномъ входѣ во Іерусалимъ.

Входъ сей, еще болѣе, нежели воскресеніе Лазаря, привелъ въ замѣшательство враговъ Іисусовыхъ. Тотъ, Кого верховный синедріонъ осудилъ на смерть, Коего самое мѣстопробываніе долженъ былъ объявлять начальству каждый, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго наказанія, — Тотъ Самый предъ лицемъ синедріона торжественно вошелъ во Іерусалимъ, провелъ полдня въ храмѣ, принялъ почести, принадлежащія Мессіи, и удался въ Свое уединеніе, какъ побѣдитель! — Случай сей показалъ, что значить и какъ много можетъ нравственная доблесть противъ коварства и злобы. Сынъ Давидовъ не имѣлъ ни одного служителя, который бы вступился за него (Іоан. 18, 36);

леіоны Ангеловъ, всегда бывшихъ въ готовности вспомошествовать — Сыну Божію (Матѣ. 26, 53), пребывали только безмолвными зрителями Его вшествія; за Него дѣйствовали одна истина и правда: — и между гѣмъ цѣлый синедріонъ не могъ ничего сдѣлать противъ Него, признавъ себя побѣжденнымъ!!...

Злоба онѣмѣла, но въ тишинѣ дѣйствовала. Успѣхъ Іисуса производили изъ того, что противъ Него не предпринято было рѣшительныхъ мѣръ. «Видите ли, говорили фарисеи старѣйшинамъ, что вы не успѣваете ничего по своей нерѣшительности? За Нимъ идетъ весь міръ (Іоан. 12, 19).» Посему рѣшено дѣйствовать безъ отлагательства, однако же по прежнему болѣе тайно, по причинѣ всеобщаго расположенія къ Іисусу Христу народа, которое не позволяло употребить открытой силы. Не малая часть ненависти пала и на Лазаря, воскресеніе коего было главною причиною, что народъ оказалъ столько усердія при встрѣчѣ Іисуса: положили снова отнять ту жизнь, которая столь чудесно дарована ему въ другой разъ! (Іоан. 12, 10).

Такія ужасныя мѣры, принятыя синедріономъ, по крайней мѣрѣ главами его, вслѣдствіе входа Іисуса Христа во Іерусалимъ, — требуютъ, чтобы мы еще остановились размышленіемъ на семь событіи и рассмотрѣли оное въ его истинномъ значеніи.

Обозрѣвая служеніе Іисуса Христа, припоминая, какъ Онъ поступалъ до сего времени; какъ тщательно уклонялся всѣхъ случаевъ, гдѣ усердіе народа могло дойти до необдуманныхъ дѣйствій въ Его пользу; какъ часто самимъ послѣдователямъ и ученикамъ Своимъ запрещалъ объявлять всенародно, что Онъ есть всѣмъ ожидаемый Царь Израилевъ; какъ наконецъ постоянно отвергалъ всякую земную почесть, отдавая всѣ поводы къ той мысли, что Онъ имѣетъ какіе-либо виды на престолъ Своихъ праотцевъ по плоти: припоминая, говорю, все это и взирая на Іисуса Христа въ продолженіе настоящаго дня, иной можетъ подумать, что Имъ принятъ теперъ какъ бы другой, противоположный образъ дѣйствія, что Онъ намѣренъ, сообразно всеобщимъ ожиданіямъ, дѣйствительно явить Себя видимымъ Царемъ Израіля и возстановить престолъ Давида, хотя не въ такомъ плотскомъ видѣ, какъ то воображали многіе изъ іудеевъ. Между гѣмъ Божественный Учитель истины оставался непреложно гѣмъ же, чѣмъ былъ прежде; и торжественный входъ Его въ Іерусалимъ совершенъ съ полною увѣренностію (Мат. 20, 17 — 19; Мар. 10, 32 — 34; Лук. 18, 31 — 34; Іоан. 11, 7 — 16), что чрезъ нѣсколько дней въ семь же Іерусалимъ Его осудятъ на смерть,

предадутъ язычникамъ и пригвоздятъ ко кресту, какъ величайшаго преступника. Что же послѣ сего быма за цѣль столь необыкновеннаго поступка? Для чего допущено Богочеловѣкомъ, чтобы предъ самымъ страданіемъ и смертію возданъ былъ Ему нѣкій видъ царственной почести, отъ коей Онъ такъ постоянно уклонялся во время Своего служенія? Подобнымъ снисхожденіемъ Его къ патріотическому восторгу народа, искавшаго видѣть въ Немъ возстановителя престола Давидова, не могла ли даже питаться въ народѣ мечтательная надежда земнаго царства Мессіи, которую Онъ старался искоренять столь ревностно? Самымъ врагамъ Іисусовымъ не давалось ли чрезъ сіе благовиднаго предлога обвинять его въ какихъ-либо земныхъ замыслахъ? — Вопросы сіи, занимавшіе еще св. Златоуста, тѣмъ паче должны остановить на себѣ наше размышленіе, что вшествіе Іисуса Христа во Іерусалимъ не разъ подвергалось превратнымъ толкамъ враговъ христіанства *).

Евангелисты Матѳей и Іоаннъ, повѣствуя о входѣ въ Іерусалимъ, замѣчаютъ (Мат. 21, 4 — 5; Іоан. 12, 14 — 15), что событіе сіе послѣдовало вслѣдствіе предсказанія Пророка о такомъ вшествіи во Іерусалимъ Мессіи. Посему на вышепредложенные вопросы можно бы отвѣчать (какъ и отвѣчали нѣкоторые **), что Спаситель, — Который еще Своему Предтечѣ благоволилъ сказать, что Ему надобно *исполнить всякую правду*, и по воскресеніи ученикамъ Своимъ объявилъ (Лук. 24, 25 — 27), что на Немъ надлежало исполниться всему, писанному о Немъ Моисеемъ и Пророками, — восхотѣлъ исполнить и пророчество о входѣ Своемъ въ Іерусалимъ, и притомъ — буквально, дабы тѣ изъ іудеевъ, кои знали и понимали сіе пророчество ***), (а такіе были), не имѣли права сказать, что на Немъ сего не исполнилось. Но такимъ отвѣтомъ дѣло было бы рѣшено только въ половину; потому что выраженія Евангелистовъ: *да сбудется реченное Пророкомъ, да исполнится Писаніе* и проч., означаютъ не причину событія, а указаніе на пророчество о событіи: такъ какъ и вообще Мессія имѣлъ сдѣлать то или другое не потому, что Пророки представ-

*) Vom Zwecke Jesu und Seiner Jünger 1778. Catéchisme de l'honnêt-homme p. 34 — 40.

**) Rergers Moral. Einleitung in das N. T. i. Th. S. 238 — 40.

***) Conf. Paulus in Comment, гдѣ приведены свидѣтельства древнихъ раввиновъ о смыслѣ пророчества.

ляли Его поступающимъ такимъ или другимъ образомъ; а напротивъ Пророки изображали Его въ томъ или другомъ видѣ потому, что Ему надлежало по другимъ причинамъ имѣть сей, а не другой видъ. Посему полного отвѣта на вопросъ о цѣли торжественнаго вшествія Іисусова въ Іерусалимъ должно искать не въ предсказаніи, которое само зависѣло отъ событія, а въ существѣ и обстоятельствахъ самаго событія.

И дѣйствительно, обращая вниманіе на служеніе Іисуса Христа, и особенно на Его отношеніе къ народу іудейскому, не трудно примѣтить, что такое событіе, какъ торжественное вшествіе въ Іерусалимъ, — было нужно, — и именно предъ Его страданіемъ.

Іисусъ Христосъ пришелъ на землю, какъ Спаситель всего рода человѣческаго: но пришелъ яко Мессія, обѣщанный предварительно народу іудейскому и имѣющій среди его явиться міру. Какъ обѣтованный Израилю Мессія возвѣщенъ Онъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи (Лук. 1, 32. 33) при самомъ Его зачатіи, а при рожденіи — пастыремъ вилеямскимъ (Лук. 2, 10 — 12); какъ обѣтованный Израилю Мессія, указанъ Онъ Іоанну Крестителю (Іоан. 1, 33), а Іоанномъ — народу (Іоан. 1, 36); какъ обѣтованный Израилю Мессія, Онъ училъ, творилъ чудеса, обличалъ, пророчествовалъ и проч. Кто изъ іудеевъ былъ внимателенъ къ ученію Іисуса Христа и Его дѣяніямъ и судилъ безпристрастно: тотъ давно могъ признать Его въ своемъ сердцѣ Мессіею, хотя бы и не слышалъ торжественнаго объявленія о Его достоинствѣ. Но для большей части народа требовалось, чтобы Онъ Самъ всенародно объявилъ Себя Мессіею, предвозвѣщеннымъ Пророками: въ народѣ господствовало даже мнѣніе, что Мессія откроется хотя внезапно (Іоан. 7, 27), впрочемъ такъ торжественно, что о приходѣ Его узнаютъ всѣ іудеи во всѣхъ концахъ свѣта. Въ семъ ожиданіи, конечно, было не безъ мечтательности; но было нѣчто и совершенно справедливое, основанное на предсказаніяхъ Пророковъ, и на самомъ существѣ дѣла; ибо явленію такого великаго и необыкновеннаго лица, какъ Мессія, по необходимости, надлежало придти во всеобщую извѣстность.

Но сего-то самаго и не было еще сдѣлано доселѣ. Іисусъ Христосъ не только не именовалъ Самъ Себя прямо Мессіею, но часто даже ученикамъ Своимъ запрещалъ называть Себя предъ народомъ этимъ именемъ (Мат. 12, 16; 16, 20; Мар. 1, 34. 44 — 45; 3, 12; 5, 43; 7, 24; Лук. 4, 41; 5, 14. и пр.), поступая въ семъ случаѣ по плану Своей Божественной премудрости. Посему нѣкоторые, съ истиннымъ или притворнымъ усердіемъ, говорили

Ему громко: «доколѣ души наши вземлешь? (долго ли Тебѣ держать насъ въ недоумѣніи?) Аще Ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуюся (Іоан. 10, 24) (скажи намъ прямо). Для удовлетворенія всѣмъ симъ нуждамъ, для отклоненія всѣхъ недоумѣній, Сыну человѣческому надлежало явиться дочери Сіоновой въ полномъ видѣ Царя кроткаго, дабы она, отвергнувъ въ Немъ Жениха своего, не могла сказать, что отвергла Его по невѣдѣнію. И вотъ въ семь-то самомъ и состояла главная цѣль настоящаго торжественнаго входа Іисусова въ Іерусалимъ *)! Это было для всѣхъ іудеевъ всенароднымъ объявленіемъ, что Іисусъ Христосъ есть ихъ истинный Мессія. Неоспоримымъ доказательствомъ сего служатъ собственныя слова Его, произнесенныя Имъ, какъ мы видѣли, предъ вратами Іерусалима: «о, если бы ты хотя въ сей день твой уразумѣлъ, что служить къ спасенію твоему!» Выраженіе: *день сей твой* показываетъ чрезвычайную важность настоящаго событія для народа іудейскаго, ту важность, которую мы сейчасъ усвоили ему. Дѣйствительно, *днемъ симъ*, съ отверженіемъ Мессіи, навсегда была рѣшена судьба народа израильскаго. Въ такомъ случаѣ подлинно, если бы ученики умолкли, то заговорили бы самые камни. Такъ время было важно и вознаграждимо!

Не трудно усмотрѣть, почему такому всенародному объявленію, — что Іисусъ Христосъ есть Мессія, — надлежало послѣдовать не прежде, какъ при самомъ концѣ Его служенія **). Непремѣннымъ слѣдствіемъ его со стороны синедріона имѣло быть если не принятіе за Мессію, то рѣшительное преслѣдованіе Іисуса Христа и Его смерть: но смерть прежде сего была бы безвременна, потому что еще не было положено прочное основаніе царству Божію на земли, для учрежденія коего сошелъ на землю

---

*) Harras Bemerkungen über den letzten Einzug Jesu zu Jerusalem in Eichhorn. Bibl. 10. 189 — 242.

**) Іисусъ Христосъ — разсуждаетъ св. Златоустъ, — часто приходилъ въ Іерусалимъ, но никогда — съ такимъ торжествомъ. Почему такъ? — Прежнія посѣщенія Его были только началомъ домостроительства спасенія; Онъ Самъ еще не былъ всѣмъ извѣстенъ; и еще не наступило время страданій. Посему Онъ до сего времени не объявлялъ о Себѣ особеннымъ образомъ, даже какъ бы скрывался. — Но, послѣ того, какъ показалъ много опытовъ Своего всемогущества, когда крестъ уже былъ при дверяхъ, Онъ объявляетъ о Себѣ съ торжествомъ.... Все сіе могло быть сдѣлано съ самаго начала, но не принесло бы пользы. Hom. in Math. 66. al 67.

Сынъ Божій. Съ другой стороны, если бы Іисусъ Христосъ, объявивъ Себя Мессіею, и слѣдовательно по понятію народа царемъ Израіля, оставался на землѣ долѣе, то народъ іудейскій, вѣроятно, не удержался бы отъ безпокойныхъ движеній и произвелъ бы, во имя пришедшаго Мессіи, возстаніе противу римлянъ. Теперь краткость времени, протекшаго до страданій Іисуса Христа, не позволила мечтательности народной дойти до подобной крайности: а крестъ Его рѣшительно полагалъ конецъ въ послѣдователяхъ Его всѣмъ подобнаго рода замысламъ.

Независимо отъ сего, нельзя не примѣтить, что для входа въ Іерусалимъ избранъ былъ, и конечно не безъ особеннаго намѣренія, тотъ самый день (10 марта), въ который въ каждомъ семействѣ избирали агнца, имѣвшаго служить Пасхою. Кто видѣлъ въ агнцѣ пасхальномъ не одинъ припоминательный знакъ прошедшаго благодѣянія Божія, оказаннаго праотцамъ іудеевъ въ Египтѣ, но и прообразование великаго Агнца Божія, имѣвшаго придти для искупленія грѣховъ всего міра (а такіе люди были Іоан. 1, 3. 6): для того такое совпаденіе времени должноствовало быть весьма поучительно. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ Своего входа въ Іерусалимъ, остальные дни до Своей смерти Іисусъ Христосъ обращался между народомъ уже не иначе, какъ жертва, видимо обреченная на закланіе: дни сіи проведены были и Имъ Самимъ и врагами Его именно въ приготовленіи къ Его смерти.

Что касается до самаго образа вшествія въ Іерусалимъ и его подробностей; то въ семъ отношеніи, явно, поступлено въ сообразность древнему пророчеству, и поступлено съ величайшею мудростію (Зах. 9, 9). Не смотря на нѣкоторую, по сей причинѣ, неизбѣжную торжественность, все было предусмотрѣно, такъ, чтобы исполненіе пророчества не послужило пищею для народной мечтательности о земномъ царствѣ Мессіи. Между почитателями Іисуса Христа было не мало людей важныхъ и богатыхъ, которые, по одному слову Его, могли бы доставить Ему все, нужное для того, чтобы явиться дщери Сіоновой въ величіи Царя Израілева. Но Онъ не дѣлаеть сего; является всему Іерусалиму съ обычною для Него простотою, смиреніемъ, даже убожествомъ: Его именуютъ Царемъ Израілевымъ; Ему поютъ: «осанна»; предъ Нимъ сыплютъ вѣтви, постилаютъ одежды, — почести, выражающія величайшую любовь, искренность и силу усердія: — но гдѣ торжественная колесница? гдѣ вооруженные слуги? гдѣ царскія украшенія? — Все это замѣнено двѣнадцатію учениками, столь же убогими, какъ и Учитель, ослицею и осленкомъ, взятыми на

время у другихъ!... Самый послѣдній изъ владѣльцевъ никогда не являлся въ такой простотѣ и убожествѣ, какъ теперь — Иисусъ! Все, чѣмъ украшался входъ Его, состояло въ непритворной радости и усердіи народа и учениковъ Его, такъ что внимательный наблюдатель уже теперь могъ видѣть ту святую истину, изреченную впоследствии предъ Пилатомъ, что царство Иисуса Христа не отъ міра сего *).

Посему, въ слѣдъ за отцами Церкви, можно сказать о семъ торжественномъ входѣ еще гораздо болѣе — а именно что цѣлю его было между прочимъ и намѣреніе — одушевлявшее всѣ поступки Иисуса, — уничтожить въ умѣ Своихъ соотечественниковъ мечту о земномъ царствѣ Мессіи. Въ самомъ дѣлѣ, мнимымъ основаніемъ сей мечты служили преимущественно тѣ мѣста у Пророковъ, гдѣ Мессія описывается какъ Царь. Иисусъ Христосъ всенародно показалъ теперь, какъ можно быть Царемъ — Мессією, описаннымъ пророками, и въ то же время быть совершенно чуждымъ земнаго владычества. Послѣ сего нѣтъ никакого мѣста той ложной мысли, которая сдѣлалась въ послѣдствіи времени такъ всеобщою между іудеями: то есть, что пророчества о Мессіи, по ихъ рѣзкой противоположности, не иначе можно согласить, какъ допустивъ двухъ Мессій: одного сильнаго — Царя, Сына Давидова; другаго — безславнаго, страдающаго и умирающаго, отъ колѣна Ефремова. Иисусъ Христосъ, съ нравственно-духовнымъ величіемъ Своимъ, съ Своимъ страданіемъ и смертію, совмѣстилъ въ Себѣ въ семъ случаѣ то, что въ предсказаніяхъ Пророковъ о Мессіи казалось земнымъ, частнымъ и мѣстнымъ, именно, чувственное явленіе всему народу израильскому въ видѣ Царя, ѣдущаго на маломъ ослѣ, и принятіе отъ Іерусалима всенародныхъ почестей, въ качествѣ Сына Давидова.

Еслибы, примѣтимъ еще, въ торжественномъ вшествіи Иисуса Христа въ Іерусалимъ заключалось что либо противное, существовавшему тогда, гражданскому порядку вещей, что либо неблагопріятное для тогдашняго римскаго правительства: то возможно ли, чтобы римская стража, всегда строгая, а особенно усугублявшая свою бдительность во время праздниковъ, не обратила никакого вниманія на это вшествіе? Но подобнаго вниманія нисколько не обращено. — Возможно ли, чтобы сіе событіе

*) Evseb. l. 8. Demonstr. c. 4. Chrysost. in Hom.

осталось въ совершенной неизвѣстности для ижемона іудейскаго человѣка подозрительнаго и весьма строгаго, который, для поддержанія римскаго самовластія, охотно употреблялъ огонь и желѣзо при самыхъ неважныхъ подозрѣніяхъ *)? Но Пилатъ, какъ изъ всего видно, нисколько не зналъ или не заботился о семъ событіи. Не очевидно ли послѣ сего, что, по мнѣнію самой римской стражи и начальства, — свидѣтельство, сильнѣе коего нельзя и желать, — вшествіе Іисуса Христа во Іерусалимъ не только не заключало въ себѣ ничего несовмѣстнаго съ видами римлянъ, съ выгодами кесаря, но и не выходило изъ обыкновеннаго порядка вещей.

Обратимся наконецъ къ самымъ врагамъ Іисусовымъ: кто сильнѣе ихъ могъ клеветать на Него? И кто готовѣе былъ на клевету противу Него всякаго рода? — Однакоже, при всей злобѣ своей, они не осмѣлились поставить Ему въ вину входа Его во Іерусалимъ ни въ синедрионѣ, ни предъ Пилатомъ: такъ дѣло сіе было чисто, невинно, свято.

---

*) Лук. 13, 1. Joseph. Antiq. 18, 3. 2.

ПРОКЛЯТІЕ СМОКОВНИЦЫ И ИЗГНАНІЕ ИЗЪ ХРАМА ТОРЖНИКОВЪ.

(Возвращеніе въ Іерусалимъ по утру изъ Виваніи. Гладъ. Проклятіе смоковницы. Его значеніе. Изгнаніе изъ храма торжниковъ. Приличіе и необходимость сего поступка. Наставленіе ученикамъ по случаю изсохшей смоковницы.)

о избѣжаніе тайныхъ козней отъ враговъ и волненій народныхъ, Господь всѣ послѣднія ночи предъ страданіемъ и смертію Своею проводилъ внѣ Іерусалима, въ кругу усердныхъ почитателей и друзей: но поприщемъ послѣднихъ дѣйствій Его долженствовалъ быть Іерусалимъ, какъ вмѣстилище всего священнаго, какъ средоточіе всенародной дѣятельности. Посему, едва только наступило утро, Господь вмѣстѣ съ учениками отправился во святыи градъ тѣмъ же, что и вчера, путемъ, но уже безъ всякой торжественности, которая и вчера была болѣе естественнымъ слѣдствіемъ необыкновеннаго стеченія обстоятельствъ, нежели дѣйствіемъ особенныхъ плановъ и предварительныхъ соображеній. Свѣжесть весенняго утра, чистота горнаго воздуха, разнообразіе видовъ, представляющихся съ Елеона, дѣлали сіе путешествіе весьма пріятнымъ и легкимъ. — Господь почувствовалъ голодъ, и желалъ Его утолить теперь же, вѣроятно, не предполагая быть въ Іерусалимѣ гдѣ либо, кромѣ храма. Какъ бы для сего самаго представилось недалеко отъ пути смоковничное дерево. Пора смоквъ еще не наступила: но какъ дерево покрыто было листьями (на смоковницѣ листья выходятъ послѣ плодовъ); то надлежало предполагать, что это одна изъ позднихъ смоковницъ, на коихъ плоды держатся иногда во всю зиму и дозрѣваютъ весною

среди новыхъ листьевъ *). И Господь пошелъ прямо къ смоковницѣ, чтобы утолить плодами ея Свой голодъ. Но на деревѣ не нашлось ни одного плода зимовалаго; не было признака и новыхъ лѣтнихъ плодовъ: смоковница была совершенно безплодна! Это огорчило всѣхъ; Самъ Господь, противъ обыкновенія Своего, казался недовольнымъ. «*Да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки,*» сказалъ Онъ, возвращаясь отъ безплоднаго дерева! — Слова сіи произнесены были, повидимому, въ тонѣ обыкновеннаго негодованія: смоковница однакоже тотчасъ начала засыхать; и послѣдствіе показало, что въ нихъ заключалось проклятіе (Мат. 21, 18 — 22. Мар. 11, 12 — 14).

Если бы кто изъ нынѣшнихъ любомудровъ находился тогда въ числѣ учениковъ Иисусовыхъ, то, вѣроятно, изумился бы при семь случаѣ. «Какъ? проклинать невинное дерево за то, что оно не удовлетворило голода! Такъ не поступаютъ и обыкновенные мудрецы!» — Но Апостолы вовсе не знали подобнаго любомудрія; не почли даже нужнымъ спросить своего Учителя, за что Онъ такъ строго поступилъ съ смоковницею, измѣнилъ, повидимому, прежнимъ Своимъ правиламъ — терпѣнія и кротости. «Если Онъ проклялъ смоковницу (думали, конечно, ученики); то имѣлъ на то причины и, безъ сомнѣнія, самыя достаточныя и справедливыя: въ Его поступкахъ скрывается какой-либо урокъ для насъ. Въ самомъ дѣлѣ, смоковница не исполняетъ своего предназначенія — не приноситъ плодовъ; между тѣмъ величается листьями, обманываетъ всякаго своимъ видомъ, какъ бы она была дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ ей быть надобно. Подобное видимъ и въ нѣкоторыхъ людяхъ: ни смоквы, а всѣ въ листьяхъ! И съ ними будетъ то же; и на нихъ не можетъ почивать Божіе благословеніе. О, смоковница проклята не напрасно!».

Мысли сіи тѣмъ удобнѣ могли представляться соображенію учениковъ, что неплодная смоковница уже служила (и, можетъ быть, не разъ) въ бесѣдахъ Господа символомъ человѣка грѣшника. Евангелистъ Лука сохранилъ цѣлую притчу, взятую отъ смоковницы (Лук. 13, 6 — 9). Въ сей притчѣ она представ-

---

*) Въ Палестинѣ растутъ три рода смоковницъ: а) раннія, кои завязываются въ мартѣ, зрѣютъ въ іюлѣ (Исаи. 28, 4; Іер. 24); б) керенузы, завязывающіяся въ іюлѣ, спѣющія въ августѣ; и в) позднія, на коихъ плоды остаются до весны. (Plin. H. N. 1627. Warnek. Hebr. Alter. p. 131. Vochart. descript. ter. s. p. 332).

лена пощаженною въ надеждѣ будущаго плодоношенія; ее вѣдѣно окопать и осыпать пометомъ (чувственное выраженіе Божія долготерпѣнія къ грѣшникамъ). — Теперь смоковница проклята за неплодіе: знаменіе правосудія, которое рано или поздно слѣдуетъ за долготерпѣніемъ и казнить нераскаянныхъ. Такимъ образомъ прежняя притча служила для учениковъ изъясненіемъ настоящаго поступка ихъ Учителя; а сей поступокъ дополнялъ урокъ, заключавшійся въ притчѣ, показывая, что время долготерпѣнія Божія къ грѣшникамъ имѣетъ свой срокъ и конецъ, и что нераскаянность, особенно лицемѣріе, скорѣе всего низводятъ на главу нераскаяннаго грѣшника мщеніе небесное.

Сынъ Божій, — разсуждаетъ при семъ случаѣ св. Златоустъ (Бесѣд. 67. на Мат.), — сообразно Своему предназначенію — взыскать и спасти погибшее, непрестанно миловалъ, исцѣлялъ, воскрешалъ: между тѣмъ Онъ долженъ былъ хотя единожды явить, что, будучи Спасителемъ міра, Онъ есть вмѣстѣ и будущій Судія человѣковъ; и что благодать Божія, и при Его всеильномъ ходатайствѣ, никогда не можетъ обратиться въ потворство неправдѣ и лукавству. И вотъ, для сего святаго опыта, суда и отмщенія, избираются не человѣкъ какой либо, даже не существо одушевленное, а бездушная смоковница, — дерево, которое въ Палестинѣ, по многочисленности его, не имѣло никакой цѣны, стоя при пути, не составляло ничьей собственности, и, судя по его неплодности, само по себѣ уже было близко къ тому, чтобы засохнуть; такъ что проклятіе его состояло, можно сказать, болѣе въ чудесномъ обнаруженіи поврежденія, въ немъ уже скрывавшагося, нежели собственно въ лишеніи его плодотворности.

Въ мысляхъ Богочеловѣка поступокъ Его со смоковницею могъ образоваться, такъ сказать, самъ собою. Теперь, при возвращеніи въ Іерусалимъ бесплодный, равно какъ и вчера при входѣ въ него, господствующимъ помысломъ въ душѣ Іисуса Христа явно была мысль о нравственномъ безплодіи и душевномъ ожесточеніи Своихъ соотечественниковъ, — о томъ, какъ мало разумѣютъ они время посѣщенія Божественнаго, какъ худо соотвѣтствуютъ любви Божіей, явившейся имъ въ лицѣ Единороднаго Сына Своего! Тѣ самые, отъ коихъ надлежало бы ожидать безпристрастія, готовности ко всему полезному, любви къ истинѣ и религіи, — первосвященники и книжники суть низкіе человѣкоугодники, безчестные самолюбцы. Нигдѣ нѣтъ плодовъ истинной вѣры и любви, а между тѣмъ все покрыто листьями: вездѣ видна внѣшняя набожность, всѣ

разсуждаютъ о законѣ, вопіють противъ порока. Въ сихъ печальныхъ мысляхъ представляется дерево, по виду обѣщающее весьма много плодовъ. «Ужели и ты, подобно синагогѣ, носишь одну личину, обманываешь другихъ?» — Приходятъ къ дереву и находятъ его совершенно безплоднымъ. «По крайней мѣрѣ, ты послужишь урокомъ для другихъ; Я покажу на тебѣ, какъ худо лицемѣріе (противъ лицемѣровъ Господь всегда возставалъ съ особенною силою): отсѣлъ да не будетъ отъ тебя плода во вѣкъ!»

Вступивъ въ городъ, Господь пошелъ прямо во храмъ. Еще чувство святаго негодованія, возбужденное мыслию о лицемѣрахъ, изображаемыхъ смоковницею, не совершенно успокоилось, какъ представился новый предметъ, способный возбудить праведный гнѣвъ во всякомъ, кто хотя мало ревновалъ по славѣ Бога Израилева. Внѣшніе притворы, ведущіе въ храмъ, вмѣсто молящихся наполнены были торжниками, изъ коихъ одни продавали вещи, принадлежащія къ Богослуженію *), другіе занимались промѣномъ иностранной монеты на еврейскую **). Великое число продающихъ, еще большее — продаваемыхъ вещей, столы съ деньгами, лавки для продавцевъ, всякаго рода жертвенныя животныя ***) , торги, споры, обманъ, раздоры, — производили то, что во всемъ Іерусалимѣ не было мѣста, столько безпорядочнаго и шумнаго, какъ притворъ Соломоновъ. И сей-то самый притворъ былъ издавна предназначенъ для входа и молитвы язычниковъ, коимъ не позволялось проникать далѣе!.... Слѣдствіемъ вышеозначеннаго безпорядка было то, что разсудительный грекъ или римлянинъ, пришедшій по влеченію сердца въ Іерусалимъ и храмъ Соломоновъ, долженъ былъ, вмѣсто назиданія, терпѣть здѣсь шумъ и всѣ неудобства, какимъ подвергаются на торжищахъ! Удивительно ли, если онъ въ такомъ случаѣ, вмѣсто благого-

*) Продажа жертвенныхъ животныхъ была особенно нужна для иностранныхъ іудеевъ, кои, приходя издалека, не могли ихъ приводить съ собою. Еще Моисей провидѣлъ нужду допустить современемъ такого рода купли. Числ. 15, 13 — 15.

***) Промѣнъ денегъ нуженъ былъ потому: что ни въ сокровищницу храма, ни въ уплату подати, собираемой на храмъ, не принималось иностранной монеты; между тѣмъ у иностранныхъ іудеевъ еврейскихъ денегъ было весьма мало, по ихъ неупотребительности въ прочихъ земляхъ.

***) О количествѣ сихъ животныхъ можно судить по свидѣтельству Флавія, который говоритъ, что въ одну пасху продано до 250,600 агнцевъ.

вѣнія къ Богу Израилеву, невольно получалъ худыя мысли о Его служеніи и служителяхъ? Такимъ-то образомъ пресвятое имя Божіе хулимо было ради самаго Израиля во языцѣхъ!

Не недостатокъ другаго мѣста былъ причиною, что часть храма превратили въ торжище. Внизу, при подошвѣ горы, на коей стоялъ храмъ, и за его оградю довольно оставалось пустаго пространства, гдѣ можно было расположиться торжникамъ. Но тамъ надѣялись менѣе выгодъ и по не столь многой и высокой платѣ за право торговли старѣйшинамъ храма; а въ семъ послѣднемъ и состояло все дѣло. Корысть была душею безпорядка, который, находясь подъ покровительствомъ самыхъ начальниковъ, усилился до высочайшей степени, хотя изъ лучшихъ людей давно всѣ имъ были недовольны.

Исусъ Христосъ, при самомъ началѣ служенія Своего, въ первую Пасху, уже объявилъ Себя противъ торга въ храмѣ, и изгналъ изъ него торжниковъ (Іоан. 2, 14 — 16). Теперь это было еще необходимо. Позволивъ именовать Себя всенародно Сыномъ Давидовымъ, то есть, Мессією, Онъ симъ самымъ какъ бы наложилъ на Себя обязанность предъ народомъ стать противъ безпорядковъ, вкравшихся въ Богослуженіе: потому что всѣ вѣрили и ожидали, что однимъ изъ главнѣйшихъ дѣйствій будущаго Мессіи должно быть исправленіе Богослуженія и возстановленіе древняго благочестія и благочинія *). Притомъ безпорядокъ былъ такъ великъ, и по слѣдствіямъ своимъ такъ важенъ, что вопіялъ самъ противъ себя.

Святая ревность объяла сердце Иисусово! Съ видомъ Посланника Божія и тѣмъ гласомъ, предъ коимъ всегда трепетали грѣшники и лицемеры, Онъ требуетъ, чтобъ притворъ былъ немедленно очищенъ. Ученики, зрители, жители Иерусалима, иностранцы — одобряютъ требованіе; самые торжники невольно чувствуютъ, что зашли не въ свое мѣсто, — и безмолвно повинуются. Нѣкоторые медлятъ, хотягь упорствовать; но симъ только раздражаютъ народъ, который повелѣніе Сына Давида принимаетъ за велѣніе Самого Бога. Въ нѣсколько минутъ животныя выгнаны, столы и сѣдалища опровергнуты, мѣшки съ деньгами выброшены; все приняло новый лучший видъ; и на мѣсто прежняго мятежа заступила тишина и устройство. Благочиніе простерто до того, что никому не позволялось теперь пронести чрезъ

*) V. Berthold. Christolog. p. 163.

притворъ какую либо постороннюю вещь (Мар. II, 16). Къ этому дѣйствию, — для вразумленія непонимающихъ его, — присоединено и поученіе. «*Нѣсть ли писано, — говорилъ Господь, — храмъ Мой храмъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ; вы же (съ своимъ корыстолюбіемъ) сотвористе его вертепъ разбойниковъ!*»

Кто имѣлъ уши слышать, на того эти слова Пророка (Исаі. 56, 7; Іер. 7, II), приведенныя Спасителемъ, должны были дѣйствовать весьма сильно. Въ нихъ открывалась истинная точка зрѣнія, съ которой надлежало смотрѣть и на безпорядокъ, допущенный первосвященникамъ, и на ревность противъ него Сына Давидова. Быть домомъ молитвы для всѣхъ народовъ — это составляло самое возвышенное предназначеніе храма Іерусалимскаго, которое имѣлъ въ виду еще основатель его, Соломонъ. Храмъ сей долженствовалъ быть, такъ сказать, всемірнымъ, въ коемъ могли бы находить пристанище всѣ возвышенныя и добрыя души древняго міра, ищущія, по выраженію Платона, единого Отца природы и человѣковъ. Послѣ плѣна Вавилонскаго, около времени Іисуса Христа, предназначеніе сіе было тѣмъ нужнѣе и тѣмъ удобнѣе и полнѣе могло быть достигаемо, что съ развитіемъ въ родѣ человѣческомъ силъ умственныхъ, многобожіе начало упадать само собою, и во всѣхъ народахъ, особенно грекахъ и римлянахъ, отчасу болѣе являлось людей, требующихъ поклоненія *Единому*. Многіе изъ язычниковъ потому самому приходили въ Іерусалимъ, желая быть свидѣтелями Богослуженія іудейскаго; а многіе обращались даже въ іудейство. При такомъ положеніи вещей, какъ много значило благочініе въ храмѣ іудейскомъ! И какъ важенъ былъ притворъ Соломоновъ, предназначенный для язычниковъ! — Если царица Савская почувствовала большое уваженіе къ Соломону, бывъ свидѣтельницею благочінія и порядка, господствовавшаго при дворѣ сего государя: то какого благотворнаго дѣйствія надъ сердцемъ язычниковъ не могли произвести обряды Богослуженія еврейскаго, если бы въ храмѣ все совершалось по учрежденію и въ духѣ Моисея, Соломона и Ездры! — Но всѣ сіи величественныя виды были опущены изъ вниманія: невѣжество и своекорыстіе первосвященниковъ все превратило, унизило, — и домъ всемірной молитвы походилъ на вертепъ разбойниковъ!...

Изъ слушателей Господа, вѣроятно, немногіе вполне могли постигать Его высокія мысли о предназначеніи храма: впрочемъ всѣ слушали Его съ особеннымъ вниманіемъ (Лук. 19, 48), и

показывали къ Нему отчасу большее усердіе, какъ бы предчувствуя, что Божественному Свѣтильнику недолго остается горѣть на свѣщникѣ. Тѣмъ обильнѣе, конечно, были бесѣды къ народу Господа, Который всегда пользовался расположеніемъ Своихъ слушателей, чтобы дѣйствовать на ихъ умъ и сердце. Прежде Ему нельзя было говорить о многомъ, — по крайней мѣрѣ всего; теперь, такъ сказать, у подножія креста своего, Онъ могъ безпрепятственно сказать народу все, о чемъ ему было нужно и полезно знать.

При наступленіи вечера, Господь опять удался въ Вифанію.

На другой день, когда Іисусъ Христосъ съ учениками своими опять возвращался въ Іерусалимъ, проклятая смоковница уже оказалась совершенно засохшею. Явленіе сіе сильно поразило учениковъ, особенно Петра, который слова Учителя, произнесенныя къ смоковницѣ, принималъ, повидимому, не за рѣшительное проклятiе, а за одно выраженіе неудовольствiя. «Равви, воскликнулъ онъ, посмотри! смоковница, которую Ты проклялъ, уже засохла!» Учитель не показалъ никакого вида, что замѣчаніе Петра Ему прiятно: напротивъ, тотчасъ далъ выразумѣть, что для людей, предназначенныхъ дѣйствовать отъ лица Самого Бога для блага всего человѣчества (каковы были Апостолы), подобныя явленія, такъ сильно поражающія воображеніе людей чувственныхъ, не должны заключать въ себѣ особенной важности, а должны быть какъ бы естественны и обыкновенны. *«Ипѣйте, — рекъ Господь, — вѣру Божію (совершенную и всецѣлую)! Аминь бо глаголю вамъ, яко аще ипате вѣру и не усумнитесь, не токмо смоковничное (что сдѣлано съ смоковницею) сотворите; но аще речете и горѣ сей (предъ глазами учениковъ былъ Елеонъ): двигнися и верзися въ море, будетъ; — и вся, елика аще молящися просите, вѣруйте яко пріимите, и будетъ вамъ (Матѣ. 21, 20 — 22; Марк. 20 — 24). (Не для того ли между прочимъ и проклята смоковница, чтобы показана была на опытъ ученикамъ сила вѣры? — Богочеловѣкъ, совершенно зная Своихъ учениковъ, не могъ не предвидѣть, что исполненіе проклятiя надъ смоковницею приведетъ ихъ въ изумленіе и дастъ Ему поводъ преподавать имъ, незабвенное по сему случаю для нихъ, наставленіе въ вѣрѣ). — Но вы должны твердо знать, присовокупилъ Господь, что, приступая къ такой молитвѣ, вамъ надобно прощать все, что вы имѣете на кого либо; иначе и Отецъ небесный не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ; а безъ сего прошенія ваши не могутъ имѣть никакой силы (Марк. 11, 25. 26).*

Послѣднее наставленіе, повидимому, не совсѣмъ ожиданное, было весьма благовременно для учениковъ, кои имѣли въ немъ большую нужду, и именно теперь. Ибо, при всей добротѣ ихъ сердца, въ нихъ еще не было того безкорыстія и самоотверженія, кои такъ необходимы въ людяхъ, предназначенныхъ быть непосредственными провозвѣстниками воли и путей Промысла и, вслѣдствіе сего предназначенія, снабженныхъ властію повелѣвать — силами природы. Для нихъ, напримѣръ, казалось еще похвальнымъ дѣломъ низвести съ неба огонь для истребленія цѣлыхъ селеній за то единственно, что жители ихъ не оказали Учителю и имъ должнаго уваженія (Лук. 9, 54). При такомъ расположеніи духа учениковъ, вчерашній поступокъ ихъ Учителя съ смоковницею, будучи превратно понятъ, могъ усилить въ нихъ ту неправильную и недостойную ихъ мысль, что Посланникъ Божій имѣетъ право употреблять даръ чудесъ по личнымъ Своимъ видамъ, и даже въ отомщеніе врагамъ Своимъ. Тѣмъ нужнѣе посему было напомнить, что вѣра безъ любви ничего не значитъ, какъ во всякомъ человѣкѣ, такъ наипаче въ Посланникѣ Божіемъ. Ученики, безъ сомнѣнія, поняли, къ чему клонилось наставленіе о прощеніи обидъ. — Между тѣмъ наставленіе сіе весьма полезно теперь и для насъ тѣмъ, что рѣшительно показываетъ, въ какомъ расположеніи духа проклята смоковница. Если бы въ семъ случаѣ поступлено было по личному недовольствію, то поступившій такимъ образомъ не сталъ бы разсуждать по сему случаю о великодушіи и любви ко врагамъ.

Ученики молчали, не смотря на то, что обѣщаніе, данное Учителемъ, было еще чудеснѣе поступка Его съ смоковницею; молчали потому, что Господь говорилъ съ особенною увѣрительностію, и что чудесное въ дѣяніяхъ Его давно расположило ихъ вѣрить безпрекословно всему чудесному въ словахъ.

Подлинно чудесному! — Обѣщать человѣку, что онъ будетъ однимъ словомъ переставлять горы!... Такое обѣщаніе надлежало бы почесть какимъ либо иносказаніемъ, даже мечтательностію, если бы оно дано было не Тѣмъ, Коего слова суть: *ей и аминь* (2 Кор. 1, 20). Между тѣмъ, столь удивительное обѣщаніе дано не однимъ Апостоломъ, а всѣмъ — именно всѣмъ вѣрующимъ! — Мы увидимъ, какъ при другомъ случаѣ, рѣшительно будетъ сказано, что всякій истинный послѣдователь Иисусовъ не только сдѣлаетъ то, что Онъ сдѣлалъ (такія же чудеса), но еще болѣе (Іоан. 14, 12). Рѣшительность — истинно Божественная! Не такъ поступаютъ лжеучители: лжепророкъ Аравійскій всѣми способами

отклонялъ отъ себя обязанность сотворить какое либо чудо: Божественный Основатель христіанства не только Самъ непрестанно творилъ чудеса, но и обѣщаль даръ чудотворенія всѣмъ Своимъ послѣдователямъ! Обѣщаль, и исполняетъ на самомъ дѣлѣ. Исторія святыхъ мужей, просіявшихъ благочестіемъ, есть вмѣстѣ исторія чудотвореній: нѣкоторые изъ нихъ, совершили дѣйствительно чудеса многочисленнѣе евангельскихъ.

ВОПРОСЫ ПОСОЛЬСТВА КЪ ИСУСУ ХРИСТУ ОТЪ СИНАДРОНА.

(Поводъ къ посольству. — Вопросъ, имъ предложенный. — Отвѣтъ. — Притчи — для вопрошавшихъ, для народа.)

 то самое время, какъ Иисусъ Христосъ бесѣдовалъ такимъ образомъ съ учениками о силѣ вѣры и поучалъ ихъ любви ко врагамъ, изувѣрство собственныхъ враговъ Его избрѣтало новые способы къ Его погубленію. Первосвященники, сильно встревоженные входомъ Его въ Иерусалимъ, еще съ большимъ негодованіемъ услышали о Его поступкѣ съ торжниками. И въ первый разъ, когда Онъ изгналъ ихъ изъ храма (Іоан. 2, 14 — 21), фарисеи почли за нужное спросить, на чемъ основываетъ Онъ право поступать такимъ образомъ; но не дѣлали особенныхъ судебныхъ притязаній, удовлетворились, повидимому, таинственнымъ отвѣтомъ Его, что Онъ, въ доказательство Своего Божественнаго посольства, можетъ возстановить въ три дня храмъ изъ развалинъ (Іоан. 2, 19). Тогда Богочеловѣкъ еще не былъ признаваемъ народомъ за Мессію (кромѣ малаго числа людей, удостоившихся особенныхъ откровеній Божіихъ о Немъ, каковы напр. Іоаннъ Креститель, праведный Симеонъ и проч.), и вообще на Него смотрѣли только, какъ на необыкновеннаго Учителя, Который, въ жару благочестивой ревности, позволяетъ Себѣ чрезвычайности. Но, теперь о ревности Его судили совсѣмъ иначе: въ поступкѣ Его съ торжниками видѣли дѣйствіе, совершенное въ качествѣ Мессіи, явное вторженіе въ права іудейской іерархіи, распорядившейся храмомъ, новый приступъ къ начатію того общественнаго и религіознаго переворота, котораго всѣ ожидали съ появленіемъ великаго Потомка Давидова.

Въ жару раздраженнаго самолюбія, снова предложено нѣсколько средствъ къ погубленію Іисуса (Лук. 19, 47. 48; Мар. 11, 18): но приверженность народа, Его окружавшаго, дѣлала исполненіе ихъ совершенно невозможнымъ. Посему, въ ожиданіи благопріятнаго случая употребить силу, рѣшились испытать еще одно средство — отправить къ дивному Чудотворцу посольство, отъ лица синедріона, для произведенія въ присутствіи всего народа формальнаго допроса касательно Его поступковъ и намѣреній. Средство сіе имѣло всю возможную благовидность. По общему мнѣнію, синедріону принадлежало полное право — испытывать пророковъ и судить объ ихъ достоинствѣ (Втор. 17, 18. 19, 17; Іезек. 64, 15. 24); тѣмъ паче онъ не долженъ былъ оставаться празднымъ зрителемъ дѣйствій человѣка, выдающаго себя за Мессію. Самый народъ давно ожидалъ законнаго изслѣдованія въ отношеніи къ Іисусу Христу. Мѣра сія притомъ казалась самою кроткою и безпристрадною: опредѣленіе о взятіи Іисуса подъ стражу предполагалось уничтоженнымъ, и Ему предоставлялась полная свобода доказывать Божественность Своего званія. Между тѣмъ враги Его смѣло могли надѣяться, что преднамѣреваемое изслѣдованіе если не погубитъ Іисуса, то сильно повредитъ Его намѣреніямъ. Ожидали, безъ сомнѣнія, что, въ оправданіе Своихъ поступковъ, Онъ укажетъ на права Мессіи; а объявленіе себя Мессіею могло служить достаточнымъ предлогомъ къ обвиненію Его предъ римскимъ правительствомъ въ уголовномъ преступленіи (Матѣ. 27, 63. 27, 11).

Чтобы придать посольству болѣе важности и показать народу, что синедріонъ самъ весьма неравнодушенъ къ появленію Мессіи, — посланные избраны изъ всѣхъ сословіи, входившихъ въ составъ синедріона, то есть, отряжено по нѣскольку изъ почетнѣйшихъ священниковъ *), старѣйшинъ народа и книжниковъ (Мар. 11, 27; Лук. 20, 1).

Едва только Господь вошелъ въ храмъ и началъ учить народъ, посланные отъ синедріона подошли къ Нему съ вопросомъ. Необыкновенная цѣль, для которой явились они теперь, дѣлала ихъ, безъ сомнѣнія, предметомъ всеобщаго величайшаго вниманія. Въ лицѣ ихъ какъ бы предсталъ предъ своего Мессію не только синедріонъ, а и весь народъ іудейскій. Для самыхъ уче-

---

*) У Евангелиста они названы первосвященниками не въ строгомъ смыслѣ слова. Дѣян. 4, 6.

никовъ Иисусовыхъ посольство сіе должно было имѣть особенную важность. Какъ граждане іудейскіе, они обязаны были вѣрностию и повиновеніемъ верховному правительству народному. Послѣдуя Иисусу, они пренебрегли власть синедріона, въ той увѣренности, что болѣе должно слушать Мессію, нежели синедріонъ, — Бога, нежели человѣковъ. Но народъ еще не рѣшилъ вопроса о достоинствѣ Иисуса, который они почитали для себя совершенно рѣшеннымъ: посему они могли казаться многимъ какъ бы невѣрными сынами отечества, поспѣшившими поставить свое мнѣніе выше его приговора. Теперь сіе отечество, казалось, само хочетъ единожды и навсегда произнести свое сужденіе о Иисусѣ. И кто же болѣе долженъ былъ дорожить симъ сужденіемъ, какъ не тѣ, кои позволили себѣ предварительно произнести оное, и такимъ образомъ выдали себя за предтечей общественнаго мнѣнія? Что ученики Иисусовы были неравнодушны къ мнѣнію о себѣ своего отечества, это видно изъ примѣра Апостола Павла, который самымъ ужаснымъ наказаніемъ для себя почиталъ явиться предъ своими соотечественниками лжецомъ въ отношеніи свидѣтельства Мессіи (1 Кор. 15, 15).

Синедріонъ, — такъ началъ старѣйшій изъ посланныхъ, — желаетъ, по долгу своему, знать: какою властію (Божескою или человѣческою) Ты это дѣлаешь; принимаешь отъ народа названіе сыномъ Давидовымъ, входишь съ торжествомъ во Іерусалимъ, изгоняешь изъ храма торжниковъ и проч.? И кто Тебѣ далъ власть сію? (отъ Бога ли Ты получилъ оную прямо, или уполномоченъ кѣмъ либо, имѣющимъ непосредственное общеніе съ Богомъ *)?

Такая точность и раздѣльность вопроса показывали, что предлагавшіе его были изъ числа книжниковъ **).

Господь выслушалъ предложеніе; но, по Своему обыкновенію (Лук. 7, 41. 42. 43. 10, 29 — 37), не отвѣчалъ на него прямо. «*Вопрошу вы, отвѣчалъ Онъ, и Азъ слово едино, еже аще речете Мнѣ, и Азъ валѣ реку, кою властію сія творю*» (Мат. 21, 24).

Книжники молчали, показывая согласіе; потому что отвѣчать на вопросъ вопросомъ, какъ поступилъ теперь Господь, не только было дѣломъ, весьма обыкновеннымъ у тогдашнихъ книжниковъ

*) Какъ напр. Варухъ былъ посланъ Іеремію.

**) Примѣры подобныхъ тонкостей въ изслѣдованіи о достоинствѣ Пророковъ во множествѣ встрѣчаются въ Мишнѣ. Sanhedr. 110. § 5.

иудейскихъ, но еще служило къ чести того, кто отвѣчалъ такимъ образомъ *).

Что вамъ мѣтается, продолжалъ Господь, — крещеніе Иоанново (равно какъ и служеніе его) откуда бѣ: съ небеси (отъ Бога) или отъ человѣкъ? (человѣческое изобрѣтеніе).

Нельзя было найти вопроса, болѣе близкаго къ дѣлу и въ тоже время болѣе способнаго посрамить лукавство синедриона. Народу и ему давно извѣстно было, что служеніе Іисусово находится въ тѣсной и неразрывной связи съ служеніемъ Иоанновымъ, — что послѣдній постоянно, до самой смерти своей свидѣльствовалъ о великомъ предназначеніи перваго, называя Его Мессією, а себя Его Предтечею. Посему, если Иоаннъ былъ Пророкъ, какъ то признавалъ почти весь народъ; то Іисусъ долженъ быть лице еще высшее: ибо только въ отношеніи къ Мессіи Иоаннъ могъ называть себя другомъ жениховымъ, земнымъ, говорящимъ отъ земли, коему надобно умяться, недостойнымъ того, чтобы — подобно рабу — понести за Нимъ сапоги (Іоан. 1, 27. 3, 28 — 31). А посему въ вопросѣ Господа о достоинствѣ крещенія Иоаннова, непримѣтно, но всецѣло, заключался отвѣтъ о достоинствѣ Его собственнаго лица и служенія; и Онъ, предлагая имъ вопросъ сей на рѣшеніе, симъ самымъ отдавалъ Свое дѣло, такъ сказать, на ихъ судъ: безпристрастіе и рѣшимость, какихъ только можно было требовать въ подобныхъ случаяхъ!

Книжники видѣли, какъ важенъ вопросъ, — чувствовали, что справедливость требуетъ отвѣчать на него, но не могли сказать ни слова: опасность, въ которую они хотѣли поставить Іисуса, была всецѣло обращена теперь на ихъ самихъ. Не трудность вопроса связывала языкъ, привыкшіи обращаться по произволу страстей; если бы они были на единѣ съ Іисусомъ, то немедленно отвѣчали бы, что служеніе Иоанново не заключаетъ въ себѣ ничего Божественнаго, что онъ имѣлъ какіе либо нечистые, по крайней мѣрѣ бесплодные виды: таково было мнѣніе большей части фарисеевъ о Иоаннѣ и его крещеніи; почему они и отвергали его (Лук. 7, 30). Но въ присутствіи народа, который весьма много уважалъ Иоанна при жизни, а еще болѣе послѣ его мученической кончины, произнести свое (невыгодное) мнѣніе о его крещеніи, значило подвергнуться очевидной опасности. «Если мы, разсуждали сами съ собою книжники, — рѣшимся вопреки своего

---

*) V. Schötl . Hor. Hebr. Paulus in comment.

миѣнія, объявить, что Иоаннъ былъ Пророкъ; то Иисусъ скажетъ намъ, почему вы не приняли его крещенія, зачѣмъ не повѣрили его свидѣтельству обо Миѣ. Если же откровенно сказать, что въ Иоаннѣ, по нашему миѣнію, не было ничего необыкновеннаго и въ его крещеніи Божественнаго; то народъ въ гнѣвѣ можетъ побить насъ камнями, въ отмщеніе за святаго мужа, каковымъ признавалъ Иоанна (Лук. 20, 6).

Сообразивъ это, книжники, вопреки своей привычки представляться народу всевѣдущими, почли за лучшее — молчать. «Не знаемъ, отвѣчали они, откуда Иоанново крещеніе (поелику — де синедріонъ еще не рѣшилъ сего вопроса).»

Иисусъ Христосъ: *«ни азъ вамъ глаголю, кою властію сіе творю.»*

Въ самомъ дѣлѣ, указаніемъ на служеніе Иоанново все было сказано, что нужно для синедріона, который искалъ не истины, а только средства погубить Иисуса. Съ другой стороны книжники уклоненіемъ отъ суда объ Иоаннѣ сами засвидѣтельствовали предъ всѣмъ народомъ, что они неспособны быть судіями пророковъ, тѣмъ менѣе судить о достоинствѣ Мессіи; а потому и не стоятъ прямого отвѣта. Народъ, безъ сомнѣнія, тотчасъ понималъ, что синедріонъ хочетъ поступить такъ же съ Иисусомъ, какъ поступилъ прежде съ Иоанномъ, то есть, неискренно, злонамѣренно и безсовѣстно: иначе посланные отъ него не сказали бы — не знаемъ, откуда крещеніе Иоанново, — давно рѣшивъ между собою, что въ немъ ничего нѣтъ Божественнаго.

Чтобы сорвать съ лицемѣровъ самую личину, кою они прикрывались, и показать, что не страхъ или что либо подобное заставляетъ Его не отвѣчать на вопросъ синедріона, а единственно увѣренность въ бесполезности отвѣта, Господь обратился къ посланнымъ съ новымъ вопросомъ, на который имъ нельзя уже было не отвѣчать, хотя отвѣтъ клонился къ совершенному ихъ посрамленію, — и по обыкновенію Своему, заключилъ сей вопросъ въ притчу.

Можетъ быть, — сказалъ Онъ, возрѣвъ на книжниковъ, — вамъ легче будетъ дать миѣніе вотъ на это дѣло: у одного челоуѣка было два сына. Однажды онъ подошелъ къ первому и сказалъ: сынъ, поди поработай сегодня въ виноградникѣ моемъ. Но сынъ былъ столь грубъ, что рѣшительно отвѣчалъ: не хочу! Но послѣ одумался и пошелъ. Отецъ обратился къ другому сыну и сказалъ ему то же, что первому. Сей со всѣмъ уваженіемъ отвѣчалъ, что онъ немедленно пойдетъ въ виноградникъ;

однакоже не пошелъ. Который изъ двухъ, присвокупилъ Господь, посмотрѣвъ на книжниковъ, исполнилъ волю отца?»

«Разумѣется, первый, — гордо отвѣчали книжники, не видя еще, куда клонится притча, и рѣшительнымъ отвѣтомъ желая показать, что они ни въ какомъ случаѣ не относятъ ее къ себѣ.

«Не то же ли самое, возразилъ Господь, происходитъ съ вами? — Иоаннъ пришелъ къ вамъ путемъ правды, жилъ и училъ, какъ Пророкъ; но вы не повѣрили ему, не принесли покаянія, имъ заповѣдуемаго, вы, кои, подобно тому второму сыну, непрестанно твердите, что согласны исполнять волю отца. Напротивъ люди, вами презираемые, мытари и грѣшники, оказывавшіе долѣ непокорность волѣ Божіей, повѣрили Иоанну, покаялись и принесли плоды, достойные покаянія. По крайней мѣрѣ, сей примѣръ долженъ былъ тронуть васъ и пробудить. Но вы остаетесь упорными и нераскаянными. Ей, глаголю вамъ, — присвокупилъ Господь, возвысивъ гласъ, — мытари и грѣшники войдутъ, и скоро, въ царствіе небесное; а вы, кои думаете имѣть полное право на него, будете изгнаны изъ него *)!»

Произнесши сіи слова къ первосвященникамъ, въ присутствіи цѣлаго народа, значило поразить ихъ какъ громомъ. Все, чего они надѣялись достигнуть своимъ торжественнымъ явленіемъ къ Иусу, было потеряно; — самое достоинство ихъ служило имъ теперь въ тягость. Съ радостію они вступили бѣ въ споръ съ Иусомъ; но ненадѣяніе на свои силы связывало языкъ; еще охотнѣе употребили бы силу; но народъ былъ на сторонѣ Иусуса. Не зная, на что рѣшиться, они невольно оставались предъ Нимъ, какъ осужденные — для выслушанія послѣдняго приговора.

Какихъ выгодъ нельзя было бы извлечь изъ сего жалкаго положенія, если бы Иусусъ Христосъ, какъ ложно думали члены синедриона, дѣйствительно желалъ восхитить у нихъ власть надъ народомъ! Перевѣсъ общественнаго мнѣнія всецѣло былъ на Его сторонѣ. Народъ давно желалъ, чтобы царство Его началось какъ можно скорѣе: многіе, вѣроятно, хотѣли бы видѣть сіе начало именно теперь, въ присутствіи посольства отъ синедриона.

---

*) Матѣ. 21, 28 — 32. Въ подлинникѣ *προαφουβιν* — *варяють*, прежде васъ пойдутъ. Но у евреевъ такое сравненіе часто употребляется вмѣсто совершеннаго отрицанія. (Быт. 38, 26; 1 Цар. 24, 18; Лук. 18, 14). Что и въ семъ случаѣ сравненіе употреблено вмѣсто отрицанія, явствуетъ изъ самаго существа дѣла.

Стоило сказать многочисленному народу снова — прямо, что Онъ есть Мессія, что слѣпые вожди не стоятъ болѣе довѣрія: и тѣже первосвященники съ покорностію принуждены были бы передать Ему всю власть, или сдѣлались бы жертвою народнаго волненія.

Сынъ человѣческой удивлялся тѣмъ, что заставилъ ихъ выслушать еще одну притчу, въ коей подъ покровомъ иносказанія раскрытъ былъ нечистый образъ мыслей іудейскихъ первосвященниковъ, указана вся, такъ сказать, превратная и жалкая система ихъ дѣйствованія въ отношеніи къ Мессіи.

«Одинъ богатый человѣкъ, сказалъ Господь, насадилъ у себя виноградъ и прилагалъ о немъ особенное попеченіе: оградилъ его оградю, ископалъ въ немъ точило *) и поставилъ башню для стражи. Такъ какъ дѣла требовали присутствія его въ другомъ мѣстѣ: то онъ, при своемъ отправленіи туда, отдалъ виноградникъ виноградарямъ, съ условіемъ, чтобы они каждый годъ доставляли ему извѣстное количество вина и плодовъ. Когда наступило время собирать плоды, онъ послалъ своихъ слугъ къ виноградарямъ за условною частію. Но виноградары приняли ихъ вражески: иныхъ прибили (3 Цар. 22, 24; Іер. 20, 2), другимъ камнями проломилъ голову (Мар. 12, 3); иныхъ убили до смерти (напр. Исаію, Іезекіію, Амоса). Хозяинъ винограда, не смотря на такую несправедливость и злобу, послалъ къ виноградарямъ другихъ слугъ: но они и съ ними поступили не лучше прежняго: иныхъ убили, другихъ отогнали съ безчестіемъ... Наконецъ долготерпѣливый хозяинъ послалъ въ третій разъ слугъ (Мар. 12, 5): но опять безъ успѣха.

«Казалось, время уже было суда и мести; но домовладыка былъ чрезвычайно добрѣ. Что мнѣ дѣлать? (Лук. 20, 13) размышлялъ онъ. Пошлю къ нимъ еще сына моего возлюбленнаго (Мар. 12, 6); не можетъ быть, чтобы злоба ихъ простерлась до того, чтобы презрѣть моего собственнаго сына. Сынъ пошелъ: но виноградары, едва только завидѣли его, рѣшились единодушно погубить. — Это единственный наслѣдникъ, говорили между собою изверги: если мы убьемъ его, то виноградникъ будетъ нашъ, — и схвативши юношу, убили и выбросили вонъ изъ виноградника.»

(При сихъ словахъ въ слушателяхъ обнаружилось сильное негодованіе).

---

*) Виноградныя точила и нынѣ на Востокѣ выкапываются подъ землею въ защиту отъ солнечнаго жара. v. Jahn. Archaeolog. I. th. 1, 13. § 18.

«Но хозяинъ виноградника, продолжалъ Иисусъ, не всегда будетъ оставаться на дальней сторонѣ; онъ возвратится, и какъ, думаете вы, поступитъ онъ съ виноградарями?»

«Такихъ нетерпимыхъ злодѣевъ, отвѣчали книжники (Мат. 21, 38 — 41), онъ предастъ тяжкой казни, а виноградъ отдастъ другимъ дѣлателямъ, которые будутъ доставлять ему плоды со всею исправностію и въ назначенное время.»

(Отвѣчать такимъ образомъ, произнося на самихъ себя судъ, можно было, или совершенно не понявъ притчи, или принявъ личину явнаго безстыдства. Не понять было нельзя; покровъ ино-сказанія слишкомъ былъ прозраченъ, и каждый видѣлъ, что подъ господиномъ виноградника разумѣется Богъ, подъ виноградарикамъ — народъ іудейскій, подъ слугами — Пророки, подъ еди-народнымъ сыномъ — Мессіа Иисусъ; слѣдовательно, подъ негодными виноградарями — настоящіе правители и вожди народа іудейскаго. Примѣръ Пророка Исаіи, употребившаго подобную притчу съ полнымъ изъясненіемъ, устранялъ и послѣднее недо-разумѣніе (Исаі. 5, 1 — 7). Значить, языкомъ книжниковъ го-ворило безстыдство, хотѣвшее показать видъ, будто не узнаетъ себя въ собственномъ изображеніи).

«Такъ, подтвердилъ Господь, — хозяинъ виноградника предастъ казни негодныхъ виноградарей, и виноградникъ будетъ отданъ другимъ лучшимъ (Мар. 12, 9; Лук. 20, 16).»

Тонъ голоса и взоръ показывали, что грозныя слова сіи отно-сятся прямо къ членамъ синедриона.

«Избави Богъ!» воскликнулъ одинъ изъ нихъ, какъ бы по-раженный угрозою.

«Вы почитаете это невозможнымъ, продолжалъ Господь; но развѣ вы никогда не читали, что тотъ самый камень, который отвергнуть строителями зданія, будетъ положенъ во главу угла и что Самъ Богъ сдѣлаетъ сіе на удивленіе всѣмъ *)? Не на-

---

*) Псал. 117, 22. — Псаломъ сей содержитъ торжественную пѣснь, кою Давидъ благодаритъ Бога во храмѣ, по низложеніи враговъ своихъ. Государ-ство іудейское сравнивается здѣсь съ зданіемъ, коего строители суть Саулъ и старѣйшины 12 колѣнъ Израилевыхъ. Камень, ими отверженный, есть Давидъ, коего потомъ Самъ Богъ положилъ въ главу угла — сдѣлавъ царемъ и побѣ-дителемъ. Поелику же Давидъ былъ свышеустановленнымъ прообразомъ вели-каго Потомка своего — Мессіи; то многія черты изъ его царствованія и лич-ной судьбы, въ таинственномъ смыслѣ, относятся къ Иисусу Христу. Дѣян. 4, 11; Рим. 9, 33; Еф. 2, 20; 2 Тим. 2, 19; 1 Пет. 2, 7.

прасно написано: кто упадетъ на камень сей, разбѣется, а на кого онъ упадетъ, того раздавить *). Знайте, присовокупилъ Господь, какъ бы въ заключеніе угрозы, что царствіе Божіе, коего вы, повидимому, такъ пламенно ожидаете, отнимется отъ васъ и дастся народу, творящему плоды его!»

Послѣ сихъ словъ посланникамъ невозможно было притворяться не понимающими: личина лицемѣрія спала сама собою! — Въ замѣшательствѣ стыда и досады, они хотѣли употребить силу и захватить Обличителя въ свои руки (Марк. 12, 12); но движеніе народа, благопріятствовавшего Іисусу, остановило безразсудныхъ: они удалились съ такимъ видомъ, какой только можно было принять на себя людямъ, всенародно посрамившимся, и однакоже менѣе всего желающимъ быть предметомъ общественнаго презрѣнія.

Синедрионъ безуспѣшность своего посольства, безъ сомнѣнія, приписалъ Самому Іисусу Христу, и какой-либо фарисейскій ораторъ, подобный Тертилу (Дѣян. 24, 1 — 3), могъ представлять Его виновнымъ въ неповиновеніи властямъ, въ уклоненіи отъ изслѣдованія Его дѣла. Но въ самой вещи образъ дѣйствования Господа въ настоящемъ случаѣ былъ слѣдствіемъ глубокой премудрости, и даже любви ко врагамъ Своимъ. Что бы послѣдовало, если бы Онъ теперь рѣшительно и прямо объявилъ Себя Мессією, какъ того желали книжники? Справедливо, что они получили бы чрезъ то низкій предлогъ къ клеветамъ на Него предъ римскимъ правительствомъ: — далѣе не простиралась цѣль ихъ настоящаго посольства; но какой опасности подвергся бы Іерусалимъ и они сами? Народъ, принявъ изъ устъ Самого Іисуса рѣшительное объявленіе о Его достоинствѣ, немедленно раздѣлился бы на двѣ

---

*) Надобно полагать, что Іисусъ Христосъ имѣлъ при семъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ пророчествъ: Исаі. 8, 14, 15.; у Пророка съ камнемъ святымъ сравнивается Богъ; а нечестивые уподобляются людямъ, кои, будучи поражены страхомъ, бѣгутъ и, претыкаясь о святыи камень, падаютъ и разбиваются. Въ настоящемъ случаѣ подъ камнемъ разумѣлъ Іисусъ Себя Самого. Упадающими на сей камень разумѣются тѣ изъ іудеевъ, кои, соблазнясь Его уничтоженнымъ состояніемъ, не принимали Его ученія. Для таковыхъ покаяніе было легко, и они терпѣли только одно наказаніе — лишеніе благодѣяній. Но были между невѣрующими во Христа и такіе люди, на коихъ самъ камень имѣлъ упасть, чтобы раздавить ихъ; потому что они грѣшили не по слабости и невѣдѣнію, а по злобѣ и буйству; были нераскаянны, а потому недостойны и помилванія. Одно изъ такихъ страшныхъ паденій послѣдовало при разрушеніи Іерусалима.

стороны, изъ коихъ самая большая была бы противъ синедріона и легко дошла бы до возмущенія, которое могло стоить жизни самимъ первосвященникамъ. Господь предвидѣлъ всѣ сіи опасныя слѣдствія прямаго объявленія о Своемъ достоинствѣ и, желая отклонить всякій поводъ къ общественнымъ беспорядкамъ, отлагалъ его, какъ увидимъ, до самыхъ послѣднихъ минутъ Своей жизни. Синедріонъ услышитъ отъ Него рѣшительныя слова: «Я Сынъ Божій» (Матѳ. 26, 64), — но услышитъ въ ту пору, когда они не будутъ имѣть никакого слѣдствія, вреднаго для спокойствія народнаго, когда объявленіе Себя Мессією, не встревоживъ никого, ускоритъ только Его собственный крестъ.

Съ другой стороны, синедріонъ чрезъ посольство свое узналъ все, что для него полезно было знать. Изъ притчей Іисусовыхъ само собою слѣдовало, что Онъ есть Мессія; слѣдовало еще болѣе, — что Ему извѣстны всѣ начала, по коимъ дѣйствуютъ враги Его, и всѣ тайныя причины, побуждающія ихъ отвергать Сына Давидова; что Онъ совершенно знаетъ объ участи, для Него уготовляемой, и рѣшился подвергнуться всему по волѣ Своего Отца и изъ любви къ роду человѣческому. Сравненіе Себя съ сыномъ - наследникомъ, употребленное Господомъ, особенно было многозначуще и разительно: изъ него открывалось, что нежеланіе разстаться съ выгодами верховной власти надъ народомъ, дабы передать оную Сыну Давидову, было главною причиною, что первосвященники отвергли Іисуса, такую причиною, коея дѣйствіи надъ собою не примѣчали вполнѣ, можетъ быть, они сами. Послѣ сихъ, столь ясныхъ, хотя не прямыхъ, вразумленій, членамъ синедріона надлежало бы обратиться къ своей совѣсти и спросить, за кого она почитаетъ Іисуса? Безъ сомнѣнія, всякому, имѣющему уши слышать, она сказала бы, что человѣкъ, который такъ учитъ, живетъ и дѣйствуетъ, есть истинный Христосъ, Сынъ Бога живаго...

По удаленіи книжниковъ, Господь продолжалъ Свои бесѣды съ народомъ. Неудачное посольство синедріона подавало къ тому обильный и важный предметъ, и нѣкоторымъ образомъ налагало на Него обязанность преподавать народу совѣтъ, какъ должно поступать въ настоящихъ, для каждаго израильянина чрезвычайно важныхъ, обстоятельствахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какой народъ могъ находиться когда-либо въ такомъ положеніи, въ какомъ были теперь іудеи? Каждый изъ нихъ видѣлъ своими очами Мессію — предметъ тысячелѣтнихъ пламенныхъ ожиданій, и каждый чувствовалъ, что подвер-

гается очевидной опасности не узнать Его. Съ одной стороны, все влекло къ Иисусу, — и Его чудеса, и учение, и жизнь; съ другой многое и удаляло отъ Него, — и власть синедріона, и примѣръ фарисеевъ, славившихся святостию, и Его собственная нищета: куда обратиться? что дѣлать? — Въ такихъ обстоятельствахъ доброе сердце хотѣло бы, презрѣвъ все, предаться Иисусу; а обыкновенный житейскій разумъ говорилъ, что надобно ожидать мнѣнія начальства, коему отъ Самого Бога дано право управлять народомъ. Еще сильнѣе дѣйствовалъ предразсудокъ, что народъ іудейскій весь предназначенъ къ блаженству въ царствіи Мессіи. Тѣмъ менѣе, думали, могутъ быть исключены изъ сего числа начальники; и слѣд., казалось, лучше придти за ними, хотя позже, на вечерю (блаженство временъ Мессіи іудеи чаще всего представляли подъ видомъ вечера), нежели, упредивъ другихъ, особенно начальниковъ, подвергнуться опасности быть увлечену какимъ-либо Мессіею неистиннымъ.

«Съ царствіемъ Божиимъ, такъ началъ вѣщать Господь народу, происходитъ подобное тому, что случилось съ пиршествомъ *), которое одинъ царь устроилъ, по случаю объявленія своего сына наследникомъ. Когда все было готово, онъ послалъ сказать гостямъ, чтобы они шли на пиршество. Но гости отказались, не желая, чтобы его сынъ былъ ихъ царемъ. Царь въ другой разъ отправилъ слугъ — сказать званымъ, что все готово, недостаетъ только ихъ. Но послѣдніе дошли до такой дерзости, что, схвативъ слугъ, ругались надъ ними и нѣкоторыхъ убили. Тутъ царь вышелъ изъ терпѣнія, и немедленно послалъ войско, которое не только предало жестокой смерти презрителей царской милости, но и самый городъ ихъ разорило до основанія **).

«Между тѣмъ время пира наступило. Царь, не желая, чтобы радость его осталась нераздѣленною съ подданными, сказалъ слугамъ своимъ: Вотъ пиръ готовъ и званые слѣбались недостойными; но я найду себѣ гостей! Ступайте на распутія и зо-

---

*) Въ подлинникѣ стоитъ *γάμος* — собственно бракъ, брачное пиршество. Но цѣль притчи и цѣль рѣчи заставляютъ предполагать другое пиршество — всего лучше — при восшествіи наследника на престолъ, каковыя роды пиршествъ были столько-же употребительны на Востокѣ (3 Цар. 1, 9), какъ и вездѣ. Между тѣмъ и *γάμος* означаетъ иногда всякое пиршество, въ какомъ смыслѣ и употребляли его 70 толковниковъ. Есе. 9, 22.

**) Одно изъ наказаній, бывшихъ въ употребленіи на Востокѣ. Дан. 9, 26.

вите всѣхъ, кто встрѣтится. «Повелѣніе исполнено, и домъ царскій наполнился людьми всякаго званія, добрыми и злыми безъ разбора.

«Въ продолженіе пира царь вошелъ къ гостямъ посмотрѣть собраніе и обрадовать его своимъ присутствіемъ. Одинъ изъ возлежащихъ тотчасъ обратилъ на себя его вниманіе тѣмъ, что былъ въ простой одеждѣ *), а не въ праздничной, какъ бы надлежало. «Другъ мой, спросилъ царь съ кротостію, прилично общему веселію, — какъ ты осмѣлился войти сюда не въ должномъ видѣ?» Виновный молчалъ, не имѣя что отвѣчать. «Возьмите его, сказалъ разгнѣванный царь слугамъ, свяжите ему руки и ноги и бросьте въ самую глубокую и мрачную темницу, гдѣ онъ будетъ плакать и скрежетать зубами. — Званныхъ, прибавилъ царь въ наставленіе собранію, много, а избранныхъ мало!...»

Господь уже употребилъ сію притчу прежде, но для другой цѣли и въ другомъ видѣ. Въ первый разъ, описанный св. Лукою (Лук. 14, 16 — 24), она употреблена для показанія того, что изъ іудеевъ не всѣ и не многіе войдутъ въ царство Мессіи; потому что не многіе согласятся исполнить условія входа: тогда ни слова не было сказано о томъ, чтобы мѣста званныхъ были заняты другими, приглашенными съ распутія. Теперь къ означенной мысли объ отверженіи іудеевъ присовокуплена другая — о призваніи на ихъ мѣсто язычниковъ, и о томъ, что сіи вновь призванные, подобно іудеямъ, не всѣ оправдаютъ своею жизнію милость, имъ оказанную. — Примѣръ сей показываетъ, какъ мудро соображаемы были притчи Богочеловѣка, какъ точно приспособлялись онѣ къ слушателямъ, и видоизмѣнялись смотря по обстоятельствамъ.

Для народа въ сей притчѣ содержалось на сей разъ разрѣшеніе всѣхъ его недоумѣній касательно настоящихъ обстоятельствъ и вмѣстѣ преподавалось правило поведенія, самое вѣрное и надежное. «Значить, нѣтъ причины удивляться, что первосвященники не вѣрятъ Іисусу, отвергаютъ царство, Имъ проповѣдуемое. Званныхъ много, а избранныхъ мало! — Нѣтъ причины спрашивать, кто же наследуетъ царство, если іудеи не войдутъ въ него; царь найдетъ себѣ гостей!... Следовательно,

---

*) На Востокѣ тѣмъ, кои должны явиться предъ царя, посылаются для сего предварительно нарядная одежда (кафтанъ). Jahn bibl. Archaeolog. th. 1. 6. 2. p. 162.

должно, оставивъ всякое слѣпое подражаніе кому бы то ни было, слушать своей совѣсти, идти на вечерю, но идти въ брачной одеждѣ. Въ этомъ — приличномъ одѣяніи, въ благочестивой жизни — главное дѣло. У Бога нѣтъ лицепріятія. Если соблюду вѣру и буду добръ то непременно буду съ Мессією въ царствіи Его — получу спасеніе.»

Для христіанъ притча о вечери содержитъ грозный урокъ — содѣлывать свое спасеніе со страхомъ. «Я, говоритъ одинъ учитель Церкви, всегда содрогаюсь, когда воспоминаю слова: *Друзе, како вшелъ еси, не имый одѣянія брачна?*»

ПОСРЯДИШО СЪТЪ ИУДЕЙСКИХЪ И ОБАЩЕШО ИХЪ ПОРОКОВЪ ПРЪДЪ НАРОДОМЪ.

(Искушенія со стороны фарисеевъ, саддукеевъ, законника — съ отвѣтами на нихъ Іисуса Христа. — Вопросъ о достоинствѣ Мессіи. — Последнее обличеніе законоучителей іудейскихъ.)

недріонъ, при всей злобѣ на Іисуса Христа за посрамленіе членовъ его предъ народомъ, почелъ за лучшее молчать до времени и не предпринимать противъ Него явнаго насилия. Мнимое великодушіе сіе было слѣдствіемъ опасеній со стороны народа, показывавшаго сильную приверженность къ Іисусу. Между тѣмъ раздраженная гордость книжниковъ не могла и на малое время оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи; въ нѣсколько минутъ составленъ къ погубленію Богочеловѣка новый планъ, коего изобрѣтателями и исполнителями были, какъ легко предугадать, фарисеи (Мат. 22, 15). Узнавъ, что Онъ продолжаетъ бесѣдовать въ храмѣ съ народомъ, лицемѣры согласились подослать къ Нему нѣсколько человѣкъ изъ своихъ соумышленниковъ для уловленія Его въ какомъ-либо словѣ. Всѣмъ извѣстная свобода слова и откровенность, съ которою Іисусъ Христосъ всегда объявлялъ Свои мысли, служила для нихъ порукою въ успѣхѣ. Требовалось только выдумать вопросъ, столько же благовидный, какъ и опасный, и предложить его такъ, чтобы вовсе непримѣтно было цѣли, для которой его предлагаютъ. Подобнаго свойства предметъ почти самъ собою представлялся — въ податяхъ, платимыхъ кесарю, кои въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ (со времени превращенія Іудеи въ римскую провинцію) волновали умы и совѣсти іудеевъ, и для нѣкоторыхъ неблагоразумныхъ патріотовъ (напр.

Іуды Галилеянина съ его сообщниками) были поводомъ къ кровавому возстанію противъ римлянъ. Не смотря на безуспѣшность и несчастныя слѣдствія сего возстанія, большая часть народа, руководимая внушеніями фарисеевъ и собственнымъ самолюбіемъ, доселѣ находилась въ тѣхъ мысляхъ, что подати, платимыя римлянамъ, суть плодъ одного незаконнаго притѣсненія и противны духу Моисеевой религіи. Для израильтянина, думали, обязаннаго признавать Царемъ своимъ одного Іегову, должна существовать и одна законная подать, собираемая для храма Іеговы (Исх. 30, 12 — 16). Инако мыслившіе (иродіане и часть саддукеевъ) не имѣли касательно сего предмета довѣрія въ народѣ, и причитались къ отступникамъ, увлеченнымъ на сторону язычниковъ выгодами, или страхомъ. — О семь-то самомъ предметѣ соглашено спросить Іисуса. Кто дѣйствовалъ, какъ Мессія, Тотъ симъ самымъ, казалось, обязывался рѣшить, всѣми предлагаемый и никѣмъ достаточно нерѣшенный, вопросъ о подати; тѣмъ паче, что съ пришествіемъ Мессіи всѣ ожидали перемѣны своего отношенія къ римлянамъ.

Фарисеи, конечно, надѣялись услышать отъ Іисуса Христа отвѣтъ, неблагопріятствующій римлянамъ: ибо думали, что Онъ, въ качествѣ Мессіи, ищетъ земнаго царства, — для каковой цѣли надлежало благопріятствовать свободѣ народа, нетерпѣвашаго податей римскихъ. Но, въ такомъ случаѣ, отвѣтъ Іисуса Христа былъ бы самымъ сильнымъ средствомъ для фарисеевъ къ обвиненію Его предъ римскимъ прокураторомъ. Запрещать или называть несправедливыми подати, платимыя римлянамъ, значило въ глазахъ послѣднихъ быть возмутителемъ общественнаго покоя: преступленіе, за которое римскіе прокураторы тѣмъ строже и охотнѣе наказывали, чѣмъ труднѣе было пріучить іудеевъ, подобно прочимъ народамъ, къ платежу податей. Впрочемъ фарисеи не опасались никакой потери и въ томъ случаѣ, если бы Іисусъ Христосъ, паче чаянія ихъ, отвѣчалъ на вопросъ о податяхъ въ пользу римлянъ: чрезъ сіе Онъ Самъ отвратилъ бы отъ Себя народъ, который никакъ не могъ вообразить, чтобы Мессія повелѣлъ Ему когда-нибудь платить подать язычникамъ. — Третьяго способа отвѣчать на вопросъ о податяхъ — фарисеямъ, вѣроятно, вовсе не представлялось; какъ и дѣйствительно его не легко было представить.

Для большаго успѣха въ своей хитрости, фарисеи пригласили съ собою въ участіе иродіанъ. Секта сія, отличавшаяся наклон-

ностію къ языческой образованности и нравамъ *), во многомъ была не согласна съ фарисеями, до излишества приверженными ко всему отечественному: въ отношеніи къ податямъ иродіане именно утверждали противное всеобщему мнѣнію, почитая ихъ законными **). Но по сей-то самой противоположности они и были теперь полезны для фарисеевъ — въ томъ случаѣ, если бы Іисусъ Христосъ, какъ надѣялись, не одобрилъ податей. Самимъ фарисеямъ обвинять Его предъ римскимъ начальствомъ въ семъ патриотическомъ поступкѣ, значило бы навлечь на себя ненависть народа, любовію коего фарисеи весьма дорожили; иродіане же могли сіе сдѣлать безъ всякихъ невыгодныхъ для себя послѣдствій. При томъ обвиненіи со стороны иродіанъ, какъ царедворцевъ, приверженныхъ къ выгодамъ Иродовой фамиліи, нераздѣльнымъ съ выгодами кесаря, оказало бы гораздо больше дѣйствія на римскаго прокуратора, имѣвшаго много причинъ не довѣрять фарисеямъ въ ихъ усердіи къ римлянамъ.

Искуителями были выбраны ученики фарисейскіе (Мат. 22, 16), какъ менѣе подозрительные. Имъ велѣно вмѣшаться въ толпу народа, окружавшаго Іисуса Христа, и притвориться, какъ можно, благочестивѣе и приверженнѣе къ Его ученію. Поступивъ такимъ образомъ, молодые лицемѣры, послѣ многихъ неважныхъ вопросовъ, обратили бесѣду съ Христомъ къ своему предмету. «Учитель, такъ началъ одинъ изъ лицемѣровъ, намъ хотѣлось бы особенно узнать Твое мнѣніе объ одномъ предметѣ. Почти никто не говоритъ о немъ откровенно; но мы знаемъ, что для Тебя правда выше всего; Ты никогда не смотрѣлъ на лица и не страшился опасностей, училъ истинѣ, какъ должно Учителю Израилеву».

(Такая лесть уже сильно измѣняла сама себѣ предъ Господомъ, Который не любилъ похвалъ.)

«Скажи намъ, какъ Тебѣ кажутся подати, собираемыя для кесаря? Давая ихъ, не дѣлаемся ли мы изъ народа Божія рабами

*) V. Golberg. Jüdische Geschichte.

**) Какъ иродіане думали объ отношеніи своего отечества къ римлянамъ, и вообще о независимости политической, — можно догадываться изъ слѣдующихъ словъ Ирода Агриппы, сохраненныхъ для потомства Флавіемъ: «чтобы не потерять свободу, — говоритъ онъ, — за это сражаются по праву: но кто, будучи разъ побѣжденъ, силится потомъ свергнуть иго побѣдителя; тотъ походитъ болѣе на упрямаго раба, нежели на ревнителя свободы.» О войн. Іуд. 2. 16. 4.

язычниковъ, — не оскорбляемъ ли своей совѣсти? Давать ли намъ ихъ, (прибавилъ онъ, понизивъ голосъ), или не давать?..»

Простодушному народу вопросъ сей долженъ былъ чрезвычайно понравиться; потому что предметъ, о коемъ спрашивали, занималъ всѣхъ отъ первосвященника до послѣдняго раба. Самая похвала Іусуса также была пріятна народу, который такъ точно думалъ о Немъ на самомъ дѣлѣ, какъ лицемѣрно говорилъ книжникъ.

Но Сердцевѣдецъ немедленно проникъ цѣль искусителей. «Долго ли вамъ, сказалъ Онъ съ негодованіемъ, — искушать Меня лицемѣры?!... Покажите монету, которою платятъ подавать».

Фарисеи подали Ему римскую монету, съ изображеніемъ кесаря, называемую динаріемъ.

Господь взялъ монету, посмотрѣлъ на изображеніе и надпись, и отдавая назадъ, спросилъ, чье это изображеніе и какая надпись?

«Кесаревы», отвѣчала фарисей, не зная, что выйдетъ изъ сего отвѣта.

«Такъ чтоже, отвѣчалъ Господь, — *воздадите Кесарева Кесареви, а Божія Богови.*» (Первое, то есть, не противорѣчитъ послѣднему: ибо кесарь требуетъ своего и не запрещаетъ Божія).

Отвѣтъ сей удивилъ всѣхъ; потому что сотворенъ былъ, такъ сказать, изъ ничего. Самые книжники должны были признаться, что это сказано весьма обдуманно и благоразумно. Господь не обратилъ, повидимому, никакого вниманія на основаніе вопроса — на права кесаря въ отношеніи къ іудеямъ, и, вопреки желанію фарисеевъ, не сказалъ о сихъ правахъ ни слова; но они — явно — и не спрашивали о семъ: то, напротивъ, о чемъ спрашивалось, то есть, должно ли давать подати кесарю, не противорѣчатъ ли онѣ совѣсти и религіи, разрѣшено такъ ясно и удовлетворительно, такъ сходно съ нравами народа (житель Востока любитъ краткіе положительные отвѣты и не терпитъ отвлеченныхъ разсужденій), даже съ правилами тогдашней учености іудейской (у раввинскихъ правовѣдовъ издревле принято было за непреложную истину: чья монета, того и царство *), — что фарисеямъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ только молчать и удалиться.

Слухъ о посрамленіи фарисеевъ немедленно распротранился

---

*) Maimon. in tract. Gesaleh. C. 5.

между книжниками, коихъ всегда было много въ храмѣ. Для саддукеевъ показалось обстоятельство сіе благоприятнымъ случаемъ испытать и свои силы, дабы побѣдою надъ Іисусомъ Христомъ унижить вѣстѣ и гордость фарисеевъ, кои были всегдашними ихъ соперниками и врагами. Можетъ быть, хотѣли даже извѣдать, не одобритъ ли Іисусъ Христосъ, такъ злобно оскорбленный фарисеями, — ученія ихъ секты, и не покажетъ ли Себя благосклоннымъ къ саддукейству; въ какомъ случаѣ имъ надлежало бы уже измѣнить свою ненависть къ Нему на пріязнь, по крайней мѣрѣ пріостановить дальнѣйшее преслѣдованіе *). Такую надежду могли основывать между прочимъ на томъ, что Іисусъ Христосъ, постоянно обличая фарисеевъ, рѣже и менѣе говорилъ противъ саддукеевъ. Какую бы впрочемъ цѣль ни имѣли саддукеи, только искушеніе ихъ уже не заключало въ себѣ личной опасности для Іисуса Христа: хотѣли сразиться одною ученостію. Предметъ для состязанія взятъ былъ тотъ самый, который непрестанно обращался въ спорѣ между фарисеями и саддукеями — воскресеніе мертвыхъ. Іисусъ Христосъ постоянно и всенародно училъ, что души человѣческія безсмертны и что всѣ умершіе должны нѣкогда воскреснуть. Для опроверженія сей истины, саддукеи выбрали самое сильное изъ своихъ возраженій, которое, вѣроятно, почиталось неотразимымъ въ ихъ спорахъ съ фарисеями. Потомъ, какъ люди, неимѣющіе никакихъ тайныхъ и опасныхъ для Іисуса Христа видовъ, приступили къ дѣлу прямо.

«Учитель! Моисей сказалъ (Втор. 25, 5 — 10; Быт. 38, 8): ежели кто умретъ, не имѣя дѣтей, то братъ его долженъ взять за себя жену его и возоставить племя брата своего. Вслѣдствіе сего закона случилось вотъ что: было семь братьевъ; первый, женись, умеръ и, не имѣя дѣтей, оставилъ жену брату своему; другой, взявши ее, также умеръ бездѣтнымъ; подобнымъ образомъ умеръ третій и четвертый, — даже до седьмаго. Наконецъ, послѣ всѣхъ, умерла и жена. Спрашивается, (продолжалъ саддукей): котораго изъ семи мужей будетъ она женою въ то время,

---

*) Что каждая секта іудейская готова была принять самага своего врага подъ свою защиту, если только находила въ немъ друга своимъ заблужденіямъ и видѣла въ защищеніи его средство досадить прочимъ сектамъ, — это доказывается примѣромъ Ап. Павла, который нечаянно нашелъ въ цѣлой половинѣ судей и обвинителей своихъ — ревностныхъ защитниковъ себѣ, потому только, что фарисеямъ представилось, будто мнѣнія, за кои онъ обвиняется, подобны ученію ихъ секты и противны саддукеямъ. Дѣян. 23, 6 — 9.

когда всѣ воскреснуть? Всѣ семеро (прибавилъ онъ) имѣли ее (Мат. 22, 23 — 33; Мар. 12, 18 — 27. Лук. 20, 27 — 39)».

Къ чему идетъ дѣло и для чего предложенъ странный случай съ женою, — надлежало доразумѣть. Такъ обыкновенно поступали раввины въ своихъ состязаніяхъ, указывая на какой-либо примѣръ, дѣлая одни намеки и не употребляя раздѣльныхъ умозаключеній и выводовъ, къ коимъ житель Востока не можетъ привыкнуть. По нашему образу изъясненія мыслей, сила возраженія саддукейскаго состояла въ слѣдующемъ: «въ книгахъ Моисеевыхъ не только нѣтъ никакого доказательства безсмертія душъ; но еще есть нѣчто такое, что совершенно противорѣчитъ ученію о воскресеніи мертвыхъ; именно — законъ касательно ужичества. Ежели мертвые воскреснутъ (какъ учатъ фарисеи и Ты), то жена, представленная въ примѣръ, должна по закону ужичества принадлежать или всѣмъ седемъ мужьямъ, или никому, что равно нелѣпно; но такового нелѣпаго закона (каковымъ оказывается законъ ужичества въ отношеніи къ безсмертію) Моисей, мудрѣйшій, Богодухновенный законодатель, дать не могъ; слѣдовательно, по ученію Моисея, нѣтъ воскресенія мертвыхъ, и мы, не принимая ученія о безсмертіи, совершенно правы». Умствованіе повидимому не безъ силы: только имъ предполагалась недоказанная и ложная мысль, что чувственный союзъ супружества остается въ силѣ и по воскресеніи мертвыхъ, въ будущей жизни, между тѣми лицами, кои были супругами въ настоящей жизни. И фарисеи не всѣ допускали послѣднее мнѣніе *); а Іисусъ Христосъ не одобрялъ ни того, ни другаго. Тѣмъ удобнѣе было отвѣчать на софизмъ.

«Не отъ того ли именно, сказалъ Господь саддукеямъ, и происходитъ ваше заблужденіе, что вы не знаете истиннаго смысла писаній и не имѣете правильнаго понятія о всемогуществѣ Божіемъ? — Самый образъ мыслей вашихъ о состояніи будущей жизни нелѣпенъ и ложенъ. Жениться, выходить замужъ есть принадлежность только настоящей жизни, въ которой господствуетъ чувственность. Но тамъ нѣтъ ничего чувственнаго; а потому нѣтъ и брака. Сыны воскресенія будутъ сынами не плотскими, а Божіими; ихъ состояніе подобно состоянію Ангеловъ.»

Замѣчанія сего уже было достаточно для посрамленія саддукеевъ; потому что имъ совершенно опровергалось возраженіе

---

*) Schöthl. Hor. Hebr. ad v. 26 Eisenmeng. Entd. Judenthum. Tom. 11. p. 943.

саддукейское и съ его основаніемъ. Но, Господь, вѣроятно, видѣлъ возможность вывести нѣкоторыхъ саддукеевъ изъ ихъ заблужденія *): посему не удовольствовался однимъ опроверженіемъ возраженія, а присовокупилъ съ своей стороны весьма убѣдительное доказательство безсмертія.

«Столь же несправедливо, продолжалъ Онъ, думаете вы, что въ законѣ Моисеевомъ нѣтъ ничего о воскресеніи мертвыхъ и будущей жизни. Развѣ вы никогда не читали тѣхъ мѣстъ, гдѣ описывается явленіе Бога Моисею? Какъ тамъ называетъ Себя Богъ? — *Азъ есмь*, говоритъ Онъ, *Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ, Богъ Иаковлевъ*. Но Богъ не есть Богъ мертвыхъ, а живыхъ; посему у Него всѣ живы» (Исх. 3, 6; Лук. 20, 37).

Саддукеи молчали. Доказательство, приведенное Іисусомъ Христомъ, кромѣ неожиданности (у саддукеевъ почиталось за несомнѣнное, что въ книгахъ Моисея нѣтъ подобныхъ указаній на безсмертіе) отличалось глубокостію и духовностію смысла, невиданною въ умствованіяхъ раввиновъ, большею частію мелочныхъ и слабыхъ **). Каждый невольно чувствовалъ, что Богъ дѣйствительно не назвалъ бы Себя Богомъ Авраама, Исаака и Іакова, если бы сіи святые мужи вовсе перестали существовать. Нѣкоторые изъ саддукеевъ выразили свое одобреніе даже въ слухъ народа (Лук. 20, 39), который тѣмъ болѣе радовался, что торжество Іисуса надъ саддукеями казалось ему собственнымъ торжествомъ.

Неудачное покушеніе саддукеевъ снова ободрило фарисейскихъ книжниковъ и пробудило охоту вступить въ споръ съ Іисусомъ. Сговорившись между собою (Мат. 22, 34), они выбрали одного (Мат. 22, 35), самаго искуснаго и надежнаго законника, который впрочемъ, какъ показалъ опытъ, имѣлъ не только умъ для сужденія о важныхъ предметахъ, но и сердце для принятія истины. Уже прежній отвѣтъ Іисусовъ саддукеямъ, по замѣчанію св. Марка,

*) Дѣйствительно у послѣдующихъ раввиновъ встрѣчается ученіе о состояніи душъ по смерти гораздо чище, и даже подобное Евангельскому. «Въ будущей вѣкѣ, — пишетъ одинъ, — не будутъ ни ѣсть, ни пить, не будутъ рожать дѣтей, ни торговать; тамъ нѣтъ ни зависти, ни гнѣва, ни ссоръ, и проч.» (Bevasat taln. 17). У позднѣйшаго раввина встрѣчается даже тоже самое доказательство воскресенія душъ, которое въ настоящемъ случаѣ употреблено І. Христомъ. Monass. B. Israël de resur. mort 1. 10. 6. p. 68. conf. Schöttg. in Hog.

**) Образчикъ сихъ умствованій можно видѣть въ Талмудѣ Sanhedr. F. 90.

ему весьма понравился; и онъ взялъ на себя препорученіе — искусить Іусуса, вѣроятно, съ лучшимъ намѣреніемъ, нежели какое предполагалось его сообщниками *).

Вопросъ, предложенный законникомъ, касался любимого предмета — спора о заповѣдяхъ. Фарисеи постоянно раздѣляли заповѣди на большія и малыя; равнымъ образомъ всѣ они были согласны въ томъ, что подъ заповѣдями большими надобно разумѣть всѣ обрядовые законы, а подъ меньшими правила нравственности. Но какая самая большая заповѣдь — въ семь никакъ не могли согласиться: одни почитали такую законъ о субботѣ, другіе — законъ обрѣзанія, и такъ далѣе. Источникомъ сихъ изслѣдованій и споровъ была не одна наклонность къ утонченіямъ и софистикѣ, постоянно отличавшая фарисеевъ, а частію и нужда: отъ мнѣнія, какая самая большая заповѣдь, зависѣло, какую заповѣдь можно оставлять въ случаѣ, такъ называемаго, несогласія или противорѣчія обязанностей.

«Первая изъ всѣхъ заповѣдей, отвѣчалъ Господь, есть сія: слыши, Израиль! Господь Богъ нашъ есть Господь Единъ; посему возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ и всею крѣпостію твоею (Втор. 6, 5)! Сія заповѣдь болѣе всѣхъ.

«Вторая, подобная ей, заповѣдь сія: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя (Лев. 19, 18)!

«Иной заповѣди больше сихъ нѣтъ. Въ сихъ двухъ заповѣдяхъ состоитъ весь законъ и всѣ Пророки». (Это сущность всего закона!)

Отвѣтъ сей былъ самый лучшій; хотя и не заключалъ въ себѣ числительнаго дѣленія заповѣдей, къ которому привыкли законники. Фарисеи оттого именно и не могли согласиться, какая большая заповѣдь, что считали и измѣряли заповѣди, вмѣсто

---

*) Св. Маркъ намекаетъ на сіе довольно ясно, когда говоритъ: «одинъ изъ книжниковъ... вида, что І. Христосъ хорошо имъ отвѣтствовалъ, подошелъ и спросилъ и проч.» Тоже можно заключать изъ одобренія, сдѣланнаго сему книжнику І. Христомъ. Поелику же св. Матѳей прямо говоритъ, что и сіе искушеніе сдѣлано по заговору фарисеевъ и не съ хорошою цѣлію; то нѣкоторые (Rosentmüller, Kestl. Analect. t. 3 p. 199. 1813) полагали, что вопросъ о главнѣйшей изъ заповѣдей предложенъ былъ дважды, въ первый разъ фарисеемъ съ злымъ намѣреніемъ, какъ повѣствуетъ Матѳей, — въ другой кареемъ безъ злаго намѣренія, какъ описываетъ Маркъ. Предположеніе недоказанное и несогласное съ обстоятельствами дѣла (v. Kuinbl. Comment.). Здѣсь, по примѣру Златоуста и Феофилакта, принимается, что у обоихъ Евангелистовъ представленъ одинъ и тотъ же совпросникъ, и что онъ хотя началъ рѣчь не совершенно съ чистымъ, окончилъ оную съ добрымъ чувствомъ.

того, чтобы проникаться духомъ ихъ и исполнять ихъ на самомъ дѣлѣ.

Не безъ особеннаго намѣренія, при заповѣди о любви къ Богу, Іисусъ Христосъ упомянулъ о единствѣ Божіемъ. Это для того, чтобы іудеи, когда Онъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, не толковали слова Его такъ, какъ бы Онъ проповѣдывалъ двоебожіе. Въ опроверженіе сей клеветы, теперь ясно и съ силою сказано, что единство Божіе есть первая мысль, которую надобно имѣть при исполненіи своихъ обязанностей.

Отвѣтъ Іисусовъ совершенно удовлетворилъ желанію книжника, предложившаго вопросъ. «Такъ, Учитель, Ты сказалъ совершенную истину: кромѣ Бога, нами исповѣдуемаго, нѣтъ другаго; и любить Его всѣмъ сердцемъ, всѣмъ умомъ, всею душою и всею крѣпостию, и любить ближняго, какъ самого себя, — это больше всѣхъ жертвъ и всесожженій!»

Изъ устъ книжника — фарисея слышатъ такое здравое сужденіе, произнесенное отъ сердца и съ силою, — былъ случай рѣдкій. Господь во все время служенія Своего не много слышалъ такихъ здравыхъ сужденій. «Ты не далекъ отъ царствія Божія!» сказалъ Онъ книжнику (Марк. 12, 34); свѣтлый, исполненный милосердія взглядъ подтвердилъ сей отзывъ. Тѣмъ огорчительнѣе было для прочихъ фарисеевъ слышать отъ своего собрата слова, кои отзывались явной измѣною ихъ сектѣ, постоянно утверждавшей, что преданія выше писанія, обряды важнѣе заповѣдей.

Для многихъ, вѣроятно, желательно было бы знать о дальнѣйшей судьбѣ сего книжника. Преданіе не говоритъ о немъ ничего. Должно думать, что онъ рано или поздно воспользовался близостию къ нему царствія Божія; и, сдѣлавшись послѣдователемъ Іисуса Христа, собственною жизнію оправдалъ, что любовь къ Богу и ближнему есть большая изъ всѣхъ заповѣдей *).

Послѣ сихъ опытовъ Божественной премудрости Іисусовой, уже никто не смѣлъ предлагать Ему вопросовъ. Но, когда всѣ умолкли, Господь Самъ началъ разговоръ съ фарисеями.

«Какъ вы думаете, спросилъ Онъ о Мессіи: чей Онъ долженъ быть Сынъ?»

«Давидовъ», отвѣчалъ одинъ фарисей безъ дальняго размысленія; потому что истина сія извѣстна была каждому отроку.

---

*) Gonf. Cornel. a lap. ad. h. 1.

«Но, если Мессія, возразилъ Іисусъ, есть только потомокъ Давидовъ: то какимъ образомъ Давидъ (писавшій по вдохновенію) могъ назвать Его своимъ Господомъ? Какъ онъ могъ написать о Мессіи: рече Господь Господеву моему (Мессіи): сѣди одесную Мене, дондеже положу врага Твоя въ подножіе ногъ Твоихъ? — Если Мессія, по сему изреченію, есть Господь Давида: то какъ же Онъ сынъ его (Матѳ. 22, 42 — 46)?»

Не могли сказать въ отвѣтъ ничего рѣшительнаго, фарисеи могли бы однакоже прибѣгнуть къ нѣкоторымъ оборотамъ и отвѣчать напр., что потомокъ часто бываетъ гораздо выше своихъ предковъ, что Мессія будетъ такой могущественный царь, коего самъ Давидъ могъ и долженъ былъ назвать своимъ Господиномъ. Но имъ, какъ можно догадываться изъ обстоятельствъ, не хотѣлось разсуждать всенародно о предметѣ, который клонился къ ихъ безчестію. Уже совершенно извѣстно было, что предстоящій народъ почитаетъ Іисуса Христа за Мессію; Онъ Самъ, хотя въ притчахъ, далъ однакожъ, какъ мы видѣли, книжникамъ ясно выразумѣть, кто Онъ и какая участь ожидаетъ тѣхъ, кои не признаютъ Его за Мессію. Полагая, что и настоящій вопросъ поведетъ къ тому же, фарисеи почли за лучшее притвориться незнающими.

Вопросъ остался нерѣшеннымъ. Господь и Самъ не благоволилъ рѣшить его: потому что ближайшая цѣль — привести къ молчанію совопросниковъ и обнаружить предъ народомъ ихъ невѣжество, была уже достигнута; а дальнѣйшая — подать поводъ къ размышленію о Божественномъ достоинствѣ Мессіи, имѣла быть достигнутою не теперь и не вдругъ. Если настоящіе слушатели Іисусовы не были еще, какъ вѣроятно, способны принять отъ Него высокое ученіе о Божественности Его лица: то впослѣдствіи Апостолы Петръ (Дѣян. 2, 34) и Павелъ (1 Кор. 15, 25; Евр. 1, 13), слова Давида, приведенныя здѣсь Іисусомъ Христомъ, постоянно употребляли въ доказательство Его Божественности и раскрыли всю силу ихъ.

Симъ кончились состязанія съ книжниками. Главныя секты іудейскія явились теперь предъ лице Іисуса Христа съ своими искушеніями и вопросами, какъ бы нарочно для того, чтобы показать, какъ ничтожна была вся ихъ жалкая ученость предъ Божественною мудростію мнимаго Тектона Назаретскаго. Вопросы, ими предложенные, нынѣ могутъ показаться не столь важными и трудными: но тогда они были таковы, что самыя ученые раввины не знали, что отвѣчать на нихъ. Св. Маркъ

присовокупляетъ, что съ посрамленіемъ книжниковъ увеличилось уваженіе и приверженность народа къ Іисусу Христу (Мар. 12, 37). Дѣйствительно, нельзя было безъ удовольствія и удивленія видѣть, какъ одинъ человекъ заставилъ молчать, обнаружилъ невѣжество всѣхъ, кто только почитался въ Іерусалимѣ самымъ ученымъ и многознающимъ.

Довольно спокойный тонъ, съ коимъ книжники, не смотря на посрамленіе свое, продолжали и возобновляли нѣсколько разъ бесѣду, служилъ, повидимому, доказательствомъ, что ненависть ихъ къ Іисусу Христу еще не достигла высшей степени. Между тѣмъ она совершенно созрѣла, и только привычка лицемѣрить дѣлала ее не такъ примѣтною. Господь совершенно видѣлъ сердце враговъ Своихъ, какъ оно грубо и неисправимо: посему, приближаясь къ концу служенія Своего, почелъ за нужное, безъ всякой пощады, обнаружить предъ народомъ низость ихъ характера и поступковъ, дабы предостеречь отъ подражанія имъ простые души.

Обратившись къ народу, Онъ произнесъ ту обличительную противъ нихъ рѣчь, которой всегда будутъ трепетать лицемѣры.

«На Моисеевомъ сѣдалищѣ *), — такъ началъ Онъ, — возсѣли книжники и фарисеи: все, что они велятъ вамъ наблюдать, наблюдайте: только по дѣламъ ихъ не поступайте; потому что они сами говорятъ и не дѣлаютъ; связываютъ бремена тяжелыя и неудобноносимыя **) и кладутъ на плечи людямъ, а сами и пальцемъ не хотятъ двигнуть ихъ. Всѣ же дѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобъ быть видимыми отъ людей; для сего именно разширяютъ свои хранилища ***) и увеличиваютъ воскрылія ****) одеждъ своихъ. Также любятъ первыя мѣста на пиршествахъ

*) Выраженіе метафорическое, означающее должность законоучителей, изъяснявшихъ законъ Моисеевъ, и потому бывшихъ какъ бы преемниками Моисея.

**) Законъ обрядовъ, по одной многочисленности ихъ, уже составлялъ иго довольно тяжкое. Фарисеи еще увеличивали сію тяжесть присовокупленіемъ множества преданій, распространеніемъ смысла обрядовыхъ правилъ, внушеніемъ, что нарушеніе малѣйшихъ обрядовъ есть важное преступленіе.

***) Поязки на лбу и на рукахъ, съ словами закона, особенно слѣдующими: Исх. 13, 1 — 10. 11 — 16. Втор. 6, 4. 11, 13 — 21. Обыкновеніе носить сіи поязки составилось на основаніи буквального изъясненія нѣкоторыхъ предписаній Моисеевыхъ, напр. Исх. 13, 9. 16; Втор. 6, 8. 11, 18. Фарисеи, для показанія особенной набожности, дѣлали сіи хранилища какъ можно больше и шире. v. Lundii Jud. Alterth. 4. 14. 21 — 52.

****) Снурки синяго цвѣта, предназначеннаго закономъ для одежды священниковъ. Моисей предписалъ, чтобы у каждаго еврея по концамъ одежды нашитъ былъ синій снурокъ, въ напоминаніе, что весь народъ еврейскій долженъ быть

и въ синагогахъ, — и чтобы имъ кланялись въ народныхъ собраніяхъ и чтобы звали ихъ: «Учитель! Учитель!» — Вы, продолжалъ Господь, обратившись къ ученикамъ, не слѣдуйте сему примѣру: не называйтесь учителями *): ибо у васъ одинъ Учитель—Христосъ, а вы всѣ братія; — и отцемъ **) себѣ не называйте никого на землѣ (какъ то дѣлають фарисеи): ибо у васъ одинъ Отецъ, Иже на небесѣхъ. Не позволяйте также, подобно имъ, величать себя начальниками ***), потому, что у васъ одинъ Начальникъ — Христосъ. Большой изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга. Ибо возвышающій себя унижится, а унижающій возвысится.»

«Горе вамъ, (воскликнулъ Господь, обратя рѣчь къ фарисеямъ), книжники и фарисеи — лицемѣры, что затворяете царствіе небесное человѣкамъ, и не только сами не входите въ него, но и желающихъ войти не допускаете. Горе вамъ, книжники, фарисеи — лицемѣры, кои поядаете дома вдовицъ ****), и самую молитву обращаете въ предметъ лицемѣрія, продолжая оную изъ тщеславія: тѣмъ тягчайшее ожидаетъ васъ осужденіе! Горе вамъ книжники и фарисеи — лицемѣры, кои обходите сушу и море, чтобы обратитъ хотя одного въ іудейство *****), а обративъ,

---

народомъ священнымъ. Числ. 15, 38. Втор. 22, 12. Фарисеи не умѣли обратитъ сіи сурки въ пищу своему лицемѣрію, увеличивая ихъ какъ можно болѣе.

*) Ученики Іисусовы дѣйствительно никогда не выдавали себя за независимыхъ учителей, а только за посланниковъ одного Учителя — Іисуса. Впрочемъ Господь запретилъ тщеславіе, съ коимъ фарисеи любили называться учителями, а не имя, которое само по себѣ невинно. Ап. Павелъ въ одномъ мѣстѣ (1 Тим. 2, 7), называетъ себя учителемъ языковъ, хотя постоянно отзывается о себѣ, какъ о послѣднемъ изъ учениковъ Іисусовыхъ.

**) У евреевъ начальники школы назывались также отцами, отъ коихъ ученики заимствовали себѣ прозваніе, напр. послѣдователи Шаммаи назывались шаммаитами, послѣдователи Гиллела — гиллелитами. Подобно сему въ церкви Коринтской начали-было одни называться Павловыми, другіе Аполлосовыми, иные Кифиными: но Ап. Павелъ прекратилъ сей обычай, угрожающій раздѣленіемъ христіанской Церкви на мелкія общества. 1 Кор. 1, 11—13. сл. 3, 4.

***) *Καθηγητής* — начало - вождь. Такъ называли они предсѣдателей синагоги и синагоги (Selden de Syned. 737).

****) Фарисеи поядали дома вдовицъ — долгами своими молитвами. — Посредствомъ ложной набожности, становясь распорядителями совѣсти и имущества набожныхъ женщинъ, они заставляли ихъ дѣлать разныя пожертвованія въ свою пользу, даже объявлять себя наследниками ихъ имущества, въ предосужденіе и съ обидою истинныхъ наследниковъ.

*****) Фарисейство и нечистый прозелитизмъ всегда неразрывно связаны. Фарисеи іудейскіе особенно отличались въ семъ родѣ ложною набожностію.

дѣлаете его сыномъ геенны, вдвое худшимъ васъ самихъ! Горе вамъ, вожди слѣпые, кои учите, что если кто поклянется храмомъ, то ничего; а если кто поклянется златомъ храма, то непременно долженъ исполнить клятву! Слепые и несмысленные! что больше: злато или храмъ, освящающій злато? — Также учите вы, что если кто поклянется жертвенникомъ, то ничего; а если кто поклянется даромъ, что на жертвенникѣ, тотъ долженъ исполнить клятву. Глупые и слѣпые! Что больше — даръ, или жертвенникъ, освящающій даръ? — Ужели вы не разумѣете, что клянущійся жертвенникомъ, клянется имъ и всѣмъ, что на немъ? — И кто клянется храмомъ, клянется имъ и живущимъ въ немъ? И кто клянется небомъ, клянется престоломъ Божиимъ и Сидящимъ на немъ *)? — Горе вамъ, книжники и фарисеи — лицемѣры, дающіе десятину со всѣхъ малыхъ растений **) — съ мяты, аниса и тмина; между тѣмъ оставляющіе существенное, въ чемъ состоитъ законъ: правосудіе, милость и вѣрность: сіе-то надлежало прежде исполнять, а потомъ уже (если угодно) думать о томъ. Вожди слѣпые, отцѣживающіе комара ***), а поглощающіе верблюда! Горе вамъ, книжники и фарисеи-лицемѣры, кои съ такою заботливостію очищаете внѣшность чашъ и блюдь ****), между тѣмъ какъ внутренность ваша исполнена хищенія и неправды! Фарисей-слѣпецъ! очисти прежде то, что въ чашѣ; тогда и внѣшность ея будетъ чиста. Чему уподобить васъ — лицемѣровъ? — Развѣ гробамъ окрашеннымъ, кои снаружи кажутся кра-

---

*) Фарисеи (у коихъ божба была въ великомъ употребленіи) раздѣляли клятвы на большія — непреступныя, и малыя — удобопреступаемыя. Клятва церковными сокровищами и жертвами съ намѣреніемъ отнесена была къ важнѣйшимъ клятвамъ, — дабы возвысить въ глазахъ народа важность сихъ вещей и расположить его тѣмъ къ большимъ пожертвованіямъ въ пользу храма; v. Lightfoot. *Hor. Hebr. ad v. 33.*

**) Закономъ было повелѣно давать десятину отъ полевыхъ и садовыхъ плодовъ (Лев. 27, 30; Втор. 14, 22): но фарисеи, не принадлежашіе къ сословию Левитовъ, свободному отъ сего закона, чтобы показаться набожнѣе, давали десятую часть и со всѣхъ прочихъ огородныхъ растений, кои, по общему мнѣнію, не подлежали десятинѣ.

***) Пословица іудейская (*Worst. de Adag. N. T. 1. 3. 2.*)

****) Фарисеи, чтобы какъ нибудь не сдѣлаться нечистыми отъ прикосновенія къ нечистому, съ возможною тщательностію вымывали всѣ, употребляемые для пищи и питія, сосуды. Между тѣмъ чистыя чаши ихъ наполнены были — неправдою, пища, въ нихъ содержащаяся, была плодъ — обмана, хищенія и лицемѣрства!

сивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты *). Такъ и вы снаружи кажетесь праведными, а внутри полны лицемерія и беззаконія! Несчастные! вы строите гробницы Пророкамъ **) и украшаете памятники праведниковъ, и говорите: «если бы мы жили во дни отцевъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророческой.» Говоря такимъ образомъ, вы сами свидѣльствуете, что вы сыны людей, кои избѣли Пророковъ. Дополняйте же мѣру преступленій отцевъ вашихъ!.. Зміи, порожденія ехидны! — Какъ убѣжите вы отъ осужденія въ геенну? Слышите, что Премудрость Божія вѣщаетъ вамъ чрезъ Меня ***): «Се Я еще пошлю къ нимъ пророковъ и мудрыхъ книжниковъ ****): но изъ нихъ одни будутъ убиты... иные распяты... прочіе преслѣдуемы и биты въ синагогахъ.» Такъ вы сдѣлаете все сіе, дабы пришла на васъ кровь Пророковъ и посланниковъ Божіихъ, убитыхъ вашими предками, — отъ Авеля праведнаго до Захаріи, сына Варахіиа *****), который (такъ чтите вы храмъ!) умерщвленъ между храмомъ и жертвенникомъ. Аминь, аминь глаголю вамъ, яко все сіе приидеть на родъ сей, отяготѣвъ надъ настоящимъ поколѣніемъ, надъ вами и чадами вашими!... Иерусалимъ, Иерусалимъ! — избивающій Пророковъ и каменіемъ побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько кратъ хо-

*) Сравненіе самое сильное и унижающее! Гробы у евреевъ почитались такъ нечистыми, что одно прикосновеніе къ нимъ уже оскверняло человѣка. v. Nicol. de sepulchr. Hebr. 1. 2. II. сл. 4. 3.

**) Современная исторія іудейская не представляетъ подобнаго примѣра; но дѣйствіе сіе совершенно въ духѣ фарисеевъ.

***) Слч. Матѳ. 23, 34; Лук. II, 49.

****) Иисусъ Христосъ даетъ здѣсь ученикамъ своимъ названіе, бывшее въ употребленіи у тогдашнихъ іудейскихъ учителей. У Ев. Луки сказано прямѣе: «пошлю пророковъ и апостоловъ.» II, 49.

*****) Въ исторіи іудейской извѣстны три Захаріи: 1. Священникъ, который за обличеніе царя Іоаса, по его повелѣнію, побитъ камнями во храмѣ (2 Пар. 24, 20. 21), но онъ называется сыномъ Іодая, а не Варахіи. 2. Пророкъ, коего мы имѣемъ пророчества: но о смерти его ничего не извѣстно. 3. Захарія, сынъ Варуховъ, который, по словамъ Флавія (Vel. Jud. 4. б. 4), предъ разрушеніемъ Иерусалима, умерщвленъ змитами во храмѣ. Но сіе событіе случилось спустя довольно времени по вознесеніи Христовомъ. Итакъ о какомъ Захаріи упоминаетъ здѣсь Иисусъ Христосъ? — Вѣроятно, о первомъ, коего убіеніе іудейскими писателями поставляется одною изъ главныхъ причинъ Божія наказанія, постигшаго народъ іудейскій при разрушеніи Иерусалима (v. Grätz). По обычаю іудеевъ, Іодай, отецъ Захаріи, могъ имѣть другое имя — Варахіи. Господь указываетъ на два убійства — Авеля и Захаріи, потому что они были примѣчательнѣйшія и составляли первое и послѣднее убіеніе праведниковъ, о коемъ упоминается въ историческихъ книгахъ ветхаго завета.

тѣмъ Я собратъ чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылѣ своя *): но вы не восхотѣли! — (не восхотѣли!). — Да будетъ же то, чему бытъ должно! — Се оставляется домъ вашъ пустъ **)... Истинно говорю вамъ, вы не увидите Меня огнѣмъ (Матѳ. 23, 39), доколѣ не изыдите во срѣтеніе съ восклицаніемъ: *Благословенъ грядый во имя Господне! ***)*».

Съ сими словами Господь вышелъ изъ внутреннихъ притворовъ храма во внѣшніе, какъ бы желая показать, что исполненіе послѣдней угрозы началось теперь же.

Послѣ сего Онъ уже не былъ въ храмѣ.

Бесѣды, какова настоящая, не остаются безъ дѣйствія и проносятся только тѣми, кои на то пришли въ міръ, чтобы свидѣтельствовать истину и умереть за нее (Іоан. 18, 37). Такъ никто еще и никогда не говорилъ въ храмѣ іерусалимскомъ, въ присутствіи народа. Обличенія самого Исаіи (Ис. 1, 1—20) и Іереміи (Іерем. 7, 1—15) представляются не столь сильными въ сравненіи съ настоящимъ. Все, въ чемъ Господь при разныхъ случаяхъ упрекалъ книжниковъ, совокуплено теперь въ одно. Послѣ сего гордые лицемѣры не могли простить своему обличителю: смерть, смерть жестокая будетъ съ ихъ стороны отвѣтомъ!...

Для народа обличеніе книжниковъ было весьма нужно. Онъ долженъ былъ наконецъ увидѣть истинную причину своихъ бѣдствій, — узнать, кто его ведетъ и въ какую бездну. Время пощадъ кончилось. Не желая преждевременно колебать существующаго порядка вещей, при всѣхъ его несовершенствахъ, Господь доселѣ не раскрывалъ всей низости характера народныхъ учителей; иногда поддерживалъ даже важность ихъ сана (Лук. 17, 14), и теперь велѣлъ слушать, чему они учатъ. Но, показавъ мудрое снисхожденіе, надлежало обнаружить и неумытную строгость; и она обнаружена! Ни одна страсть не оставлена безъ обличенія, ни одно заблужденіе — безъ упрека. Предпочтеніе пре-

*) Весьма сходное по выраженіямъ и мыслямъ мѣсто находится въ 3 книгѣ Ездры 1, 30 — 33.

**) Если слова сіи относить къ слѣдующему стиху, то смыслъ будетъ таковъ: «Меня болѣе не увидятъ въ семь храмѣ.» А если относить его къ предыдущему (ст. 35, 36) и къ слѣдующей главѣ (24, 1 — 34); то въ нихъ будетъ содержаться предсказаніе о разрушеніи храма. Лучше соединять тотъ и другой смыслъ, такъ какъ они не только не исключаютъ, а скорѣе предполагаютъ себя взаимно.

***) То есть, никогда не увидите въ храмѣ.

даніи челоѣческихъ заповѣдямъ Божиимъ, обремененіе совѣсти напрасными требованіями, извращеніе истиннаго смысла заповѣдей, — все выставлено въ такомъ свѣтѣ, что нельзя было не видѣть истины. Паче же всего — низкій характеръ книжниковъ, ихъ лицемѣріе и невѣжество изображены такъ живо и сильно, какъ только можетъ изображать языкъ челоѣческій. И все сіе тѣмъ было разительнѣе для слушателей, что Іисусъ Христосъ говорилъ, уже не какъ обыкновенный, или необыкновенный учитель, а какъ Мессія, Который, бывъ отвергнутъ синагою, упрекаетъ ее за невѣріе и убійство Пророковъ и предсказываетъ бѣдствія, за симъ неминуемо слѣдующія. Слова: «придетъ кровь всѣхъ праведниковъ на родъ сей», потрясли сердца — самыя безстрашныя. Справедливость обличенія, святость Обличителя ручались предъ всѣми и за событіе страшныхъ угрозъ, коими окончена бесѣда.

Такое обличеніе фарисейства не излишне было и для учениковъ Іисусовыхъ, — тѣмъ паче для будущихъ послѣдователей Его. Господь ясно видѣлъ, что благодатной Церкви, Имъ основанной, угрожаютъ тѣже пороки и страсти, отъ коихъ страдала и пала Церковь іудейская; — что и между послѣдователями Его не преминутъ явиться новые фарисеи и книжники, любящіе связывать бремена неудобноносимыя, и возлагать на совѣсти другихъ, не касаясь сами и перстомъ этой тяжести, умѣющіе украшать внѣшность свою, тогда какъ внутренность наполнена костей и смрада, — видѣлъ, и, въ лицѣ фарисеевъ іудейскихъ, изрекъ горе всѣмъ лицемѣрамъ христіанскимъ.

Достоинно замѣчанія, что Господь, говоря о убіеніи Пророковъ, не упоминаетъ о Своей крови, которая также имѣла быть вскорѣ пролитою; общается, не смотря на Свою смерть, ко ея виновникамъ будутъ іудеи, снова послать Апостоловъ и Пророковъ для ихъ вразумленія. Такъ свободенъ Онъ былъ при семъ обличеніи отъ всякаго личнаго чувства гнѣва или ненависти! Такъ неизмѣнно помнилъ, что Сынъ челоѣческій пришелъ не судить міръ, а спасти его!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННАГО СЪЗНАНІЯ ИСУСА ХРИСТА КЪ КАЧЕСТВАМЪ ЖИЗНИ.

(Замѣчаніе касательно двухъ лептъ вдовицы. — Желаніе смирновъ видѣть Иисуса. — Его душевное смущеніе. — Глазь къ Нему съ неба. — Вразумленіе отъ Него по сему случаю народу. — Важность настоящихъ минутъ и ихъ всемірное значеніе.)

Вышедъ изъ внутреннихъ притворовъ храма, Иисусъ Христосъ остановился у дверей вѣшняго притвора женщинъ, и, сѣвши для отдохновенія противъ ящика, въ который богомольцы клали деньги, смотрѣлъ на проходящій народъ. Клали многіе весьма много, иные изъ усердія, а иные (фарисеи) и по тщеславію. Господь безмолвствовалъ. Между тѣмъ подошла къ ящику одна бѣдная вдова и положила двѣ лепты (полушки). Повсему видно было, что она отдавала послѣднее. Для людей съ фарисейскимъ чувствомъ такой даръ показался бы нестоящимъ вниманія. Но Господь взиралъ не на деньги, а на сердце дающихъ: поступокъ вдовы былъ для Него многоцѣненъ. Подозвавъ къ Себѣ учениковъ, какъ бы желая раздѣлить съ ними дорогую находку, — «смотрите, сказалъ Онъ имъ, сія бѣдная вдова болѣе всѣхъ положила въ сокровищницу!» Ученики дивились, не понимая сказаннаго. «Прочіе, продолжалъ Господь, клали отъ избытка, а она отъ скудости: тѣ жертвовали храму тѣмъ, безъ чего могутъ обойтись; а она пожертвовала все, что имѣла, — можетъ быть, послѣдній кусокъ хлѣба (Лук. 21, 1 — 4).»

Замѣчаніе, сдѣланное о поступкѣ вдовицы, открываетъ характеръ не только ея, но и въ нѣкоторомъ отношеніи Самого Иисуса. Поучительно видѣть, какъ самое отдохновеніе Его употребляемо было въ пользу, и какъ Онъ не оставлялъ безъ вни-

манія самыхъ обыкновенныхъ случаевъ, коль скоро въ нихъ выражалось что-либо поучительное. Не таковы были фарисейскіе учителя! Они постоянно занимались маловажными вещами, но не умѣя извлекать изъ нихъ ничего важнаго, сами сдѣлались странными и жалкими.

Когда Сынъ человѣческой съ невозмущаемымъ спокойствіемъ духа, среди самыхъ рѣшительныхъ минутъ служенія Своего, обращалъ такимъ образомъ вниманіе на столь малые, повидимому, предметы, какъ лепта вдовицы, невдалекѣ, среди многочисленнаго, наполнявшаго всѣ храмовые притворы, народа, само собою образовалось событіе, которое имѣло послужить самымъ приличнымъ заключеніемъ Его земнаго служенія на поприщѣ Мессіи. Въ числѣ пришедшихъ со всѣхъ странъ свѣта на праздникъ богомольцевъ, было не мало и еллиновъ, кои, наскучивъ тщетою идолослуженія языческаго и принявъ іудейское вѣрованіе во единаго Творца природы и Правителя міра, потому самому хотя не принимали на себя еще всего ига обрядоваго *) закона іудейскаго, но почитали себя обязанными являться, по временамъ, въ Іерусалимъ, для принесенія жертвы Іеговѣ. Іудеи, особенно ревнители буквы закона, смотрѣли на сихъ прозелитовъ не совсѣмъ благопріятными очами, такъ какъ они большею частію не имѣли и не хотѣли имѣть самага перваго знака потомковъ Авраамовыхъ — обрѣзанія, и потому не допускали ихъ до ближайшаго участія въ своихъ религіозныхъ священнодѣйствіяхъ, ограничивъ самое вхожденіе ихъ въ храмъ, извѣстными только, внѣшними притворами. Но что между сими новыми полчадами Израіля были люди съ добрымъ сердцемъ, съ свѣтлыми мыслями, съ настроеніемъ духа возвышеннымъ и открытымъ для всего истинно-полезнаго и душеспасительнаго, за сіе ручается уже недовольство языческимъ богослуженіемъ и наклонность къ вѣрѣ въ Бога Авраамова: ибо народъ іудейскій, разсѣянный по всему, тогда извѣстному, свѣту, самъ по себѣ въ своихъ нравственныхъ качествахъ, не много представлялъ такого, что бы могло располагать въ пользу его религіи.

Тѣмъ естественнѣе было такимъ людямъ обратить вниманіе

---

*) Подобныхъ прозелитовъ было у іудеевъ нѣсколько разрядовъ, кои отличались между собою смотря по тому, въ какой мѣрѣ прозелиты принимали на себя исполненіе различныхъ законовъ и обрядовъ іудейскихъ. V. Lightfoot. Wetztenius.

на великаго Пророка Галилейскаго, Который, кромѣ того, что славился всюду чрезвычайными чудесами, былъ въ Своихъ бѣсѣдахъ несравненно выше всѣхъ тогдашнихъ учителей закона Моисеева, представлялся еще основателемъ новаго вѣроученія, уже независимаго, подобно Моисееву, отъ мѣстности и народности іудейской, и сообразнаго съ существенными потребностями всего рода человѣческаго. Всенародная, рѣшительная прѣ, открывшаяся со времени воскресенія Лазаря между верховнымъ правительствомъ іудейскимъ и Іисусомъ Христомъ, различные толки о Немъ многочисленнаго, собравшагося на праздникъ, народа, еще болѣе придавали занимательности лицу Его въ глазахъ сихъ прозелитовъ, давно расположенныхъ ко всему новому и необыкновенному. И вотъ, нѣкоторые изъ нихъ, движимые и чувствомъ сердца, ищущаго истины и успокоенія, и любопытствомъ, свойственнымъ еллинамъ, — услышавъ, что великій Пророкъ и Чудотворецъ находится теперь во храмѣ, желаніемъ возжелали видѣть Его и быть Ему представленными. Но какъ достигнуть сего? Кромѣ того, что прозелитамъ позволено было входить не во всякій притворъ храма *), могла связывать и та мысль, что, можетъ быть, при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, великому Учителю Галилейскому, со всѣхъ сторонъ подстерегаемому врагами, негодно будетъ вступить открыто въ сношеніе съ полуязычниками, чужестранцами. Почли за лучшее предупредить Его о своемъ желаніи — видѣться съ Нимъ, и для сего обратились съ просьбою къ одному изъ учениковъ Іисусовыхъ (Филиппу), съ которымъ, по прежнему мѣсту жительства его (Висаидѣ), были нѣсколько знакомы **). Евангелистъ даетъ довольно выразумѣть, какъ много еллыны дорожили симъ ходатайствомъ, когда говоритъ, что *моляху его, глаголюще, хощемъ Іисуса видѣти*. Способъ, коимъ приступилъ Филиппъ къ удовлетворенію ихъ желанія, повидимому, столь простаго, невиннаго и удобнаго въ исполненіи, показываетъ, что и онъ самъ находилъ исполненіе его, при настоящихъ обстоятельствахъ, не весьма удобнымъ. вмѣсто того, чтобы прямо идти и сказать Учителю, что еллыны хотятъ видѣть Его, Онъ, по сказанію Евангелиста, почелъ за лучшее обратиться за совѣтомъ къ Андрею (Іоан. 12, 22); и потомъ уже

---

*) Conf. Lücke in seinem Comment. in Johan.

**) Conf. Chrysost. Hom. in Johan. Olshaus. in seinem Comment. ad. h. 1.

сообразивъ, такъ сказать, всѣ обстоятельства дѣла, и рѣшившись дѣйствовать совокупно, оба доложили Учителю о желаніи еллиновъ.

И Учитель нашелъ дѣло немаловажнымъ, нашелъ его даже несравненно важнѣе, нежели какъ воображали ученики, только совсѣмъ по другимъ причинамъ. Богосвѣтлый взоръ Его въ семь случайномъ, повидимому, появленіи еллиновъ съ ихъ желаніемъ тотчасъ узрѣлъ предуготованное самымъ Промысломъ событіе, коимъ должно было достойнымъ образомъ заключиться земное служеніе Его спасенію народа іудейскаго въ качествѣ Мессіи, ему обѣщаннаго, и начаться великое крестное служеніе спасенію всего падшаго рода человѣческаго. Еще за нѣсколько только минутъ изречено Имъ было, что виноградъ, столь худо блюдо-мый вождями народа іудейскаго, преданъ будетъ другимъ дѣлателямъ, что царство небесное отнимется у недостойныхъ потомковъ Авраама и дастся языку, творящему плоды его (Мат. 21, 43); и вотъ еллины, какъ первенцы собираемой отъ языкъ Церкви, являются теперь какъ бы для того, чтобы въ сей же часъ изъ собственныхъ устъ Его принять завѣтъ новый и предназначить вступленіе въ наслѣдіе завѣщаемаго царства. Итакъ, пришелъ часъ, великій, страшный, но неотвратимый часъ положить конецъ дѣлу, продолжавшемуся уже болѣе трехъ лѣтъ! Надобно, оставивъ безплодныя усилія надъ обращеніемъ дщери Сіоновой, обратиться къ язычникамъ, жаждущимъ вступить въ права чады Божіихъ, столь долго имъ невѣдомыя. Время, оставивъ путь проповѣди, вступить на путь креста, вознестись отъ земли, дабы привлечь всѣхъ, способныхъ подняться горѣ, и открыть для всѣхъ послѣдователей Своихъ путь новый и живой (Евр. 10, 19), путь смиренія, самоотверженія и вольнаго распятія духа и плоти.

Въ сихъ мысляхъ (если только наши слабыя мысли, извлекаемая изъ писанія и св. отцевъ, могутъ сколько-нибудь, хотя издали, приближаться къ чистотѣ и высотѣ помысловъ, наполнявшихъ въ сіи священныя минуты душу Богочеловѣка) Онъ подьметъ очи къ небу и, не обращая вниманія на еллиновъ, (кои, вѣроятно, приблизились въ сіе время, по знаку, данному Филиппомъ и Андреемъ), какъ бы въ слухъ всего міра, восклицаетъ: *«Приде часъ, да прославится Сынъ человѣческой! Аминь, аминь глаголю вамъ, аще зерно пшенично, падъ на землю, не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, много плодъ сотворитъ. Любяй душу свою, продолжалъ Господь, погубитъ ю; а ненавидяй душу свою въ міръ семъ, въ животъ вѣчною*

сохранить ю. Еще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ: и идѣже есть Азъ, ту и слуга Мой будетъ; и еще кто Мнѣ служитъ, почититъ его Отець Мой.»

Все сіе, какъ показываетъ самое свойство мыслей и словъ, должно было быть произнесено съ выраженіемъ величія, подобающаго Сыну Божию. Но вдругъ свѣтлый взоръ Его покрылся какъ бы нѣкимъ сумракомъ печали. По Божественному лицу Его видно было, что въ душѣ Его одно чувство быстро смѣняется другимъ, и происходитъ какъ бы нѣкое сильное внутреннее движеніе и борьба (См. Злат. Бесѣд. на Іоан.).

«Нынѣ, продолжалъ Онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, нынѣ душа Моя возмутися... и что реку? Отче, спаси Мя отъ часа сего! Но сего ради придохъ на часъ сей!»

Можно представить, какъ неожиданно и поразительно было не только для народа и еллиновъ, но и для самыхъ учениковъ Іисусовыхъ подобное необыкновенное состояніе души ихъ Учителя. Но священная величественность сихъ минутъ печатлѣла всѣмъ уста молчаніемъ. Между тѣмъ взоръ Господа паки заблисталъ небеснымъ свѣтомъ.

«Отче, воскликнулъ Онъ, какъ бы одержавъ внутреннюю побѣду, прослави имя Твое!»

«Прославихъ и паки прославлю,» — загремѣло въ отвѣтъ съ неба. — Стоявшіе въ отдаленіи подумали, что это внезапный громъ (такъ гласъ былъ силенъ и не похожъ ни на что земное), а стоявшіе вблизи, слыша членораздѣльный голосъ, почли слышимое за вѣщаніе Ангела. Въ недоумѣніи и страхѣ, естественно всѣ взирали на Іисуса, ожидая, что будетъ (не послѣдуетъ ли напр. какого-либо явленія, или по крайней мѣрѣ, продолженія столь необыкновенной бесѣды съ небомъ *)?

«Не Мене ради гласъ сей бысть, вѣщалъ Господь ученикамъ, но народа ради: нынѣ судъ есть міру сему, продолжалъ Онъ какъ бы въ изъясненіе чуда, — нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ... И еще Азъ вознесень буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ»...

Послѣднія слова изрекъ Господь, по замѣчанію Евангелиста, назнаменуя, коею смертію хотяше умерети (Іоан. 12, 33). Въ такомъ точно смыслѣ и принялъ ихъ народъ: хотя мысль о смерти Мессіи, какой бы то ни было, тѣмъ паче крестной, была со-

*) Conf. Lampe Comment. in Evangel. ad Johan. c.

вершенно противна народному вѣрованію, представлявшему себѣ Мессію безсмертнымъ. Въ другое время такое явное и рѣзкое противорѣчіе народному предразсудку заставило бы народъ тотчасъ стать противъ, и, можетъ быть, взять въ руки камни, какъ это бывало въ подобныхъ случаяхъ (Іоан. 10, 31); теперь, послѣ гласа съ неба, удовольствовались скромнымъ предложениемъ своего недоумѣнія, прикрывъ его еще личиною закона. «Какъ же мы слышали, — сказали нѣкоторые, — изъ закона, что Мессію надобно пребывать во вѣки, а Ты говоришь, что должно быть вознесену Сыну человѣческому? Кто этотъ Сынъ человѣческій? — (Не другой ли, то есть, кто, отличный отъ Тебя, Который являешься Мессією, или Ты Самъ не Мессія, а только предтеча его? *)

Подобные вопросы могли послужить поводомъ для пространнаго себесѣдованія и обширныхъ объясненій. Но теперь не время уже было, а частію не время еще было вступать въ сіи объясненія. Господь почелъ достаточнымъ, не касаясь догматической стороны предмета, преподать народу одно нравственное наставленіе.

«Еще мало, сказалъ Онъ, свѣтъ въ васъ есть: ходите, дондеже свѣтъ имате, да тьма васъ не иметь: ходяй во тьмѣ, невѣсть, како идетъ. Дондеже свѣтъ имате, вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете!»

(То есть, спѣшите пользоваться въ простотѣ сердца тѣмъ, что вы видите и слышите отъ Меня и чрезъ Меня, не увлекаясь сомнѣніями, не предаваясь вопросамъ, не тратя времени, коего остается весьма мало.)

Какъ бы въ доказательство того, что сказалъ Господь, то есть, что это послѣднее съ Его стороны наставленіе народу, Онъ сказавъ, тотчасъ отошелъ отъ него и сокрылся (Іоан. 12, 36).

Такъ заключилось болѣе, нежели трехлѣтнее поприще всенароднаго служенія Иисуса въ качествѣ, обѣщаннаго народу іудейскому, Мессію и Учителя истины. Какое величественное соотвѣтствіе между началомъ и концемъ служебнаго поприща Иисуса! — Тамъ гласъ съ неба на Іорданѣ, и здѣсь гласъ съ неба при храмѣ: тамъ и здѣсь и для торжественности и *народа ради*, — дабы среди настоящихъ и еще болѣе наступающихъ, крайне трудныхъ и смутныхъ обстоятельствъ, дать ему твердую опору для вѣры и поведенія, чтобы онъ сей гласъ съ неба могъ противополжить противному гласу отъ земли — своего недостойнаго синедріона. Съ сей точки зрѣнія настоящія минуты были

*) См. Матѣя. Злат. на Іоан.

минутами самыми величественными, минутами рѣшенія участи всѣхъ и каждаго изъ іудеевъ. Въ гласѣ съ неба изрекался судъ и осужденіе главамъ народа іудейскаго, не хотѣвшимъ разстаться съ своими выгодами, — книжникамъ и мудрецамъ іудейскимъ, упорно стоявшимъ въ своихъ предразсудкахъ, — фарисеямъ съ ихъ лицемѣріемъ, — саддукеямъ съ ихъ чувственностію, — есеямъ съ ихъ ложною, противообщественною набожностію; — всѣмъ и каждому, кто, видя предъ собою въ такомъ избыткѣ свѣтъ небесный, смежалъ очи, чтобы не видѣть. — Мессія долженъ былъ сдѣлать съ своей стороны все, чтобы быть признаннымъ отъ народа іудейскаго, Его ожидавшаго, — и сдѣлалъ! Не говоря о трехлѣтнемъ служеніи, о непрестанной проповѣди, о многочисленныхъ всякаго рода чудесахъ, довольно было послѣднихъ событій, чтобы узнать въ Немъ всѣмъ и каждому Обѣтованнаго Избавителя міра: для сего именно воскресеніемъ Лазаря возбуждено было всеобщее вниманіе какъ нельзя болѣе; торжественнымъ входомъ въ Іерусалимъ и принятіемъ отъ дѣтей *осанна Сыну Давидову* — сдѣлано было всенародное объявленіе о Своемъ великомъ достоинствѣ, какъ нельзя яснѣе; наконецъ настоящимъ гласомъ съ неба (каковымъ знаменіемъ особенно дорожили іудеи) (Матѹ. 16, 1; 12, 39) положена на все служеніе Іисусово такая Божественная печать, вѣрнѣе коею нельзя и вообразить; послѣ сего для неприемлющихъ Его не было никакого извиненія, оставалось одно осужденіе, по мѣрѣ виновности каждаго. Но это осужденіе не останавливалось на осужденномъ *мірѣ* (человѣческомъ), который при всей виновности своей все еще имѣлъ время къ покаянію, а слѣдовательно помилованію (Іоан. 16, 8 — 11): нѣтъ, оно простиралось далѣе, и сокрушительною силою своею всецѣло падало на гордую главу князя міра, того челоуѣкоубійцы искони (Іоан. 8, 44), который, не соблюдши собственнаго начальства въ высшихъ областяхъ мірозданія, но, оставивши самовольно свое жилище (Іуд. 6), низпалъ въ бездну униженія и бѣдствія, и потомъ, не желая, чрезъ покаяніе, возвратиться къ своему природному мѣсту и первому достоинству, умыслилъ злобно свергнуть съ престола новосотвореннаго владыку земли, прародителя челоуѣковъ, и, достигши сего посредствомъ обольщенія, занялъ незаконно его мѣсто — владыку надъ міромъ. Провидя въ Іисусѣ Христѣ будущаго разрушителя своего темнаго царства, онъ, съ самаго начала служенія Его, не преминулъ явиться предъ Нимъ съ искушеніемъ въ пустынѣ (Мат. 4, 1 — 11), во время Его пощенія; не успѣвъ въ своемъ коуѣ,

ставилъ потомъ, гдѣ могъ, преграды Его проповѣди; возмущалъ мирныя сердца Его учениковъ (Матѳ. 16, 23), овладѣлъ однимъ изъ нихъ до того, что обратилъ его изъ Апостола въ сосудъ гибели, и воздвигъ теперь синедріонъ на преслѣдованіе Его именемъ Самого Бога Израилева. Во всѣхъ сихъ случаяхъ премудростію Божіею предоставлена была сему врагу Бога и человѣковъ повидимому свобода дѣйствовать такъ, какъ онъ хотѣлъ и могъ: Сынъ человѣческой также не противопоставлялъ ему видимо съ своей стороны неприступной славы Своего Божества, сражался съ нимъ однимъ смиреніемъ и преданностію волѣ Отца Своего; не смотря на сіе, царство свѣта своею внутреннею силою явно брало вездѣ верхъ надъ царствомъ тьмы; малое стадо, коему завѣщано царство (Лук. 22, 29), росло, привлекая къ себѣ отсюду членовъ; Сынъ человѣческой совершилъ все, что было нужно для основанія Церкви Своей, такъ чтобы и врата адовы не одолѣли ей; оставалось только вознестись на крестъ, принести Самого Себя въ жертву за родъ человѣческой, дабы потомъ принять, и по человѣчеству Своему, власть надъ небомъ и землею, сдѣлаться Посредникомъ Бога и человѣковъ, Богопоставленною Главою всего міра. Послѣ сего и вмѣстѣ съ симъ, князь міра, сей древній самозванецъ, самъ собою лишался незаконнаго владычества надъ міромъ и имѣлъ быть *изгнанъ вонъ*, въ свое мѣсто — во тьму кромѣшнюю.

Имѣя въ виду такое всемірное значеніе настоящаго событія, Господь, кажется, не вступалъ въ непосредственную бесѣду съ еллинами. Впрочемъ для нихъ довольно было и того, что они видѣли и слышали. Гласъ съ неба долженъ былъ прекратить всякое колебаніе ихъ мыслей касательно лица Иусова и возбудить вѣру въ Него, яко Сына Божія. Предостереженіемъ, что свѣтильнику не долго остается горѣть на свѣщникѣ, давалось знать и еллинамъ столько же, какъ и іудеямъ, чтобы не медлили дѣломъ своего спасенія, а многозначительными словами: *«любай душу свою, погубить ю,»* указывался главный путь къ сей цѣли — самоотверженіе христіанское. Напоминаніе объ участи, ожидающей князя міра, кажется, и сдѣлано преимущественно для еллиновъ; ибо его владычество нигдѣ такъ не свирѣпствовало, какъ между язычниками, гдѣ онъ, подъ видомъ истукановъ, принималъ поклоненіе и жертвы и давалъ свои откровенія. Все это отсель должно было прекратиться: проповѣднику Иусова Распятаго обойдутъ весь міръ съ крестомъ, разрушать имъ всѣхъ идоловъ, и распространять поклоненіе Богу истинному

Мысль отрадная для тѣхъ изъ еллиновъ, кои давно жаждали сего благодаренія!

Обращая наконецъ вниманіе на душевное состояніе при семъ случаѣ Иисуса, тотчасъ видишь, что оно принадлежало къ самымъ необыкновеннымъ. И можно ли было безъ особенно глубокаго и сильнаго чувства окончить такое поприще служенія, каково было поприще Сына человѣческаго?... Но это чувство могло быть различно, смотря по ходу дѣла. Какъ бы оно было радостно, если бы дщерь Сіоня, наставляемая столько времени и съ такимъ усердіемъ, уразумѣла наконецъ день посѣщенія своего (Лук. 19, 42)! Но она не уразумѣла его! — не уразумѣла до того, что въ ослѣпленіи готовится вознестъ на крестъ возлюбленнаго Жениха своего! Ужасная участь, имѣющая постигнуть ее за сіе преступленіе, извлекла уже, какъ мы видѣли, слезы изъ очей Господа, во время входа Его во Іерусалимъ. Столь же естественно представленіе сей участи теперь приводитъ душу Его въ горестное смущеніе. Разсматриваемый съ сей стороны крестъ, Его ожидающій, самъ по себѣ тяжелый, представляется Ему еще тяжелѣе и ужаснѣе: ибо вмѣсто того, чтобы на немъ пригвоздить одно раздранное и изглаженное рукописаніе общихъ грѣховъ всего міра (Колосс. 2, 14), теперь на немъ же надобно будетъ пригвоздить и новое рукописаніе тяжкаго грѣха и осужденія возлюбленной дщери Сіоновой. Можно ли было не пожелать противнаго, не сказать отъ полноты чувства: *Отче, спаси Мя отъ часа сего!*

Впрочемъ мы бы уклонились отъ всѣхъ правилъ историческаго изъясненія словъ Спасителя, если бы отважились утверждать, что сіе горестное восклицаніе, какъ бы невольное исторгшися изъ стѣсненнаго чувствами сердца, нисколько не было въ Богочеловѣкѣ слѣдствіемъ самой природы человѣческой, естественно и необходимо отвращающейся страданій и смерти. Напротивъ, борьба со страхомъ смерти была не чужда Ему, даже какъ Искупителю рода человѣческаго, какъ Вождю всѣхъ искушаемыхъ и спасающихся: итакъ, кто почему-либо выпустилъ бы изъ вида сію черту, симъ самымъ, дерзнемъ сказать, не украсилъ бы, а сократилъ бы черты Искупителя въ Его Божественномъ лицѣ. Ибо сей-то самый страхъ, по глубокому замѣчанію Апостола (Евр. 5, 7), служилъ къ послѣднему величайшему искушенію для втораго Адама, препобѣдивъ которое, Онъ явилъ въ Себѣ всю полноту совершенства, въ коей ничего не оставалось желать болѣе (Евр. 2, 10). Въ самомъ дѣлѣ, какъ

бы Божественный Начало-вождь спасенія нашего могъ всѣмъ искушаемымъ помогать, даже — знать ихъ состояніе, если бы Самъ, говоря словами Апостола, не былъ *искушенъ по всячески* (Евр. 4, 15), не испыталъ на Себѣ всего, кромѣ грѣха? И какъ бы можно было сказать, что Онъ испыталъ все, если бы Онъ не испыталъ страха мученій и смерти, этого послѣдняго и величайшаго искушенія для слабаго естества нашего? — Къ счастью нашему Онъ испыталъ его, испыталъ теперь; еще болѣе испыталъ послѣ, въ саду Геосиманскомъ, гдѣ искушеніе сіе достигнетъ самой высшей степени и потребуеть для побѣжденія себя троекратной молитвы и — Ангела укрѣпляющаго! Тамъ и мы доскажемъ о сей, самой возвышенной, поучительной и таинственной сторонѣ въ жизни и страданіяхъ Богочеловѣка, то, что, по указанію Апостоловъ Христовыхъ и святыхъ отецъ, можетъ быть сказано о семъ общепонятнаго.

А здѣсь и теперь примѣтимъ токмо, для руководства при разсмотрѣніи наступающихъ дѣйствій и состоянія Богочеловѣка, что какъ доселѣ, въ качествѣ Мессіи и предопредѣленнаго Царя Израилева, Ему прилично было дѣйствовать и учить со властію (Мар. 1, 22. Матѹ. 7, 28), являть даже видимо Свое величіе — такъ теперь, со вступленіемъ въ новый кругъ дѣйствій, въ качествѣ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи всего міра, — Ему надлежало принять на Себя во всей полнотѣ характеръ жертвы, ведомой на заколеніе, какимъ дѣйствительно мы и увидимъ Его въ остальныхъ дняхъ Его жизни.

ВСТѢПАЮЩІЕ УЧЕНИКИ О СУДЬБѢ ІЕРУСАЛИМА И ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ЖИВ.

(Замѣчаніе учениковъ о величіи и красотѣ храма, съ отвѣтами на нихъ Учителя. — Бесѣда съ ними на Елеонѣ о судьбѣ Іерусалима, о послѣднихъ дняхъ міра и будущемъ пришествіи Мессіи. — Определеннѣйшее предсказаніе Его о Своей смерти.)

Клонившись отъ народа, Богочеловѣкъ не оставался и въ храмѣ, а пошелъ вонъ изъ города, обыкновеннымъ Своимъ путемъ, юговосточными вратами, ведущими на дорогу въ Виванію. Ученики слѣдовали за Нимъ, исполненные различныхъ, большею частію, печальныхъ мыслей, главнымъ предметомъ коихъ, по обыкновенію, были они сами и ихъ будущая судьба въ царствѣ Мессіи — ихъ Учителя. Сообразно всеобщему народному вѣрованію, имъ не могло не представляться, что Апостоловъ Мессіи ожидаютъ въ будущемъ вѣнцы, слава и богатство; что если въ семъ званіи и неизбѣжны какія-либо лишенія, трудности, жертвы, то все это большею частію уже слѣдано ими и перенесено: и вотъ, внезапно слышатъ они, что изъ сихъ Апостоловъ одни будутъ распяты, другіе убиты, всѣ подвергнутся лютому гоненію и мукамъ, и что рядъ сихъ ужасовъ и бѣдствій еще не начинался!.. Пусть бы, по крайней мѣрѣ, въ награду за сіе, ускоро было открытіе славнаго царства Мессіи! — И сія надежда, казалось, уничтожалась чрезвычайно труднымъ условіемъ, до исполненія коего Учитель рѣшился не являться въ храмъ. Послѣ всего случившагося, думали, возможно ли, чтобы первосвященники и книжники, сами и добровольно, вышли когда-либо на встрѣчу Ему съ восклицаніями: «Благословенъ грядый во имя Господне!» По крайней мѣрѣ явно было, что сему условію не

исполниться долго, очень долго. Страшная угроза, изреченная Іисусомъ Христомъ противъ храма, также не могла радовать душу израильянина и отзывалась чѣмъ-то ужаснымъ для учениковъ. Не смотря на распространеншееся ожиданіе великихъ бѣдствій предъ пришествіемъ Мессіи, къ числу коихъ нѣкоторыми изъ книжниковъ присовокуплено было даже разрушеніе храма *), іудей никакъ не могъ привыкнуть къ сему ожиданію; всякій старался давать ему смыслъ какъ можно легче и благоприятнѣе: особенно въ отношеніи къ храму, коего понятіе въ умѣ іудея неразрывно соединялось съ понятіемъ всего святаго и неприкосновеннаго, съ благоденствіемъ народа іудейскаго, съ цѣлостію вѣры, съ славою Самого Іеговы. И сему-то самому храму предсказано теперь запустѣніе, предсказано Самимъ Мессіею, Который притомъ оставилъ его навсегда!..

Великолѣпное и прекрасное зданіе послѣ сего казалось ученикамъ Его еще лучше и огромнѣе. Каждая примѣчательная вещь, мимо коей проходили, останавливала на себѣ ихъ взоры. Одинъ изъ учениковъ (Петръ) (Марк. 13, 1) не могъ удержаться, чтобы не выразить даже въ слухъ своего удивленія чрезвычайной огромности камней и прочности всего зданія. Другіе (Лук. 21, 5; Мат. 24, 1) начали указывать Учителю на дорогія украшенія, богатые вклады и дары, коими украшены были столбы и стѣны многочисленныхъ притворовъ храма. Нѣкоторые изъ сихъ даровъ, кромѣ ихъ драгоцѣнности, заслуживали примѣчанія тѣмъ, что присланы были изъ отдаленныхъ странъ отъ царей и вельможъ **). — Ученики не говорили прямо, почему они теперь именно такъ много занялись сими вещами и для чего хотятъ обратить на нихъ вниманіе Учителя; но самое дѣло и видъ ихъ показывалъ, что это происходитъ отъ тайнаго сожалѣнія о храмѣ, осужденномъ за нѣсколько минутъ на запустѣніе, — отъ нѣкотораго недовѣрія, если не къ предсказаніямъ Учителя, то къ правильности собственнаго разумѣнія словъ Его, наконецъ отъ искренняго и прямаго, хотя дѣтскаго желанія, чтобы Учитель, вмѣсто ужасныхъ предсказаній и гнѣва на храмъ, обратилъ побольше вниманія на его богатство и великолѣпіе, спасъ его, если можно, отъ разоренія, и, какъ Мессія, обратилъ потомъ въ свою собственность (Злат. Бесѣд. на Матѹ.). Господь остановился, по-

*) V. Lightfoot. Hor. Hebr. ad Matth. 2. 1. p. 200. Joseph. Antiq. 10. 11. 7-

**) V. Wetzten. ad. h. 1.

смотрѣлъ на предметы, коимъ особенно удивлялись ученики; казалось, Самъ раздѣлялъ ихъ мнѣніе о чрезвычайной прочности, богатствѣ и величіи храма (Мар. 13, 2); но въ ту же минуту, вопреки ихъ ожиданію, еще сильнѣе и яснѣе подтвердилъ прежнюю угрозу противъ храма: «*Аминь, аминь глаголю вамъ, не имать оставися здѣсь камень на камени, иже не разорится!*»...

Рѣшительность и сила, съ кою произнесены были слова сіи, отзывались непреложнымъ приговоромъ вѣчныхъ судьбъ. Ученики не смѣли болѣе нарушать безмолвія Учителя, Который Своими бесѣдами и дѣйствіями заставилъ размышлять цѣлый Іерусалимъ, и Самъ не менѣе другихъ погруженъ былъ въ размышленіе. Молча прошли водяныя ворота, молча перешли потокъ Кедрскій, молча взошли на одну изъ вершинъ Елеона, которая была прямо противъ храма (Мар. 13, 3).

Тѣмъ сильнѣе дѣйствовало воображеніе учениковъ! — Самая страшная сторона въ ожиданіи народномъ, которой доселѣ они или не вѣрили, или вѣрили, но по своему, съ ограниченіями, слабо, — представлялась теперь во всей своей (ужасной!) дѣйствительности. «Если храмъ подвергнется такому разрушенію, то что послѣ сего останется цѣлымъ? Значитъ, все должно испытать величайшую перемѣну, быть разрушено до основанія.» Мрачность подобныхъ мыслей озарялась одною надеждою, — что во времена Мессіи всѣ сіи потери будутъ вознаграждены стократно, явится Іерусалимъ новый, храмъ великолѣпнѣйшій, Богослуженіе чище и святѣе. При такой надеждѣ даже можно было желать, чтобы неизбѣжное зло совершилось какъ можно скорѣе, дабы скорѣе явилось и ожидаемое добро. «Пока не будетъ разрушенъ этотъ злополучный храмъ, Учителю нельзя взойти на престоль Израильскій. — Когда же это будетъ?» — Такимъ вопросомъ естественно оканчивались всѣ предположенія и догадки. Любопытство, тѣмъ живѣйшее, чѣмъ казалось оно законнѣе, овладѣло особенно Петромъ, Іаковомъ, Андреемъ и Іоанномъ, кои, привыкнувъ издавна быть свидѣтелями самыхъ сокровенныхъ дѣяній Учителя, по тому самому болѣе другихъ тяготились, если не разумѣли въ Его бесѣдѣ чего-нибудь.

Когда Учитель, взошедъ на гору, сѣлъ для отдохновенія на любимомъ мѣстѣ Своемъ, означенные четыре ученика, пользуясь отдаленіемъ прочихъ (отдыхавшихъ по разнымъ пригоркамъ), завели съ Нимъ разговоръ о прошедшей бесѣдѣ Его, и тотчасъ склонили рѣчь на храмъ, который былъ прямо противъ того мѣста, гдѣ они сидѣли, и представлялся отсюда во всемъ вели-

чіи и красотѣ. «Скажи намъ, когда послѣдуетъ разрушеніе сего храма, Тобою предсказанное? Какое знаменіе Твоего пришествія и кончины вѣка?» Событіямъ симъ, по мнѣнію учениковъ, занятаму изъ народнаго вѣрованія, надлежало послѣдовать въ одно время, или весьма скоро одно за другимъ.

Не смотря на то, что желаніе знать будущее было въ ученикахъ слѣдствіемъ болѣе любопытства, нежели дѣйствительной нужды, Учитель нашелъ полезнымъ преподавать имъ нѣкоторое наставленіе. Уже наступаю время разлуки, послѣ коей Апостоламъ надлежало слѣбаться вождями многочисленнаго общества вѣрующихъ, которое во всѣхъ поступкахъ своихъ, особенно въ перенесеніи страданій, одушевлялось, какъ извѣстно изъ исторіи первобытной Церкви, ожиданіемъ скорого пришествія Іисуса. Не зная ничего опредѣленнаго касательно времени сего событія, а посему не имѣя вѣрныхъ правилъ для своего поведенія, первобытные христіане непрестанно находились бы въ опасности быть увлеченными въ обманъ какимъ-либо лжехристомъ, въ коихъ не было тогда недостатка. Одно ошибочное мнѣніе, что второе пришествіе Мессіи послѣдуетъ тотчасъ по разрушеніи Іерусалима, не бывъ обличено и опровергнуто, послужило бы источникомъ многихъ бѣдствій для христіанской Церкви и, можетъ быть, вовлекло бы ее въ сильныя смятенія. Потомъ несбывшееся ожиданіе могло бы охладить вѣру, погасить надежду, потрясть самое основаніе христіанства. По всѣмъ симъ причинамъ, нельзя было оставить безъ отвѣта любопытства касательно послѣднихъ дней міра, хотя отвѣтъ на сіе, въ настоящихъ обстоятельствахъ, былъ крайне затруднителенъ; ибо ученики многого еще не могли понести.

Слѣдующая бесѣда Іисуса покажетъ однакоже, что трудность сія не существовала для Того, Кто вѣдалъ все будущее, какъ настоящее. Мы найдемъ въ ней полный отвѣтъ на всѣ три части великаго вопроса, предложеннаго учениками: на первую часть — касательно разрушенія храма, отвѣтъ весьма опредѣленный, даже въ хронологико-топографическомъ отношеніи, хотя безъ числительныхъ указаній; на двѣ послѣднія части — касательно кончины міра и всемірнаго суда, отвѣтъ не полный, впрочемъ совершенно достаточный для цѣли. Чтобы лучше понять смыслъ и духъ сихъ отвѣтовъ, должно постоянно имѣть въ виду цѣль, для коей открывается теперь ученикамъ будущее, — состоящую не въ удовлетвореніи празднаго любопытства, не въ хронологическомъ опредѣленіи будущихъ событій, а въ томъ, чтобы истре-

бить ложную и опасную мысль, будто второе пришествіе Мессіи послѣдуетъ тотчасъ по разрушеніи Іерусалима, предостеречь ихъ во время сей смутной и грозной эпохи отъ обольщеній, ободрить надежду и терпѣніе тѣхъ между ними, коимъ нескорое пришествіе Спасителя могло казаться замедленіемъ, а вмѣстѣ съ симъ обратить всѣхъ будущихъ послѣдователей Своихъ отъ духа пытливости — касательно кончины міра — къ бѣднѣю, молитвѣ, дѣламъ любви и преданности въ волю Отца небеснаго.

Кромѣ сего, если когда, то при чтеніи слѣдующей бесѣды Іисусовой должно привести себѣ на память свойства языка пророческаго, на коемъ отдаленнѣйшія, по времени, событія кажутся нерѣдко современными, и все, какъ въ перспективѣ, представляется на одной поверхности, доколѣ не будетъ найдена истинная точка зрѣнія. По мѣстамъ, гдѣ нужно, мы будемъ указывать сію точку, не препятствуя впрочемъ собственному зрѣнію каждаго, и не выдавая видимаго нами въ предметѣ за самый предметъ.

«Вы не напрасно заботитесь о будущемъ, — какъ бы такъ началъ Господь Свою бесѣду съ учениками; — по разлученіи со Мною, васъ дѣйствительно ожидаютъ многія искушенія и соблазны. Берегитесь наипаче, чтобъ кто-либо не обольстилъ васъ касательно пришествія Мессіи. Ложь и обманъ усилятся до того, что многіе придутъ подъ Моимъ именемъ и будутъ говорить: «Я Христосъ! настали времена Мессіи!» Найдется не мало такихъ, кои повѣрятъ имъ и обольстятся: но вы не ходите въ слѣдъ ихъ, берегитесь! — Услышите также о различныхъ войнахъ и междоусобіяхъ: какъ бы ни были страшны сіи слухи, не ужасайтесь! Всему этому должно быть; и однакоже еще не вдругъ за симъ конецъ (храму и городу). Придутъ бѣдствія еще большія: народъ станетъ возставать на народъ, царство на царство; за всеобщимъ междоусобіемъ явятся по различнымъ мѣстамъ голодъ, язва и землетрясенія. Самое небо дастъ знаменія въ страшныхъ и необыкновенныхъ явленіяхъ. Но и сіи ужасы (кои многими почитаемы будутъ за рѣшительный признакъ пришествія Мессіи) суть только начала болѣзней рожденія *).

«Вмѣсто напрасныхъ ожиданій кончины вѣка, ваше вниманіе всецѣло должно быть обращено на васъ самихъ и ваше дѣло. Ибо вамъ наипаче угрожаетъ опасность (Лук. 21, 12): еще до

---

*) *Archai ôdînôn.*

начала всеобщихъ бѣдствій, вы успѣете испытать на себѣ всѣ роды зоключеній. При всей вашей невинности, на васъ обратится ненависть всѣхъ народовъ, злоба іудеевъ и язычниковъ. Васъ будутъ преслѣдовать, заключать въ темницы, подвергать безчестію, мученіямъ и смерти. Въ слѣпномъ изступленіи отъ предразсудковъ, самые близкіе сродники, родители, братья, друзья содѣлаются вашими гонителями, предателями и убійцами. Многіе изъ васъ положатъ за Меня душу свою. Но не унывайте! — Среди всѣхъ сихъ бѣдствій, надъ вами будетъ промыслъ и любовь Отца небеснаго; безъ Его всемогущей воли не упадетъ съ вашей главы ни одного волоса. Въ сіе время не разъ доведется вамъ давать отвѣтъ и въ отечественныхъ синагогахъ и въ чужеземныхъ судилищахъ, свидѣтельствовать о имени Моемъ предъ царями и правителями. На всѣ таковыя случаи положите себѣ за правило — не заботиться напередъ о томъ, что и какъ вамъ говорить; ибо во всѣхъ таковыхъ случаяхъ будете говорить не вы, а Духъ Святой, Коего вы примете. Я дамъ вамъ тогда такія уста и такую премудрость, противъ которыхъ не устоитъ ни одинъ изъ вашихъ противниковъ.

«Чувствительнѣе и опаснѣе всѣхъ гоненій будетъ то, что (по причинѣ испорченности нравовъ) ослабнутъ узы любви даже между своими; откроются раздѣленія и вражды, явятся измѣнники и предатели даже между присными — по вѣрѣ; возстанутъ лжепророки и лжеучители изъ среды вашего общества. Взаимное довѣріе умалится, дружество и любовь охладѣютъ, самая вѣра подвергнется затмѣнію. Будутъ времена тяжкія: но вы, кои на тѣ времена избраны Мною, должны искуплять души терпѣніемъ. Кто претерпитъ до конца, тотъ спасенъ будетъ!» (Лук. 21, 19. Матѳ. 24, 13.)

«Сколько бы и кто бы ни преслѣдовалъ васъ, дѣло Божіе не можетъ быть остановлено или замедлено. Гонимое Евангеліе царствія успѣетъ быть проповѣдано всѣмъ народамъ, прежде нежели рѣшится судьба Іерусалима и народа іудейскаго.

«Наконецъ, когда увидите Іерусалимъ, окруженный войсками, то знайте, что приблизилось время его разрушенія. — Наипаче же, когда мерзость запустѣнія, предреченная Данииломъ Пророкомъ, станетъ на мѣстѣ святомъ: тогда каждый долженъ оставить надежду на спасеніе отечества и думать только о своей собственной безопасности. Находящимся въ Іудеи всего лучше бѣжать тогда на горы; ибо на ровныхъ мѣстахъ не будетъ убѣжища. Даже, если бы кого застигло сіе ужасное время на кровлѣ;

то да бѣжитъ прямо и не сходитъ внизъ, что либо взять изъ дома *). И кто будетъ на полѣ, пусть не возвращается въ городъ, хотя бы за самую нужною вещью, а бѣжитъ прямо. Для всѣхъ будетъ одно спасеніе — бѣгство скорѣйшее. Это дни исполненія угрозъ пророческихъ, ужасные дни суда и воздаянія небеснаго. Горе тогда будетъ беременнымъ и недавно родившимъ: молитесь и просите Бога, чтобъ несчастье сіе не случилось, по крайней мѣрѣ, зимою, или въ субботу.... Я говорю вамъ, что тогда будетъ скорбь, каковой не было отъ начала міра и до нынѣ и не будетъ. Много должно пасть отъ меча, еще болѣе отвѣдятся въ плѣнъ во всѣ народы. Иерусалимъ будетъ лишенъ крова небеснаго и отданъ въ попраніе язычникамъ, имѣющее продолжаться дотолѣ, пока не исполнятся времена языковъ (Лук. 21, 24)... Если бы не сократились сіи злосчастные дни; то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранныхъ сократятся сіи дни»...

(Между тѣмъ, какъ Богочеловѣкъ бесѣдовалъ такимъ образомъ, прочіе ученики (Мар. 13, 37) — одинъ за другимъ — подходили къ Нему и начинали слушать Его бесѣду, которая для всѣхъ ихъ была равно поучительна.)

«Тѣмъ осторожнѣе въ сіе время, продолжалъ Іисусъ, должно быть вамъ: ибо тяжесть бѣдствія усилитъ ожиданіе обѣтованнаго Избавителя до того, что расположить вѣрять всякому извѣстію о Немъ, а это дастъ случай сынамъ погибели злоупотреблять именемъ Мессіи. Смотрите, не вѣрьте никому, кто будетъ говорить: «вотъ здѣсь Христосъ, или вонъ тамъ!» Не обольщайтесь самыми чудесами лжепророковъ. Нѣкоторые изъ нихъ совершаютъ такіа странная и необыкновенная дѣла, что, еслибъ возможно, ими обольстились бы самые избранные. Потому-то Я и сказываю вамъ напередъ все сіе, дабы вы тверже стояли противъ обмана (Мар. 13, 23). Еще повторю, смотрите, если кто скажетъ вамъ: «вотъ Онъ (Мессія) въ пустынѣ!» не выходите; или: «вотъ Онъ сокрывается во внутреннихъ комнатахъ!» не вѣрьте! — Не такимъ образомъ придетъ Мессія, когда Ему

---

*) Для уразумѣнія сего выраженія должно знать, что въ Азіи кровли дѣлаются большею частію плоскія, и служатъ нерѣдко для прогулокъ. Иногда онѣ бывають соединены одна съ другою переходами, такъ что можно пройти по кровлямъ до конца города. Paulus Sammlung der. M. Reisen im Orient. Th. 6. 5. 245.

придти должно. Онъ не будетъ имѣть нужды въ указателяхъ. Какъ молнія исходитъ отъ востока и вдругъ блистаетъ до запада; такъ будетъ (въ свое время) и пришествіе Сына человѣческаго (неожиданно, мгновенно). А гдѣ будетъ трупъ (Мессіа), тамъ (сами собою, ведомые невѣдомою силою) соберутся и орлы (истинные послѣдователи Мессіа)».

(Богочеловѣкъ умолкъ (Лук. 21, 10). Ученики ожидали продолженія рѣчи: потому что еще не было сказано на вторую — столь же важную часть ихъ вопроса — о кончинѣ міра и времени пришествія Мессіа).

«Послѣ скорби дней оныхъ (когда впрочемъ окончатся уже времена язычниковъ (Лук. 21, 24) послѣдуютъ ужасныя явленія на землѣ и на небѣ. Солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта; звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя подвигнутся: все выдетъ изъ своего чина и порядка. На землѣ будетъ какъ предъ бурей: вездѣ уныніе, недоумѣніе, боязнь и трепеть. Море восшумитъ и возмутится. Ожиданіе бѣдствій сдѣлается ужаснѣе самихъ бѣдствій. Вся природа будетъ въ болѣзняхъ рожденія. Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго. Увидя его, восплачутся всѣ племена земныя, о своихъ грѣхахъ и нечестіи. Но для истинныхъ послѣдователей Моихъ время сіе должно быть временемъ надежды и утѣшенія. Они спокойно могутъ восклонить тогда и поднять главу. Наконецъ (послѣ всѣхъ сихъ событій), явится Самъ (столь многими и такъ долго неузнаваемый) Сынъ человѣческой, явится предъ лицемъ всѣхъ людей на облакахъ небесныхъ, со всѣмъ величіемъ и славою, окруженный воинствомъ небеснымъ. По мановенію Его, сонмы Ангеловъ полетятъ отъ одного конца вселенныя до другаго, съ трубнымъ гласомъ, и соберутъ избранныхъ Его отъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ. И тогда кончина міра и начало славнаго царствія Божія на земли.»

(При такомъ величественномъ и утѣшительномъ изображеніи втораго пришествія Мессіа, и нынѣ способномъ произвести самое сильное и отрадное впечатлѣніе во всякомъ добромъ и благочестивомъ сердцѣ, — любопытство учениковъ Іисусовыхъ, касательно времени сего событія, естественно должно было усиливаться до высочайшей степени. «Когда же, когда будетъ все сіе?» — сказано, вѣроятно, при семъ случаѣ не однимъ Петромъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ предполагать ходъ бесѣды.)

«Важнѣйшія событія, отвѣчалъ Богочеловѣкъ, въ царствѣ Божіемъ, подобно какъ въ царствѣ природы, сами себя предсказываютъ: только надобно быть внимательными. Посмотрите на смоковницу и на всѣ прочія деревья (Лук. 21, 29), и возьмите съ нихъ примѣръ для себя. Когда вѣтви ихъ становятся мягки и начинаютъ пускать листья; то, видя сіе, вы сами (Лук. 21, 30) (безъ всякаго пророчества) говорите, что скоро будетъ лѣто. Такъ, когда увидите все сіе (что я прежде сказалъ) сбывающимся (надъ народомъ іудейскимъ): то знайте, что наказаніе близко (Матѹ. 24, 33; Мар. 13, 29), судъ при дверяхъ. Да, оно близко, — присовокупилъ Учитель, возвыся голосъ: — истинно говорю вамъ, не пройдетъ еще настоящее поколѣніе людей, какъ въ Іерусалимѣ не останется камня на камнѣ. Небо и земля прейдутъ, а слова Мои не пройдутъ!»...

(Неизъяснимое Божественное величіе отражалось въ сихъ словахъ Іисуса. Каждый изъ слушавшихъ чувствовалъ, что слышитъ не простую угрозу, что въ самомъ дѣлѣ небо и земля готовы выдти изъ своего чина, только бы дать мѣсто ихъ исполненію.)

«Что же касается (Матѹ. 24, 36), продолжалъ Богочеловѣкъ, до послѣдняго дня и часа всего міра, то его никто не знаетъ, — ни Ангелы небесные, ни Самъ Сынъ (Мар. 13, 32), а Отецъ одинъ. (Въ наставленіе ваше можно сказать только, что) въ пришествіе Сына человѣческаго будетъ, какъ во дни Ноевы: какъ предъ потопомъ вѣли, пили, женились — до самаго того дня, пока Ной вошелъ въ ковчегъ, какъ тогда никто не думалъ о будущемъ, не воображалъ никакой опасности, пока не пришелъ потопъ и не истребилъ всѣхъ; такъ будетъ и въ пришествіе Сына человѣческаго (таже безпечность, роскошь, безвѣріе и развратъ). По чрезвычайной внезапности дня того, продолжалъ Господь, можетъ случиться, что два человѣка будутъ на полѣ: одинъ будетъ взятъ, а другой оставленъ; двѣ женщины мелющія въ жерновахъ: одну возьмутъ, а другая останется. При такой неизвѣстности, всякій долженъ смотрѣть за собою, чтобы ни у кого сердце не отягчалось объяденіемъ, или пьянствомъ, чтобы не было слишкомъ предано заботамъ житейскимъ. Ибо день тотъ застигнетъ внезапно, — какъ сътъ захватитъ всѣхъ живущихъ на землѣ (Лук. 21, 35). Всѣмъ надобно поступать тогда, какъ поступилъ бы хозяинъ дома, если бы вѣдалъ, что къ нему въ неизвѣстное время придетъ тать. Онъ вовсе не спалъ бы, чтобы не дать подкопать дома своего. Тѣмъ паче тогда не должно спать; ибо въ который день не думаютъ, Сынъ человѣческій придетъ.»

«Ожиданіе пришествія Его можно сравнить еще съ ожиданіемъ слугъ ихъ домовладыки. Представьте, что кто либо, отправляясь въ путь, оставилъ домъ свой въ управленіе слугамъ своимъ, назначивъ каждому свое дѣло. Какъ хорошо тому рабу, котораго господинъ, пришедши, найдетъ поступающимъ какъ приказано! Ей, онъ надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его! — Напротивъ, тотъ самый негодный рабъ, который, по злобѣ своей, началъ бы думать самъ съ собою: «мой господинъ придетъ не скоро, можетъ быть, никогда,» — и сталъ бы злоупотреблять властію, ему данною, бить и мучить товарищей своихъ, расточать имущество господина, ѣсть и пить съ пьяницами. Что, наконецъ, будетъ съ симъ рабомъ, когда въ день, въ который онъ не ждалъ, придетъ господинъ его? — Онъ подвергнетъ его великимъ мукамъ, предастъ на заключеніе въ одно мѣсто съ злодѣями, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Бдите убо и молитесь на всякое время; потому что не знаете, когда придетъ Хозяинъ дома, вечеромъ или въ полночь, въ пѣніе пѣтуховъ или поутру, чтобы, пришедши внезапно, не засталъ васъ спящими. А что вамъ говорю, то говорю всѣмъ послѣдователямъ Моимъ: бдите!»

(По нѣкоемъ молчаніи, Богочеловѣкъ опять началъ рѣчь, дабы какъ можно тверже напечатлѣть въ сердцахъ учениковъ тѣ истины, о коихъ бесѣдовалъ.)

«Въ то рѣшительное время произойдетъ то же, что произошло съ десятью дѣвами, кои въ день брака, по обыкновенію *), должны были выйдти съ свѣтильниками на встрѣчу жениху. Пять изъ нихъ было мудрыхъ, и пять юродивыхъ. И послѣднія запаслись свѣтильниками, но были такъ глупы, что не взяли съ собою масла. Мудрыя, напротивъ, приготовили то и другое. Поелику женихъ нѣсколько замедлилъ, то всѣ, непримѣтно, задремали и уснули. И вотъ, въ полночь, вдругъ раздался вопль: «женихъ грядетъ! выходите на встрѣчу!» Всѣ встали и начали зажигать свѣтильники. Глупыя дѣвы увидѣли теперь, что у нихъ нѣтъ масла. «Дайте намъ, говорили онѣ мудрымъ; свѣтильники наши угасаютъ.» — «Но,» отвѣчали мудрыя, — такимъ образомъ можетъ недоставать масла у васъ и у насъ; идите лучше къ продавцамъ

---

*) У іудеевъ женихъ съ друзьями своими бралъ наканунѣ свадьбы невѣсту изъ дома отцовскаго и вводилъ въ свой домъ. На встрѣчу его выходили съ лампадами и со свѣтильниками. Iahn. Archaeolog. I Th. § 179.

и купите себѣ. Глупыя пошли. Между тѣмъ въ то самое время пришелъ женихъ. Мудрыя дѣвѣы встрѣтили его съ горящими свѣтильниками, проводили его и вошли съ нимъ на брачный пиръ: послѣ чего двери были тотчасъ затворены. Послѣ сего пришли и глупыя дѣвѣы и начали просить жениха, чтобы отворилъ имъ. Но женихъ, видя ихъ глупость, отвѣчалъ, что онъ вовсе не знаетъ ихъ. Видите, сказалъ Господь ученикамъ, какъ нужна бдительность и благоразуміе: будьте всегда готовы; ибо не знаете ни дня, ни часа, въ который Сынъ человѣческій придетъ!»

(Кромѣ главнаго совѣта о бдительности, ученики должны были выразумѣть изъ предложенной притчи еще двѣ новыя важныя истины: а) что пришествіе Мессіи будетъ весьма не скоро, такъ что самые мудрые, какъ бы утомившись отъ долгаго ожиданія, могутъ предаться сну, то есть, не ожидать во всякое время жениха; б) что добродѣтель христіанина должна быть совмѣстна съ благоразуміемъ и духовнымъ просвѣщеніемъ, равно какъ глупость можетъ вести къ пороку и развращенію, и что, слѣдовательно, христіанинъ обязанъ пецись о просвѣщеніи своего ума и убѣгать невѣжества, въ какомъ бы видѣ оно ни представлялось.)

«Хотите ли, продолжалъ Учитель, знать, какъ поступить Сынъ человѣческій по Своемъ пришествіи, и какъ должно поступать вамъ, ожидающимъ Его прихода? — Онъ поступитъ подобно человѣку, который, отправляясь въ дальній путь, поручилъ имѣніе рабамъ своимъ. Зная хорошо ихъ свойства и способности, онъ далъ каждому изъ нихъ, сколько нужно: одному — ревностнѣйшему — пять талантовъ, другому — два, третьему — одинъ, — и отправился. Получившій пять талантовъ пошелъ, употребилъ ихъ въ дѣло, и приобрѣлъ на нихъ еще пять талантовъ. Такъ же точно поступилъ и получившій два таланта: онъ приобрѣлъ другіе два. Получившій же одинъ талантъ пошелъ и закопалъ его въ землю, скрывъ безъ всякаго употребленія серебро господина своего.

«Господинъ долго былъ въ отсутствіи, наконецъ возвратился и потребовалъ рабовъ своихъ къ отчету. Получившій пять талантовъ явился первый; онъ принесъ, кромѣ ихъ, еще пять талантовъ, и сказалъ: «Господинъ, ты далъ мнѣ пять талантовъ; вотъ я приобрѣлъ на нихъ другіе пять талантовъ; возьми!» — «Хорошо, добрый и вѣрный рабъ, отвѣчалъ господинъ; поелику ты былъ вѣренъ въ маломъ, то я поставлю тебя надъ многимъ;

войди въ радость господина твоего!» — Явился также и получившій два таланта, и сказалъ: «Господинъ, ты далъ мнѣ только два таланта, но я приобрѣлъ на нихъ другіе два, — возьми!» — «Хорошо, добрый и вѣрный рабъ, отвѣчалъ господинъ ему; ты былъ вѣренъ въ маломъ, получишь больше; раздѣли и ты радость господина своего!» — Явился наконецъ и тотъ, кому данъ одинъ талантъ. «Господинъ, сказалъ онъ грубо, я хорошо зналъ тебя, что ты человѣкъ жестокій; жнешь, гдѣ не сѣялъ, и собираешь, гдѣ не рачталъ. Послѣ сего, что мнѣ оставалось дѣлать съ моимъ однимъ талантомъ? Я пошелъ и скрылъ его въ землю: вотъ тебѣ твое, ни болѣе ни менѣе, какъ сколько дано мнѣ!» — «Рабъ лукавый и лѣнивый, отвѣчалъ господинъ, когда ты зналъ, что я жну, гдѣ не сѣялъ, и собираю, гдѣ не рачталъ: то тѣмъ паче надлежало тебѣ отдать серебро торжникамъ, дабы я, возвратившись, могъ получить его съ прибылью. Возьмите у него, сказалъ господинъ прочимъ слугамъ, талантъ и отдайте имѣющему десять талантовъ; ибо всякому имѣющему дастся и приумножится, а у неимѣющаго возьмется и то, что имѣетъ. А непотребнаго раба бросьте въ самую глубокую и мрачную темницу, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ.

«Когда, продолжалъ Богочеловѣкъ, Сынъ человѣческій придетъ во славу Своей, въ сопровожденіи св. Ангеловъ, тогда Онъ сядетъ на престолъ славы Своей и соберутся предъ Нимъ всѣ народы, и Онъ весь родъ человѣческій раздѣлитъ на двѣ части, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козлищъ. Первые (добрые, кроткіе, смиренные сердцемъ) будутъ поставлены на правой; а послѣдніе (злые и развращенные) на лѣвой сторонѣ. Стоящимъ по правую руку скажетъ Онъ: «приидите, вы, благословенные Отцемъ Моимъ, наследуйте царство, уготованное вамъ отъ сотворенія міра! Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня въ домъ; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; боленъ былъ, и вы посѣтили Меня, въ темницѣ, — и вы пришли ко Мнѣ.» Праведные удивятся сему и скажутъ: «Господи! когда было все это? — когда мы видѣли Тебя алчущимъ и напитуемъ или жаждущимъ и напоили? Когда также мы видѣли Тебя странникомъ и приняли? или нагимъ и одѣли? Никто изъ насъ не помнитъ сего. Когда также видѣли мы Тебя больнымъ или въ темницѣ, и посѣщали Тебя?» — «Истинно говорю вамъ, скажетъ Царь, все сіе вы сдѣлали со Мною: потому что все, что доброе вы дѣлали для кого-либо изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, Мнѣ Самому сдѣлали.»

«Послѣ сего Царь обратится и къ тѣмъ, кои будутъ стоять на лѣвой сторонѣ:» подите, скажетъ Онъ имъ, отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его! Потому что вы не дали Мнѣ ѣсть, когда алкалъ Я; вы не напоили Меня, когда жаждалъ Я; не приняли въ домъ, когда былъ странникомъ; видѣли Меня нагаго и не одѣли; слышали, что Я боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня.» И грѣшники также, подобно праведнымъ, удивятся и спросятъ Господа: когда они видѣли Его алчущимъ, или жаждущимъ, или странникомъ, или нагимъ, или больнымъ, или въ темницѣ, и не послужили Ему? — Но Господь скажетъ имъ: «вы дѣйствительно не сдѣлали сего; потому что когда вы не сдѣлали ничего подобнаго братьямъ Моимъ меньшимъ, то это все равно, что вы не сдѣлали Мнѣ Самому.»

«И пойдутъ, — за симъ заключилъ Господь, — праведные въ жизнь вѣчную, а грѣшные въ вѣчное мученіе.»

Окончивъ бесѣду, Богочеловѣкъ вдругъ обратилъ рѣчь къ предмету, вовсе неожиданному для учениковъ. «Вы знаете, сказалъ Онъ, что чрезъ два дня Пасха; вѣдайте же и то, что Сынъ человѣческій въ это время преданъ будетъ на распятіе.» Такое рѣшительное и опредѣленное указаніе на родъ и день смерти Своей заключало въ себѣ нѣчто крайне печальное, ужасное, чего не было во всѣхъ прежнихъ предсказаніяхъ Господа о Своей смерти. Но воображеніе учениковъ, наполненное множествомъ разныхъ предметовъ, ими видѣнныхъ и слышанныхъ въ продолженіе цѣлаго дня, ослабло до того, что не въ состояніи уже было слишкомъ трогаться самыми важными вещами; — страшное предсказаніе Учителя о Своей смерти не произвело въ нихъ, сколько можно судить по соображенію обстоятельствъ, особеннаго дѣйствія и не возбудило никакихъ вопросовъ, затерявшись, такъ сказать, въ общемъ неопредѣленномъ ожиданіи печальныхъ происшествій, коими умы ихъ давно были преисполнены.

Лучи заходящаго солнца, догарая на золотой вершинѣ храма, напинали о покоѣ ночномъ. Все склоняло къ отдохновенію. Учитель и ученики еще разъ взглянули на храмъ и городъ, и пошли далѣе — въ Виѳанію.

ВЗГЛЯДЪ НА (ОБРАЗЪ) ИСПОЛНЕНІЯ ПРОРОЧЕСТВЪ О СУДЬБѢ ІЕРУСАЛИМА,
СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ КАСАТЕЛЬНО (ОБРАЗА) ИЗЪЯСНЕНІЯ ПРОРОЧЕСТВЪ О
ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ МІРА.

Остановимся мыслію на томъ мѣстѣ, гдѣ Богочеловѣкъ бесѣдовалъ съ учениками о будущемъ; вообразимъ, что предъ нами проходятъ надъ Іерусалимомъ столѣтія и вѣка, и посмотримъ, какъ исполняются пророчества.

Боже мой, какое страшное и поучительное зрѣлище! Какое чрезвычайное согласіе событій съ предсказаніями! Какая непредвидимая случайность и вмѣстѣ точность въ исполненіи! — Страшныя землетрясенія, разрушившія цѣлые города въ Виѳиніи и Кампаніи*); ужасный голодъ въ Римѣ (въ 43 и 54 г.), Греціи (въ 50 г.) и Палестинѣ**); свирѣпная язва въ Вавилоніи (въ 40 г.) и Италиі***); кровопролитныя междоусобія въ Іудеѣ и сопредѣльныхъ съ нею областяхъ****), потомъ въ цѣлой имперіи по смерти Нерона: словомъ всѣ тѣ самыя бѣдствія, о коихъ говорилъ Іисусъ Христосъ, кажется, предвозвѣщаютъ****) всему міру нѣчто необыкновенное, заставляють ожидать исполненія одного изъ великихъ судовъ Божиихъ. Но вотъ тучи бѣдствій, носившіяся дотолѣ по разнымъ мѣстамъ, вдругъ устремляются въ Палестину, сосредоточиваются надъ Іерусалимомъ, — повидимому за возмущенія противъ кесарей, а въ самомъ дѣлѣ, за прогивленіе іудеевъ Богу отцевъ своихъ, за отверженіе Мессіи. Напрасно небо даетъ знаменіе для вразумленія легкомысленныхъ*****); напрасно про-

*) Въ 37, 55, 61 и 66 годахъ. Светон. въ жизн. Нерона § 48, Гальбы § 18; Тацитъ Лѣтоп. 12, 58. 14, 27. 15, 22. Истор. 1. 2. Флегонъ въ Достоп. 13.

***) Въ 45 и 46 годахъ. Тацитъ. Лѣт. 12, 43. Свет. въ жизн. Клавд. § 18, Флав. Древн. 20, 25. Дѣян. 11, 28.

****) Въ 66 г. Флав. Древ. 18, 9. 8. Тацитъ. Лѣтоп. 16, 13. Свет. въ Нер. § 39.

*****) Описаніемъ сихъ кровопролитій наполнены цѣлыя главы въ исторіи Флавія. II. 14. 5 — 9. 15. 1 — 5. 18, 1 — 3.

*****) Всѣ сіи бѣдствія дѣйствительно почитаемы были за предвѣстіе будущаго. Плин. Ест. Ист. II. 88.

*****) Комета, въ видѣ меча, являлась цѣлый годъ надъ Іерусалимомъ; кромѣ сего видимы были на воздухѣ толпы сражающихся всадниковъ. Флав. 6, 5.

исходятъ чудеса во храмъ *); напрасно предостерегаютъ пророки **), совѣтуютъ царю ***) и мудрецы, умоляютъ первосвященники ****): народъ іудейскій ослѣпилъ очи свои, чтобы не видѣть, окаменилъ сердце, чтобы не разумѣть откровеній небесныхъ, возвѣщающихъ о наступленіи страшнаго суда Божія *****). Начинается скорбь, коей, по точнымъ словамъ очевидца — Флавія, не было подобной и не будетъ. Десятки тысячъ іудеевъ, подобно безсловеснымъ, закаляются еще прежде войны; города іудейскіе, одинъ за другимъ, падаютъ въ развалинахъ; земля, кипѣвшая нѣкогда медомъ и млекою, становится пустынею. Одинъ Іерусалимъ еще стоитъ. Но, Боже мой, какой Іерусалимъ! — Извнѣ окруженный легіонами римлянъ, коихъ развѣвающимся знамена, съ идолопоклонническимъ изображеніемъ полубоговъ римскихъ, кажется, помаваютъ его погубели; внутри наполненный разбойническими толпами зилоговъ, идумеевъ, сикаріевъ, кои, величая себя защитниками святилища, оскверняютъ его преступленіями, неслыханными въ домахъ разврата, безжалостно предають смерти лучшихъ гражданъ, рѣжутъ другъ друга, издѣваются надъ Пророками Мессіи, надъ Самимъ Іеговою!... Видѣнная Данииломъ мерзость заустѣнія могла ли быть больше этой мерзости?... Тысячи непогребенныхъ мертвецовъ покрываютъ торжище, улицы, самый храмъ... Употребляются въ пищу, продаются на вѣсъ золота вещи, кои благопристойность именоватъ запрещаетъ... Матерь закаляетъ собственнаго младенца для снѣди!... Самъ римскій полководецъ прихо-

---

*) Необыкновенный свѣтъ ночью вокругъ жертвенника, продолжавшійся около часа; въ праздникъ опрѣсноковъ двери мѣдныя, кои съ трудомъ отворяли 20 человекъ, отворились сами собою. Жертвенное животное разрѣшилось отъ бремени предъ жертвенникомъ. Въ праздникъ пятидесятницы ночью слышали во храмѣ голосъ: «пойдемъ отсюда!» — Флав. 6, 5.

***) За четыре года до войны, одинъ поселянинъ, какъ бы вдохновенный свыше, началъ по городу кричать: «горе Іерусалиму и храму», и продолжалъ сіе дѣлать до самой осады города — семь лѣтъ; наконецъ сказавъ: «горе и мнѣ», убить въ ту же минуту камнемъ, брошеннымъ изъ пращи непріятельской. Флав. 17, 5.

****) Царь Агриппа всенародно убѣждалъ іудеевъ прекратить возмущеніе — рѣчью сильною и трогательною.

*****) Ананъ и другіе. Кн. 4, гл. 3.

*****) «Въ явныхъ обманщиковъ, пишетъ Флавій, — вѣровали, какъ въ Пророковъ; а очевиднымъ знаменіемъ, предвѣщавшимъ наступающія бѣдствія, не внимали и не вѣрили; казалось, всѣ оглушены были чѣмъ-то, потеряли глаза и уши.» Воин. Іуд. кн. 4, гл. 5.

дигъ въ ужасъ отъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ осажденными, и клянется богами, что онъ невиненъ въ нихъ, предлагавъ столько разъ миръ. — Наконецъ Іерусалимъ падаетъ; одинъ изъ воиновъ римскихъ, вопреки строгому повелѣнію вождя, движимый, по выраженію историка іудейскаго, нѣкою невидимою силою, зажигаетъ храмъ... Тщетно побѣдитель истощаетъ всѣ возможныя усилія, чтобъ спасти сіе украшеніе Востока, предназначенное въ его умѣ быть памятникомъ его побѣды: огонь, возженный небомъ, не угасаетъ!... На мѣстѣ, безпримѣрнаго по огромности, богатству и крѣпости, зданія являются груды камней и кучи пепла. Изъ всего Іерусалима остаются только три башни, въ память прежняго величія. Сто тысячъ іудеевъ, пережившихъ отечество, влекутся въ плѣнъ и продаются, какъ презрѣнныя рабы, на торжищахъ Азіи, Европы и Африки. Удивленный гибельными слѣдствіями побѣды, побѣдитель-язычникъ подымлетъ къ небу руки, смиренно признаетъ себя орудіемъ гнѣва небеснаго, и отказывается отъ титула: «Іудейскаго» *).

Такъ пришла кровь праведниковъ на родъ богоотступный! пришла въ то время, когда многіе изъ іудеевъ, современныхъ Іисусу Христу, еще не успѣли приложиться къ отцамъ своимъ; пришла такъ, что не только іудеи, самые язычники увидѣли и исповѣдали карающій перстъ Божій!

Кто могъ, естественнымъ образомъ, предвидѣть и предсказать все сіе такъ, какъ предвидѣно и предсказано Іисусомъ Христомъ? — Никакая прозорливость, никакая мудрость человѣческая не могла рѣшительно сказать, что іудеи, въ продолженіе менѣе полвѣка, дойдутъ до такого незнанія своей народной слабости, что возстанутъ открытою войною противъ римлянъ, владѣвшихъ цѣлымъ свѣтомъ, коихъ одно имя покоряло и держало въ повиновеніи народы, гораздо сильнѣйшіе іудейскаго! Стоитъ только прочесть рѣчи первосвященника Анны и царя Агриппы къ іудеямъ, чтобы видѣть, какимъ безуміемъ представлялось возстаніе іудеевъ противъ римлянъ для всякаго, кто только имѣлъ смыслъ и правильное понятіе объ обстоятельствахъ времени. Кто же, повторяю, могъ рѣшительно предсказать, что цѣлый народъ отважится на сіе, совершенно безумное, безнадежное и гибельное предпріятіе? — Справедливо, что въ Іудеи издавна находилось много умовъ, распаленныхъ мечтами о народной независимости

---

*) V. Flavius.

и страстью къ междоусобіямъ: таковы были послѣдователи Іуды Галилеянина, зилоты, сикаріи и другіе; но никто не могъ вообразить, чтобы сіи малочисленныя, безпорядочныя толпы взяли верхъ надъ умѣренною и спокойною частію іудеевъ, захватили въ свои руки верховную власть, сдѣлались распорядителями войны и мира, жизни и имущества согражданъ. Для того, чтобы послѣдовать войнѣ съ римлянами, надлежало въ Римѣ царствовать Клавдію и Нерону, способнымъ посылать такихъ прокураторовъ, каковы были: Куманъ, Фестъ, Албинъ и Флоръ; надлежало, чтобы сіи изверги, и особенно Флоръ, своимъ неправосудіемъ, грабительствомъ, жестокостію, безразсудствомъ, совершенно вывели изъ терпѣнія іудеевъ, заставили самыхъ умѣренныхъ и благоразумныхъ отважиться на все, только бы не страдать безконечно. Не будь одного Флора, можетъ быть, и не было бы войны: такъ думалъ самъ Флавій. Сколько и другихъ причинъ могли уничтожить эту войну въ самомъ началѣ, прервать въ продолженіи, не допустить до тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, коими она кончилась! — Касаясь сихъ причинъ, іудейскій историкъ не разъ изумляется ихъ недѣйствительности и изъясняетъ оную предопредѣленіемъ небесъ. Кто же могъ знать это предопредѣленіе болѣе чѣмъ за полвѣка и изречь его въ слухъ всѣхъ съ такою рѣшительностію и подробностію, съ каковою оно изречено Іисусомъ Христомъ? — Означены не только время событія, образъ бѣдствій, предшествующія и послѣдующія обстоятельства; но даже частнѣйшія черты, напримѣръ, что Іерусалимъ будетъ окруженъ со всѣхъ сторонъ окопомъ, что весьма рѣдко бываетъ въ осадахъ обширныхъ городовъ. Нѣтъ, что бы ни говорили противники священнаго писанія о неясности нѣкоторыхъ пророчествъ, здѣсь должны положить перстъ на уста. Флавій, свидѣтель и участникъ событій, пиша исторію войны іудейской, не имѣлъ, конечно, намѣренія исказить истину въ пользу христіанской религіи; и однако же многія страницы его исторіи, кажется, написаны именно для того, чтобы свидѣтельствовать предъ потомствомъ, какъ вѣрно исполнялось въ народѣ іудейскомъ предсказаніе Іисуса Христа.

Обратимся въ другую сторону; взглянемъ на Апостоловъ и ихъ учениковъ: что съ ними? — Опять то самое, что предсказано ихъ Учителемъ. Въ продолженіе времени, протекашаго до разрушенія Іерусалима, они успѣли уже видѣть надъ собою съ одной стороны всѣ роды гоненій, съ другой — всѣ виды помощи свыше, имъ обѣщанной. Не смотря на ихъ невинность, благо-

творность ученія и дѣйствиій, ихъ вездѣ преслѣдуютъ, мучатъ, какъ злодѣевъ. Одинъ Павелъ проходитъ множество судилищъ, даетъ отвѣтъ предъ синедріономъ, ареопагомъ, кесаремъ, пролагаетъ собственною кровію слѣдъ отъ Аравіи до Иллирика, отъ Антиохіи до столповъ Геркулесовыхъ. Большая часть учениковъ Іисуса Христа положили уже душу свою за Возлюбленнаго. Тысячи послѣдователей ихъ готовятся изыти на ужасное поприще гоненій, которое втайнѣ готовится во всѣхъ частяхъ Римской имперіи. Имя христіанина сдѣлалось уже преступленіемъ едва не у всѣхъ народовъ. Испытаны измѣны и отъ своихъ: явились многіе, нечисто проповѣдующіе имя Христова, ищущіе своихъ выгодъ, а не того, чего требуетъ Христосъ (Фил. 2, 21); открылись лжебратія, развращавшіе неопытныхъ въ вѣрѣ, мыслящіе единственно о земномъ, враги креста Христова, коимъ богъ чрево, коихъ слава въ студѣ (Фил. 3, 19); вкрались уже такіе нечестивцы, кои самую благодать Божію и милосердіе къ грѣшникамъ обращали въ случаи и поводъ къ нечистой жизни, пренебрегали притомъ всякое начальство, отвергали Самого Іисуса Христа; за беззаконіе изсякла уже любовь многихъ, многихъ (Послан. Іуды)!

Но въ то же время исполнялась надъ учениками Іисуса другая и радостная сторона Его пророчествъ. Малое стадо, оставленное въ пустынѣ, среди волковъ, но блюдомое Промысломъ, растетъ и своими совершенствами доказываетъ язычникамъ и іудеямъ, что ему завѣщано духовное царство въ цѣломъ мірѣ. Христіанскія общества образуются съ неизмовѣрною скоростію у самыхъ непроевѣщенныхъ и дикихъ народовъ, проповѣдь Апостоловъ видимо обходитъ всѣ концы вселенной; побѣда Евангелія простерта уже до дома кесарева (Фил. 4, 22). Никто не можетъ противиться премудрости, которая является всякій разъ въ устахъ проповѣдниковъ Евангелія, когда они свидѣтельствуютъ предъ судіями за имя Іисусово. Выслушавъ Павла, римскій прокураторъ едва не дѣлается христіаниномъ; самые фарисеи, увлеченные словами его, превращаются изъ обвинителей въ защитниковъ; цѣлый синедріонъ не знаетъ, что отвѣчать на слова рыбаей, кои упрекаютъ его въ убійствѣ Мессіи! — Упадающее іудейство способствуетъ успѣхамъ христіанства своимъ паденіемъ. Вѣрные предостереженію своего Учителя, христіане сохраняютъ себя непричастными гражданскимъ смутамъ и бранямъ, заблаговременно оставляютъ землю, оставленную Богомъ; прочіе спасаются бѣгствомъ въ горы Пеллы.

Такъ вѣрно и съ сей стороны исполнялось предсказаніе Бого-человѣка! — Кто за сорокъ лѣтъ могъ поручиться за сіе исполненіе? — Кто могъ ожидать, что въ продолженіе сего краткаго времени, нѣсколько самыхъ бѣдныхъ, незнатныхъ и не просвѣщенныхъ земною мудростію евреевъ произведутъ такой переворотъ во всемъ мірѣ: распространять новую вѣру, совершенно противную предразсудкамъ и страстямъ, заставятъ премудраго элина и римлянина воздавать Божеское поклоненіе Распятому, ниспровергнуть идоловъ и на мѣсто ихъ водрузятъ крестъ? — Одна мысль о подобномъ событіи въ будущемъ была бы во время Іисуса Христа нѣчто крайне странное и несбыточное... И однакоже сіе несбыточное предсказано и исполнилось на самомъ дѣлѣ со всею точностію...

Но простремъ взоръ нашъ далѣе и посмотримъ, что происходитъ надъ развалинами храма Іерусалимскаго, кои отселѣ содѣлываются неразрушимымъ памятникомъ гнѣва небеснаго.

Невразумленные разрушеніемъ Іерусалима, ни всемірнымъ разсѣяніемъ своимъ, іудеи продолжаютъ мечтать о возстановленіи стѣнъ града отечественнаго. На всеобщее ожиданіе являются одинъ за другимъ, по предсказанію Іисуса Христа, лжехристы и лжепророки *), даютъ знаменія, обѣщаютъ чудеса: обманутый народъ снова возстаетъ противъ римлянъ, напрягаетъ послѣднія силы; еще проливаются рѣки крови іудейской, еще сотни тысячъ повергаются въ рабство: но Іерусалимъ не возстаетъ изъ развалинъ, вмѣсто освобожденія теряетъ самое имя **). Потомокъ Авраама, купивъ у язычниковъ позволеніе пролить слезы на могилѣ своихъ праотцевъ ***), приходитъ къ святому граду, и съ ужасомъ видитъ на его мѣстѣ Елію Капитолійскую, на вратахъ коей изображено ненавистное для іудеевъ животное....

Но, вотъ истина самаго пророчества Іисусова какъ бы подвергается испытанію. На престолѣ кесарей римскихъ является Іуліанъ, врагъ христіанства, другъ іудеевъ, поклявшійся, для посрамленія христіанъ и вѣры ихъ, возстановить, вопреки проро-

*) Таковы были: Баркохавъ, выдававшій себя за Мессію, въ царствованіе Адріана; потомъ самозванецъ Кипрскій Омеритъ и др. Stolberg Judengeschichte.

**) По низложеніи Баркохава, разрушенный Іерусалимъ обновленъ римлянами и названъ Елію Капитолінскою.

***) По свидѣтельству Назіанзена, іудеямъ, изгнаннымъ изъ отечества, только въ одинъ извѣстный день года позволялось издали посмотрѣть на отечественный городъ. Orat. 12.

честву Іисуса Христа, храмъ іерусалимскій. По гласу деспота, тысячи іудеевъ со всѣхъ сторонъ свѣта стекаются въ Палестину; начинаютъ разрывать основаніе храма; богатѣйшія жены своими руками копаютъ землю священную; усердіе доходитъ до энтузіазма: все напрасно! — Изъ земли внезапно вырывается множество огненныхъ шаровъ, кои прогоняютъ работающих *). Тоже явленіе, грозное, нестерпимое, повторяется всякій разъ, когда начинается прерванная работа; — и строители храма, подобно строителямъ столпа Вавилонскаго, разсѣваются, свидѣтельствуя собственнымъ опытомъ, что развалины храма іерусалимскаго находятся въ распоряженіи не кесарей земныхъ, а Царя небеснаго, предназначившаго ихъ свидѣтельствовать о славѣ Сына Своего...

По крайней мѣрѣ, времена языковъ, повидимому, оканчиваются... Іерусалимъ становится собственностію императоровъ христіанскихъ. Теперь ихъ усердіе обновить, украсить мѣста, освященные земною жизнію Богочеловѣка. Такъ, они обновлены, украшены; но на долго ли? — На Голгоѣ неприлично расти цвѣтамъ; село крови не должно быть жилищемъ веселія и тишины: и вотъ, движимые недовѣдомою силою, Хозрои **) и Омары идутъ полновить развалины Іерусалима и разсыпать камни, успѣвшіе собраться во едино! На мѣстѣ святаго святыхъ является новая мерзость заупустѣнія — мечеть Магомета!

Еще рядъ удивительныхъ явленій! — Не постигая путей Промысла, цѣлый христіанскій западъ возстаетъ на востокъ мусульманскій, подъ крестомъ сражается за освобожденіе гроба Христова, хочетъ превратить въ столицу новаго царства городъ, предназначенный быть мѣстомъ всемірнаго плача. Побѣжденная луна уклоняется, исчезаетъ: но проходитъ не болѣе полвѣка, и она снова во всей полнотѣ является на мѣстѣ храма Соломонова; цари и вожди, принявшіе на себя стражу гроба Христова, убѣгаютъ невозвратно; Іерусалимъ остается освобожденнымъ — въ одномъ пѣснопѣннѣ Тасса!..

Новыя явленія судебъ Промысла въ исторіи Іерусалима! — Чего прежде нельзя было достигнуть общимъ чрезвычайнымъ

*) О семь чудесномъ событіи мы имѣемъ, кромѣ многихъ христіанскихъ, свидѣтельство языческаго писателя — Амміана Маркелина. 73 с. 1.

**) Онъ взялъ и опустошилъ Іерусалимъ съ необыкновенною жестокостію. Раул. Diac. gor. Rom. 68. Zonar. 50, 3.

усиліемъ державъ христіанскихъ, то самое для нѣкоторыхъ повидимому сдѣлалось возможнымъ и удобнымъ даже порознь. Что же? — Ни одна держава не мыслить уже объ освобожденіи святаго града! Большая часть удивилась бы, если бы кто имъ написалъ подобную мысль! — До того, христіане, повидимому, забыли колыбель своей религіи, въ то время, какъ начали замѣчать и уважать мѣста рожденія философовъ, поэтовъ, лицедѣевъ... Одно слово въ какомъ-либо побѣдоносномъ трактатѣ, и христіанскій путешественникъ, переплывши моря, побѣдивши тысячи трудностей, вступая въ Іерусалимъ, не былъ бы принужденъ выдерживать новую борьбу съ алчностью турецкаго начальства, не выкупалъ бы у Магомета права поклониться гробу Іисуса: и никто не мыслить, можно бы сказать, не осмѣливается произнести сего слова... Почему? потому что Провидѣнію не угодно, чтобы страна невѣрія, обогрѣнная кровію Сына Божія, наслаждалась миромъ вѣры въ Него; и вотъ крестъ Іисусовъ, вездѣ блистающій славою, на Голгоѣѣ доселѣ безмолвенъ; его сіяніе было бы несомнѣнно съ печалію и запустѣніемъ, коимъ тамъ царствовать должно.

Пройдутъ еще вѣка и, можетъ быть, тысячелѣтія надъ Іерусалимомъ; но не мимо идутъ слова Іисуса, обрекшаго храмъ іерусалимскій на запустѣніе. Дщерь Сіона дотолѣ не воспріиметъ прежней лѣпоты своей, доколѣ не изыдетъ во срѣтеніе Мессіи, ея отверженному, и не скажетъ: Благословенъ грядый во имя Господне!

Ужась объемлетъ, когда вообразишь, сколько требовалось условій, чтобы пророчество Іисуса Христа исполнилось надъ іудейскимъ народомъ такъ, какъ оно исполнялось въ продолженіе 18 вѣковъ!..

Послѣ сего, можно ли сомнѣваться въ исполненіи и другой части пророчества Іисусова, касательно скончанія видимаго міра, Его славнаго прішествія и суда надъ родомъ человѣческимъ? — Прошедшее ручается за будущее. Обращать благотворную неизвѣстность сего будущаго въ мертвыя выкладки, подчинять числительной точности времена и лѣта, которыя Отець небесный — и весьма премудро — положилъ въ Своей власти (Дѣян. 1, 7), значило бы идти вопреки тайнамъ Провидѣнія, предъ коими благоговѣютъ Ангелы. вмѣсто безполезнаго и опаснаго изслѣдованія о времени будущаго втораго прішествія Іисусова, лучше предложимъ нѣкоторыя замѣчанія, могущія служить къ устраниенію погрѣшностей въ уразумѣніи словъ Іисуса Христа.

Находя, что пророчество Господа о Своемъ будущемъ пришествіи не отдѣлено въ точности отъ пророчества о разрушеніи Іерусалима, и даже какъ бы заключено въ ономъ; — находя притомъ, что выраженія, употребленныя для означенія будущей кончины міра (какъ-то: помраченіе солнца и луны, паденіе звѣздъ и проч.) у древнихъ Пророковъ имѣютъ иногда смыслъ метафорическій — (означая паденіе царствъ, разрушеніе городовъ *), нѣкоторые приходили къ мысли, не относится ли все настоящее пророчество Христова къ одному и тому же предмету: разрушенію Іерусалима, — и то, что разумѣютъ обыкновенно о второмъ пришествіи Іисуса Христа, не должно ли почитать пророчески-идеальнымъ изображеніемъ событій, сопровождавшихъ оное разрушеніе, то есть, величайшихъ бѣдствій осажденныхъ, уничиженіе и разсѣяніе народа іудейскаго, торжество христіанства и проч.? — Для устраненія сей благовидной, но на самомъ дѣлѣ ложной, мысли, должно вспомнить а), что иное языкъ древняго пророческаго вдохновенія, иное настоящая бесѣда Іисуса Христа. Двусмысленный, аллегорическій образъ выраженія всего менѣе приличествовалъ Ему теперь, когда надлежало предостеречь учениковъ отъ погрѣшностей и недоразумѣній, касательно будущихъ событій. Притомъ, когда читаешь вышеозначенныя выраженія у древняго Пророка, вмѣстѣ съ симъ самъ собою видишь, что онъ говоритъ иносказательно: слушая слова Іисуса Христа, чувствуешь совершенно противное. б) Во всѣхъ прочихъ случаяхъ наконецъ, гдѣ Іисусъ Христосъ упоминаетъ о Своемъ пришествіи, подъ симъ пришествіемъ разумѣется дѣйствительное событіе: странно было бы только въ настоящемъ случаѣ, гдѣ болѣе всего видна историческая дѣйствительность Его выраженій, обращать ее въ метафору. Въ такомъ случаѣ надлежитъ уже и всѣмъ слѣдующимъ притчамъ навязывать смыслъ самый неестественный; особенно же никакъ нейдетъ подъ аллегорію разрушенія Іерусалима — изображеніе суда всемірнаго, коимъ Іисусъ заключилъ Свою бесѣду. Не должно наконецъ забывать и того, что въ посланіяхъ Апостоловъ, неоспоримо, буквально изображается будущая кончина міра и славное пришествіе Господа (1 Петр. 4, 5; 2 Петр. 3, 10; 1 Сол. 4, 15 — 17): для чего же уходитъ, такъ сказать, безъ

---

*) Такъ у Исаіи (13, 9 — 11) изображается паденіе Вавилона; у Іезекіиля — (32, 7. 8) плѣненіе Египта; у Іоіиля (2, 10) судъ Божій надъ іудейскимъ царствомъ.

причины отъ сего пророчества въ Евангеліи, когда непременно должно сръгнуться съ нимъ у Апостоловъ *)?

Вторая опасность! — Чугая у св. Матѳея, что кончина міра и пришествіе Господа должны послѣдовать *вдругъ* послѣ скорбей дней тѣхъ, то есть (какъ явствуетъ изъ предыдущаго) послѣ бѣдствій, сопровождавшихъ паденіе Іерусалима, — опять казалось нѣкоторымъ, что Богочеловѣкъ обѣщаетъ здѣсь пришествіе Свое какъ бы скорѣе, нежели какъ ему быть надлежало, и что по сему въ предсказаніи Его была нѣкоторая неточность и неясность.

Но искусительная мысль сія, вмѣстѣ съ ея основаніемъ, невозвратно падаетъ отъ силы нѣсколькихъ словъ, находящихся у св. Луки. У него между разрушеніемъ Іерусалима и пришествіемъ Господа стоятъ цѣлыя *времена языковъ* (Лук. 21, 24), въ продолженіе коихъ Іерусалимъ долженъ оставаться въ пограниіи у необрѣзанныхъ, а іудеи — находиться въ рабствѣ у всѣхъ народовъ. Что времена язычниковъ не кратковременны, явствуетъ изъ самаго выраженія — *времена*, и изъ событій, коимъ въ продолженіе ихъ должно совершиться. Еще ощутительнѣе продолжительность сихъ временъ видна у Апостола Павла, который въ посланіи къ Римлянамъ разсуждаетъ о семъ же самомъ предметѣ. Ослѣпленіе Израіля и, слѣдовательно, его разсвѣніе имѣетъ, по ученію сего Апостола, продолжиться дотолѣ, пока не войдетъ полное число язычниковъ (Рим. 11, 25). А такое условіе, очевидно, можетъ придти не иначе, какъ по прошествіи многихъ вѣковъ. Значитъ Іисусъ Христосъ ни Самъ не представлялъ, ни ученикамъ не давалъ повода представлять исполненія будущихъ событій скорѣе надлежащаго.

«Что же должно думать о выраженіи: *вдругъ*, находящемся въ Евангеліи св. Матѳея?» — Это пророческое: *абіе*, подъ коимъ часто сокрываются цѣлыя вѣка. Впрочемъ можно догадываться, что мы, какъ показываетъ взаимное сравненіе Евангелистовъ, имѣемъ бесѣду Іисуса Христа не въ той полнотѣ до слова, въ какой она произнесена. Быть не можетъ, чтобы столь продолжительное собесѣдованіе не было прерываемо, по обыкновенію, вопросами, мнѣніями, движеніями учениковъ *). Въ самой бесѣдѣ есть слѣды, что ходъ рѣчи направлялся по нити вопросовъ. Тогда

*) Conf. Ewald's Religionslehre der Bibel, Th. 2. § 57 — 60.

**) Такъ думалъ еще св. Златоустъ. Бесѣд. на Мат.

было все понятно, опредѣленно и точно для слышавшихъ. Теперь, когда нить сія выпущена, когда разговоръ обращенъ въ рѣчь: многіе промежутки по необходимости исчезли, предметы разнородные сблизились, будущее представлялось какъ на картинѣ, въ современномъ видѣ. Не смотря на сіе, и теперь кто умѣетъ найти истинную точку зрѣнія, для того картина обращается въ перспективу и показываетъ предметы раздѣльно и ясно.

Третья опасность, угрожающая при разумѣніи словъ Спасителя праздноу пытливости, есть недоумѣніе: «какъ Онъ, будучи Сынъ Божій, могъ не знать что-либо? Какъ Судія міра могъ не вѣдать времени Своего будущаго пришествія (Мар. 13, 32)?»—О сей камень соблазна претыкались аріане; о него сокрушались агноеты *). Но для вѣры — онъ не существуетъ!.. Тому, Кто уничтожилъ Себя до воспріятія рабскаго образа, до претерпѣнія казни самой поносной, трудно ли было уничтожиться до незнанія по человѣчеству самой высокой тайны Промысла, недовѣдомой для Ангеловъ? Знаніе сей тайны, по самому существу ея, принадлежало не къ состоянію уничтоженія Іисусова, а къ состоянію славы **). И, вотъ, по воскресеніи, когда ученики спрашиваютъ Его о времени пришествія, Онъ не говоритъ: «Я самъ не знаю его», (ибо преломилъ уже семь печатей, запечатлѣвавшихъ книгу судебъ (Апок. 5, 5), пріялъ отъ Отца откровеніе всѣхъ будущихъ событій) (Апок. 1, 1), а отвѣчаетъ только: *«нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта.»*

Напротивъ, слыша изъ устъ Іисуса Христа о невѣдѣніи тайны Промысла, вдругъ послѣ величественныхъ словъ: *«небо и земля прейдутъ, а слова Мои не прейдутъ»*, — невольно изумляешься святымъ изумленіемъ предъ чистотою и святостію души Іисусовой, которая постоянно являетъ себя тѣмъ, что она есть; открываетъ великое, Божественное, не скрываетъ и малое, человѣческое; говоритъ истину, нисколько не заботясь о томъ, не произведутъ ли слова ея какого-либо, неблагоприятнаго для нея, впечатлѣнія. Сказать: «Я этого не знаю» вдругъ послѣ того, какъ сказано: «Я все могу», — для сего требуется величіе духа не человѣческое.

Впрочемъ трудно усмотрѣть, чего не достаесть здѣсь и для удовлетворенія людей, любящихъ видѣть въ лицѣ Іисуса величіе

*). См. Дамаск. о Ерес. Никиф. кн. 18, г. 50.

**). См. Амвр. кн. 5 о Вѣрѣ гл. 8. Ориг. тракт. 30, на Мат. Август. вопр. 61.

болѣ внѣшнее и, такъ сказать, чувственное, нежели нравственно-духовное. Царь неба и земли, повелѣвающій всею природою, Судія живыхъ и мертвыхъ, грядущій на облакахъ въ сопровожденіи всѣхъ Ангеловъ, Коего слова суть неизмѣнны, Коего награды вѣчны, наказанія нескончаемы: можетъ ли быть изображеніе величественнѣе? Слава — выше? Могущество — больше и разительнѣе?

И такъ изображалъ Себя Тотъ, Который совершенно зналъ, что чрезъ два дня Ему должно будетъ умереть на крестѣ!..

Почти въ то самое время, какъ Господь бесѣдовалъ на Елеонѣ съ учениками Своими о кончинѣ міра, въ Іерусалимѣ, во дворѣ Каіафы, происходило чрезвычайное, тайное собраніе синедріона, для разсужденія о послѣднихъ дняхъ Его собственной жизни (Мат. 26, 3). Со времени воскресенія Лазаря, дѣло дошло до того, что вождямъ народа іудейскаго оставалось избрать одно изъ двухъ: признать съ благоговѣніемъ Пророка Галилейскаго за Мессію, къ чему уже была расположена большая часть народа и даже нѣкоторые изъ членовъ синедріона, или, ставъ противъ Него и Его служенія, взять рѣшительныя мѣры къ прекращенію дальнѣйшихъ успѣховъ Его проповѣди и чудесъ. Рѣшиться на первое Каіафа съ клевретами своими теперь еще менѣе былъ способенъ, нежели при первомъ совѣщаніи, по случаю воскресенія Лазаря. Послѣ событій предшествующихъ дней: торжественнаго входа въ Іерусалимъ, посрамленія всѣхъ сектъ іудейскихъ и самихъ членовъ, посланныхъ отъ синедріона, особенно послѣ грозной, послѣдней, обличительной проповѣди въ храмѣ, которая всею тяжестью своею падала на главы народа, — Пророкъ отъ Галилеи казался первосвященникамъ самымъ опаснымъ, личнымъ противникомъ, противъ котораго позволительно употребить все: законъ и гражданскія мѣры, хитрость и насиліе. Въ семъ именно духѣ происходило тайное совѣщаніе лукаваго сонмища. Самое мѣсто его показывало, что все, въ немъ происходящее, состоитъ въ тайномъ распоряженіи Каіафы. Впрочемъ, если бы кто изъ учениковъ Іисуса услышалъ, чѣмъ кончились теперь совѣщанія вождей народа іудейскаго: то могъ бы подумать, что они, узнавъ какимъ-либо образомъ о тайной бесѣдѣ Елеонской Іисуса Христа съ учениками, нами сейчасъ слышанной, рѣшились воспрепятствовать исполненію Его пророчества о времени Своей смерти. Твердо положено лишить Его жизни, и для сего захватить въ

свои руки; но спустя не два дня, какъ Онъ говорилъ ученикамъ, а по прошествіи всего осѣмидневнаго праздника (Мат. 26, 5). Отважиться на это въ самое время Пасхи казалось дѣломъ крайне опаснымъ, и потому безразсуднымъ. Очевиднымъ казалось, что многочисленный народъ, стекшійся со всего свѣта на праздникъ, не будетъ безмолвнымъ зрителемъ насилія Воскресителю Лазаря, и не выдастъ Его спокойно той малочисленной стражѣ, которою могъ располагать синедрионъ. А подать въ такое опасное время, какъ Пасха, поводъ къ возмущенію народному, всегда сопряженному съ великою опасностію для существующихъ властей, за которое при томъ впослѣдствіи надлежало бы еще подлежать строгому отвѣту предъ римскимъ правительствомъ: это составляло такую крайность, на которую Каіафа не могъ рѣшиться — изъ самой ненависти къ Іисусу... Боязливость въ расчетахъ фарисейскихъ простерлась въ семь случаѣ до того, что почтено за лучшее, даже и послѣ праздника, не употреблять противъ Него силы открытой (въ самомъ Іерусалимѣ всегда могло найтись довольно число людей, готовыхъ отразить силою насиліе столь великому Пророку), а захватить Его въ свои руки хитростію, въ какомъ-либо тайномъ мѣстѣ, безъ народа, ночью, — впрочемъ съ тѣмъ, чтобы судить Его и осудить на смерть по закону — отечественному или римскому, но по закону.

ПРЕДАНИЕ ИСУСА ХРИСТА ИУДАМЪ.

(Перемѣна мыслей въ синадріонѣ касательно времени умерщвленія Иисуса Христа. — Предательство Іуды съ его причинами. — Замѣчаніе о мѣстопробываніи ꙗ дѣяніяхъ Иисуса Христа въ продолженіе сего дня.)

ы видѣли, что на землѣ, въ совѣтѣ человѣческомъ положено не лишать Пророка Галилейскаго жизни до окончанія праздника Пасхи: иначе положено было на небѣ, въ совѣтѣ Всевышняго! — Агнцу Божію, *вземлющелу грѣхи міра*, надлежало быть принесену въ жертву въ одно время съ агнцемъ пасхальнымъ, который столько вѣковъ служилъ Его прообразованіемъ (1 Кор. 5, 7), и никакое могущество земное, никакая злоба и хитрость не могли замедлить сего жертвоприношенія, — разлучить прообразуемое съ прообразующимъ. Промыслъ Божій расположилъ, напротивъ, теченіе обстоятельствъ такъ, что тѣ же люди, кои, сами не зная, пошли было вопреки вѣчныхъ судебъ Его, сами же не зная, обратились внезапно къ исполненію ихъ, — рѣшившись дѣйствовать къ погубленію Иисуса Христа немедленно, захватить и умертвить Его при первомъ удобномъ случаѣ. Причиною такой неожиданной перемѣны въ мысляхъ синадріона былъ одинъ человѣкъ, который, явясь къ первосвященникамъ, объявилъ, что онъ, издавна принадлежа къ числу учениковъ и постоянныхъ спутниковъ Иисуса, и зная посему всѣ тайныя мѣста пребыванія Его, легко можетъ содѣйствовать давнему желанію ихъ — захватить Его въ свои руки тайно отъ народа (Лук. 22, 6), и готовъ употребить для того всѣ свои средства и силы, если только верховное правительство заблагоразсудитъ обра-

тить благосклонное вниманіе на столь важную услугу, къ коей не многіе способны, хотя всякій былъ обязанъ, вслѣдствіе недавно изданнаго отъ синедріона повелѣнія (Іоан. II, 57). Жалкій человѣкъ сей дѣйствительно принадлежалъ къ ближайшему обществу Іисусову, и былъ тотъ самый ученикъ, который на вечерѣ въ Вифаніи притворно сожалѣлъ о мврѣ и о нищихъ, и отъ сребролюбія коего давно предостерегалъ насъ дальновидный Іоаннъ (Іоан. 12, 6); это былъ Іуда Искаріотскій. Послѣ увидимъ, что побудило его къ ужасной измѣнѣ своему Учителю и Господу: здѣсь примѣтимъ только, что, по должности хранителя денегъ въ маломъ обществѣ Іисусовомъ, Искаріотъ могъ благовидно оставлять сіе общество и отлучаться за покупками въ городъ; и потому имѣлъ возможность вести постыдные переговоры съ врагами своего Учителя и торговаться за Его жизнь, не будучи никѣмъ подозрѣваемъ въ измѣнѣ.

Появленіе такого человѣка съ такимъ предложеніемъ, по замѣчанію Евангелистовъ (Лук. 22, 5), было крайне пріятно для Каиафы. Хитрый саддукей мгновенно разсчиталъ въ умѣ своемъ, что при помощи такого человѣка, каковымъ выдавалъ себя предатель, можно будетъ захватить Іисуса Христа безъ всякаго шума, даже — свѣдѣнія народнаго. Немедленнымъ же осужденіемъ Его на смерть и преданіемъ въ руки римскаго правительства — предполагалось удалить отъ себя и послѣднюю опасность. Народъ, думали, не осмѣлится предпринять что либо противъ римлянъ, кои на время Пасхи особенно усиливали военную силу свою въ Іерусалимѣ; а если бы и покусился на что либо, то синедріонъ не будетъ за то въ отвѣтѣ. — То самое, что Іисусъ Христосъ будетъ преданъ Своимъ ученикомъ, имѣло особенную цѣну въ глазахъ личныхъ враговъ Его; потому что предъ народомъ, незнающимъ истинныхъ причинъ преданія, обстоятельство сіе могло быть обращено въ сильное предосужденіе Іисусу, такъ мало, по видимому, цѣнимому собственными учениками. Въ жару и ослѣпленіи фанатизма, предатель для нѣкоторыхъ изъ слѣпо почитающихъ на законѣ могъ казаться человѣкомъ, праведнымъ по закону. Что онъ сдержитъ свое слово и не обманетъ синедріонъ, какъ обманывалъ Учителя, за это, кромѣ другихъ обстоятельствъ (Іуда, безъ сомнѣнія, позаботился о снисканіи себѣ довѣрія), ручалась уже чрезвычайная алчность его къ деньгамъ, обличавшая въ немъ низость и черноту души, готовой на все изъ прибытка.

Немедленно назначена цѣна преданію, — та самая, которую

Моисей велѣлъ взыскивать за раба, когда онъ будетъ убитъ кѣмъ либо не намѣренно (Исх. 21, 32), то есть, тридцать сребренниковъ или сиклей, что на наши деньги составитъ около бо рублей (см. Метрол. Петруш. 1831. стр. 233). Остроуміе какого либо книжника, вѣроятно, хотѣло отличить себя, оцѣнивъ жизнь Иисуса Христа цѣною раба, которая, безъ сомнѣнія, не высока была и во время Моисея, а теперь, спустя 2000 лѣтъ, еще ниже. Тѣмъ удивительнѣе алчность предателя, которая могла удовлетвориться такою малостию, при такомъ случаѣ, гдѣ враги Иисуса Христа, по всей вѣроятности, не подорожили бы никакими сребренниками *). Но, едвали, въ случаѣ успѣшнаго совершенія дѣла, не обѣщано было большее число сребренниковъ, какъ позволяютъ предполагать выраженія Евангелистовъ, Марка и Луки **). Съ другой стороны предателю стыдно было съ упорствомъ настаивать на большую плату, какъ скоро онъ хотѣлъ (какъ и должно предполагать) дать измѣнѣ своей въ глазахъ первосвященниковъ видъ законнаго — патріотическаго поступка и не представлять явно лице презрѣннаго предателя, торгующагося за свою совѣсть. Впрочемъ дѣйствовать безразсудно, нерѣдко вопреки своихъ выгодъ, есть удѣлъ одержимыхъ страстію сребролюбія: малое кажется имъ иногда великимъ, великое малымъ, и они, имѣя во всемъ и всегда въ виду одни деньги, не смотря на сіе, сами не зная того, представляютъ въ своихъ поступкахъ иногда видъ какъ будто безкорыстія. — Времени и образа преданія не могли опредѣлить съ точностію ни предатель, ни первосвященники, хотя, безъ сомнѣнія, это было бы пріятно для тѣхъ и другаго, и хотя объ этомъ, кажется, думали не мало (Мар. 14, 11). Предатель взялся только употребить на преданіе первый удобный къ тому случай, то есть, когда можно будетъ сдѣлать это *тайно отъ народа* (Лук. 22, 6); а первосвященники обѣщали, по первому требованію Иуды, придать ему для совершенія своего дѣла достаточное число слугъ и стражи церковной. Пасхальная ночь, какъ время самое глухое и потому удобное, безъ сомнѣнія, приходила на мысль тому и другимъ: и если теперь не избрана она рѣшительно для исполненія замысла, то должно быть по-

---

*) «Не просить даже опредѣленной цѣны, чтобы по крайней мѣрѣ продать выгоды, но на волю покупающихъ оставлять цѣну, какъ бы продавая какого либо раба презрѣннаго.» Іерон. въ толк. на Матѣ.

***) *Обѣщали сребренники дати.* Марк. 14, 11.

тому, что Иуда не зналъ еще, гдѣ будетъ проведена Учителемъ сія ночь, а можетъ быть, не вѣдалъ еще навѣрно и того, станеть ли Онъ теперь праздновать Пасху въ одно время съ другими *), то есть, по причинѣ великой, со всѣхъ сторонъ окружавшей Его, опасности, не отложить ли сіе празднованіе (какъ то позволялось самымъ закономъ) до слѣдующаго мѣсяца.

Воображая, какъ несчастный ученикъ тайными путями возвращается изъ дворца Каиафы въ святое общество Іисусово, дабы до времени представлять въ немъ лице Апостола, и представляя съ другой стороны, какъ трудно было, находясь столь долго въ такой близости къ Сыну Божію, не сдѣлаться добрымъ, не занять отъ Него духа Божія, — невольно приходишь въ изумленіе и вопрошаешь съ Церковію: *«кій ты образъ, Іудо, предателя Спасу содѣла? Еда отъ лика ты Апостольска разлучи? Еда дарованія исцѣленій лиши? Еда со онѣла вечерявъ, тебе отъ трапезы отрину? о, коликихъ благъ не памятливъ былъ еси!»*

Евангелисты единогласно изъясняютъ предательство Іуды внушеніемъ сатаны (Лук. 22, 3). Въ самомъ дѣлѣ, только сатана могъ сдѣлать изъ Апостола предателя и сына погибели. Но что за польза была ему, подумаетъ кто либо, научать Іуду къ преданію Учителя, когда смертію Господа, за тѣмъ послѣдовавшею, до конца разрушены дѣла діаволя вмѣстѣ съ его царствомъ? — Не значить ли это ковать на самого себя оружіе, искать собственной погибели?... Такъ! — Но должно помнить, что тайна искупленія рода человѣческаго смертію Сына Божія была не до вѣдома для духа тьмы. Подъ кровомъ сей тайны Премудрость Божія, посмѣвающаяся кознямъ сего врага исконнаго, содѣлала то, что онъ въ семъ случаѣ самъ устроилъ свою погибель. Ему хотѣлось только положить конецъ нестерпимому для него дѣйствию проповѣди и чудесъ Іисуса Христа, подобно тому, какъ онъ доводилъ до мученической кончины Пророковъ, и недавно еще руками нечестиваго Ирода запечатлѣвъ уста Іоанну Крестителю; но въ семъ случаѣ вышло совершенно противное: смертію Сына Божія, которая стоила столькихъ усилій врагу рода человѣческаго, нанесена ему рѣшительная побѣда, единожды и навсегда ниспровергнута его держава грѣха и смерти.

---

*) Изъ Матѳ. 26, 17 — 18 и Лук. 22, 8 — 13, можно заключать, что Спаситель съ намѣреніемъ содержалъ учениковъ въ нѣкоторой неизвѣстности касательно сего предмета.

Впрочемъ Евангелисты, указывая на сатану, какъ на перваго виновника предательства Иудина, не забываютъ и, такъ называемыхъ, вторыхъ причинъ, или естественныхъ. Именно, св. Іоаннъ указываетъ, такъ сказать, на то отверстіе (Іоан. 12, 6), сквозь которое сей древній зміи вползъ въ душу несчастнаго Апостола и непримѣтно опуталъ собою его умъ и сердце. Это страсть къ сребренникамъ, которая, издавна зародившись въ душѣ его, тѣла во все время пребыванія его съ Іисусомъ, питаясь татъбою денегъ общественныхъ; а теперь разгорѣлась въ пламень совершенно адскій, въ коемъ, какъ въ своемъ чертогѣ, сидѣлъ и царствовалъ сатана. Наконецъ св. Матѳей и Маркъ (Матѳ. 26, 1 — 16; Мар. 14, 3 — 11), съ намѣреніемъ сблизивъ между собою два одновременныя обстоятельства: виѳанскую вечерю, на коей Иуда жалѣлъ о мврѣ, и предательство послѣдняго, даютъ пронизательному читателю видѣть, какъ діаволъ наложилъ послѣднюю петлю на душу сребролюбца, чтобы влечь его за собою во адъ. Сильно тронутый потерей прибѣтка, который можно было — татъбою — получить изъ денегъ за продажу мвра, и, можетъ быть, огорченный упрекомъ, который сдѣланъ по сему случаю Іисусомъ, сребролюбецъ въ припадкѣ страсти рѣшился вознаграждать мнимую потерю свою продажей Самого Учителя, Который безкорыстіемъ и нищетою Своею становился ему со дня на день въ большую тягость. *«Лютъ, восклицаетъ при семъ случаѣ св. Златоустъ, лютъ звѣрь есть сребролюбіе; отсюда гробокопатели, отсюда мужеубійцы, отсюда рати и брани, и еже аще речеши всяко зло, отсюда есть.»*

Болѣе Евангелисты ничего не говорятъ въ изъясненіе поступка Иудина, хотя нѣкоторыя стороны его остаются неясными; — и мы не должны удивляться такому молчанію, вспомнивъ, какъ вообще Евангелисты кратки въ описаніяхъ самыхъ мрачныхъ предметовъ, и какъ тяжело имъ было говорить о такомъ тяжкомъ и невозвратномъ паденіи своего собрата. Удивительнѣе, по замѣчанію Златоуста, самоотверженіе ихъ, что они «ничтоже сокрываютъ отъ мнящихся быти поносныхъ. Мощно бы имъ рещи просто, яко предатель отъ учениковъ Его бѣ нѣкто; нынѣ же прилагаютъ, яко отъ дванадесяти бѣ, якобы глаголали, — перваго лика, отъ изрядно избранныхъ, съ Петромъ и Іоанномъ бывшихъ. Виждь, яко о единомъ имъ было тшаніе, о единой истинѣ, да не сокрываютъ бываемыхъ.» (Бесѣд. 80 на Матѳ.)

Стороны же предательства Иудина, не совсѣмъ ясныя, суть слѣдующія: какъ, во первыхъ, Иуда, говоря словами Златоуста же,

«чаяше удержати Иисуса, многожды видѣвый Его сквозь прошедша и не удержана бывша, и Божества Его и силы много подавшаго указанія?» — Во вторыхъ, предавая Учителя, почиталъ ли Иуда Его за Мессію, по крайней мѣрѣ, за великаго Пророка и Праведника, или не почиталъ? Если почиталъ, то какъ предалъ? Если не почиталъ, то откуда въ немъ такое великое раскаяніе послѣ? — Поелику осужденіе на смерть Иисуса такъ сильно поразило Иуду: то явно, что онъ не ожидалъ сего осужденія. Чего же ожидалъ? — Добровольнаго признанія Его синедриономъ за Мессію? Но сего предполагать было невозможно. Чудесной побѣды Иисуса надъ первосвященниками? Но въ такомъ случаѣ съ какимъ лицомъ явился бы предатель къ Преданному?

Подобныя соображенія еще въ древности привели нѣкоторыхъ учителей Церкви къ мнѣнію, что Иуда не желалъ и не ожидалъ смерти своего Учителя, предполагая, что Онъ найдетъ средство, естественное или сверхъ-естественное, избавиться отъ рукъ враговъ Своихъ невредимо (Феофил. Толк. на Еванг.). Въ новѣйшія времена мнѣніе сіе дополнено, развито и приложено ко всѣмъ подробностямъ событія слѣдующимъ образомъ.

Всѣ ученики Иисуса Христа ожидали увидѣть въ Немъ Царя надъ Израилемъ и быть первыми слугами въ семъ царствѣ; но Иуда, говорятъ, по своему своекорыстному нраву, болѣе всѣхъ ихъ заботился объ успѣхѣ дѣла своего Учителя, и для сего постоянно, со всѣмъ вниманіемъ наблюдалъ всѣ обстоятельства, мнѣнія о Немъ народа, поступки и замыслы Его враговъ и проч. Теперь онъ ясно видѣлъ, что споръ Учителя съ синедриономъ дошелъ до рѣшительнаго перелома; и полагалъ, что переломъ сей долженъ окончиться непременно въ пользу его Учителя, если только послѣдуетъ во время праздника, при стеченіи многочисленнаго народа, такъ сильно расположеннаго къ Иисусу Христу. Съ другой стороны, несчастный съ горестію видѣлъ, что Учитель нисколько не расположенъ воспользоваться настоящимъ, крайне благоприятнымъ, стеченіемъ обстоятельствъ. Къ большому огорченію узнаетъ онъ потомъ, что первосвященники единодушно составили хитрый планъ къ рѣшительному погубленію Иисуса, послѣ праздника. Что дѣлать? — думалъ хитрый корыстолюбецъ; если оставить идти дѣла такъ, какъ они идутъ, то намъ всѣмъ не избѣжать гибели: послѣдній благоприятный случай для насъ будетъ упущенъ; и Искаріоту, какъ послѣднему преступнику достанется, можетъ быть, висѣть на какомъ-либо крестѣ. Нѣтъ,

шепталъ дѣволъ, этому не бывать: доколѣ въ обществѣ сихъ людей есть Иуда, первосвященникамъ не взять надъ нами верха. Они отложили погубленіе насъ до праздника; надобно сдѣлать именно противное тому: синедрионъ издалъ повелѣніе, чтобы всякій, кто узнаетъ, гдѣ Иисусъ, давалъ ему знать о томъ (Іоан. II, 57). На что благовиднѣе предлога? Явлюсь къ Каиафѣ съ вызовомъ предать Иисуса при первомъ удобномъ случаѣ: такимъ образомъ слѣпая злоба ихъ еще заплатитъ мнѣ за собственную свою гибель. Точно гибель: я продамъ имъ — собственную ихъ смерть! Въ какое волненіе придетъ народъ, узнавъ, что Мессія въ узахъ! — Чего не сдѣлаетъ онъ для ниспроверженія ненавистнаго синедриона и ненавистной преторіи! — Учитель, волею-неволею, сдѣлается царемъ Израиля, а Искаріоту будетъ принадлежать честь быть первымъ виновникомъ такого счастливаго переворота. Итакъ — сотворимъ злая, да придутъ благая (Римл. 3, 8)! Примемъ на себя на время мрачное лицо предателя, чтобъ послѣ быть въ царствѣ Мессіи первымъ изъ Апостоловъ. Подобнаго плана не выдумать ни Петру, ни Іоанну. Учитель, умѣющій такъ хорошо цѣнить поступки, неумедлитъ отдать справедливость соображенію столь глубокому и столь благоуспѣшному.

Такъ, говорятъ, надобно думать о предательствѣ Иуды: потому что при семъ только предположеніи становится понятнымъ, какъ предатель могъ удовольствоваться такою малою наградою; сребренники не были главною цѣлію преданія; посему онъ могъ удовольствоваться еще меньшимъ. При семъ понимаемъ, говорятъ, и то, какъ Иуда вызвался самъ предводительствовать стражею для взятія Иисуса, привѣтствовать Его дружескимъ привѣтствіемъ, и даже облобызать Его: поступокъ, который въ противномъ случаѣ могъ быть только слѣдствіемъ самой отвратительной какой либо личной злобы противъ Учителя, слѣдовъ чего однакоже въ Иудѣ не видно. Понятно наконецъ, говорятъ, почему на Искаріота такъ сильно и въ такую сторону подѣйствовала вѣсть объ осужденіи Учителя на смерть: онъ долженъ былъ скорбѣть въ семъ случаѣ сугубо — и за Учителя и за себя самого, обманувшись такъ ужасно въ своихъ расчетахъ. Люди съ сильнымъ характеромъ въ такихъ обстоятельствахъ, обыкновенно, обращаются къ одному отчаянному средству: *patet exitus*. При исполненіи злостраго и несчастнаго плана своего, — прибавляютъ, — предатель могъ для успокоенія себя опираться даже на великодушное снисхожденіе своего Учителя, по коему послѣдній

не обнаруживалъ его предъ прочими учениками и не изгонялъ изъ Своего общества. Наконецъ слова: *еже твориши, твори скоро* (Иоан. 13, 27), говорятъ, могли быть приняты Иудею за рѣшительное одобреніе его плана Учителемъ.

Что должна сказать о сихъ предположеніяхъ безпристрастная исторія? — То, что это догадки, идущія, какъ мы замѣтили, еще изъ древности, приближающіяся нѣкоторыми сторонами своими къ правдоподобию, но не имѣющія прочнаго историческаго основанія, и въ тоже время сами собою сильно сокрушающіяся о нѣкоторыя прямыя указанія исторіи на противное тому, что предполагается. Въ самомъ дѣлѣ, кого ни слушать въ семь дѣлѣ, все слышишь противное. Принять ли собственное признаніе предателя? — Онъ говоритъ, что предалъ кровь неповинную (Матѳ. 27, 4); но ни слова о томъ, что къ преданію побудило его не алчность къ деньгамъ, а желаніе скорѣе воцарить Учителя. Напротивъ выраженія: *согрѣшивъ, предахъ кровь*, явно показываютъ, что въ преданіи была прямая продажа этой безцѣнной крови. Будемъ ли слушать, какъ и должно, Евангелистовъ? — Они тоже ни слова о семъ, тогда какъ указаніе на подобныя причины и цѣль преданія, облегчая вину предателя, облегчили бы ихъ горестъ при возвѣщеніи всему міру о столь низкомъ поступкѣ прежняго собрата ихъ. Обратимся ли съ благоговѣніемъ къ свидѣтельству Самого преданнаго Богочеловѣка: что слышимъ? *Горе чловѣку тому, иль же Сынъ чловѣческой предается; добро бы было ему аще бы не родился чловѣкъ той* (Матѳ. 26, 24). За что такое страшное осужденіе, если предательство имѣло такую незлобивую цѣль, какъ предполагается? Въ такомъ случаѣ оно очень походило бы на такъ называемые набожные обманы вѣковъ среднихъ, и не заслуживало бы столь ужаснаго приговора. Размышляющій, безъ труда, можетъ найти и другія причины оставаться при простомъ сказаніи Евангелистовъ, которое, оставляя въ тѣни подробности событій, проливаетъ однакоже довольно свѣта на ихъ сущность.

Что касается до вышеозначенныхъ недоумѣній, то они, какъ увидимъ (когда будемъ говорить о плачевномъ концѣ предателя), рѣшаются довольно удовлетворительно и безъ подобныхъ предположеній.

Гдѣ пребывалъ и что творилъ Господь съ учениками Своими въ продолженіе дня преданія? — У св. Евангелиста Матѳея предѣ описаніемъ предательства излагается сказаніе о вечерѣ Виѳанской и о мврѣ (Матѳ. 26, 6 — 16): но сказаніе сіе, по всей вѣроятности, взято изъ другого времени и перенесено сюда по причинѣ внутренней связи событій (сожалѣнія Іуды о мврѣ съ его предательствомъ); ибо у Евангелиста Іоанна описана точно таже самая вечеря и поставлена въ навечеріи входа Іисуса въ Іерусалимъ, куда она и принадлежитъ дѣйствительно. Такимъ образомъ мы неимѣемъ прямаго Евангельскаго сказанія о послѣднемъ днѣ предѣ опрѣсноками (средѣ). При внимательномъ сличеніи косвенныхъ указаній, однакоже довольно ясно открывается, что день сей, подобно предшествующимъ, проведенъ не въ Іерусалимѣ, слѣд. въ Геосиманіи (Лук. 21, 37), или въ Виѳаніи (Мар. 14, 13) въ домѣ Лазаря, который и прежде былъ, а теперь тѣмъ болѣе оставался почти единственнымъ вѣрнымъ пристанищемъ для Сына человѣческаго.

Учениковъ Іисусовыхъ, безъ сомнѣнія, всего болѣе занимала теперь мысль о наступающей Пасхѣ (Матѳ. 26, 17), которая для еврея составляла не только самое священное, но и самое приятное время въ жизни. Картина праздника украшалась притомъ въ воображеніи дѣтскими ожиданіями наградъ и почестей въ царствѣ Мессіи, кои никогда не оставляли учениковъ Іисусовыхъ, а теперь, послѣ столькихъ знаменательныхъ событій, еще сильнѣе занимали собою всю душу ихъ. Усердіе друзей Виѳанскихъ, безъ сомнѣнія, употребляло всѣ средства, чтобы сдѣлать время пребыванія у нихъ Іисуса Христа какъ можно покойнѣе и отраднѣе. Гостепріимная Марфа имѣла теперь всю удобность сочетать свое многопопечительное радушіе съ тихимъ и возвышеннымъ усердіемъ сестры своей. Но для Божественнаго Друга ея, если когда, то теперь было *едино на потребу* (Лук. 10, 40 — 42). Мы видѣли, что смерть и погребеніе занимали мысли Іисуса Христа и во время вечера, бывшей въ Виѳаніи въ навечеріи: входа въ Іерусалимъ; теперь, почти въ навечеріи смерти, сіи мысли должны сдѣлаться еще живѣе... Какъ бы отрадно было раздѣлить ихъ съ кѣмъ нибудь! Но на землѣ не было существа, къ тому способнаго. Оставалось молитвенно бесѣдовать — съ однимъ Отцемъ небеснымъ. И, безъ сомнѣнія, сія бесѣда, всегда служившая для Богочеловѣка источникомъ силы, успокоенія и воодушевленія, была теперь удвоена и утроена.

Постыдное соглашеніе Іуды съ первосвященниками извѣстно

было Учителю его со всѣми подробностями; но соученики не имѣли о томъ никакого свѣдѣнія. Господь съ намѣреніемъ сокрывалъ это отъ нихъ до послѣдней къ тому возможности: иначе чего не позволила бы себѣ пламенная ревность Петра для предупрежденія такого несчастія?

Положеніе предателя въ продолженіе послѣднихъ часовъ, проведенныхъ имъ съ Учителемъ и соучениками, должно быть крайне принужденнымъ и жалкимъ. При всемъ ожесточеніи сердца страстію, оно не могло не болѣть и не терзаться при видѣ Божественнаго Учителя, предаемаго имъ столь постыднымъ образомъ, — при видѣ святаго общества соучениковъ, оставляемого теперь навсегда. Каждый значительный взглядъ, каждое сколько нибудь знаменательное слово должны были приводить предателя въ сильное смущеніе, и живописцы не отступаютъ отъ истины, когда, изображая Тайную Вечерю, представляютъ его среди сіяющихъ духовною радостію Апостоловъ съ лицомъ мрачнымъ и ужаснымъ. Могъ ли быть какой-либо свѣтъ на лицѣ того, у кого въ сердцѣ былъ — сатана?

ОМОВЕНІЕ НОГЪ И ТАЙНАЯ ВЪЧЕРА.

(Праздникъ Пасхи. — Его отношеніе къ великому предназначенію Сына чело-
вѣческаго. — Опасность, съ кою сопряжено было настоящее совершеніе Пасхи
для Іисуса. — Двое изъ учениковъ посылаются въ Іерусалимъ для ея пригото-
вленія. — Какъ совершалась она во время Іисуса Христа? — Особенное состоя-
ніе Его духа на пасхальной вечери. — Споръ учениковъ между собою о пер-
венствѣ. — Омовеніе ногъ. — Пасхальная вечеря. — Многократное указаніе пре-
дателя. — Его удаленіе. — Учрежденіе Тайной Вечери.)

Вступилъ 14-й день нисана (марта), — день, въ вечеру
коего каждый израильтянинъ обязанъ былъ совершать
Пасху, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ отлученія
изъ среды народа Божія. Пасхою назывался агнецъ, котораго,
послѣ закономъ предписаннаго приуготовленія, снѣдали съ различ-
ными обрядами, — въ память благодѣянія Божія, оказаннаго на-
роду еврейскому изведеніемъ его изъ работы египетской, осо-
бенно же въ воспоминаніе чудеснаго избавленія, посредствомъ
знаменія крови агнчей, первенцевъ еврейскихъ отъ Ангела, погуб-
лявшаго первенцевъ египетскихъ (Исх. 12, 17 — 27). На другой день
въ память того же событія начинался седмидневный праздникъ
опрѣсноковъ, въ продолженіе коего, равно какъ и самой Пасхи
и вечеря ея, израильтянинъ, подъ опасеніемъ смерти, дол-
женъ былъ хранить себя отъ всего кваснаго (Исх. 12, 15). Зна-
менованіе Пасхи было такъ важно, законы касательно совер-
шенія ея такъ строги, самый обрядъ такъ знаменателенъ и по-
учителенъ; притомъ съ нею соединено было столько утѣшитель-
ныхъ воспоминаній въ прошедшемъ и радостныхъ надеждъ въ
будущемъ, — что празднованіе Пасхи издревле сдѣлалось главою
всѣхъ празднествъ іудейскихъ, душею обрядоваго закона, народ-

нымъ отличіемъ еврея, сокращеніемъ его вѣры и символомъ упованія. Уже сего одного достаточно было для Іисуса Христа, чтобы совершать Пасху (какъ дѣйствительно Онъ всегда и совершалъ ее) въ опредѣленное закономъ время, съ наблюденіемъ при семъ обрядовъ, освященныхъ вѣками и примѣромъ праотцевъ и Пророковъ: ибо одно изъ главныхъ правилъ великой дѣятельности Сына человѣческаго, въ продолженіе служенія Его, состояло въ томъ, чтобы поддерживать всякое, истинно полезное, учрежденіе, ни въ какомъ случаѣ безъ явной нужды и важныхъ причинъ не оставлялъ безъ исполненія ни одного изъ законовъ Моисеевыхъ, усиливать и распространять все, что могло служить пищею для вѣры и добрыхъ нравовъ, вести къ исправленію сердца и жизни (Матѣ. 3, 15).

Но, кромѣ сего, была еще одна причина, по которой Пасха Моисеева была для Іисуса Христа, можно сказать, вождѣлннѣе и священнѣе, нежели для всѣхъ прочихъ Его соплеменниковъ по плоти: агнецъ пасхальный, служба припоминательнымъ знакомъ прошедшаго благодѣянія, въ тоже время, по намѣренію Промысла, еще болѣе служилъ прообразомъ Его собственнаго лица и назначенія (Іоан. 19, 36). Закланіе сего агнца и примирительная кровь его, отвратившая нѣкогда Ангела губителя отъ первенцевъ еврейскихъ, предъизображала собою будущую крестную смерть истиннаго Агнца Божія, вземлющаго грѣхи всего міра; радостный исходъ израильтянъ изъ Египта, по совершеніи Пасхи, предвѣщалъ собою богатое освобожденіе рода человѣческаго отъ ужаснаго рабства грѣху, смерти и диаволу, имѣющее послѣдовать за совершеніемъ великой крестной жертвы на Голгоѣѣ. При такомъ взглядѣ на Пасху, какъ все въ ней для Богочеловѣка долженствовало быть священо и важно! — Празднуя сей праздникъ, Онъ всякій разъ, можно сказать, предпраздновалъ будущую смерть Свою. Теперь, когда пришелъ часъ замѣнить прообразование самымъ дѣломъ — кровь агнца пасхальнаго кровію собственною, наступающій праздникъ Пасхи былъ тѣмъ ближе къ сердцу Іисуса: — и Онъ, не смотря на великія препятствія со стороны враговъ, предпринялъ совершить его особеннымъ образомъ, въ Своемъ, Божественномъ духѣ (Лук. 22, 15), такъ, чтобы послѣдняя вечеря пасхальная послужила рѣшительнымъ окончаніемъ Завѣта Вѣтхаго, началомъ и полнымъ выраженіемъ Новаго, памятникомъ Его преданности волѣ Отца небеснаго и безмѣрной любви къ человѣчеству, символомъ внѣш-

няго и средоточіемъ внутренняго единства всѣхъ Его послѣдователей съ Нимъ и между собою (Іоан. 13, 1—4; 17, 26).

Главнымъ препятствіемъ къ совершенію сей Пасхи былъ Іуда. Узнавъ предварительно о мѣстѣ, избранномъ для совершенія ея, вѣроломный ученикъ не посовѣстился бы дать знать о томъ первосвященникамъ (Мат. 26, 16), а они — окружить домъ стражею и захватить празднующихъ въ свои руки. Такимъ образомъ была бы нарушена тишина минутъ самыхъ священнѣхъ; Учитель не имѣлъ бы времени проститься съ Своими возлюбленными учениками достойнымъ для Него, незабвеннымъ для нихъ, образомъ; не успѣлъ бы укрѣпить ихъ противъ наступающихъ искушеній, передать имъ Свои послѣднія чувства и Свой духъ, — напитать ихъ въ животъ вѣчный негиблющимъ брашномъ Тѣла и Крови Своея. — Изгнать же, для избѣжанія сей опасности, предателя изъ Своего сообщества, — все еще тяжело было для сердца Іисусова. Человѣколюбецъ хотѣлъ до послѣдняго конца остаться тѣмъ же самымъ для Іуды, чѣмъ былъ для прочихъ учениковъ — другомъ, наставникомъ и отцемъ. Послѣдняя вечеря, столько обильная чувствами необыкновенной любви и благодати, дѣйствіями чрезвычайной кротости и смиренія, долженствовала быть для погибающаго Апостола послѣднимъ призывомъ къ покаянію, или — послѣднимъ доказательствомъ его нераскаянности и ожесточенія. Посему мудрая любовь Іисусова нашла другое, столь же вѣрное средство устранить опасность отъ совершенія пасхальной вечера, не удаляя отъ нея ученика-предателя: оно (какъ увидимъ сейчасъ) связала злобу его неизвѣстностію, сокрывъ отъ него мѣсто празднованія.

Ученики съ самаго утра всѣ заняты были мыслию о Пасхѣ. Не видя для празднованія ея никакихъ распоряженій со стороны Учителя, нѣкоторые изъ нихъ почли за нужное напомнить Ему о семъ (Матѣ. 26, 17). Хотя въ Іерусалимѣ, какъ увѣряетъ древнее іудейское преданіе, каждый житель обязывался давать, если можетъ, даже безъ платы иногороднымъ іудеямъ комнату, для совершенія Пасхи *): впрочемъ, не смотря на сей похвальный обычай, для избѣжанія всякаго замѣшательства, необходимо было предварительное соглашеніе, особенно для святаго общества Іисусова, которое имѣло обыкновение останавливаться въ Іерусалимѣ только у нѣкоторыхъ людей, Ему извѣстныхъ и того

*) Soma fol. 12. 1. Megill. 26. 1

достойныхъ, и всего менѣ могло уклониться отъ сей предосторожности теперь, когда опасность угрожала со всѣхъ сторонъ,

На вопросъ учениковъ, гдѣ Онъ повелитъ приготовить Пасху, Учитель обратился къ Іоанну и Петру, и велѣлъ имъ идти въ городъ. «При самомъ входѣ, сказалъ Онъ, вы срѣтите челоѣвка, несущаго въ кувшинѣ воду; слѣдуйте за нимъ, войдите въ тотъ домъ, куда онъ войдетъ, и скажите хозяину дома: Учитель велѣлъ сказать тебѣ: время Мое близко, у тебя совершу Пасху съ учениками Моими. Итакъ, гдѣ горница, въ которой бы можно было Мнѣ вкушать Пасху? — Послѣ сего онъ покажетъ вамъ горницу большую, готовую и убранную. Тамъ приготовьте намъ Пасху» (Матѣ. 26, 18; Лук. 22, 8 — 13).

Изъ такого приказанія открывалось, что Учитель уже думалъ о мѣстѣ совершения Пасхи и избралъ его въ Своемъ умѣ, хотя доселѣ и не сказалъ ученикамъ сего; и теперь по какой-то особенной причинѣ не хочетъ открыть имени челоѣвка, у коего будетъ совершена Пасха. По какой? Безъ сомнѣнія, думали, по причинѣ опасности отъ враговъ, кои наблюдаютъ всѣ шаги наши и готовы при каждомъ случаѣ захватить насъ въ свои руки. Но зачѣмъ таить это и отъ насъ? Ужели между нами самими кто либо невѣренъ и ненадеженъ? — Послѣднее могло привести болѣе дальновидныхъ къ мысли о предателѣ *) изъ собственнаго круга; но только привести, а не утвердить въ сей мысли, которая, какъ увидимъ, чрезвычайно чужда была для чистыхъ и простыхъ сердцемъ учениковъ Іисусовыхъ.

Истинную причину сокровенности всего скорѣе могъ угадать Іуда, бывшій самъ единственною ея причиною. Одно удаленіе его — хранителя и распорядителя денегъ общественныхъ — отъ участія въ приготовленіи Пасхи, сопряженномъ съ извѣстными издержками, было уже не невнятнымъ намекомъ, что Учитель знаетъ о постыдныхъ сребренникахъ, ему обѣщанныхъ.

Пришедши въ городъ, Петръ и Іоаннъ нашли все такъ, какъ сказалъ Учитель: у водяныхъ воротъ (коими входили въ городъ идущіе съ Елеона) срѣтились съ ними челоѣкъ, несущій въ глиняномъ кувшинѣ воду; слѣдуя за нимъ, они пришли въ домъ, къ коему онъ принадлежалъ, пересказали хозяину дома слова своего Учителя; послѣ чего онъ тотчасъ указалъ имъ готовую пространную комнату, и они занялись приготовленіемъ Пасхи

---

*) См. Феофил. на Лук. 22.

(Лук. 22, 13). То есть, купили въ оградѣ храма пасхальнаго агнца, дали священнику заклать, или сами, по его благословенію, заклали *) его въ извѣстномъ мѣстѣ — при храмѣ; возвратясь домой, испекли его на огнѣ *законнымъ* образомъ, т. е., цѣлаго, не раздробляя на части, не сокрушая ни одной кости (Исх. 12, 9—10), съ соблюденіемъ прочихъ обычаевъ, приготовили также опрѣсноковъ, горькихъ зелій и другихъ вещей, нужныхъ для праздника.

Къ концу дня пришелъ Самъ Іисусъ съ прочими учениками, пришелъ, какъ заставляють думать обстоятельства, такъ, что приходъ Его не былъ замѣченъ народомъ, тѣмъ паче личными Его врагами. Тутъ, безъ сомнѣнія, узно было учениками, кто таковъ таинственный хозяинъ дома, въ коемъ они находились; легко также было освѣдомиться и о томъ, зналъ ли онъ предварительно о намѣреніи Іисуса Христа у него совершать Пасху, или не зналъ; и слѣдовательно должно или не должно принимать за прямое пророчество вышеприведенныя слова ихъ Учителя**). Но Евангелисты не почли за нужное передать намъ свѣдѣнія касательно сего предмета, оставивъ его въ тойже неопредѣленности и таинственности, въ какой онъ представлялся сначала самимъ ученикамъ Іисусовымъ; и слѣдали сіе, можетъ быть, частию потому, дабы тѣмъ полнѣе передать первоначальное впечатлѣніе, произведенное въ нихъ таинственностію при семъ случаѣ словъ Учителя, а частию потому, что въ то время, какъ они писали Евангеліе, открытіе имени хозяина дома, удостоившагося чести оказать въ такое время гостепріимство Іисусу Христу, могло быть сопряжено для него съ опасностію отъ іудеевъ.

Съ достовѣрностію можно сказать одно, что хозяинъ дома ***), въ коемъ совершена Пасха, принадлежалъ къ числу почитателей Іисусовыхъ. Къ сей мысли ведетъ уже выраженіе: *Учитель говоритъ*. При томъ домъ для вечера долженъ быть избранъ са-

*) Священникамъ невозможно было самимъ совершать закланіе всѣхъ агнцевъ; ибо число ихъ, по Флавію, простиралось до 2.000,000.

***) Евѡм. въ толк. на Лук. 22.

***) Кто именно?—Іосифъ Аримаѡейскій? Никодимъ? Симонъ прокаженный?—Іоаннъ Маркъ, — домъ коего и по воскресеніи Іисуса Христа былъ мѣстомъ собранія для послѣдователей Христовыхъ (Дѣян. 12, 12)? Послѣднее вѣроятнѣе. Только ни въ какомъ случаѣ хозяинъ дома не могъ быть самъ Іоаннъ, купившій яко бы недавно предъ тѣмъ домъ у Каіафы; хотя сего мнѣнія держался Кириллъ Іерусалимскій: иначе выйдеть, что Іоаннъ былъ посланъ къ Іоанну.

мый безопасный, у человѣка вѣрнаго и надежнаго: другой почелъ бы за долгъ дать знать синедріону о томъ, кто въ его домѣ совершаетъ теперь Пасху.

Съ наступленіемъ закономъ и обычаемъ опредѣленнаго времени (не ранѣе сумерекъ и не позже ю часовъ (Втор. 16, 6) Иисусъ возлегъ съ дванадцатью учениками Своими на вечери. Болѣе никого не было не только за вечерію, но и въ горницѣ. Кромѣ того, что всѣ заняты были въ сіе время празднованіемъ Пасхи, послѣдняя вечеря и въ семъ отношеніи долженствовала быть вечерію *тайною*.

Образъ совершенія Пасхи въ то время, сколько можно судить, основываясь на прилежномъ сличеніи древнѣйшихъ свидѣтельствъ іудейскихъ *), былъ таковъ: Пасхальная вечеря открывалась чашею вина, предъ которою отецъ семейства, или заступавшій его мѣсто, возглашалъ благодареніе Богу, говоря: *Благословенъ Господь Богъ нашъ, Царь міра, сотворившій плодъ лозы виноградной!* Сказавъ сіе, прикушивалъ изъ чаши, что дѣлали потомъ и всѣ прочіе, омывая за тѣмъ каждый руки. — Потомъ вкушали горькія зелія, надъ коими начальствующій также приносилъ благодареніе Богу. Тутъ кто либо изъ младшихъ спрашивалъ: что значитъ все сіе? И отецъ семейства, или старшій изъ возлежащихъ изъяснялъ обряды Пасхи исторіею исшествія израильтянъ изъ Египта, при чемъ читались или пѣлись два псалма (113, 114), въ коихъ воспѣто сіе событіе. За симъ обходила по рукамъ вторая пасхальная чаша. Опять омывали руки. Начальствующій бралъ со стола изъ двухъ прѣсныхъ хлѣбовъ одинъ, разламывалъ его на двѣ половины, и, положивъ ихъ на другой хлѣбъ, произносилъ: *Благословенъ Господь нашъ, Царь міра, произведшій отъ земли хлѣбъ!* Потомъ сей хлѣбъ раздѣлялся между возлежащими. За симъ снѣдаема была уже самая Пасха или агнецъ, по совершеніи надъ нимъ благодаренія Богу. За Пасхою подавались разныя другія кушанья, составлявшія пасхальную вечерю, среди коей являлась третья общая чаша, называвшаяся преимущественно чашею благословенія; вслѣдъ за нею пѣлись четыре псалма (114 — 117), въ коихъ изображается радость о Богѣ Спасителѣ. Въ заключеніе испивали четвертую чашу. Во всѣхъ сихъ чашахъ вино растворено было водою, по-

*) Случ. Jahn's Alterth. Th. III. Wiener. Bibl. Reall. Luidius Jüdisches Heiligthum.

тому что изъ нихъ обязаны были пить по нѣскольку всѣ, не исключая женъ и дѣтей *)).

Впрочемъ мы нерѣшимся утверждать, что Пасха ветхозавѣтная, и особенно настоящая, послѣдняя совершена была Иисусомъ Христомъ во всей точности такъ, какъ предполагается въ вышеприведенномъ описаніи. Ибо, по указанію самого установителя сей Пасхи — Моисея она должна была совершаться простѣе, съ меньшими подробностями (Иск. 12). Съ другой стороны, если когда Сыну человѣческому прилично было показать, что Онъ есть *Господь и субботѣ и пасхѣ* (Матѳ. 12, 8), то теперь, при заключеніи Ветхаго и утверженіи Новаго Завѣта. Настоящая Пасха, предназначенная служить симъ заключеніемъ и быть переходомъ (пасхою) отъ Ветхаго Завѣта къ Новому, по тому самому должна была не походить на прочія Пасхи, могла имѣть немалыя особенности. Впрочемъ изъ нѣкоторыхъ указаний и выраженій Евангельскихъ видно, что почтенные сами по себѣ обряды праздника отечественнаго не были совершенно оставлены Господомъ и при совершеніи настоящей Пасхи (Лук. 22, 17 — 18; Иоан. 13, 26). Евангелисты не обратили на это прямого вниманія; какъ и безъ того всѣмъ извѣстное; но въ замѣнъ сего описали со всею подробностію для насъ то, что на сей вечери было особеннаго, новозавѣтнаго, какъ-то: омовеніе ногъ, установленіе Евхаристіи и проч. Кромѣ сего св. Иоаннъ, какъ любвеобильнѣйшій наблюдатель послѣднихъ дѣйствій своего Божественнаго Учителя и друга, предваряетъ повѣствованіе свое о прощальной вечери особеннымъ, глубокимъ указаніемъ на необыкновенное въ продолженіе ея состояніе духа Иисусова, располагая взирать на Него при семъ случаѣ, какъ на Единороднаго отъ Отца, исполненнаго благодати и истины, Который совершенно знаетъ, *откуда пришелъ и куда грядетъ*, вполне увѣренъ, что *Отецъ вся предаде въ руки Его*, и потому въ самыя мрачныя и опасныя минуты (какъ настоящія) дѣйствуетъ со всѣмъ спокойствіемъ и величіемъ Сына Божія, и по безпредѣльной любви своей къ оставляемымъ ученикамъ (*возлюбль своя сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ*) не стыдится, для вразумленія ихъ, омыть имъ ноги, яко слуга, и потомъ все употребляетъ къ тому, чтобы ободритъ, утѣшить и оградить ихъ отъ искушеній, краткихъ, но ужасныхъ, во время предстоящей разлуки; хотя, судя

---

*) Jahn. Archaeolog. Th. III.

по человѣчеству, Онъ Самъ долженъ былъ имѣть нужду въ утѣшеніи (Іоан. 13, 1—4). Дѣйствительно, мы не видимъ, чтобы въ продолженіе всего трехлѣтняго служенія Іисуса Христа обнаружено было Имъ такъ ясно для учениковъ чувство Своего великаго, предназначенія, Своего Божественнаго достоинства, Своего единства со Отцемъ, какъ на послѣдней тайной вечери и въ послѣднихъ бесѣдахъ съ учениками. — Не смотря на глубочайшее смиреніе Его, по коему Онъ омоетъ ноги ученикамъ, на кроткій, исполненный любви, языкъ друга, различающагося съ своими возлюбленными, Онъ является здѣсь преисполненъ свѣтомъ Божества Своего, блистающимъ въ каждомъ Его дѣйствіи и словѣ, окруженнымъ какимъ-то неизъяснимо-трогательнымъ величіемъ, въ коемъ срастворено Божественное съ человѣческимъ, соединенъ Фаворъ съ Голговою. Изъ среды сего срастворенія будетъ вѣять на учениковъ *духъ хлада тонка* (въ какомъ только Божество можетъ открываться смертнымъ) и по временамъ возгрѣвать и въ ихъ сердцахъ пламень чистой любви и вѣры. Но только *по временамъ*. Не очистившись еще отъ нѣкоторыхъ слабостей, они *не могли носить* и вмѣстѣ *многого* (Іоан. 16, 12). А не постиженіе тайны креста, долженствовавшей открыться имъ послѣ, дѣлало ихъ вообще не довольно способными раздѣлять вполне чувства своего Учителя и Господа. Если бы имъ извѣстно было будущее такъ, какъ его знали ихъ Учитель! — Не такими, безъ сомнѣнія, они показали бы себя на вечери! Не споръ о первенствѣ занялъ бы ихъ душу! Не сонъ овладѣлъ бы ими въ саду Геосиманскомъ! — Но Учитель съ намѣреніемъ не открывалъ имъ во всей подробности будущаго, и когда открывалъ что либо изъ него, если они не понимали открываемаго во всей его ужасной дѣйствительности, — не настаивалъ съ силою на полноту понятія. Такимъ образомъ не объ одномъ омовеніи, почти о всѣхъ дѣйствіяхъ и словахъ Господа можно было сказать теперь каждому изъ учениковъ: *не вси пытъ, уразумѣши же по сихъ*. Одному изъ среды учениковъ принадлежало плачевное преимущество знать нѣчто болѣе, нежели знали всѣ прочіе, — предателю. Посему онъ, съ сей точки зрѣнія, на планѣ Божественной картины составляетъ ужасно-значительное, особенное лице, противоположное лицу Сына Божія. Это былъ въ образѣ человѣческомъ представитель области тьмы, которая обладаетъ немалыми тайнами знанія, но не имѣетъ ни одной искры и луча святой любви. При всѣхъ озареніяхъ отъ Божественнаго лица Іисусова, душа Іуды останется хладна и мрачна, какъ угля.

Понадѣясь, вѣроятно, на сей успѣхъ надъ несчастнымъ предателемъ, духъ тьмы простеръ теперь нелѣпныя надежды свои до того, что, по свидѣтельству Самого Богочеловѣка, дерзнулъ у Верховнаго Правителя судебъ человѣческихъ просить позволенія *сбѣять* и прочихъ учениковъ Христовыхъ *яко пшеницу* (Лук. 22, 31), то есть, имѣть къ нимъ доступъ со всѣми, возможными для него, искушеніями. Другое выраженіе, употребленное Спасителемъ при указаніи на сіе адское прошеніе, показываетъ, что духу тьмы, въ настоящемъ случаѣ, дѣйствительно попущено было Премудростію Божіею сдѣлать въ отношеніи къ Апостоламъ нѣчто, подобное тому, что дано было ему сдѣлать надъ Ювомъ, то есть, поставить ихъ въ особенно затруднительныя, и особенно опасныя для вѣры и добродѣтели, обстоятельства. Ибо Спаситель говоритъ, что Онъ молился, дабы при семъ адскомъ вѣянніи не оскудѣла вѣра Петрова, и чтобы онъ, оставши отъ паденія самъ, утвердилъ колеблющуюся братію; но нисколько не показываетъ, чтобы плодомъ и даже предметомъ сей молитвы было удаленіе самага вѣяннія, устраненіе самыхъ искушеній и соблазновъ.

Не погрѣшимъ, если къ сему тайному искушенію учениковъ, отнесемъ открывшійся теперь между ними и такъ неумѣстный и безвременный споръ о первенствѣ.

Послѣ некраткаго путешествія изъ загороднаго мѣстопребыванія, за такую вечерю, какова пасхальная, надлежало сѣсть, по восточному обычаю, съ ногами омовенными. Все, нужное для сего омовенія, было приготовлено заранѣе въ горницѣ: недоставало только прислужника, который бы омылъ всѣмъ ноги. Для взаимной любви это былъ прекрасный случай *) оказать взаим-

---

*) Точно ли споръ возникъ по случаю омовенія ногъ? — Намъ кажется это всего вѣроятнѣе 1) потому, что отъ сего случая возникнуть такому спору было всего легче и ближе. У Иисуса Христа и Апостоловъ не было своихъ прислужниковъ; чужіе въ пасхальный вечеръ всѣ заняты были у себя и совершали сами Пасху: посему святому обществу надлежало самому заботиться объ омовеніи себѣ ногъ. Для сей цѣли умывальница, вода и лентіонъ давно были готовы; но, смотрите, лежатъ доселѣ безъ употребленія (иначе были бы прибраны): почему? — По причинѣ спора, потому что никто не хотѣлъ взять на себя обязанности слуги. — И вотъ, Спаситель, омывая ученикамъ ноги, обращаетъ такимъ образомъ во врачество то самое дѣйствіе, которое послужило причиною болѣзни. 2) Другія причины, представляемая въ изъясненіи повода къ спору о первенствѣ, гораздо менѣе удовлетворительны; напр. что онъ произошелъ за мѣста, гдѣ кому сидѣть на вечери. Въ такомъ случаѣ

ную услугу. Но, ученики, сверхъ всякаго чаянія и, вѣроятно, не безъ искушенія отъ адскаго вѣятеля, начали смотрѣть на этотъ случай совершенно иначе: вмѣсто духа смиренія и братняго единодушія открылся духъ превозношенія; слышались даже вопросы, кто болѣе и лучше и кто менѣе и хуже. Ни одинъ не хотѣлъ быть ниже другаго, тѣмъ паче — всѣхъ; и ноги у всѣхъ оставались неомовенными.

Нестерпимымъ хладомъ вѣяло отъ такого спора на любвеобильное сердце Іисусово. Онъ безмолвствовалъ, ожидая, что взаимная любовь учениковъ, (не ослабѣвшая отъ подобныхъ прекословіій), сама возьметъ верхъ надъ дѣтскимъ любочестіемъ. Но, когда увидѣлъ, что ученики уже готовы, не кончивъ спора, садиться за столъ, тотчасъ всталъ Самъ съ вечера *), сложилъ съ Себя верхнія одежды и, опоясавшись лентіемъ (споръ, безъ сомнѣнія, тотчасъ умолкъ, въ ожиданіи, что будетъ), взявъ одинъ изъ сосудовъ, стоявшихъ для омовеній, налилъ воды въ умывальницу и (къ изумленію всѣхъ) началъ омыватъ ноги ученикамъ и отирать лентіемъ. Первый (Иуда?), въ смущеніи чувствъ, невольно повинуется; прочіе безмолвно слѣдуютъ его примѣру; никто не смѣетъ остановить Учителя, хотя всѣ чувствуютъ, что было причиною такого чрезвычайнаго поступка, скорбятъ душею, что подали къ нему поводъ неумѣстнымъ превозношеніемъ.

Наконецъ дошла чреда до Симона Юнина. Пламенная душа его не могла вынести мысли, что Христось, *Сынъ Бога Живаго*,

---

любочестіе учениковъ унижалось бы до грубости, и потому менѣе вѣроятно. Съ ученикомъ притомъ, *егоже любяше Іисусъ*, кто могъ спорить о возлежаніи на лонѣ? — Еще менѣе вѣроятно, что ученики заспорили о своихъ достоинствахъ по причинѣ оживившейся на сію пору мечты о земномъ царствѣ Мессіи. Ибо, кромѣ того, что не видно, какъ оживилась эта мечта на сію пору, слова Спасителя, обѣщающаго теперь посадить ихъ на престолахъ, были бы въ такомъ случаѣ не врачевствомъ противъ такой мечтательности, а пищею и подкрѣпленіемъ.

*) Что омовенію ногъ подалъ случай споръ о первенствѣ, — въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, сличивъ слова св. Іоанна, описывающаго омовеніе, съ словами св. Луки, излагающаго споръ. У св. Луки Спаситель говоритъ ученикамъ: *кто болій: возлежай или служай?* — Явно, что здѣсь подъ *служеніемъ* разумѣется омовеніе ногъ. А если такъ, то причиною его былъ споръ о первенствѣ; ибо нельзя предположить, чтобы ученики завели подобный споръ послѣ чрезвычайнаго примѣра смиренія, поданнаго Учителемъ.

будеть служить ему вмѣсто раба. «Господи, ты ли мои улынешь нозѣ?»...

«Еже Азъ творю, отвѣчалъ Господь, ты не вси нынѣ, уразумѣши же по сихъ.»

Тихая и таинственная важность сихъ словъ требовала скорого и безусловнаго повиновенія. Но Петръ привыкъ въ дѣйствіяхъ своихъ слѣдовать болѣе чувству, нежели разсудку. Что тутъ разумѣть, мыслилъ онъ, гдѣ идетъ дѣло о такомъ униженіи Учителя и Господа?

«Не улынешь ногу мою во вѣки.» Всѣ движенія говорящаго показывали, что онъ сдержитъ свое слово.

Въ другое время такое смиреніе могло бы заслужить похвалу отъ Того, Кто Самъ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ. Но теперь было не до новаго спора о томъ, кто смиреннѣе, Учитель или ученикъ. Надлежало приподнять завѣсу.

«Аще не улыю тебе, отвѣчалъ Господь уже возвышеннѣйшимъ голосомъ, не илаши части со Мною.»

При сихъ, хотя все еще таинственныхъ, словахъ уже нельзя было не понять, что дѣло идетъ болѣе нежели о чувственномъ омовеніи. Петръ тотчасъ пробудился отъ самообмѣна, и весь пламень обратился въ противную сторону...

«Господи, не нозѣ мои токмо, но и руцѣ и главу.» — Твори со мною все, что Тебѣ угодно; только не лишай части съ Тобою.

«Измовенный (въ душѣ и совѣсти, — посредствомъ Моего ученія и духа и имѣющей проліяться крови на крестѣ, каковъ ты), отвѣчалъ Богочеловѣкъ, омывая ноги Петру, — не требуетъ (болѣе какъ) токмо нозѣ умыти (новымъ наутіемъ Св. Духа, ко-его настоящее омовеніе служить предвареніемъ и символомъ; для всецѣлаго очищенія отъ предразсудковъ и слабостей, каковы въ Петрѣ были: излишнее надѣяніе на свое мужество и на свою любовь къ Учителю).

«И вы чисти есте, присовокупилъ Господь, обратившись къ прочимъ ученикамъ, — но не вси...»

Зналъ Онъ, замѣчаетъ св. Іоаннъ, что между нами есть одинъ — предатель, посему и сказалъ: не вси чисты (Іоан. 3, 11).

Не смотря на важность сего обличенія нечистоты и на его неопредѣленность, по коей оно могло падать на каждаго, никто изъ учениковъ не смѣлъ спросить Учителя о томъ, что это за нечистота и кто нечистые? Самъ многорѣчивый Петръ безмолвствовалъ. Всеумирающимъ дѣйствіемъ смиренія Іисусова сердца возвращены были къ ихъ естественной простотѣ и утишены до

того, что не могли всколебаться отъ самаго любопытства. Оставалось только въ глубинѣ чувство сожалѣнія о томъ, что своимъ неумѣстнымъ споромъ о первенствѣ принудили Учителя и Господа къ такому униженному служенію, — а въ Симонѣ еще и о томъ, что онъ, хотя на минуту, дерзнулъ выдавать себя за человѣка, не имѣющаго нужды въ омовеніи отъ Того, Кто одинъ только можетъ очищать нечистоту всѣхъ и каждаго.

Омывши такимъ образомъ ноги всѣмъ ученикамъ, Іисусъ возложилъ на Себя одежду Свою и возлегъ паки на вечери.

«Вѣсте ли, сказалъ Онъ имъ, что сотворихъ валь? Вы называете Меня Учителемъ и Господомъ; и добръ глаголете: естъ бо. (Я точно то). Аще убо Азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и Учитель, и вы должны есте другъ другу омывати нозѣ. Образъ бо дахъ валь, да якоже Азъ сотворихъ валь, и вы творите. — Аминь, аминь глаголю валь: нѣсть рабъ болій господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его (Іоан. 13, 13 — 15). Цари господствуютъ надъ народомъ и обладающіе или благодѣтелями нарицаются. Вы же не тако: болій въ васъ да будетъ яко мній, и старѣй яко служай! Кто бо болій, возлежай ли или служай? Не возлежай ли? — Азъ же посредѣ васъ естъ яко служай (Лук. 22, 25 — 27). Аще сія вѣсте (нѣкоторые изъ учениковъ могли чѣмъ-либо обнаружить при семъ, что они никакъ не равняютъ себя съ Учителемъ), блажени есте, аще творите я.»

«Вы, продолжалъ Господь, пребыли со Мною во всѣхъ напастьяхъ Моихъ (оставались постоянно вѣрными, не смотря на клеветы и гоненія враговъ Моихъ) и Азъ (въ награду) завѣщаю валь, (всѣмъ равно) якоже завѣща Мнѣ Отець мой, царство (всѣ получите болѣе, нежели сколько желаете), да ясте и пиете на трапезѣ Моей во царствіи Моемъ, и сядете на престолѣхъ, судяще обѣмнадесяти колѣномъ Израилевымъ» (Лук. 22, 28 — 30), — присокупилъ Господь, желая какъ можно очевиднѣе представить ученикамъ награду, ихъ ожидающую.

При столь великомъ обѣщаніи взору Богочеловѣка представился Іуда. Щедродаровитыя уста невольнo сомкнулись.

«Не о всѣхъ васъ глаголю, произнесъ Онъ съ сожалѣніемъ (хотя бы и хотѣлъ о всѣхъ говорить такимъ образомъ); Азъ бо вѣмъ ихъ-же избрахъ (знаю твердо, кто изъ васъ истинно Мой и кто предатель; а посему и могъ бы воспротивиться его замысламъ, изгнать его изъ Моего общества: но терпѣлъ и буду терпѣть его посреди васъ до конца), да сбудется писаніе: ядый со Мною хлѣбъ, воздвиже на Мя пяту свою.»

«*Нынѣ убо глаголю вамъ (о семъ) прежде, даже не будетъ, да егда будетъ (когда Я буду преданъ и распятъ), вѣру и любите, яко Азъ есмь*» (тотъ-же, что и прежде, Сынъ Бога живаго).

«*Алишь, алишь глаголю вамъ, заключилъ Господь съ особеннымъ чувствомъ, пріемляй аще кого пошлю, Мене пріемлетъ, а пріемляй Мене, пріемлетъ пославшаго Мя.*» (Честъ быть Моимъ Апостоломъ, хотя одинъ изъ васъ промѣнялъ ее на тридцать сребренниковъ, всегда будетъ превыше всѣхъ почестей міра. Въ лицѣ васъ, какъ и Моемъ, будетъ принять или отвергаемъ Самъ Богъ.)

Въ безмолвіи внимали ученики словамъ Господа и Учителя, кои, сильныя сами по себѣ, были еще дѣйствительнѣе послѣ Его безпримѣрнаго смиренія.

Что было при семъ на душѣ сына погибельнаго, но еще не погибшаго?.. И ему омыты ноги, и ему преподанъ урокъ смиренія; а жалобы на нечистоту къ нему одному главнымъ образомъ и относились!.. Быть не можетъ, чтобы изъ сѣмянъ слова жизни, падавшихъ въ такомъ изобиліи изъ рукъ небеснаго Сѣятеля, иное не упало и на его сердце: Спаситель не безъ особеннаго намѣренія указалъ съ такою полнотою на великія награды, ожидающія вѣрныхъ учениковъ Его. Самая страсть предателя — все подводить подъ цѣну могла быть тронута мыслию о потерѣ безцѣннаго. Но сердце несчастнаго ученика уже ожестѣло для благихъ впечатлѣній, будучи все покрыто терніемъ заботъ и печалей *вѣка сего* (Мат. 13, 21). И діаволъ, такъ давно уготовлявшій душу несчастнаго въ орудіе и жилище себѣ, безъ сомнѣнія, если когда, то теперь особенно стерегъ всѣ входы и исходы ея, и тотчасъ похищалъ изъ нея всякое сѣмя благое (Мат. 13, 19), при самомъ его, такъ сказать, сѣяніи.

Прерванная въ самомъ началѣ вечера продолжалась. Обрядъ слѣдовалъ за обрядомъ. — При печальномъ настроеніи у всѣхъ мыслей, все сіе дѣлалось теперь, можетъ быть, скорѣе обыкновеннаго. Самъ агнецъ пасхальный видимо терялъ важность въ присутствіи истиннаго Агнца Божія, Который уже готовъ былъ подъять грѣхи всего міра. Не смотря на священный обычай, обратившійся почти въ неизмѣнный законъ, — всѣмъ вкушать отъ священныхъ чашъ, кои, по преданію, подавались на вечера, Учитель не вкушалъ ни отъ единыхъ, даже когда явилась и, такъ называемая, чаша благословенія (самая священная), Онъ только благословилъ ее, по обычаю, но не вкушая отъ нея Самъ, подалъ ученикамъ, сказавъ: *«возьмите ее и раздѣлите между собою;*

ибо Я не буду пить отъ плода лознаго, дондеже царствіе Божіе приидеть.» (Лук. 22, 17. 18).

Ни чьи взоры не свѣтились радостію: но на лицѣ Богочеловѣка видно было даже нѣкое смущеніе, тѣмъ примѣчательнѣйшее, чѣмъ рѣже святѣйшая душа Его выходила изъ обыкновеннаго своего премирнаго состоянія, даже въ самыхъ необыкновенныхъ случаяхъ. Теперь она тяжело страдала отъ присутствія предателя. Видъ холодной измѣны и лицемѣрной дружбы его былъ тѣмъ несноснѣе, что препятствовалъ сердцу вполне раскрыться предъ Своими возлюбленными учениками, изречь имъ послѣднюю заповѣдь любви и послѣднее слово надежды.

Иисусъ возмутися духомъ (Іоан. 13, 21)! Ученики, замѣтивъ сіе, естественно ожидали чего либо особеннаго. «*Алинь, алинь глаголю вамъ,*» сказалъ Господь, какъ бы въ изъясненіе Своего душевнаго состоянія, *яко единъ отъ васъ предастъ Мя!*... При сихъ столько же ясныхъ, сколько разительныхъ словахъ, глубокая печаль овладѣла всѣми (вечеря, если еще не кончилась совершенно, должна была прерваться на время). Каждый взиралъ на другаго, неволью воображая, что такой предатель не можетъ не обнаружить въ своемъ лицѣ мрачной души своей (Іоан. 13, 22). Но предатель смотрѣлъ на каждаго дерзновеннѣе всѣхъ и самъ искалъ взорами предателя. Кто же бы это былъ такой, который сдѣлаеть это? спрашивали другъ друга, и взоры всѣхъ сами собою обращались къ Учителю, Который одинъ могъ сказать, кто этотъ ужасный человѣкъ. Нѣкоторые все еще хотѣли думать, что ему нельзя быть въ ихъ маломъ дружескомъ обществѣ, а развѣ изъ числа прочихъ (70) учениковъ. «*Единъ отъ обоюдесете, омовивый со Мною въ солило руку* (изъ четырехъ слѣд. или шести близъ сидѣвшихъ), *той мя предастъ* (Матѹ. 26, 3), отвѣчалъ Господь. *Обаче Сынъ человѣческой идетъ, якоже есть писано о Нель: горе же человѣку тому, имъ же Сынъ человѣческой предается! Унѣ было бы, аще не бы родился человѣкъ той!*... Такія слова не могли успокоить учениковъ. При мысли, что предатель такъ близко и что его ожидаетъ такая страшная участь, каждый началъ недоувѣрять самъ себѣ. «Не я ли, Равви? не я ли?» слышалось отъ всѣхъ и каждаго. Господь безмолвствовалъ: дѣтская простота и искренность всѣхъ вознаграждали для Его сердца ожесточеніе одного. Чтобы не остаться среди всѣхъ спрашивавшихъ одному безъ вопроса и такимъ образомъ не обнаружить себя, и сей несчастный осмѣлился раскрыть уста и не устыдился спросить подобно прочимъ: Равви, не я ли!...

Ты реклъ еси (Матѣ. 26, 25), отвѣчалъ Иисусъ, — глубоко оскорбленный такимъ безстыднымъ лицемѣриемъ предателя. Впрочемъ отвѣтъ сей произнесенъ былъ такъ тихо и кротко, что его, по видимому, никто не слышалъ, по крайней мѣрѣ не понялъ, кромѣ Иуды, какъ то видно изъ послѣдующаго. Предатель въ молчаніи снесъ упрекъ, избѣгая большаго стыда — быть обнаруженнымъ предъ всѣми. И прочіе ученики не продолжали любопытства, видя нерасположенность Учителя указать предателя прямо.

Одинъ Петръ не могъ быть спокоенъ. Мысль, что предатель, о которомъ говоритъ Учитель, можетъ быть, сидитъ возлѣ него; еще болѣе темная мысль: не его ли самого имѣеть въ виду Учитель, не можетъ ли онъ самъ подвергнуться впослѣдствіи какому либо ужасному искушенію (ахъ! онъ имѣлъ уже несчастіе заслужить нѣкогда названіе сатаны) (Матѣ. 16, 23), не давала ему покоя. Для открытія тайны, онъ обратился въ семъ случаѣ къ особенному средству, — тому самому, которое предъ сильными земли такъ дѣйствительно бываетъ для испрошенія у нихъ милостей болѣе или менѣе заслуженныхъ, а въ святомъ обществѣ Иисусовомъ могло служить развѣ только для такой невинной цѣли, какова была у Петра — открыть предателя. Богочеловѣкъ особенно любилъ и отличалъ одного ученика, который возлежалъ теперь у самыхъ персей Его. Къ нему-то обратился Симонъ и сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ спросилъ (тайно) Иисуса, кто это такой, о комъ говорилъ Онъ? — Ученикъ (такъ самъ онъ описываетъ сей случай), припавши къ персямъ Иисусовымъ, немедленно спросилъ Его: кто предатель? Вопросы никто не слышалъ и не замѣтилъ, кромѣ Петра и, вѣроятно сомого Иуды, который, какъ виновный, всѣхъ подозрѣвалъ и за всѣми присматривалъ. «Тотъ, отвѣчалъ Иисусъ (тихо), кому обмакнувъ кусокъ подамъ»; и обмакнувъ въ блюдо кусокъ, подалъ Иудѣ Симонову Искаріотскому. Въ дѣйствиіи семъ не заключалось ничего оскорбительнаго для Иуды: въ концѣ вечера было даже обыкновеніе брать и сѣдять по куску изъ остатковъ пасхи, и получить такой кусокъ изъ рукъ самаго начальника вечера значило быть отличеннымъ отъ другихъ. Посему дружелюбное подаііе пищи было для погибающаго апостола послѣднимъ зовомъ къ покаянію.

Но въ душѣ Искаріота произошло совершенно противное. Онъ взялъ кусокъ и принудилъ себя его сѣсть. Въ слѣдъ за хлѣбомъ, по замѣчанію Іоанна, наблюдавшаго въ это время Иуду, тотчасъ *вошелъ въ него сатана*. Личина кротости и дружелюбія совершенно растаяла отъ огня обличенія, вспыхнувашаго въ сер-
11*

цѣ: видѣ предателя сдѣлался мраченъ и ужасенъ. Святое общество Іисусово было уже нестерпимо для челоѣка — съ діаволомъ въ сердцѣ: тайная сила влекла его вонъ...

Сердцевѣдецъ видѣлъ все, что происходило въ душѣ сына погибельнаго, — какъ изсякала послѣдняя капля добра, какъ діаволъ овладѣлъ самымъ основаніемъ жизни духовной; — и Іисусъ не захотѣлъ болѣе принуждать Себя къ безплодному перенесенію присутствія предателя. «*Еже твориши, твори скоро*», сказалъ Онъ ему, готовому уже и безъ того идти вонъ. Симъ давался ему благовидный предлогъ оставить вечерю (впрочемъ уже конченную) одному, не обращая на себя чрезъ то подозрѣнія учениковъ. Но въ то же время въ сихъ таинственныхъ словахъ, кажется, заключалось болѣе: ими прерывались окончательно невидимыя узы благодати, кои все еще держали погивавшаго Апостола въ святомъ кругѣ общества Іисусова и не давали сатанѣ увлечь его въ адъ. — Между тѣмъ кроткій полуупрекъ для оставленнаго благодатію, вѣроятно, показался сильною укоризною. «Я не замедлю своимъ дѣломъ», думалъ онъ и вышелъ вонъ.

Бѣ же ноцъ, замѣчаетъ св. Іоаннъ, *егда изыде*; то есть, по времени палестинскому, не ранѣе 9 часовъ вечера, и слѣд., по окончаніи вечера пасхальной.

Поелуку предатель видѣлъ, что Учитель знаетъ о его предательствѣ, могъ предполагать, что и ученики узнаютъ теперъ о семъ и возьмутъ всѣ мѣры для спасенія Учителя и себя; то самъ собою раждается вопросъ: какъ онъ надѣялся успѣть теперъ въ своемъ предательствѣ? Могъ ли напр. предполагать, что Іисусъ будетъ спокойно ожидать его со спирою въ саду Геосиманскомъ, и не уклонится немедленно куда либо далѣе, въ сокровеннѣйшее мѣсто? — Почему въ избѣжаніе сего неудобства, не поспѣшили окружить стражею дома, въ коемъ совершалась вечеря, и гдѣ Іисусъ такъ не малое время еще бесѣдовалъ съ учениками? Въ разрѣшеніе сихъ недоумѣній должно вспомнить, что первосвященникамъ хотѣлось взять Іисуса совершенно безъ народа; посему имъ нужна была *година и область темная* и глухая; а теперъ еще никто не спалъ и на малѣйшій шумъ могли сбѣжаться сотни тысячъ людей. Съ другой стороны, не смотря на всѣ указанія со стороны Учителя на предательство, Іуда могъ думать, что его умыселъ извѣстенъ Ему только вообще, безъ подробностей, особенно безъ того обстоятельства, что это преданіе предположено именно въ ночь пасхальную; и потому могъ быть увѣренъ, что избранное для ночлега мѣсто (Геосиманія) не бу-

дѣть переменѣно на другое. При томъ для большаго сокровища назначеннаго для преданія времени, можетъ быть, предварительно придумано хитрымъ сребролюбомъ какое нибудь дѣло, для котораго онъ свѣдома Учителя имѣлъ выйти тотчасъ по окончаніи пасхи, не дожидаясь заключительнаго пѣнія псалмовъ. Предположеніемъ симъ совершенно поясняются слова Господа: *еже твориши* (что тебѣ нужно дѣлать), *твори скоро*: слова, кои безъ того, если можно такъ выразиться, имѣютъ только одну половину мысли — нравственную, а не имѣютъ другой — исторической, коею бы они связывались съ предшествующими событіями.

Ученики не могли не замѣтить преждевременности выхода Иуды, но послѣ словъ Учителя къ нему, никто (не исключая, можетъ быть, и самого Іоанна) не думалъ цѣлѣннать сего выхода въ худую сторону. Одни думали, что Иуда посланъ купить что нибудь на наступающій (осмидневный) праздникъ, другіе, — что ему приказано раздать для праздника милостыню нищимъ (Іоан. 13, 23—26). То и другое предположеніе было не вполнѣ естественно. Дѣлать въ продолженіе пасхальнаго вечера и такъ поздно покупки было трудно. Равно и нищихъ не легко было найти въ такое священное для всѣхъ время. Но ученики готовы были скорѣе повѣрить всякой догадкѣ, нежели остановиться на ужасной мысли, что Иуда Искаріотскій — изъ-за пасхальной вечера — послѣ омовенія ногъ Учителемъ — пошелъ прямо къ Каиаѣ за сребренниками и спирою!...

Иначе взиралъ на удаленіе предателя Учитель. Съ исходомъ его извергнута была вонь вся область тьмы, которая на столь долгое время въ лицѣ его вторглась было въ самый чистый богосвѣтлый кругъ учениковъ Іисусовыхъ. — Теперь вокругъ прощающагося Учителя и друга оставались одни тѣ, коихъ безъ опасенія можно было называть *чадцами*; ибо они, родившись отъ Него по духу, были соединены съ Нимъ еще тѣснѣе, нежели младенецъ съ своею матерію. Стѣсненное дотолѣ присутствіемъ предателя, сердце Іисуса распространилось: взоръ просвѣтлѣлъ. Въ свободной мысли представилось вдругъ и все прошедшее и все будущее, и окончаніе ветхаго завѣта съ заключеніемъ собственнаго земнаго поприща, и начало новой благодатной Церкви, съ новымъ образомъ собственнаго бытія, по человѣчеству превознесеннаго чрезъ крестъ надъ всѣмъ и всѣми. Съ сей стороны самый крестъ, какъ главное орудіе къ ниспроверженію царства тьмы, какъ основаніе Церкви и завѣта новаго, вѣчнаго, какъ средоточіе всѣхъ прошедшихъ и будущихъ распоряженій

Промысла, какъ противодіе и врачество противъ плодовъ ужаснаго древа познанія добра и зла, — представлялся блистающимъ славою Божественною, и все священнодѣйствіе Голгоѣское, которое нѣкоторымъ образомъ предназначалось съ исходомъ предателя, теряло мрачность и принимало видъ всемірнаго торжества для Того, Кто долженствовалъ быть его Первосвященникомъ.

«Нынѣ прославися Сынъ человѣческой, вдругъ возгласилъ Онъ, какъ бы среди нѣкоего видѣнія, — и Богъ прославися о Немъ: аще Богъ прославися о Немъ, и Богъ прославить Его, и прославить вскорѣ!»

Ученики въ безмолвіи внимали симъ словамъ Божественнаго восторга, ожидая, вѣроятно, послѣ нихъ какой либо поучительной бесѣды. Но это былъ приступъ — къ другому, высшему. Настало время бесѣдовать уже не словами, а дѣлами; послѣдній часть ветхаго завѣта пробилъ, надлежало предначать новый, не агнцемъ отъ стада, а тѣломъ и кровію Своею. Между тѣмъ лице Богочеловѣка свѣтилось пренебеснымъ свѣтомъ. Онъ возьметъ лежавшій предъ Нимъ хлѣбъ, благословяетъ его, преломляетъ на части по числу учениковъ, и раздаетъ его имъ.

(Уже изъ сего благословенія видно было, что это дѣлается не по обычаю вечера пасхальной (такъ называемый хлѣбъ благословенный уже былъ потребленъ), а по другой причинѣ и для другой цѣли.)

«Приимите, сказалъ Господь, въ изъясненіе подаемаго, — приимите и ядите: сіе есть Тѣло Мое, за вы ломимое во оставленіе грѣховъ.»

Ученики въ безмолвіи вкусили преподаннаго подъ видомъ хлѣба Тѣла Учителя и Господа, вѣруя отъ всей души, что если оно будетъ ломимо, то не за что другое, какъ за грѣхи человѣческіе, и не для чего другаго, какъ въ оставленіе ихъ. Вопросъ капернаумскихъ сопросниковъ: *како можетъ Сей нать дати плоть свою ясти?* (Іоан. 6, 52) — былъ далекъ теперь отъ нихъ: ибо они тогда же слышали отъ Учителя, что плоть Сына человѣческаго есть *истинное брашно*, и что однако же тогдашніе глаголы Его о семъ, тѣмъ паче настоящее дѣйствіе, *духъ и животъ суть*; посему и должны быть приняты не въ грубомъ, капернаумскомъ смыслѣ, а въ высшемъ, чистѣйшемъ.

Еще ученики продолжали погружаться во глубину новой тайны любви, питавшей ихъ Тѣломъ Своимъ, какъ послѣдовало новое чудо сей же любви.

Господь взявъ чашу съ виномъ, благословилъ ее также, какъ

и прежде хлѣбъ, особеннымъ новымъ благословеніемъ (чѣмъ показывалось ея особенное, совершенно отличное отъ пасхальныхъ чашъ, предназначеніе), и подавъ ученикамъ, сказалъ: «*пійте отъ нея вси!* *). *Сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ.*»

Ученики, принявъ чашу, съ прежнимъ безмолвіемъ причастились Крови Учителя и Господа своего; ибо изъ давнишнихъ бесѣдъ Его уже знали, что *Кровь Сына человѣческаго* есть истинное питіе (Іоан. 6, 26—71), едино могущее утолить вѣчную жажду души человѣческой. Какимъ образомъ можно вкушать Тѣло и пить Кровь Господа, когда оно находится предъ нами еще въ прежнемъ своемъ видѣ: сей вопросъ, такъ нынѣ затрудняющій многихъ, имъ, по всей вѣроятности, не приходилъ и на мысль; ибо они изъ безчисленныхъ опытовъ вѣдали и знали, что Тѣло ихъ Учителя и Господа, хотя во всемъ подобное человѣческому, обладаетъ однако же многими качествами сверхъестественными, вслѣдствіе коихъ напр. однимъ прикосновеніемъ могло исцѣлять болѣзни самыя неисцѣлимыя.

Сіе творите, сказалъ Господь въ заключеніе священнодѣйствія, *сіе творите въ Мое воспоминаніе.*

Завѣщаніе сіе, по причинѣ особенной важности и трогательности завѣщаннаго, такъ внѣдрилось въ памяти учениковъ и чрезъ нихъ такъ скоро распространилось во всей первобытной Церкви христіанской, что, какъ видимъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, совершеніе Евхаристіи въ память возлюбленнаго Спасителя было первымъ и главнымъ дѣломъ каждаго собранія христіанскаго. И Ап. Павелъ, не смотря на то, что не былъ отъ 12-ти, потому не былъ и на тайной вечери, въ одномъ изъ посланій своихъ, безъ сомнѣнія, по внушенію свыше, преподаетъ уже подробное ученіе о таинственномъ Тѣлѣ и Крови Господней, и съ твердостью и ясностью предполагаетъ существованіе сего таинства до дня будущаго пришествія Господня.

---

*) Новый знакъ, что это чаша была уже не пасхальная; потому что отъ пасхальной никто не могъ отказываться.

ПРОЩАНИЕ ПЕТРА ПАСХА ИИСУСА ХРИСТА СЪ УЧЕНИКАМИ.

(Объявленіе о Своёмъ удаленіи изъ сего міра. — Самонадѣянный вызовъ Петра слѣдовать всюду за Учителемъ. — Предсказаніе о его троекратномъ отреченіи въ эту же наступающую ночь. — Ободреніе учениковъ. — Ихъ разныя недоумѣнія и вопросы съ отвѣтами на нихъ. — Призывъ къ сохраненію взаимной любви и заповѣдей. — Обѣщаніе Своего видимаго возврата и невидимаго постоянного общенія. — Обѣтованіе пришествія Духа Утѣшителя. — Востаніе отъ вечера съ изреченіемъ міра вечерявшимъ. — Отшествіе съ пѣніемъ съ горницы сіонской въ Геосиманію. — Продолженіе прежней бесѣды на пути. — Различныя утѣшенія ученикамъ. — Новое обѣтованіе Духа Утѣшителя. — Молитва къ Отцу о ученикахъ и всѣхъ вѣрующихъ.)

еткій завѣтъ теперь уже кончился вечерію пасхальною; новый начался вмѣстѣ съ таинствомъ Евхаристіи; потому все, что можно было сдѣлать, сдѣлано въ горницѣ сіонской: но ученики продолжали возлежать за трапезою, которая теперь въ самомъ высшемъ смыслѣ была для нихъ трапезою Господнею. Важность видѣннаго и слышаннаго удерживала ихъ на своемъ мѣстѣ каждаго. Не вставалъ и Учитель изъ-за трапезы. Отъ полноты сердца, Его уста хотѣли вѣщать, а ихъ ухо — слушать.

«*Удѣца, возгласилъ наконецъ Господь, какъ бы желая между прочимъ показать, что это, новоучрежденное Имъ сейчасъ, таинство взаимной любви и воспоминанія о Немъ, необходимо теперь и по причинѣ наступающей разлуки, — чадца, еще мало время съ вами есть; взъицете Мене и не обряцете и якоже вѣхъ іудеомъ, а поже Азъ иду, вы не можете пріити: тако нынѣ и валъ глаголю.*

«*Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; якоже*

возлюбихъ вы, да и вы любите (такимъ же образомъ) другъ друга.

«О селѣ разулѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою!»...

При напоминаніи о взаимной любви и вѣрности, уста пламеннаго Петра невольно отозвались вопросомъ: «Господи, како идеши?» сказалъ онъ, провидя, что Учителю предстоитъ опасность, и желая вызваться раздѣлить ее съ Нимъ.

«Аможе Азъ иду, отвѣчалъ Господь, не можешу нынѣ ио Мнѣ ити: послѣди же по Мнѣ идеши.»

Если бы Петръ прозиралъ хотя сколько нибудь въ тайну сего великаго, нераздѣлимаго теперь ни съ кѣмъ, пути: то, безъ сомнѣнія, удовольствовался бы обѣщаніемъ великой чести вступить на него нѣкогда въ слѣдъ за Учителемъ. Но сія тайна, какъ и тайна омовенія ногъ, была еще превыше его: оттого — подобное прежнему явленіе неускушенной самоувѣренности.

«Глагола Петръ: Господи, почто нынѣ не могу по Тебѣ ити? — нынѣ душу мою за Тя положу!»...

«Душу ли твою за Мя положиши? отвѣчалъ Господь, какъ бы съ скорбнымъ чувствомъ. — Аминь, аминь глаголю тебѣ: не возгласитъ алекторъ (еще до разсвѣта), и ты отвержешися отъ Мене трикраты!»

Какъ ни настроено было безпримѣрнымъ смиреніемъ Учителя чувство учениковъ къ смиренномудрію; но такая мрачная измѣна Учителю для любви Петровой (всегда пламенной, только не всегда мужественной на дѣлѣ) показалаcя сущюю невозможностію. Дабы сильнѣе отвратить отъ себя подобное нареканіе, дѣтская самонадѣянность не усумнилась употребить даже не безобидное для другихъ сравненіе.

«Аще и вси соблазнятся о Тебѣ, — дерзнулъ сказать смущенный Симонъ, — азъ не соблазнюся!... Съ Тобою готовъ есмь и въ темницу и на смерть!»...

Такими самонадѣянными словами легко было паки сдѣлаться въ огражденномъ святою любовію обществѣ Іисусовомъ отверстію для духа тьмы, который, надменный успѣхомъ надъ Іудею, продолжалъ ходить, какъ левъ, вокругъ малаго стада, въ надеждѣ новой добычи. У небеснаго Пастыря, полагающаго душу за овцы, давно была предусмотрѣна и отвращена сія опасность — молитвою (Лук. 22, 32). Но для предостереженія отъ самонадѣянности, надлежало теперь приподнять завѣсу и показать на минуту страшнаго врага и ученикамъ.

«Симонъ! Симонъ! сказалъ Господь, съ чувствомъ глубокаго умиленія, — если-бы ты вѣдалъ, съ какими врагами должно вамъ имѣть дѣло! се сатана проситъ, дабы сѣять васъ, какъ пшеницу (имѣть право поступать съ вами, подобно тому, какъ онъ поступилъ нѣкогда съ Іовомъ).

«Но Я молился о тебѣ, да не оскудѣетъ (по крайней мѣрѣ) вѣра твоя, — если не можетъ защитить тебя отъ паденія. Посему когда встанешь отъ паденія самъ, то утверди (въ заглаженіе твоего поступка) и братію твою (Лук. 22, 31 — 32).»

Такое рѣшительное предсказаніе такого великаго паденія самому Петру, по необходимости, заставляло предполагать о предстоящей великой опасности. Таинственное указаніе на сатану, съ его ужаснымъ прошеніемъ и страшнымъ вѣяломъ, располагало учениковъ, и безъ того печальныхъ, еще къ большому смущенію. Оставить ихъ въ послѣднія минуты свои такъ не мирными, безъ твердаго якоря надежды предъ встающею бурей сомнѣній, соблазновъ и страха, — было бы тяжело для сердца и не Іисусова. Надлежало отверсть всѣ сокровища любви и утѣшеній, — и они открылись!...

«Да не смущается сердце ваше, такъ началъ Господь тайно- водствовать учениковъ, вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте. Въ дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, рекль быхъ вамъ. Иду уготовати мѣсто вамъ. И аще пойду и уготоваю мѣсто вамъ, паки прииду и поиму вы къ Себѣ, да идѣже есть Азъ, и вы будете.»

«И аможе Азъ иду, присовокупилъ Господь, какъ бы желая обнаружить, докуда простирается знаніе и незнаніе учениковъ, — вѣсте и путь (коимъ иду и коимъ вамъ нѣкогда надобно будетъ ити) вѣсте.»

И дѣйствительно, послѣ всего, что въ разныя времена и особенно теперь, говорено объ отшествіи ко Отцу, послѣ сообщенія Тѣла и Крови, преподанныхъ въ снѣдь и оставленныхъ на память о Себѣ, трудно было не имѣть вовсе понятія о семь пути. Но предразсудокъ іудейскій о земномъ царствѣ и безсмертіи Мессіи стоялъ стѣною предъ очами учениковъ и заграждалъ отъ нихъ самые близкіе и величественные виды благодатнаго царствія Божія, утверждаемаго крестною смертію его Основателя. Думали, конечно, что Учитель долженъ куда-то отъ нихъ отойти: сдѣлаеть это — принужденный къ тому отъ враговъ, среди величайшихъ опасностей; — можетъ быть, даже будетъ восхищенъ на нѣсколько времени туда, откуда пришелъ, — ко

Отцу: но нисколько не думали о смерти и крестѣ, въ томъ видѣ, какъ они на другой день послѣдовали.

Въ сихъ мысляхъ Фома (отличавшійся откровенностию характера (Іоан. II, 16) и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторою взыскательностию разсудка) прямо сказалъ: *«Господи, не вѣлы, како идиши: и како можешь путь вѣдѣти?»*

Слышать отъ одного изъ ближайшихъ учениковъ такое признаніе въ невѣдѣніи, даже въ невозможности вѣдать то, что особенно было нужно теперь знать, составляло нѣчто, не совсѣмъ ожидаемое, и потому неприятное для Учителя. Такое невѣдѣніе требовало сильнаго наставленія.

«С азъ есмь путь, истина и животъ, отвѣчалъ Господь, давъ бесѣдѣ высшій, поучительный тонъ, — никтоже придетъ ко Отцу, токмо Мною! Аще Мя бысте знали (какъ должно), и Отца Моего знали бысте убо.»

«И отсель, присовокупилъ Господь, не желая обличеніемъ недостатка въ знаніи усиливать въ ученикахъ печалу, — и отсель познасте Его, и видѣсте Его.»

Въ самомъ дѣлѣ, уже весьма не далеко было время, когда каждый изъ учениковъ въ состояніи будетъ, вмѣстѣ съ Іоанномъ говорить: *«еже слышахомъ, еже видѣхомъ очима нашими, еже узрѣхомъ и руки наша осязаша, о словеси животнѣль: и животъ явися, и видѣхомъ и свидѣтельствуемъ»* (I Іоан. I, I); но теперь напоминаніе о вѣдѣніи Отца подало одному изъ учениковъ поводъ обнаружить свое невѣдѣніе еще новымъ вопросомъ. Филиппу (такъ назывался ученикъ), по его склонности къ видимому и внѣшнему (Іоан. 6, 7), особенно нравились чувственныя Богоявленія, коими такъ обилуетъ завѣтъ ветхій. Времена Мессіи, по общему мнѣнію іудеевъ, долженствовали быть временами еще большихъ Богоявленій; а между тѣмъ самыя ученики Іусуса — Мессіи досель не видѣли Бога, какъ видѣлъ Его нѣкогда Авраамъ, Моисей и проч. Это казалось Филиппу страннымъ: посему, когда Господь сказалъ: *«видѣсте Его (Отца), онъ тотчасъ воспользовался симъ случаемъ къ изъявленію давняго и, можетъ быть, общаго желанія.»*

«Глагола Филиппъ: Господи, (когда уже Ты Самъ говоришь: видѣсте) покажи намъ Отца и довлѣетъ намъ!»... (мы ничего больше не будемъ ни просить, ни желать).

Не смотря на дѣтское свойство сего вопроса, отъ него пошла, если можно такъ сказать, вся глубина души Іусусовой: ибо, не смотря на дѣтское свойство его, это былъ такой во-

прось, который могъ быть предложенъ Сыну человѣческому цѣлымъ родомъ человѣческимъ.

«Толико время съ вами есть, отвѣчалъ Господь столько же кротко, сколько величественно, — и не позналъ еси Мене, Филиппе?... Видѣвый Мене, видѣ Отца: и како ты глаголеши: покажи намъ Отца? — Не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ есть?»

«Глаголы, яже Азъ глаголю вамъ, продолжалъ Господь, обратясь ко всѣмъ ученикамъ, въ коихъ также легко могло быть желаніе, подобное Филиппову, — о Себѣ не глаголю: Отецъ же, во Мнѣ пребывай, Той творитъ дѣла. Вѣруйте Мнѣ, яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ. — Аще ли же ни, — (если для сего не довольно Моего увѣренія) за та (самыя) дѣла вѣру или те Ми.

«Аминь, аминь глаголю вамъ: вѣруй въ Мя, дѣла, яже творю и той сотворитъ: яко Азъ ко Отцу Моелу гряду.

«Что касается до васъ, все, еже аще что просите отъ Отца — во иля Мое, то сотворю; да прославится Отецъ въ Сынѣ.

«И аще чесо просите во иля Мое (прямо отъ Меня); и то сотворю.»

На такой языкъ любви нельзя было ученикамъ не отозваться какимъ либо знакомъ любви и уваженія.

«Аще любите Мя, отвѣчалъ Господь, заповѣди Моя соблюдайте; и Азъ умолю Отца, и инаго Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами ввѣкъ, Духъ истины, Котораго міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его, ниже знаетъ Его; вы же знаете Его (если еще не по ясному сознанию, то по чувству сердца), яко въ васъ пребываетъ (хотя еще и тайно) и въ васъ будетъ.»

«Не оставляю васъ сирыхъ, продолжалъ Господь, замѣтивъ, вѣроятно, что обѣщаніе инаго Утѣшителя не сильно замѣнить въ умѣ учениковъ лишенія наставника и учителя въ Немъ Самомъ, — прииду къ вамъ. Еще мало, и міръ ктому не увидитъ Мене, вы же увидите Мя: яко Азъ живу, и вы живы будете. Въ той день уразумѣете вы, яко Азъ во Отцѣ Моелъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ.»

«Ильѣи заповѣди Моя и соблюдай ихъ (отъ этого все зависитъ), той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ.»

Обѣщаніе явиться только ученикамъ Своимъ и тѣмъ однимъ,

кои любятъ Его, не могло не показаться страннымъ при ожиданіи чувственнаго воцаренія Учителя надъ всѣмъ міромъ.

Мысль сія съ особенною силою подѣйствовала на Иуду не-Искаріотскаго: *«Господи, спросилъ онъ, и что бысть, яко намъ хощеши явитися, а не мірови?»*

«Аще кто любитъ Мя, отвѣчалъ Господь, слово Мое соблюдетъ, и Отець Мой возлюбитъ его, и къ нему приидеть, и обитель у него сотворитъ. Но, не любяи Мя, словесъ Моихъ не соблюдаетъ: и слово, еже слышасте, нѣсть Мое, но пославшаго Мя Отца. Сія (не многая) глаголахъ вамъ, заключилъ Господь (находясь еще между вами). Утѣшитель же, Духъ Св., Егоже пошетъ Отець во иля Мое, Той вы научитъ всему, и воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ.»

При вставаніи изъ-за пасхальной вечери, старшіи обыкновенно произносили: миръ вамъ *)! Это было заключеніемъ пасхи. И Господь изрекъ слово мира, но другимъ, высшимъ образомъ: *«миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ: не якоже миръ даетъ (на однихъ словахъ), Азь даю вамъ!»* вѣщалъ Господь.

«Да не смущается сердце ваше, продолжалъ Онъ, и да не устрашаетъ (васъ). Слышасте, яко Азь рѣхъ вамъ: иду и прииду къ вамъ. Аще бысте любили Мя (какъ должно Меня любить, хотя въ любви у васъ нѣтъ недостатка), возрадовалися бысте убо, яко рѣхъ: иду ко Отцу; яко Отець Мой боліи Мене есть.»

«Нытъ рѣхъ вамъ (о томъ, что Мнѣ надобно отойти) прежде даже не будетъ: да егда будетъ, вѣру имете.»

«Ктому не много имать глаголати съ вами: грядетъ бо сего міра князь (дьяволъ, дѣйствовавшій противъ Иисуса Христа чрезъ Иуду и первосвященниковъ), хотя во Мнѣ не имать ничего же» (ему принадлежащаго).

(Въ это самое время, вѣроятно, первосвященники начали снаряжать стражу свою въ вооруженный походъ противъ безоружнаго общества Иисусова.)

«Но, да разумѣетъ миръ, яко люблю Отца, и якоже заповѣда Мнѣ Отець, тако творю: встаните, идепъ отсюда» (на встрѣчу князю тьмы съ его воинствомъ, туда, гдѣ предатель намѣренъ предать Меня, хотя Мы, зная о семъ, могли бы уклониться въ другое мѣсто и избѣгнуть преданія.)

---

*) V. Buxtorf, in Synagog. Iudaica.

При востаніи отъ вечера, надлежало, по обычаю, пропѣть нѣсколько псалмовъ *). Святой обычай сей выполненъ былъ теперь тѣмъ съ большимъ чувствомъ, что псалмы пасхальные какъ бы нарочно избраны были для выраженія того, что теперь совершалось надъ Сыномъ человѣческимъ. Можно ли было безъ глубокаго умиленія пѣть: *«камень, егоже небрегоша зиждоущіе, сей бысть во главу угла: отъ Господа бысть сіе, и есть дивно во очію нашу?»* (Псал. 117, 22. 23). *«Не умру, но живъ буду, и повѣмъ дѣла Господня!»* *«Честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его!»* (Псал. 115, 6)! — Окончивъ пѣніе, Господь съ учениками пошелъ вонъ изъ города, въ любимое мѣсто пребыванія Своего, то есть, на гору Елеонскую, въ Геосиманію. Не краткій путь былъ сокращенъ продолженіемъ трогательныхъ бесѣдъ съ учениками, кои тѣмъ глубже печатлѣлись въ ихъ душѣ, чѣмъ болѣе они потрясены и умилены были чрезвычайными событіями на пасхальной вечери. Какъ прежде Господь любилъ отъ видимыхъ предметовъ восходить къ невидимымъ, такъ поступилъ и теперь. Проходя мимо виноградовъ, коими усѣяны были всѣ ребра горы Елеонской и кои теперь покрыты были цвѣтомъ и разливали благоуханіе, Онъ началъ бесѣдовать о Себѣ, какъ о виноградной лозѣ.

«Азъ есмь лоза (виноградная) истинная, и Отецъ Мой дѣлатель есть. Всякую розгу, о Мнѣ не творящую плода, изметъ ю, и всяку творящую плодъ, отребить ю, да множайшій плодъ принесетъ. Уже вы чисты (отреблены) есте за (чрезъ) слово, еже глаголахъ вамъ: (но) будите во Мнѣ и Азъ въ васъ. Якоже розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете. Азъ есмь лоза, вы же гроздіе. И уже будетъ во Мнѣ, той сотворитъ плодъ много: яко безъ Мене не можетъ творити ничесоже. Аще кто во Мнѣ не пребудеть, извержется вонъ, якоже розга, и изсышетъ, и собирають ю, и во огонь влагаютъ, и сгараетъ. Аще пребудете во Мнѣ, и глаголы Мои въ васъ пребудутъ, егоже аще хощете, просите, и будетъ вамъ. О селѣ прославися Отецъ Мой, да плодъ много сотворите: и будете Мои ученицы. Якоже возлюбилъ Мя Отецъ, и Азъ возлюбилъ васъ: будите въ любви Моей. Аще заповѣди Моя соблюдете, пребудете въ любви Моей: якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ, и пребываю въ Его любви. Сіа

*) v. Buxtorf, in Synagog. Iudaica.

глаголахъ вамъ, да радость Моя въ васъ будетъ, и радость ваша исполнится. Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы. Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя. Вы друзи Мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдаю вамъ. Не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господь его: васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ.

«Не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ, и положихъ васъ, да вы идете, и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудеть: да, егоже аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Сіе заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга. Аще мръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ. Аще отъ міра бысте были, мръ убо свое любилъ бы: якоже отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ мръ. Поминайте слово, еже Азъ рѣхъ вамъ: нѣсть рабъ болій господа своего. Аще Мене изгнаша, и васъ изженуть: аще слово Мое соблюдоша, и ваше соблюдутъ. Но сія вся творятъ вамъ за имя Мое, яко не вѣдятъ Пославшаго Мя. Аще не быхъ пришель и глаголахъ имъ, грѣха не быша имѣли: нынѣ же вины (извиненія) не имуть о грѣсѣ своемъ. — Ненавидяй Мене, Отца Моего ненавидитъ. Аще дѣлъ не быхъ сотворилъ въ нихъ, ихъ же имъ никтоже сотвори, грѣха не быша имѣли: нынѣ же и видѣша, и возненавидѣша Мене и Отца Моего. Но да сбудется слово, писанное въ законѣ ихъ, яко возненавидѣша Мя туне. Егда же приидеть Утѣшитель, Егоже Азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Иже отъ Отца исходитъ, Той свидѣтельствуеть о Мнѣ. И вы же свидѣствуете, яко искони со Мною есте. Сія глаголахъ вамъ, да не соблазнитесь. Отъ соплицъ изженутъ вы: даже приидеть часъ, да всякъ, яже убіетъ вы, возмнися службу приносити Богу. И сія сотворятъ, яко не познаша Отца, ни Мене. — Но сія глаголахъ вамъ, да егда приидеть (онъй) часъ, воспомянете сія, яко Азъ рѣхъ вамъ: сихъ же вамъ исперва не рѣхъ, яко съ вами бѣхъ; нынѣ же иду къ Пославшему Мя.» (Іоан. 15, 16, 1—5.)

Учитель умокъ (ожидая услышать что либо отъ учениковъ). Послѣ столькихъ словъ можно было предполагать, что они поняли наконецъ путь, Ему подлежащій, и полюбопытствуютъ узнать болѣе о благотворныхъ слѣдствіяхъ Его отшествія къ Отцу и своихъ обязанностяхъ во время Его отсутствія. Но, вмѣсто любопытства и вопросовъ, на лицѣ ихъ было одно смущеніе, а

въ ихъ устахъ безмолвіе. Сердечная тоска видимо связывала мысли и уста каждаго (Іоан. 16, 5). «И (послѣ всего этого) никто отъ васъ не спроситъ Меня: *како идеши?!*» съ удивленіемъ сказалъ Учитель, прервавъ паки общее молчаніе. «Вижу, что сердце ваше слишкомъ наполнилось отъ того, что вы слышали отъ Меня. Но Я истину говорю, что гораздо лучше вамъ, *да Азъ иду: аще бо не иду, Утѣшитель не приидетъ къ вамъ: аще ли же иду, пошлю Его къ вамъ. И приидетъ, Онъ обличитъ міръ о грѣсѣхъ, о правдѣхъ и о судѣхъ. О грѣсѣхъ убо, яко не вѣруютъ въ Мя; о правдѣхъ же (Моего лица и служенія), яко ко Отцу Моелу иду, и ктому не видите Мене (въ нынѣшнемъ состояніи уничиженія). О судѣхъ же, яко князь міра сего (коимъ наученные враги Мои осуждаютъ Меня) осужденъ бысть» (Моимъ ученіемъ, Моею жизнію и смертію).*

«Еще много ималъ глаголати вамъ, продолжалъ Господь, но не можете носити (вмѣстить) нынѣ. Егдаже приидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину; не отъ Себе бо глаголати имать, но елика аще услышите, глаголати имать, и грядущая возвѣститъ вамъ. Онъ Мя прославитъ, яко отъ Моего прииметъ и возвѣститъ вамъ. Вся, елика имать Отець, Моя суть: сего ради рѣхъ, яко отъ Моего прииметъ и возвѣститъ вамъ. Впалѣ, и ктому не видите Мене; и паки впалѣ и узрите Мя: яко Азъ иду ко Отцу.»

Ученики, слѣдуя за Учителемъ въ нѣкоемъ разстояніи, пользуясь безмолвіемъ Его, и помня вызовъ: *ничесоже вопрошаете*, — начали вполголоса разсуждать между собою: что бы это значило, что Учитель говоритъ: *вскорѣ не увидите Меня, и опять вскорѣ, увидите Меня*; и: *Я иду ко Отцу?* что это говоритъ Онъ: *вскорѣ?* — Не смотря на общее усиліе разрѣшить загадку, она оставалась неразрѣшенною (по причинѣ всеобщаго предразсудка о томъ, что Мессію, яко Царю, хотя земному, но вѣчному, нельзя умереть); всякій за себя и за другихъ признавался: *не вѣмы, еже глаголетъ!*

Уразумѣвъ, что ученики хотятъ спросить Его о смыслѣ употребленныхъ Имъ выраженій, Господь остановился и сказалъ: *о семъ ли стязаете между собою; яко рѣхъ: впалѣ и невидите Мене: и паки впалѣ, и узрите Мя?»*—(Если бы открылось предъ вами будущее, не такіе вопросы (о словахъ) заняли бы васъ.)

«*Аминь, аминь глаголю вамъ, яко восплачетесь и возрыдаете вы, а міръ возрадуется: вы же печальни будете, не смотря*

на сіе, будѣте мужественны; ибо печаль ваша въ радости будетъ. Жена егда раждаетъ, скорбь ипаетъ, яко прииде годъ ея: егда же родить отроча, ктому не полнитъ скорби за радость, яко родися челоувѣкъ въ мѣръ. И вы печаль ипаете убо нынѣ: паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ. И въ той день Мене не спросите ничесоже. Аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Доселѣ не просите ничесоже во имя Мое. Просите и приимите, да радость ваша исполнена будетъ. Сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но приидетъ часъ. егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ, но явѣ о Отцѣхъ возвѣщу вамъ. Въ той день во имя Мое воспросите: и не глаголю вамъ, яко Азъ умолю Отца о васъ: Самъ бо Отецъ любитъ вы, яко вы Мене возлюбисте и вѣрываете, яко Азъ отъ Бога изыдохъ. — Изыдохъ отъ Отца и придохъ въ мѣръ. И паки оставляю мѣръ, и иду ко Отцу.»

При семь напоминовеніи о Божественномъ достоинствѣ Учителя, въ ученикахъ тотчасъ пробудилось чувство живой вѣры въ Него.

«Глаголаша Ему ученицы Его: се нынѣ не обитуюся (прямо) глаголеши, и притчи (неяснаго чего либо) никоеяже не глаголеши. Нынѣ вѣмы, яко вѣси вся, и не требуеши, да кто Тя вопрошаетъ: о семъ вѣруемъ, яко отъ Бога изшелъ еси.»

Не смотря на искренность сихъ словъ, явно было, что они происходятъ болѣе отъ сердца, преданнаго Учителю, нежели отъ ума, совершенно убѣжденнаго. Тѣмъ паче съ будущимъ поведеніемъ учениковъ, среди наступающихъ искушеній, говоримое теперь ими было въ разительной противоположности. *«Нынѣ ли вѣруете, сказалъ Господь, имѣя въ виду сію противоположность. Се грядетъ часъ и уже прииде, да разидетесь кійждо (изъ васъ) во своя, и Мене единого оставите... и нѣсмъ единъ, яко Отецъ со Мною есть»...*

«Сія глаголахъ вамъ, заключилъ Господь, да во Мнѣ (а не въ другомъ комъ либо) мѣръ ипаете. Въ мѣръ скорбни будете: но — держайте, яко Азъ побѣдихъ мѣръ»... (Іоан. 16, 33).

Послѣ сихъ словъ, какъ повѣствуетъ св. Іоаннъ, Іисусъ остановился, можетъ быть, на одномъ изъ холмовъ Елеона, возвелъ очи Свои къ небу и началъ молитвенную бесѣду съ Отцемъ.

«Отче, прииде часъ; прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тя: якоже далъ еси Ему власть всякія плоти, да

всяко еже далъ еси Ему, дастъ иль животъ вѣчный. — Се есть животъ вѣчный: да знаютъ Тебе, единого истиннаго Бога, и Егоже послалъ еси, Иисусъ Христа! Азъ прославихъ Тя на земли, дѣлю совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю. И нынѣ прослави Мя, Ты Отче, у Тебе самаго славою, юже илѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть!»

«Явихъ иля Твое челоуѣкомъ, ихъ же далъ еси Мнѣ отъ міра (и учениковъ): Твои обѣща, и Мнѣ ихъ далъ еси: и слово Твое сохраниша. Нынѣ разумѣша, яко вся, елика далъ еси Мнѣ, отъ Тебе суть. Яко глаголы, ихъже далъ еси Мнѣ, дахъ иль: и тиі пріяша и разумѣша во истину, яко отъ Тебе изыдохъ, и вѣроваша, яко Ты Мя послалъ еси.»

«Азъ о сихъ (наипаче) молю, не о вселѣхъ мірѣхъ молю, но о тѣхъ, ихъже далъ еси Мнѣ, яко Твои суть. И Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя: и прославихся въ нихъ. И ктолю нѣсмь въ мірѣ, и сіи въ мірѣхъ суть, и Азъ къ Тебѣ гряду. Отче святыи, соблюди ихъ во иля Твое, ихъже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино, якоже и Мы. Егда обѣхъ съ ними въ мірѣ, Азъ соблюдахъ ихъ во иля Твое: ихъже далъ еси Мнѣ, сохранихъ, и никтоже отъ нихъ погубе, токмо сынъ погубельный, да соудется писаніе. Нынѣ же къ Тебѣ гряду, и сія глаголю въ мірѣ, да илутъ радость Мою исполнену въ себѣ. Азъ дахъ иль слово Твое, и міръ возненавидѣ ихъ, яко не суть отъ міра, якоже и Азъ отъ міра нѣсмь. Не молю, да возмещи ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ неприязни. Отъ міра не суть, якоже и Азъ отъ міра нѣсмь. Святи ихъ во истину Твою: слово Твое истина есть. Якоже Мене послалъ еси въ міръ, и Азъ послахъ ихъ въ міръ: и за нихъ Азъ свящу Себе, да и тиі будутъ священни во истину.»

«Не о сихъ же молю токмо, но и о (всѣхъ) вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя.»

«Да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тиі въ Насъ едино будутъ.»

«Да и міръ вѣру илетъ, яко Ты Мя послалъ еси.»

«И Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ иль, да будутъ едино, якоже Мы едино есмы. Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ: да будутъ совершени воедино, и да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси, и возлюбилъ еси ихъ, якоже Мене возлюбилъ еси. Отче, ихъже далъ еси Мнѣ, хошу, да идѣже есмь Азъ, и тиі будутъ со Мною, да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ, яко возлюбилъ Мя еси прежде сложенія міра. Отче

праведный, и миръ Тебе не позна, Азъ же Тя познахъ, и сіи познаша, яко Ты Мя послалъ еси. И сказахъ иль иля Твое, и скажу: да любви, еюже Мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ!»

Предъ входомъ въ Геосиманію, Господь почелъ за нужное еще разъ предупредить учениковъ о предстоящихъ искушеніяхъ (Матѳ. 26, 31).

«Какъ Я посылалъ васъ (на проповѣдь) безъ влагалища, безъ мѣха и безъ сапогъ, — спросилъ Онъ, — *еда въ чесолъ лишени бысте?»* — Ни въ чемъ, отвѣчали ученики.

«Но теперь, продолжалъ Господь, употребляя, чтобы не слышомъ устрашить ихъ, приточный языкъ, — *теперь иже иметь влагалище, да возметъ, такожде и мѣхъ; а иже не имать, да продастъ ризу свою и купитъ ножъ (мечъ).*»

«Ибо сказываю вамъ, что теперь должно исполниться на Мнѣ и сему слову Писанія: со беззаконными (злѣдѣями) *вѣднися!*»

При всей прозрачности, притча Учителя, дававшего знать, что теперь ученики, на время, будутъ предоставлены самимъ себѣ, и потому должны сами заботиться какъ о пропитаніи, такъ и безопасности своей, — оказалась для нѣкоторыхъ не совѣмъ понятною. Подумали, что Учитель совѣтуетъ дѣйствительно вооружиться мечами, на случай опасности. Въ сихъ мысляхъ, одинъ изъ учениковъ сказалъ, что у нихъ есть два меча.

Отвѣтъ былъ не по мысли Учителя; ибо Онъ разумѣлъ другое: но и дѣйствительные два меча были теперь не излишни для учениковъ, коимъ среди наступающей ночи надлежало разсѣяться по дикимъ окрестностямъ Иерусалима. Посему Господь, какъ бы въ знакъ одобренія, сказалъ: «*довольно.*» (Лук. 22, 35 — 38).

«Всѣ вы, присокупилъ Онъ, вмѣсто поясненія и приточнаго сравненія, — всѣ вы соблазнитесь о Мнѣ въ ночь сію; ибо писано есть: поражу пастыря, и разыдутся овцы стада. По воскресенію же Моемъ, Я встрѣчу васъ въ Галилеи.»

«Если и всѣ соблазнятся о Тебѣ, я, — отвѣчалъ Петръ, забывъ прежній урокъ Учителя отъ великой любви своей къ Нему, — я никакъ не соблазнюсь!»...

«*Алинь, алинь глаголю тебѣ,* отвѣчалъ Иисусъ, *яко въ сію ночь (какъ уже сказалъ тебѣ) прежде, даже алекторъ не возгласитъ, отвержешия Мене трикраты.*»

«Хотя бы мнѣ и умереть съ Тобою, не отрекусь Тебя», продолжалъ Петръ, коему предсказываемое паденіе казалось совершенною невозможностію.

То же, по замѣчанію Матѳея, повторили и всѣ прочіе ученики (Матѳ. 26, 31 — 35).

Среди сихъ увѣреній въ вѣрности на смерть, которыя всѣ сбылись на самомъ дѣлѣ, только впоследствии, на концѣ земнаго поприща каждаго изъ учениковъ, пришли въ Геосиманію. Тутъ былъ садъ, принадлежавшій одному изъ послѣдователей Іисусовыхъ: Господь и прежде часто ходилъ въ него съ учениками своими, и теперь избралъ его мѣстомъ своего послѣдняго приготовленія на подвигъ крестный; — дабы, какъ замѣчаетъ одинъ учитель Церкви *тамъ же* (въ саду) *одержана была первая побѣда, гдѣ было нанесено* (всему человѣчеству) *первое пораженіе*.

Прежде, нежели осмѣлимся войти въ вертоградъ Геосиманскій и мы, возвратимся мыслию къ слышанному, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о послѣдней бесѣдѣ Іисуса Христа къ ученикамъ, могущихъ послужить къ уразумѣнію нѣкоторыхъ мѣстъ ея и особенно — ея духа.

Бесѣда сія, сохраненная для насъ преимущественно св. Іоанномъ, составляетъ драгоцѣннѣйшую часть сказаній Евангельскихъ, обнаруживая предъ нами душу и сердце Господа Іисуса въ такія рѣшительныя минуты, съ такихъ важныхъ сторонъ, въ такомъ преизбыткѣ Божественнаго свѣта. Здѣсь, изъ собственныхъ устъ Его, мы слышимъ тайну Его лица и служенія, сущность Его ученія и обѣтованій, великое начало величайшей Его дѣятельности; — видимъ, откуда Онъ и для чего пришелъ, куда и для чего отшелъ, что намѣренъ содѣлать изъ людей, какимъ образомъ соединить небо съ землей, возставить все падшее, облаженствовать всѣхъ злополучныхъ сыновъ Адамовыхъ. Первѣе же и паче всего видимъ здѣсь, слышимъ, осязаемъ духомъ, *превосходящую разумъ*, любовь Христову, которая распространяется до того, что видимо объемлетъ небо и землю, время и вѣчность.

Какое неподражаемое величіе въ минуты самыя горестныя! Когда самый добродѣтельный мудрецъ сказалъ бы съ горестію: я преданъ теперь; мнѣ должно умереть! — Іисусъ восклицаетъ: *нынѣ прогласися Сынъ человѣческой!* — Слушая Его утѣшенія ученикамъ, можно подумать, что завтра ожидаетъ Его не крестъ, а престоль, что на другой день предстоятъ мученія не Ему, а Его безутѣшнымъ ученикамъ...

Откуда такое святое мужество? — Оттого, что князь міра *не имѣеть* въ Немъ *ничего*, ему принадлежащаго (Іоан. 14, 30), — и что міръ Имъ совершенно побѣжденъ (Іоан. 16, 33); — оттого, что Онъ всегда угодное предъ Отцемъ творилъ, и посему не одинъ, а Отецъ всегда съ Нимъ (Іоан. 16, 32); — оттого, что Онъ *область* имѣеть душу Свою *положить и паки пріять*, и если полагаетъ ее теперь, то о Себѣ, по своей волѣ (Іоан. 10, 18); — оттого наконецъ, что говорящій такимъ образомъ есть Тотъ, *Кто имѣлъ славу у Отца прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5), — есть Слово, бывшее *искони у Бога*, коимъ все сотворено и *безъ Негоже ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 1 — 4).

И у другаго сына челоувѣческаго обрѣлось бы столько чистой любви къ ближнимъ, чтобы для спасенія ихъ претерпѣть смерть (Моисей подалъ уже примѣръ къ такому самопожертвованію (Исх. 32, 32), а Павелъ готовился повторить его (Римл. 9, 3): но только Сынъ Божій, Господь съ небесе (1 Кор. 15, 47), могъ, въ навечеріе Своей смерти, сказать: *вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте* (Іоан. 14, 1); *держайте, яко Азь побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33); *еже аще что спросите во имя Мое, Азь сотворю* (Іоан. 14, 13); *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5); *вѣруй въ Мя, дѣла, яже сотворихъ, и той сотворишь, и больша сихъ сотворишь* (Іоан. 14, 12)...

Недоумѣнія учениковъ и отвѣты на нихъ прерываютъ нѣкоторымъ образомъ ходъ бесѣды Божественнаго Учителя и замедляютъ ея дѣйствіе на умъ: но истины, кои, по причинѣ сихъ недоумѣній, исходятъ изъ устъ Іисуса, такъ важны и драгоценны, — стороны, съ коихъ Онъ благоволитъ обнаруживать Себя, такъ возвышенны и утѣшительны, что нельзя не благодарить отъ души — Оому за любопытство о пути (Іоан. 14, 5 — 7), Филиппа за желаніе — видѣть Отца (Іоан. 14, 9 — 12), — Іуду не-Искаріотскаго за вопросъ: почему Учитель не хочетъ явиться всему міру (Іоан. 14, 22 — 24).

Цѣль всѣхъ утѣшеній Іисусовыхъ, явно, направлена преимущественно къ тому, чтобы предохранить учениковъ отъ соблазна и отпаденія во время Его крестной разлуки съ ними. Время непродолжительное по теченію часовъ, но чрезвычайно опасное по теченію обстоятельствъ. Сколько предстояло имъ соблазновъ и страховъ! Сколько поводовъ къ нарушенію вѣрности! Князь міра, побѣжденный крестомъ, безъ сомнѣнія, не оставилъ ни одного средства для уловленія овецъ, разсѣянныхъ смертію Пастыря. И между тѣмъ въ семъ-то маломъ разсѣянномъ стадѣ —

было основаніе для собранія всѣхъ чадъ Божіихъ во едино (Іоан. 11, 52), — потеря и одного изъ чадцевъ любви Іисусовой (Іоан. 13, 33) была бы весьма чувствительна для блага цѣлаго міра, имѣвшаго быть обращеннымъ отъ тьмы къ свѣту ихъ проповѣдію.

Не смотря однакоже на великую нужду въ утѣшеніи, надлежало преподавать его, не открывая во всей (страшной) очевидности событій, имѣвшихъ послѣдовать наутріе. Святѣйшая тайна всемірнаго искупленія долженствовала быть, нѣкоторымъ образомъ, запечатлѣнною до самаго исполненія своего. Самое усердіе къ Учителю, несвободное отъ предразсудковъ, имѣло нужду быть связаннымъ нѣкоторою неизвѣстностію. Посему завѣса будущаго приподнимается не болѣе, какъ сколько нужно было для того, чтобы предостеречь отъ паденія. Ученики чувствуютъ, что предстоитъ какое-то великое искушеніе, какая-то печальная разлука съ Учителемъ; видятъ себя въ будущемъ сирыми, ненавидимыми, разсѣянными, — въ печаляхъ и болѣзняхъ жены раждающей; но видятъ Учителя вскорѣ возвращающагося къ нимъ, приносящаго радость и миръ; видятъ другаго Утѣшителя, приходящаго пребывать съ ними во вѣкъ, научить ихъ всему, обличить во всемъ мірѣ, ихъ ненавидящій; видятъ опять Самого Учителя, приходящаго со Отцемъ — сотворить у каждаго изъ любящихъ Его Себѣ обитель: все сіе видятъ, говорю, ученики, какъ въ перспективѣ, исполненной такого свѣта, среди коего самые печальные предметы получаютъ трогательный видъ, умиляющій сердце. — Какимъ именно образомъ все это произойдетъ, этого ученики еще не разумѣли. Одно твердо узнали они, что Учитель ихъ — *отъ Бога изшель*, что было весьма важно для будущаго. Притомъ, у нихъ теперь въ рукахъ планъ событій. Когда придетъ время, они вспомнятъ, что имъ было сказано. Предсказаніе отниметъ силу соблазна у предсказаннаго.

Кромѣ сего, послѣдняя бесѣда Богочеловѣка была для учениковъ Его полезна *еще особеннымъ образомъ*. И среди человѣческихъ собесѣдованій слова могутъ производить дѣйствіе великое, не будучи понимаемы слышащими въ подробности. Можно трогаться, умиляться, измѣняться сердцемъ отъ однихъ чувствъ въ словахъ, не понимая ихъ совершенно. Это замѣчаніе — въ превосходнѣйшей степени, — должно приложить къ послѣдней бесѣдѣ Іисуса. Ею, такъ сказать, навѣяно было на учениковъ духъ мира, терпѣнія и упованія; таинственнымъ образомъ умащено сердце для удобнѣйшаго перенесенія самыхъ жестокихъ

ударовъ: они не понимали всѣхъ мыслей, — но поняли чувство, исполнились духомъ Иисусовымъ, *осязали о словеси животнѣль* (1 Иоан. 1, 1).

О послѣдней молитвѣ Иисусовой (Иоан. 17) дерзновенно и говорить языкомъ человѣческимъ: такъ она всеобъемлюща, величественна, Божественна! Послѣ нея, вѣроятно, и Филиппъ не сказалъ бы: *Господи, покажи намъ Отца!* Ибо въ ней для вѣрующаго видѣнъ сей Отецъ болѣе, нежели въ цѣломъ мірѣ. Здѣсь-то надлежало Петру сказать: *Господи, глаголы живота вѣчнаго илаши* (Иоан. 6, 67)! Это молитва Великаго Первосвященника по чину Мельхиседекову, предъ входомъ Его во Святая Святыхъ. Кто прочиталъ ее со вниманіемъ хотя одинъ разъ, у того она останется въ сердцѣ на всю жизнь; а кто одушевился духомъ ея, тотъ не можетъ не принадлежать навсегда Иисусу.

ГЕЛАЗИАНСКІЙ ПОДВИГЪ ИСУСА ХРИСТА.

(Важность сего подвига и его значеніе въ дѣлѣ служенія Іисусова. — Въ чемъ состояло внутреннее искушеніе? — Какъ оно возникло? — И почему допущено? — Троекратная молитва о чашѣ. — Рѣшительная побѣда надъ собственнымъ желаніемъ. — Сонъ учениковъ. — Кровавый потъ и Ангелъ укрѣпляющій).

 се, доселѣ видѣнное и слышанное нами, было только приготовленіемъ къ великому крестному подвигу Сына человѣческаго. Теперь откроется предъ нами самое поприще Его страданій, единственное, безпримѣрное, Божественное, — откроется самымъ необыкновеннымъ образомъ — не постыднымъ преданіемъ Учителя въ руки враговъ вѣроломнымъ ученикомъ Его, а возвышеннымъ самопреданіемъ Сына Божія въ руки правосудія небеснаго, карающаго въ лицѣ Его всѣ неправды земныя. — Послѣ столь мирнаго и благодушнаго состоянія, въ коемъ находился Богочеловѣкъ, бесѣдуя съ учениками, послѣ торжественныхъ словъ: *нынѣ прославися Сынъ человѣческій! да будутъ вси едино; якоже Мы!* — можно было ожидать, что сіе самопреданіе, при всей важности его, совершится безъ усилій и потрясеній, тѣмъ паче, безъ воплей и пота кроваваго. Но мы увидимъ другое, противное: узримъ Сына человѣческаго какъ бы наконецъ преклоняющимся подъ бременемъ собственного величія, со смиреніемъ отрекающимся отъ всѣхъ силъ, коими Онъ можетъ дѣйствовать, отъ самаго, по видимому, поприща дѣйствованія; узримъ Іисуса, троекратно повергающагося на землю съ молитвою о томъ, чтобы, если возможно, прошла мимо Его та самая чаша, которую Онъ, *прежде сложенія тіра* (1 Петр. 1, 20),

рѣшился испить безъ остатка, для спасенія погибающаго рода человѣческаго! . . . Зрѣлище изумительное, находящееся въ разительной противоположности съ прочими дѣянiями Сына человѣческаго, и потому удобно могущее быть не понято тѣми, кои захотѣли бы остановиться на *буквѣ* событiя, — если гдѣ, то здѣсь видимо *убивающей* (Гал. 10, 5), — и разумѣть его въ отрывистомъ видѣ, безъ отношенiя ко всей тайнѣ искупленiя, къ цѣлому плану спасенiя человѣческаго, — но чрезвычайно трогательное, поучительное, величественное для того, кто умѣетъ поставить себя въ надлежащее положенiе благоговѣйнаго зрителя, и будетъ взирать на молящагося Искупителя человѣковъ, не очами соглядатая иудейскаго, такъ сказать, изъ-за дерева вертограда геосиманскаго, — какъ-то, къ сожалѣнiю, не разъ было дѣлано *), — а съ богосвѣтлыхъ высотъ Оавора и Елеона, очами Евангелистовъ и Апостоловъ Христовыхъ, то есть, очами вѣры и истины.

Съ истинной точки зрѣнiя разсматриваемый, подвигъ геосиманскiй не только не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчiя Божественному характеру Спасителя рода человѣческаго и Его служенiя, но необходимо принадлежитъ къ нему, какъ часть — и притомъ важнѣйшая — къ цѣлому. Для убѣжденiя въ семъ, не нужно обращаться ни къ какимъ произвольнымъ догматическимъ предположенiямъ; надобно только войти въ самый характеръ лица и служенiя Богочеловѣка, какъ Главы и Спасителя рода человѣческаго, какъ Искупителя и Примирителя всего мiра, какъ Началовождя и Образца всѣхъ искушаемыхъ и спасаемыхъ. Въ семъ отношенiи, по глубокому замѣчанiю св. Павла (Евр. 11, 10), Искупителю человѣковъ надлежало претерпѣть все и *быть искушену по всячески*. Но искушенiя, коимъ подлежатъ родъ человѣчeskiй, естественно всѣ приводятся къ двумъ видамъ: искушенiю удовольствiемъ и искушенiю страданiями. Первое искушенiе, во всѣхъ трехъ главныхъ его видахъ, Сынъ человѣчeskiй прошелъ при самомъ началѣ своего служенiя, когда въ пустынѣ, послѣ сорокадневнаго поста, былъ искушаемъ отъ дiавола **). Второе, тягчайшее искушенiе, посредствомъ страданiй, предстояло теперь. — Дабы истощить всю силу и ярость его надъ всемирною Жертвою, оно правосудiемъ Божественнымъ было раздѣлено,

*) Conf. Paulus in seinem Comment.

***) Θεοφ. толков. на Матѣ.

такъ сказать, на два приема: геосиманское и голгооское. На Голгоѣ срътилъ Сына человѣческаго крестъ, болѣе внѣшній, ужасный самъ по себѣ и окруженный всѣми внѣшними ужасами, но открытый для взора всѣхъ, самыхъ враговъ Иисуса, потому долженствовавшій быть перенесеннымъ съ видимымъ величіемъ, подобающимъ Агнцу Божию на самомъ жертвенникѣ, не открывавшій тѣхъ сторонъ искушенія и страданій, перенесеніе коихъ, сопряженное съ выраженіемъ немощи человѣческой, не могло быть показано нечистому взору всѣхъ и каждаго. И вотъ, сей-то внутренній крестъ, или точнѣе, сія-то сокровеннѣйшая и, можетъ быть, мучительнѣйшая половина креста срътаетъ Божественнаго Крестоносца въ уединеніи вертограда геосиманскаго и обрушивается на Него всюю тягостію своею до того, что заставляетъ преклониться къ землѣ и вопіять: если возможно, да мимо идетъ чаша! — На Голгоѣ страдающее тѣло приведетъ въ страданіе духъ; здѣсь страдающій духъ заставитъ капать кровавымъ потомъ пречистое тѣло. — Не препятствуемый нечистыми взорами человѣческими, Сынъ человѣческій какъ бы разоблачится здѣсь совершенно отъ всѣхъ сверхъ-естественныхъ силъ, останется съ одною волею человѣческою и, вооруженный одною молитвою и преданностію въ волю Отца, изыдетъ, яко второй Адамъ, на борьбу съ тягчайшимъ искушеніемъ.

Какъ составилось сіе искушеніе? Евангелисты, слѣдуя своему образу простаго повѣствованія, не поднимаютъ завѣсы, закрывавшей *Святое Святыхъ* души Иисусовой въ сіи рѣшительныя минуты, довольствуясь передачіемъ тѣхъ краткихъ словъ, кои были слышимы изъ него, и кои мы услышимъ при повѣствованіи о самомъ подвигѣ. Изъ сихъ словъ однако же видно, что предметъ искушенія и борьбы внутренней состоялъ въ представленіи крайней трудности испить чашу наступающихъ скорбей и болѣзней, — въ увѣренности, что въ безднахъ премудрости и всемогущества Божія есть средство пронести, если не навсегда, то на сей разъ сію чашу мимо, то есть, или отсрочить ужасный часъ страданій, или умалить лютость ихъ, — и наконецъ въ происходящемъ отсюда, сильномъ естественномъ желаніи, чтобы все сіе было сдѣлано.

Что же было въ этой ужасной чашѣ и содѣлывало ее такъ нестерпимою и неудобопріятною, въ настоящія минуты, для сего Подвигоположника спасенія? Обыкновенный, естественный страхъ мученій и смерти? — Такъ обыкновенно думали и ду-

мають многіе *), но безъ основанія твердаго. Справедливо, что мученія составляютъ великое искушеніе для всякой плоти чело-вѣческой; неоспоримо и то, что мученія должны были бытъ неслыханно болѣе тяжки для пречистой плоти Искупителя чело-вѣковъ, которая, какъ непрічастная грѣху и разстройствамъ, отъ него происходящимъ, какъ соединенная притомъ естествомъ съ Самымъ Словомъ Предвѣчнымъ, и отсюда почерпавшая всю полноту совершенствъ тѣлеснаго бытія, потому самому естест-венно, наиболѣе, отвращалась всякаго насилія и терзанія и была стократъ чувствительнѣе къ мученіямъ. Но, съ другой стороны, развѣ не шли многіе изъ послѣдователей Христовыхъ на самыя жестокія мученія съ радостію и не переносили ихъ благодушно? Уже ли же не достало бы мужества для перенесенія тѣлесныхъ страданій въ Томъ, отъ Кого всѣ прочіе страдальцы почерпали свое мужество? — А что всего важнѣе въ настоящемъ случаѣ, — кто сказалъ, что Богочеловѣкъ скорбитъ смертельно въ саду Геосиманскомъ отъ страха именно однихъ мученій и одной смерти, а не *другаго чего либо большаго*? — Самъ Страждущій не гово-вить сего: Онъ молится только *да тмо идетъ чаша* (Мат. 26, 39) и *часъ* (Мар. 14, 35): выраженія, кои означаютъ вообще все мучительное и ужасное. Въ чемъ же именно состо-яло теперъ это мучительное и это ужасное? Если нельзя исклю-чить изъ него обыкновеннаго страха мученій и смерти; то нельзя и ограничивать его симъ страхомъ уже потому, что крестъ Іисуса былъ не крестъ только Учителя истины, умирающаго за вѣрность своего ученія; не крестъ только гонимаго Праведника, скончаваю-щагося въ сладкомъ сознаніи своей невинности, — а крестъ Того, Кто не на словахъ токмо, а на самомъ дѣлѣ принялъ на Себя всѣ грѣхи рода челоувѣческаго, Кто не именемъ, а вещью содѣ-лался за насъ предметомъ гнѣва небснаго, самой клятвы закон-ной (Гал. 3, 13). Въ семъ смыслѣ, — за вѣрность коего ру-чается и духъ и буква всего писанія, — страданія и смерть Сына Божія были страданія и смерть, ни съ чѣмъ несравненныя по ихъ важности и тяжести, потому мучительнѣйшія, неудобопе-реносимыя для Него Самого. Это, говоря безъ всякаго преувели-ченія, было совѣщеніе всѣхъ страданій и всѣхъ смертей всѣхъ людей. — Одни страданія совѣсти, большею частію вовсе забы-ваемыя при размышленіи о страданіяхъ Сына Божія, должны

---

*) V. Calmet, in Comment.

имѣть лютость мученій адскихъ. Ибо, если самый грубый человѣкъ изнемогаетъ нерѣдко подъ страданіемъ пробудившейся совѣсти, мучимый представленіемъ одной его грѣховной жизни; то какое мученіе должно быть для пречистой души Богочеловѣка, когда она въ сознаніи своемъ представила себя покрытою грѣхами всего міра, и въ такомъ видѣ, со всею тяжестью ихъ, долженствующею идти, для изглаженія ихъ своею кровію, на крестъ? . . . Сіе-то самое, то есть, что чаша предстоявшаго страданія и смерти была растворена, преисполнена грѣхами человѣческими, проклятіемъ закона и гнѣвомъ небеснымъ, дѣлало ее такъ ужасною и неудобопріятною. Въ такомъ только видѣ (а онъ не избобрѣтенъ нами, а взятъ изъ ветхаго и новаго Завета) (Исаі. 53, 5. 6, 1 Петр. 2, 24; Гал. 3, 13), чаша сія, держаемъ сказать, стоила того, чтобъ, явившись взору Богочеловѣка, заставить Его Самого обратиться отъ правосудія къ милосердію Божественному.

Но здѣсь можетъ срѣтуть кого либо новое недоумѣніе. «Какъ бы ни была велика, горька и неудобоподъемлема чаша страданій, но когда Сынъ человѣческой на то родился и на то пришелъ, чтобы испить ее: то какимъ образомъ Онъ будетъ молиться теперь о Своемъ избавленіи отъ нея? — не знакъ ли это несовѣстнаго съ такимъ назначеніемъ ослабѣнія? Не лучше ли было бы, если бы Онъ принялъ сію чашу съ мужествомъ, подобнымъ тому, съ коимъ потомъ предастъ Себя въ руки враговъ?» — Нѣтъ, не лучше, нисколько не лучше... Тому, Кто долженствовалъ претерпѣть все до послѣдней крайности, или говоря словами Апостола, *быть искушеннымъ по всячески*, потому самому надлежало пройти искушеніе страданіями въ самомъ крайнемъ его видѣ, приблизиться къ послѣднимъ предѣламъ немощи человѣческой и испытать ее. Но можно ли бы сказать, что это послѣдній предѣлъ искушенія, если бы Сынъ человѣческой вдругъ принялъ ужасную чашу страданій внѣшнихъ и внутреннихъ? Тогда, напротивъ, всего скорѣе можно бы подумать противное, — что она не была страшна для Него, и что принятіе ея не стоило большихъ усилій.

Основательнѣе можно спросить, какимъ образомъ на сей часъ мужество уклонилось отъ души Іисусовой? Какъ Онъ могъ умалиться въ мѣру послѣдняго страдальца? — Для нѣкоего разумѣнія сей священной тайны, кромѣ ужаснаго свойства самой чаши страданій, теперь Ему представившейся, должно предположить особенное распоряженіе премудрости и правосудія Боже-

ственного, приведших Сына человѣческаго въ такое состояніе, что въ Немъ обнаружилась немощь естества человѣческаго столько, сколько могла обнаружиться, безъ потери нравственной чистоты и достоинства.

Въ чемъ состояло сіе таинственное распоряженіе? — Первѣе, безъ сомнѣнія, и паче всего въ сокрытіи Божества отъ человѣчества, въ предоставленіи послѣднему дѣйствовать одними своими силами. Мы услышимъ, какъ на крестѣ Божественный Страдалецъ будетъ молитвенно вопіять: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ!* — Что подобное оставленіе было и теперь, о семъ свидѣлствуютъ уже слова: не Моя, а *Твоя воля да будетъ!* Сынъ, *сый въ лонѣ Отчи*, не сказалъ бы такъ Отцу; ибо Они *едино суть*: такъ могъ говорить только Сынъ человѣческій. Свидѣлствуетъ и Ангелъ укрѣпляющій: не явился бы Ангелъ, еслибы не оставилъ Отецъ. Но, поелику человѣческая природа въ Сынѣ человѣческомъ сама по себѣ была такъ чиста, свята, и потому такъ сильна на все благое, такъ мужественна противъ всего злаго, что въ *естественноль* своемъ *состояніи* могла сама по себѣ легко одержать побѣду надъ настоящимъ искушеніемъ безъ долгой и трудной борьбы: то продолжительность и лютость сей борьбы заставляетъ предполагать, что и по человѣческому естеству великій Подвигоположникъ въ продолженіи настоящаго подвига, тайнымъ предраспоряженіемъ Правосудія небеснаго, выведенъ былъ изъ своего естественнаго возвышеннаго состоянія, низведенъ въ состояніе низшее, приведенъ въ равенство съ положеніемъ самаго послѣдняго изъ людей искушаемыхъ. Какимъ образомъ? это тайна Провидѣнія! . . . Мы не выйдемъ однакоже изъ круга евангельскихъ указаній, если скажемъ, что въ отягченіе сего внутренняго креста, въ усиленіе сего внутренняго огня искушеній, по всей вѣроятности, дано было дѣйствовать, какъ слугѣ (хотя онъ воображалъ себя господиномъ) и князю міра, подобно какъ онъ дѣйствовалъ нѣкогда на испытаніе добродѣтели Іова (Іов. 2, б). Ибо, не мы ли слышали, какъ при концѣ вечера Божественный Страдалецъ сказалъ: *грядетъ міра сего князь*, и послѣ сего, можно сказать, прямо пошелъ на встрѣчу ему? — Гдѣ было мѣсто этой таинственной встрѣчѣ, какъ не здѣсь, въ Геосиманіи, и чѣмъ она могла выразиться славнѣе, какъ не такимъ подвигомъ? . . .

Искупитель человѣковъ, какъ мы уже замѣтили, дошелъ, или паче, доведенъ въ семъ подвигѣ до послѣдней степени исто-

щанія не тѣлеснаго тольکو, но и душевнаго; въ Немъ попущено обнаружиться всей немощи естества человѣческаго: какъ одна-коже чисто, свято сіе обнаруженіе! — Какъ удалено отъ Него все, могшее унизить характеръ Спасителя человѣковъ! — Мы не видимъ пламеннаго энтузіазма, ни хладнаго, суроваго мужества въ принятіи и усвоеніи чаши страданій; но нисколько не видимъ и малодушнаго отреченія, тѣмъ паче ропота на свой жребій. Слабость плоти вопіетъ: *еще возможно, да тило идетъ чаша!* — но преданность духа въ волю Божию постоянно повторяетъ: *обаче не Моя, но Твоя воля да будетъ!* Можно ли тѣснѣе и святѣе сочетать немощь плоти съ силою духа? — Не это ли верхъ совершенства человѣческаго въ состояніи крайняго искушенія?

«Нигдѣ, признается блаженный Августинъ, не поражаетъ меня столько величіе и святость Іисуса, какъ здѣсь, гдѣ многіе ужащаются и недоумѣваютъ. Я не зналъ бы всей великости Его благодѣяній, если бы Онъ не обнаружилъ предо мною, чего онъ стоятъ Ему. Онъ испыталъ мою скорбь, дабы даровать мнѣ Свою радость. Смѣло говорю: *скорбь*; ибо проповѣдую *крестъ*. Надлежало претерпѣть борьбу и болѣзнь: иначе не было бы и побѣды. Безчувствіе всегда ниже самоотверженія; Іисусъ хотѣлъ научить насъ, какъ побѣждать страхъ смерти *). Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы не зрѣли нашего Спасителя въ саду Геосиманскомъ; то могли бы подумать, что страданія для Него не стоили ничего, или весьма мало; что Божество, съ Нимъ соединенное, дѣлало Его безстрастнымъ. Тогда всѣ совѣты къ раздражанію Ему, по необходимости, лишились бы той силы, какую они имѣютъ нынѣ: примѣръ *безстрастнаго* былъ бы превыше насъ — *страстныхъ*. Но теперь мы видимъ капли кроваваго пота, слышимъ вопли: да мимо идетъ чаша; знаемъ, какъ она горька — и благоговѣемъ къ Тому, Кто испилъ ее за насъ. Пусть и съ нами случится искушеніе: мы не будемъ сграть *внутри* и казаться *снаружи* хладными; не будемъ благословлять свою судьбу языкомъ, тогда какъ сердце проклинаетъ день своего рожденія; нѣтъ, мы предоставимъ сіе мнимое безчувствіе, это противоестественное двоудушіе послѣдователямъ какого либо Зенона; — станемъ предъ изображеніемъ молящагося Іисуса, посмотримъ на чашу, сходящую свыше, повергнемся въ прахъ предъ Отцемъ небеснымъ и словами Единороднаго скажемъ: «да мимо

---

*) De Agon. Christ.

идеть и отъ насъ чаша сія; однако же не какъ мы хожемъ, но какъ Ты: да будетъ воля Твоя!» Отецъ узнаеть языкъ Сына, если сердце наше не измѣнитъ сему языку, — услышитъ молитву нашу, какъ слышалъ моленіе Единороднаго; — и спокойствіе совѣсти, тишина сердца будетъ для насъ вмѣсто Ангела укрѣпляющаго.

Таковыми очами училъ взирать на страданіе Іисуса въ саду геосиманскомъ и св. Павелъ, когда въ утѣшеніе бѣдствующимъ христіанъ писалъ, что мы имѣемъ не такого Архіерея, который не можетъ страдать съ нами въ немощахъ нашихъ, но Который, подобно намъ, испыталъ все, кромѣ грѣха (Евр. 4, 15). Богопросвѣщенный Учитель истины не усумнился даже назвать геосиманское страданіе Іисуса Христа *совершеніемъ* всѣхъ предшествующихъ и послѣдующихъ Его страданій, такимъ *подвигомъ*, въ коемъ рѣшительно обнаружилось, что Сынъ Маріи достоинъ быть вождемъ спасенія для сыновъ Адама, такимъ *опытомъ*, послѣ коего уже не осталось ничего желать къ совершенству нашего Подвигоположника. Оставалось только Ему Самому, яко Первосвященнику по чину Мелхиседекову, войти во Святая Святыхъ и начать свое вѣчное приношеніе за грѣхи рода человѣческаго.

Огражденные сими мыслями, дерзнемъ вступить теперь въ слѣдъ за святымъ обществомъ Іисусовымъ въ вертоградъ геосиманскій, дабы быть зрителями величайшаго подвига Сына человѣческаго, Его Божественнаго, можно сказать, самораспятія.

Послѣ трудовъ цѣлаго дня, послѣ продолжительной бесѣды съ учениками и некраткаго путешествія изъ пасхальной горницы въ Геосиманію, предъ наступленіемъ ужасныхъ страданій, нѣкоторое успокоеніе было совершенно необходимо для Іисуса. Вертоградъ геосиманскій представлялъ къ тому все удобство, и для того, по видимому, былъ избранъ. Но не успокоеніе, а страданіе, жесточайшее страданіе ожидало здѣсь Сына человѣческаго. Еще не бывъ преданъ врагамъ, среди учениковъ и друзей Своихъ, Онъ долженъ былъ претерпѣть то, чему лѣтописи страданій человѣческихъ не представляютъ примѣра. . .

Внутренній сладчайшій миръ, изъ ощущенія коего сама собою излилась сладкая бесѣда Іисуса съ учениками, внезапно исчезъ; свѣтлые и утѣшительные виды царствія Божія, коими

постоянно исполнена была святѣйшая душа Его, всё затмилась воображеніе устремилось въ область мрачнаго и ужаснаго; Іисусъ началъ скорбѣть и тосковать! . . . — Можетъ быть, и внѣшнія причины (истощеніе тѣлесныхъ силъ, ночное путешествіе чрезъ долину потока Кедрскаго и проч.) имѣли нѣкоторое вліяніе на сію унылость духа: но главный источникъ ея сокрывался въ самомъ духѣ Іисуса — въ тѣхъ мысляхъ и ощущеніяхъ, кои мы, подѣ руководствомъ Евангелистовъ и отцевъ Церкви, старались раскрыть, по возможности, въ предшествующемъ размышленіи. Сильно мыслямъ и чувствамъ, по тайному распоряженію Провидѣнія, дано было возмутить теперь умъ и сердце Божественнаго Страдальца до того, что Онъ, по крайнему смиренію Своему, какъ будто не обрѣталъ *на сей разъ* столько силъ, чтобы изыти на высокое крестное поприще съ величіемъ и мужествомъ, необходимымъ для *Посредника Бога и человѣковъ*. Состояніе, самое скорбное для Того, Кто пришелъ на землю, дабы всегда творить волю Отца, несомнѣнно зналъ, что по сей волѣ, Ему должно пролить кровь Свою на Голгоѣѣ за грѣхи людей, и былъ увѣренъ, что теперь именно наступило предопредѣленное время принести сію жертву! . . .

Не находя къ успокоенію своего духа средствъ въ Самомъ Себѣ, Іисусъ обратился съ молитвою ко Отцу. Среди ея нѣкогда просвѣтлѣло лице Его на Оаворѣ (Лук. 9, 29); среди ея долженъ былъ просвѣтлѣть теперь и, смущенный страхомъ креста, духъ Его.

Сказавъ ученикамъ (не болѣе, сколько было нужно знать), чтобы они остались на извѣстномъ мѣстѣ (Матѳ. 14, 36), и подождали Его, пока Онъ помолится, Іисусъ пошелъ далѣе въ глубину вертограда, пригласивъ слѣдовать за Собою Петра, Іакова и Іоанна. Бывъ свидѣтелями славы Его на Оаворѣ, ученики сіи были способнѣе другихъ видѣть и уничтоженіе Его въ Геосиманіи. Между тѣмъ близость трехъ чистыхъ душъ могла служить отрадою для Того, Кто, изъ любви къ человѣчеству, шелъ на крестъ. Еще отраднѣе была бы ихъ молитва, если бы они могли молиться подобно своему Учителю.

Господь раскрылъ предъ учениками все сердце Свое. «*Душа Моя, такъ говорилъ Онъ между прочимъ, прискорбна до смерти! Побудьте здѣсь, бдите со Мною и молитесь! . . .*» Такой языкъ былъ совершенно новъ и неожиданъ для учениковъ, кои привыкли видѣть Учителя своего всегда мирнымъ и благодущнымъ. Не обнимая однако же мыслію всей важности настоящихъ минутъ,

они не могли чувствовать и всей нужды въ молитвѣ: принялись за сіе святое дѣло, но такъ, что Богочеловѣкъ вскорѣ ощутилъ, что и сіе малое общество не соотвѣтствуетъ состоянію Его духа, и, оставивъ учениковъ, углубился въ чащу деревъ, на верженіе одного камня (не такъ далеко, чтобы ученики, при сіяніи луны, не могли Его видѣть). Въ семь-то уединеніи должна была окончательно рѣшиться судьба человѣчества, — какъ ему быть спасену отъ грѣха и смерти: настоящимъ ли образомъ, то есть, крестною смертію Богочеловѣка, или другими недовѣдомыми путями, сокрытыми въ безднѣ Премудрости Божіей, — и при томъ въ то ли самое время, когда совершилась тайна нашего искупленія, или въ другое, послѣ?

Не смотря на молитвенное расположеніе духа Іисусова, скорбь и смущеніе усиливались болѣе и болѣе. Ко множеству мучительныхъ чувствъ и мыслей, возникшихъ въ душѣ, при появленіи предъ умственнымъ взоромъ ужасной чаши гнѣва Божія, грѣховъ человѣческихъ, проклятія и мученія, за ними слѣдующихъ, — къ довершенію искушенія, присоединилась живая, неотразимая мысль, что въ безднахъ Премудрости Божіей есть средства ко спасенію людей, не вознося на крестъ Сына; кольми паче есть средства отнять у сего креста хотя нѣсколько его нестерпимой лютости (или отложить казнь сію на другое время)... Источникъ сей мысли былъ тамъ же, откуда брали свое начало всѣ прочія святыя мысли и чувства Богочеловѣка — въ Его безпредѣльномъ вѣдѣніи всемогущества и премудрости Отца небеснаго, въ Его твердой увѣренности, что Онъ всегда поступаетъ съ Своими чадами по закону свободной любви, исключаяющей всякую невольную необходимость. Глубочайшее смиреніе Богочеловѣка, не увлекаемого славою, имѣющей послѣдовать за Его страданіями, еще болѣе усиливало мысль, что Отецъ можетъ совершить Свое предопредѣленіе, такъ сказать, безъ Его — человѣческаго содѣйствія... Что оставалось дѣлать сердцу среди сей борьбы мыслей и чувствъ, изъ коихъ каждое было столько же сильно, сколько само по себѣ благоудно, законно и свято?

Мудрецы міра, философы съ нравственностію стоиковъ, вы, можетъ быть, сокрыли бы въ себѣ сіи чувства: то есть, остались бы во внутреннемъ адѣ тогда, какъ одинъ молитвенный взоръ на небо можетъ извлечь изъ него. Но великій Страдалецъ геосиманскій былъ превыше сего надменнаго и неестественнаго великодушія. — Смущенный, покрытый потомъ, Іисусъ упадаетъ на колѣна, повергается на землю и вопіетъ: «*Отче Мой, аще*

возможно (Тебѣ вся возможна суть), да тило идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хошу, но якоже Ты; да будетъ воля Твоя!» . . .

Отвѣта не было! . . . Отецъ какъ бы не внималъ Сыну! И душевное томленіе не прекращалось. Напротивъ, съ пречистою душою начала страдать и чистѣйшая плоть. Великій Потомокъ Давида вошелъ въ то состояніе, когда Его праотецъ вопіялъ: *«болѣзти адовы обыдоша мя.»*

Въ душевной скорби, какъбы не внимаемый самымъ небомъ, Іисусъ прекращаетъ молитву и идетъ къ ученикамъ, дабы утѣшить Себя ихъ присутствіемъ и молитвою; — но находитъ ихъ спящими! — Утруженная природа тѣмъ удобнѣ взяла верхъ надъ ними, что, не смотря на всѣ предсказанія Учителя, они все еще не имѣли яснаго понятія о томъ, что имѣло случиться, представляя себѣ будущее въ чертахъ, менѣе ужасныхъ. Если бы они провидѣли крестъ Іисусовъ со всѣми его ужасами, то, конечно, не предались бы сну, столь безвременному; а мы часто предаемся сну, гораздо худшему, не смотря на то, что совершенно знаемъ, чего стоили наши грѣхи Сыну Божию.

Странно однако же было видѣть, какъ самый Петръ, за часть предъ тѣмъ обѣщавшій положить душу за Учителя, не устоялъ противъ обыкновенной слабости. *«Симонъ, и ты спишь — сказалъ Господь, — такъ ли вы не могли побдѣть со Мною и одного часа? — Бдите, продолжалъ Господь, взглянувъ на двухъ прочихъ учениковъ, пробужденныхъ Его приходомъ, — бдите и молитесь, да не увидите въ напасть. Духъ бодръ, но плоть немощна.»* — Самый звукъ словъ показывалъ, что они изливаются изъ растерзаннаго печалію сердца.

Побужденіе учениковъ къ молитвѣ и бдѣнію проистекло, по видимому, изъ состоянія духа, нѣсколько успокоившагося. Но сія малая ослаба скоро уступила мѣсто новому сильнѣйшему порыву смущенія и скорби, причиненному, вѣроятно, еще какою либо полусвѣтлою мыслію, заслонившею въ воображеніи Богочеловѣка предвѣчную волю Отца. Удалившись отъ учениковъ, Онъ опять повергается на землю, и погружается духомъ въ молитву. Предметъ ея былъ тотъ же самый, что и прежде, тотъ же и смыслъ; но въ чувствѣ послѣдовала уже значительная перемѣна. *«Отче, молился Іисусъ, аще не можетъ чаша сія тило тти отъ Мене, аще не пію ея: буди воля Твоя!»* (Мат. 26, 42). — Послѣдовала, говоримъ, перемѣна: ибо уже не слышно прямой молитвы объ удаленіи чаши страданій; гласнѣе убѣжденіе въ святой бла-

гопотребности креста въ настоящемъ видѣ и въ настоящее время; умолчано о прежней мысли — «вся возможна Тебѣ», — бывшей главнымъ источникомъ искушенія; преданность въ волю Божию выражается живѣе и полнѣе; а собственное желаніе примѣтно слабѣетъ и начинаетъ разрѣшаться совершенно въ безусловную покорность опредѣленіямъ небеснымъ.

Но и сія молитва осталась безъ отвѣта! Для *Единороднаго отъ Отца* въ немъ не было нужды. . . *Сынъ человѣческой* долженъ былъ Самъ изречь Себѣ отвѣтъ, вознесшись — чрезъ самоотверженіе — до той высоты духа, того единенія со Отцемъ, при коемъ исчезаетъ всякое сомнѣніе, и даже прошеніе, — остается единая святая воля Божія.

Изнемогающій подъ бременемъ внутренняго креста, Іисусъ опять идетъ къ ученикамъ, все еще уповая, по чрезвычайному смиренію Своему, найти Себѣ нѣкое подкрѣпленіе и отраду въ ихъ молитвѣ; — и опять находитъ ихъ спящими! . . . Надлежало, чтобы таинственная борьба новаго Израиля съ Богомъ совершена была безъ свидѣтелей. Тѣмъ менѣе было въ ней мѣста помощникамъ. «*Единъ истопталъ точило гнѣва Божія; отъ языкъ не бѣ лужа со Мною!*» Такъ воспѣвалъ еще Исаія, провидя страданія Мессіи.

Ученики пробудились: но одного взгляда на нихъ достаточно было, чтобы почестъ ихъ совершенно неспособными къ молитвѣ. Евангелистъ Лука замѣчаетъ (Лук. 22, 45), что они спали отъ печали; а св. Маркъ присовокупляетъ (Мар. 14, 40), что глаза у нихъ отяжелѣли, и они не знали, что отвѣчать. Состояніе соннаго ослабленія извѣстно всякому по опыту, которое весьма трудно бываетъ преодолѣть.

Оставивъ учениковъ, Іисусъ въ третій разъ обратился отъ земли къ небу и, *будучи въ бореніи*, по замѣчанію Ев. Луки, молился еще *прилежнѣе* (Лук. 22, 44). Слова произнесены были тѣже, что и въ другой разъ: но чувство, безъ сомнѣнія, было еще отличнѣе. Духъ человѣческой не можетъ долго колебаться между противоположными предметами, безъ уклоненія на какую либо сторону. Тѣмъ паче невозможно сіе въ такой молитвѣ, какова была молитва Іисуса. «*Буди воля Твоя!*»: произнесенное въ третій разъ, уже было выраженіемъ рѣшительной побѣды.

Но когда духъ возмогалъ и укрѣплялся: плоть еще болѣе ослабѣвала. Тѣлесныя силы Богочеловѣка пришли въ такую борьбу и такое изнеможеніе, что томленіе, Имъ претерпѣваемое,

такія рѣшительныя минуты, онъ симъ самымъ укрѣпилъ каждого изъ насъ...

Искушеніе кончилось — совершенною увѣренностію въ благотворной необходимости креста, со всѣми его ужасами, и притомъ въ сіе, а не другое время. Послѣ сего Богочеловѣкъ снова воспріялъ ту твердость духа, которая отличала Его во всю жизнь, среди всякаго рода опасностей и лишеній и постоянно будетъ отличать Его во время страданій. — Такъ обыкновенно бываетъ съ искушаемыми: чѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ болѣе укрѣпляется ею духъ.

П Р О Д А П И С .

(Предатель со спирю. — *Азъ есмь!* — Великодушное самопрежаніе. — Необдуманная ревность Петра. — Исцѣленіе урѣзаннаго уха. — Разсѣяніе учениковъ. — Стража ведетъ Іисуса Христа, связаннаго въ Іерусалимъ. — Приключеніе съ однимъ юношею. — Іоаннъ и Петръ слѣдуютъ издалека за Учителемъ.)

Съ возвышенности, на которой лежалъ вертоградъ геосиманскій, можно было уже примѣтить приближающуюся толпу, которая, при всей тишинѣ, измѣняла своей тайнѣ немногими въ ея рукахъ свѣтильниками. Это было скопище людей всякаго рода, — большею частію стражей храма и слугъ первосвященническихъ, воинственный видъ коихъ состоялъ единственно въ томъ, что они держали въ рукахъ различныя орудія, употребляемыя въ случаѣ насилія и грабежа. Можно было подумать, что сія толпа идетъ на какой либо безчестный промыселъ, или принуждена вооружиться нечаянно противъ какого либо возмутителя ночнаго спокойствія, если бы нѣсколько человѣкъ изъ римскихъ воиновъ и начальниковъ храма, даже синедріона (Лук. 12, 52), не показывали своимъ присутствіемъ, что все это дѣлается по распоряженію высшаго начальства. Посылать такіе жалкіе отряды — было послѣднимъ остаткомъ власти іудейскаго синедріона, предъ вождами коего трепетали нѣкогда полководцы и государи Востока; и синедріонъ едва ли не въ послѣдній разъ воспользовался симъ правомъ — противъ своего Мессіи! Мрачная картина, освѣщенной факелами, толпы довершалась видомъ одного человѣка, который дрожащими стопами шель впереди и предводилъ всѣхъ, хотя былъ безъ оружія, и движеніями своими неволью показывалъ, что онъ недавно совершилъ злое дѣло, и теперь спѣшитъ на новое, еще большее. То былъ несчастный Іуда...

Стражъ и слугамъ (кажется) не было извѣстно, противъ кого они отправлены. Первосвященники имѣли достаточную причину не объявлять имъ сего, изъ опыта зная, что для нѣкоторыхъ слугъ слова Иисуса значатъ болѣе приказаній ихъ начальниковъ (Иоан. 7, 46). Тѣмъ нужнѣе былъ какой либо опредѣленный знакъ для распознаванія лица, противъ коего дано повелѣнiе. Предатель избралъ для сего лобзанiе. «Кого я облобызаю, тотъ и есть, возьмите Его.» Примѣта сiя избрана Иудею не по злобѣ, какъ легко можно подуматъ съ перваго взгляда, а болѣе, кажется, для прикрытiя злобы. Изъ соображенiя обстоятельствъ преданiя открывается, что предателю хотѣлось, отдѣлившись отъ толпы, одному подойти къ Учителю какъ бы возвращаясь изъ города; и, по обыкновенiю, поцѣловавъ Его, замѣшаться въ толпу учениковъ, предоставивъ стражѣ спустя немного, какъ бы самой себѣ напасть на Учителя. То есть, несчастный все еще хотѣлъ дать своему злодѣянiю видъ неумышленного поступка. Но избрать, хотя безъ злобы сердечной, признакомъ измѣны то самое дѣйствiе, которое служило выраженiемъ дружества въ маломъ обществѣ Иисусовомъ, и такъ разительнo отличало его отъ обществъ раввинскихъ (гдѣ ученики получали лобзанiе отъ раввиновъ, но не смѣли сами давать его) — это составляло верхъ, если не злобы, то безсмыслия, которое повидимому привело въ удивленiе Самого Сердцевѣдца.

Иисусъ, *вѣдая* все, что *съ Нимъ будетъ*, съ приближенiемъ предателя, идетъ къ ученикамъ и возбуждаетъ отъ сна не только трезъ, но и всѣхъ прочихъ, кои еще менѣе способны были преодолѣть тягость тѣлеснаго расслабленiя. «Вы все еще спите и поживаете, сказалъ Онъ, но дѣло уже кончено: часъ пришелъ! *встаните, идемъ! Се приближися предаи Мя; и Сынъ челоувечскiй предается въ руки грѣшниковъ*» (Матѳ. 26, 45 — 46).

Вмѣстѣ съ сими словами, чтобы дать ученикамъ время совершенно пробудиться отъ сна и приготовиться къ опасности, Иисусъ пошелъ одинъ вонъ изъ вертограда, на встрѣчу толпѣ. Такое великодушiе для предателя облегчало способъ указать своего Учителя стражѣ: но въ тоже время уничтожило его надежду — прикрытъ свою измѣну видомъ случайнаго возвращенiя изъ города. Въ смятенiи чувствъ, не зная какъ поступить, онъ однакожь ускорилъ свои шаги (Мар. 14, 45), чтобы дать стражѣ общанный знакъ, по крайней мѣрѣ, до прибытiя учениковъ. Но Учитель предупредилъ измѣну, и все еще желая образумить измѣнника, спросилъ кротко: «другъ мой, зачѣмъ ты здѣсь?»

(Матѣ. 26, 50.) — «Равви, отвѣчалъ Иуда, и слово замерло на устахъ его... Равви, повторилъ онъ (Марк. 14, 45) съ принужденіемъ, здравствуй!» и тотчасъ облобызалъ Его. При семъ знакѣ искренняго братства, употребляемомъ теперь на измѣну самую низкую, сердце Іисуса невольно возмутилось негодованіемъ. «*Иудо, лобзаніемъ ли предаеши Сына человѣческаго?*» (Лук. 22, 48.) Увидимъ, какъ сильно отзовутся слова сіи въ душѣ несчастнаго...

Уже преданный нечестивымъ лобзаніемъ, Богочеловѣкъ восхотѣлъ показать врагамъ Своимъ, что Онъ предаетъ имъ Самъ Себя, и что безъ Его собственной воли, ни предатель, ни они не могли бы ничего сдѣлать. Обратившись къ толпѣ (которая успѣла приблизиться въ то время, какъ предатель совершалъ свое предательство), Іисусъ спросилъ громко: «кого ищете?»...

«Іисуса Назарянина», отвѣчали старѣйшины отряда, или не узнавая, по причинѣ темноты, кто говоритъ съ ними, или желая испытать, что Онъ, узанный, будетъ дѣлать...

«*Азъ есмь*», отвѣчалъ Іисусъ. Услышавъ слова сіи, стража какъ бы отъ какого необыкновеннаго удара громоваго, вся пришла въ величайшее смущеніе; большая часть невольно отступили назадъ, многіе отъ страха припали къ землѣ (Іоан. 18, 6). Въ краткомъ словѣ, вышедшемъ изъ устъ Іисуса, казалось, заключалась нѣкая тайная сила, непреодолимая, всемогущая. Откуда она? — Хотя съ именемъ Іисуса въ умѣ стражей соединялось все поразительное, чудесное, такъ что мысль — быть отправленнымъ для взятія Чудотворца, — можетъ быть, даже Мессіи, — сама собою смущала умъ, связывала руки, отнимала духъ и лишала силъ (ибо всякому было извѣстно, что древніе Пророки иногда употребляли въ подобныхъ случаяхъ для защищенія себя огонь небесный, или другія сверхъ-естественныя средства (4 Цар. 1, 10); — но все сіе, кажется, не могло бы заставить стражу отступить, тѣмъ паче повергнуться на землю, безъ особенной таинственной силы словъ, услышанныхъ ею отъ Іисуса, тѣмъ болѣе, что ею предводили теперь сами первосвященники, и въ числѣ ея находились римскіе воины, не раздѣлявшіе образа мыслей евреевъ о Мессіи и даже незнакомые съ Нимъ. Съ другой стороны, поелику Богочеловѣкъ, вступая на крестное поприще, отрекся всѣхъ — и естественныхъ и сверхъ-естественныхъ средствъ къ Своему защищенію; то поражение стражи ужасомъ и поверженіе ея на землю не могло быть преднамѣреннымъ дѣйствіемъ силы чудотворенія, а должно быть почитаемо за непосредственное слѣдствіе необыкновенной силы духа, съ коею вы-

ражена теперь святая рѣшимость идти на крестъ, нѣкимъ непосредственнымъ, такъ сказать, отблескомъ Божества, обитающаго въ Іисусѣ Христѣ *тѣлеснѣ*.

(Въ какомъ смятеніи чувствъ долженъ былъ находиться при семъ случаѣ Іуда! Теперь, можетъ быть, онъ самъ согласился бы отдать все, только бы возвратить свою измѣну, — но мрачное дѣяніе уже отлетѣло въ адъ.)

Господь оставался на томъ же мѣстѣ, ожидая, когда стража сдѣлается способною возложить на Него руки. Между тѣмъ ученики, одинъ по одному, выходя изъ вертограда, присоединялись къ Нему. Когда слуги, ободряемые примѣромъ фарисеевъ, а болѣе кротостію Іисуса, успокоились отъ перваго страха, Іисусъ подошелъ къ нимъ и снова спросилъ: «кого ищите?»

Невѣжественная толпа отвѣчала уже смѣлѣе, что она ищетъ Іисуса. Нѣкоторые изъ слугъ (болѣе дерзкихъ) начинали брать мѣры даже къ тому, чтобы захватить и всѣхъ учениковъ.

«Не сказалъ ли Я вамъ, отвѣчалъ Господь, что это Я? И такъ, если Меня ищите, то оставьте ихъ: пусть идутъ.»

Стража неволью повиновалась сему, все еще страшному для нея, гласу, и тотчасъ оставила учениковъ, въ отношеніи коихъ ей, кажется, не было дано никакого опредѣленнаго приказанія. По всей вѣроятности, и самъ Іуда обѣщался предать только одного Учителя. Между тѣмъ въ семъ случаѣ, какъ замѣтилъ св. Іоаннъ, надлежало исполниться и пророчественнымъ словамъ Іисуса: *«ихъже далъ еси Мнѣ, не погубихъ отъ нихъ никого же.»* Въ самомъ дѣлѣ, ученики, какъ покажетъ примѣръ Петра, еще такъ мало способны были раздѣлять съ Учителемъ чашу искушеній и страданій, что взятіе кого либо изъ нихъ подъ стражу и преданіе мукамъ могло навсегда отдѣлать его отъ Іисуса и подвергнуть совершенному паденію. *«Непоши убо ради ихъ, замѣчаетъ св. Златоустъ, творить я кроль искусовъ»* *).

Въ такія рѣшительныя минуты, такая особенная заботливость объ ученикахъ тронула сердце нѣкоторыхъ изъ нихъ до того, что пробудила мысль о защищеніи Учителя; а робость стражи и необыкновенное присутствіе духа въ Немъ показались нѣкоторымъ вызовомъ употребить силу. «Не ударить ли намъ мечемъ», спросили они. Но когда другіе спрашивали, Петръ уже дѣйствовалъ. Извлекъ ножъ и поразить одного изъ служителей

---

*) Бесѣд. на Іоан.

(перваго, который осмѣлился поднять руку на Іисуса?) въ правое ухо было для него дѣломъ одного мгновенія. — Ударъ былъ не опасенъ: но и малѣйшій видъ противленія власти былъ совершенно чуждъ святому обществу Іисуса. — «Остановитесь», сказалъ Онъ ученикамъ, готовымъ слѣдовать примѣру Петра. «Вложи мечъ твой въ ножны, продолжалъ Господь, обратясь къ Петру; всѣ, поднявшіе мечъ (противъ законной власти, какова бы она впрочемъ ни была) мечемъ погибнуть. *Или мнитсѣ ти, яко не могу нынѣ умолити Отца Моего, и представитъ Ми вѣщице, нежели дванадесѣте легіона Ангель? Но* (въ такомъ случаѣ) *како сбѣдутся писанія, яко тако подобаетъ быти?*» (Матѳ. 26, 53) *Уашу, юже даде Мнѣ Отець, не имать ли пити?»* (Іоан. 18, 11)...

Обличая такимъ образомъ безвременное усердіе учениковъ, Іисусъ въ то же время изгладилъ слѣды его. Прежде, нежели слуги связали Ему руки, Онъ прикоснулся къ уху Малха (такъ назывался слуга, пораженный Петромъ) и исцѣлилъ его. Такое соединеніе величія и кротости, силы и беззащитности, еще на нѣсколько мгновеній остановило буйную толпу. Между тѣмъ ученики, пользуясь ея смятеніемъ и нерѣшительностію, одинъ за другимъ начали удаляться съ такою поспѣшностію и такимъ невниманіемъ къ положенію своего Учителя, что одинъ изъ нихъ, вполнѣдствіи описывая сіе обстоятельство, почелъ за долгъ сказать: *тогда вси оставльше Его бѣжаша* (Матѳ. 26, 56). Ибо, послѣ того, какъ увидѣли, что Богочеловѣкъ не хочетъ употребить къ Своему защищенію ни сверхъ-естественныхъ, ни естественныхъ средствъ, страхъ тотчасъ подавилъ всѣ прочія чувства, и заставилъ ихъ думать только о спасеніи себя, къ коему не представлялось другаго средства, кромѣ скорѣйшаго бѣгства. Послѣднія слова, которыя слышали ученики изъ устъ своего Учителя, былъ упрекъ начальникамъ стражи и фарисеямъ. «Какъ будто на разбойника пришли вы съ мечами и дреколіемъ, чтобы взять Меня, — говорилъ имъ Господь съ прежнею, Ему свойственною, властію. Не всякій ли день бывалъ Я съ вами въ храмѣ, сидѣлъ тамъ и училъ, и вы не брали Меня? Но, се есть ваша година и область темная!... Да сбѣдутся писаніе!» (Мар. 14, 49)... Упрекъ сей былъ не только совершенно справедливъ, но и весьма нуженъ. Начальники стражи, а особенно члены синедріона (Лук. 22, 52) должны были выразумѣть изъ сихъ словъ, что они сами причиною непріятнаго поступка, слѣданнаго однимъ изъ учениковъ Іисусовыхъ, — дозволивъ себѣ

употребить противъ беззащитнаго и всѣми уважаемаго человѣка такія средства, какія употребляются только противъ грабителей и злодѣевъ.

Не безъ намѣренія сдѣлано новое указаніе на ту великую истину, что все, теперь происходящее, произошло сообразно съ пророчествами: если когда свѣтильникъ пророчествъ былъ нуженъ, то теперь, при наступленіи области тьмы.

Когда Іисусъ остался одинъ, стражи связали Его и повели въ Іерусалимъ тѣмъ же путемъ, коимъ Онъ недавно шелъ съ учениками.

За Божественнымъ Узникомъ, по сказанію св. Марка (Мар. 14, 51 — 53), слѣдовалъ одинъ юноша, коего одѣяніе (полотно, обернутое по нагому тѣлу) показывало, что онъ вышелъ на шумъ народный внезапно, безъ сомнѣнія, изъ того дома, коему принадлежалъ вертоградъ. Такое усердіе представилось подозрительнымъ стражѣ, которая, избавившись отъ несроднаго ей страха, сдѣлалась, по обыкновенію своему, наглою и жестокою; — и бѣдный юноша не иначе могъ спасти свою свободу, какъ оставивъ въ рукахъ слугъ первосвященническихъ послѣднюю плащаницу.

Поелику св. Маркъ не называетъ сего юноши по имени; и однакоже, не смотря на обыкновенную свою краткость, одинъ рассказываетъ сей случай, и довольно обстоятельно: то еще въ древности составилось мнѣніе, что означенный юноша былъ самъ Маркъ. Въ такомъ случаѣ ему трудно было не упомянуть о такомъ событіи, которое, касаясь такъ близко его самого, имѣетъ въ тоже время цѣну для всякаго, потому что показываетъ опасность, коей подверглись бы ученики Іисуса, еслибы захотѣли слѣдовать за Нимъ.

Предположеніемъ, что юноша былъ самъ св. Маркъ, проясняется еще одно обстоятельство, которое взаимно служитъ ему подтвержденіемъ. Въ книгѣ дѣяній Апостольскихъ читаемъ, что фамиліи нѣкоего Марка принадлежалъ и въ Іерусалимѣ домъ (Дѣян. 12, 12), который, по вознесеніи Господа, во время гоненія на христіанъ, служилъ мѣстомъ ихъ тайныхъ собраній. Съ сею фамиліею св. Петръ былъ въ сношеніяхъ самыхъ дружескихъ, такъ что въ посланіяхъ называлъ Марка своимъ сыномъ (1 Петр. 5, 13).

Такимъ образомъ вертоградъ Геосиманскій и домъ, въ коемъ совершена Пасха, вѣроятно, принадлежали одной и той же фамиліи, которая была благорасположена къ Іисусу, и потомъ къ Апостоламъ, и изъ коей происходилъ св. Маркъ, сопутствовав-

шій Апостолу Петру, и написавшій впоследствии одно изъ четырехъ Евангелій.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи за толпою, вѣдшею Іисуса, непримѣтно слѣдовали еще два чловѣка, кои равно любили Его, но не равно смотрѣли на опасность своего положенія: ибо одинъ былъ знакомъ великому первосвященнику, и посему не имѣлъ особенной причины страшиться преслѣдованія слугъ его, — другою не зналъ никого, кромѣ рыбарей, изъ круга коихъ былъ избранъ Іисусомъ, и потому трепеталъ при одномъ имени синедріона. Послѣдній былъ — Петръ, а первый, означенный у Ев. Іоанна общимъ именемъ *ученика, знакомаго первосвященнику*, — какъ всѣ полагаютъ, — самъ Іоаннъ.

Почему же онъ сокрылъ свое имя? *«Смиренія ради, отвѣчаетъ св. Златоустъ. Понеже подвигъ исповѣдати хоцетъ, яко имѣлъ отбѣгшии, той послѣдова, того ради крѣтитъ себе и первѣ Петра поминаетъ. А еже поминаетъ себе, сего ради поминаетъ, да увѣмы, яко извѣстнѣ тѣхъ исповѣсть, яже въ дворѣ бывшая и яже внутрь. Виждь же, како и еще отсѣкаетъ свою похвалу? Да не услышавъ, яко убо видѣ со Іисусомъ Іоаннъ, велико что о немъ помыслиши, глаголетъ, яко знаеть бѣ архіерею, а не яко дерзновеннѣ иныхъ бѣ. Петръ же повѣдаетъ, яко послѣдоваши любви ради.»*

Неизвѣстно, какимъ образомъ возлюбленный ученикъ Іисусовъ вошелъ въ знакомство съ главою синедріона, и какъ могъ совмѣщать пріязнь Каіафы съ дружествомъ къ Учителю, — если къ сему не содѣйствовало предварительное знакомство Іоанна съ другими членами синедріона, Іосифомъ и Никодимомъ, о тайныхъ бесѣдахъ коихъ съ Іисусомъ онъ одинъ упоминаетъ въ своемъ Евангеліи. Какъ бы то ни было, Іоаннъ, полагаясь на знакомство съ главнымъ начальникомъ, надѣялся, что ему, безъ большой опасности, можно будетъ войти въ домъ первосвященника и развѣдать о дальнѣйшей судьбѣ своего Учителя. Сія-то надежда влекла его и Петра теперь въ Іерусалимъ.

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДѢ ПЕРВОСВЯЩЕННИКОВЪ И СИНЕДРОНА.

(Стража приводитъ Христа во дворецъ первосвященника Анана. — Частный допросъ. — Отвѣтъ Иусуса. — Первое заушеніе отъ раба. — Первое отреченіе Петра. — Божественный Узникъ отсылается къ КаіаѣѢ. — Полночное собраніе и судъ синедріона. — Лжесвидѣтели и ихъ недостаточность. — Молчаніе Господа. — Клятвенный вопросъ первосвященника. — Величественный отвѣтъ Иусуса. — Первый смертный приговоръ. — Поношеніе отъ слугъ и стражей. — Второе и третье отреченіе Петра. — Алекторъ и слезы покаянія.)

удя по тому, что враги Иусуса Христа крайне спѣшили судомъ и осужденіемъ Его, надлежало ожидать, что и спира поспѣшитъ представить Его прямо въ домъ КаіаѣѢ, гдѣ обыкновенно собирался для совѣщаній верховный совѣтъ іудейскій. Между тѣмъ Божественный Узникъ, по свидѣтельству св. Іоанна (Іоан. 18, 13), приведенъ былъ сперва не къ КаіаѣѢ, а къ другому (отставному) первосвященнику Аннѣ, или, какъ постоянно называется онъ у Флавія, Анану: потому что онъ былъ, — присовокупяетъ Евангелистъ въ поясненіи сего обстоятельства, — тестъ КаіаѣѢ, давшему совѣтъ іудеямъ, *яко уне есть единому чловѣку умерети за люди*. То есть, Анна, по тѣсной связи своей съ Каіаѣѣю, вѣроятно особеннымъ образомъ участвовалъ въ настоящемъ предпріятіи синедріона противъ Иусуса; съ другой стороны древнее *), доселѣ сохранившееся въ Іерусалимѣ,

*) Оно встрѣчается еще у Августина.

преданіе *), говоритъ, что домъ Анана лежалъ на пути къ Каиаѳѣ, такъ что стражѣ, ведшей Іисуса, ничего не стоило доставить ему удовольствіе — первому увидѣть предъ собою связаннаго Того, Кто недавно еще казался всему синедріону неприступнымъ. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о семъ первомъ судіи Богочеловѣка, не бесполезно замѣтитъ, что Ананъ былъ самъ нѣкогда одиннадцатъ лѣтъ первосвященникомъ, умѣлъ потому, — не смотря на вмѣшательство римлянъ, не терпѣвшихъ, чтобы это, первое въ глазахъ народа, достоинство долго оставалось при одномъ человѣкѣ, — продлить его въ своей фамиліи, между сыновьями и зятьми своими, и теперь, пользуясь прошедшимъ вліяніемъ и настоящими связями, былъ, безъ сомнѣнія, лучшею и главною подпорою упадающаго со дня на день синедріона **).

При всей личной важности своей, Ананъ, какъ частный членъ синедріона, не имѣлъ однакожъ права самъ по себѣ дѣлать судебнаго допроса въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково изслѣдованіе о лицѣ Мессіи. Посему на обхожденіе его съ Іисусомъ Христомъ должно смотрѣть какъ на поступокъ частнаго человѣка, который впрочемъ почитаетъ себя такъ важнымъ, что, по его мнѣнію, вопрошаемый имъ лично долженъ почитать за милость, что его спрашиваютъ такимъ образомъ, — о чемъ бы ни спрашивали. Въ настоящемъ случаѣ, отъ Пророка Галилейскаго Анану вдругъ хотѣлось знать и объ ученіи Его и объ ученикахъ: то есть, чему и для чего учить? Кто Его послѣдователи, гдѣ и сколько? Какая вообще цѣль ихъ дѣйствованія? — Хотя въ предложеніи подобныхъ вопросовъ, безъ сомнѣнія, участвовало и любопытство престарѣлаго саддукея; но ими, намѣренно, или ненамѣренно, въ самомъ началѣ задавался самый опасный тонъ дѣлу. Предполагаюсь, что у Іисуса Христа есть многочисленное общество явныхъ и тайныхъ послѣдователей, противное существующему порядку вещей, что въ семъ обществѣ есть свое, отличное, отъ всѣмъ принятаго — Моисеева, ученіе, своя тайная цѣль и проч. И легкаго признанія въ подобныхъ вещахъ достаточно было для враговъ Іисусовыхъ, чтобы обвинить Его въ преступленіи противъ вѣры и отечества.

«Азъ, отвѣтствовалъ Господь, не обинуяся глаголахъ міру; Азъ всегда учахъ на сонтищахъ и въ церкви (куда всѣ іудеи

*) Смотр. путеш. въ Іерус. Норова.

**) V. Flav. Antiq.

сходятся), и тайно не глаголахъ ничесоже. Уто Мя вопрошаеши: вопросы слышавшихъ, что глаголахъ имъ: се сии вѣдятъ, аже азъ рѣхъ.»

Нельзя было отвѣчать съ большимъ достоинствомъ, мудростию и истиною. Въ отвѣтѣ ничего не упоминается объ ученикахъ: ибо въ томъ смыслѣ, какой давалъ сему слову Ананъ, то есть, въ смыслѣ противоположенныхъ послѣдователей, у Іисуса Христа не было учениковъ, равно какъ не было никакого мірскаго общества. Господь не разъясняетъ нисколько и Своего ученія предъ Ананомъ: ибо явно было, что первосвященники заплатили сребренники не за то, чтобы слышать ученіе Іисуса, а чтобы умертвить Его. И сколько времени потребовалось бы для изясненія таинъ царствія Божія предъ такимъ, ослѣпленнымъ личностію и злобою, слушателемъ, каковъ былъ Ананъ и его слуги? Сущность дѣла, по коему синедрионъ отправилъ противъ Іисуса Христа вооруженную стражу, состояла въ обвиненіи Его въ томъ, что Онъ учитъ и дѣйствуетъ противъ вѣры и законовъ; а истина такого обвиненія зависѣла всецѣло отъ свидѣтелей. Посему обращеніе Господа, во свидѣтельство Своей невинности, ко всѣмъ, бывшимъ когда либо въ числѣ Его слушателей, служить сильнѣйшимъ доказательствомъ совершенной чистоты Его ученія и дѣйствій. Онъ точно никогда и ничего не говорилъ скрѣпно: если бесѣдовалъ иногда съ Апостолами пространнѣе, нежели съ народомъ, — открывая имъ тайны царствія Божія, — то съ тѣмъ, чтобы, по Его собственному выраженію, сказанное имъ во уху, проповѣдано было потомъ ими на кровѣхъ (Матѳ. 10, 27). Никодимы и Іосифы слышали отъ Сына человѣческаго тоже, что и народъ: проповѣдь о возрожденіи духовномъ, а не о дѣлахъ гражданскихъ (Іоан. 3, 1—18). Изъ присутствовавшихъ теперь іудеевъ, вѣроятно, были такіе, кои слышали ученіе Іисусово, — и теперь-же могли дать свидѣтельство о Немъ предъ Ананомъ. Самая стража первосвященническая не забыла еще, можетъ быть, совершенно того необыкновеннаго впечатлѣнія, которое предъ симъ произвели надъ ней слова Іисуса, когда она, не смотря на повелѣніе начальниковъ своихъ, не посмѣла возложить на Него рукъ потому, что *николиже тако есть глаголаль чловѣкъ, яко сей чловѣкъ* (Іоан. 7, 46). Если отвѣтъ Іисуса Христа и вопросъ, сдѣланный Анану, отзывался тономъ какъ-бы упрека первосвященнику: то надлежитъ помнить, что настоящій узникъ былъ Мессія, почитался за такового большею ча-

стію народа, и что съ Нимъ, при взятіи Его, поступлено, даже въ судебномъ отношеніи, самымъ недостойнымъ образомъ.

По всѣмъ симъ причинамъ, первосвященникъ іудейскій, не смотря на сильное личное предубѣжденіе противъ Іусуса Христа, самъ, по видимому, ничего не нашель во отвѣтъ Его такого, чтобы можно было поставить Ему въ вину: хотя внутренно и не могъ быть доволенъ такимъ искуснымъ, по его мнѣнію, уклоненіемъ отъ дѣла. Иначе смотрѣлъ на все сіе одинъ изъ близстоявшихъ служителей Анановыхъ. Святая свобода Узника въ отвѣтъ первосвященнику, предъ коимъ онъ привыкъ оказывать и видѣть одно раболѣпство, показала ему дерзостію, стоящую немедленнаго укрощенія. «Такъ-то Ты отвѣчаешь первосвященнику», — вскричалъ онъ, желая показать усердіе къ чести своего владыки; — и ударилъ Господа въ ланугу.

Кто будетъ молиться на крестѣ за самыхъ распинателей Своихъ, Тотъ могъ перенести теперь равнодушно безумную дерзость раба Ананова... Но молчаніе въ настоящемъ случаѣ могло показаться признаніемъ въ томъ, что дѣйствительно нарушено уваженіе къ сану первосвященника. Самъ безразсудный рабъ остался бы въ увѣренности, что поступилъ справедливо.

«Аще злѣ глаголахъ, отвѣчалъ Іусусъ ударившему Его, свидѣтельствуй о злѣ; аще ли добръ, что Мя биеши?»...

Ананъ видѣлъ и слышалъ все это: но не его дѣло было обудывать безразсудную дерзость своихъ слугъ; его дѣло было судить и преслѣдовать невинныхъ...

Болѣе вопросовъ не было. Отвѣтъ Господа и святая неустрашимость Его духа дали выразумѣть хитрому саддукею, что надежда его привести Узника въ замѣшательство судебными вопросами напрасна, что онъ видитъ предъ собою того же самого человѣка, который еще недавно привелъ въ молчаніе всѣхъ самыхъ искусныхъ книжниковъ и совопросниковъ іерусалимскихъ.

Послѣ сего Іусусъ отосланъ былъ Ананомъ къ Каіаѳѣ, въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ приведенъ къ нему, то есть, связанный (Іоан. 18, 24). Едва ли не въ томъ же видѣ стоялъ Онъ и предъ лицомъ Анана, для коего узы Пророка Галилейскаго были пріятнымъ зрѣлищемъ...

Не одно только заушеніе отъ руки раба долженъ былъ претерпѣть Господь во дворѣ Анана: здѣсь же, не смотря на непродолжительность времени, начались и отреченія перваго изъ Его Апостоловъ.

Евангелисты всѣ упоминаютъ о семъ событіи, и столь вѣрны въ семъ случаѣ вышеприведенному, замѣченному св. Златоустомъ, ихъ правилу не скрывать *ничего отъ мнящихся быти поносныхъ*, что, основываясь на полнотѣ разказа ихъ, вмѣсто трехъ, предсказанныхъ самимъ Господомъ, отреченій Петровыхъ, насчитывали нѣкоторые четыре *) и даже восемь **). Мы изложимъ приключеніе сіе, держась болѣе, — какъ то должно дѣлать и во многихъ другихъ случаяхъ — общаго согласія евангельскихъ повѣствованій и хода событій, нежели разнорѣчія буквальныхъ указаній.

Пользуясь своимъ знакомствомъ съ домомъ первосвященника, Іоаннъ немедленно, вслѣдъ за стражею, ведшей Іисуса, вошелъ во дворъ Анана. Петръ, какъ незнакомый, долженъ былъ оставаться за вратами, ожидая отъ ходатайства Іоаннова милости быть впущеннымъ туда же. Милость сія, столь драгоцѣнная для него, была не маловажна и для тѣхъ, кои смотрѣли за входящими. Ибо, въ избѣжаніе опасности отъ стеченія народа, вѣроятно, данъ былъ Ананомъ приказъ не пускать чужихъ людей во дворъ. Но Іоаннъ сказалъ слово при дверницѣ (на Востокѣ въ то время къ сей должности приставлялись наиболѣе женщины, Дѣян. 12, 13; 2 Цар. 9, 6), — и она ввела Петра, сдѣлавъ ему легкій вопросъ, не изъ учениковъ ли онъ (коихъ не велѣно пускать) Іисусовыхъ? На сей случай могло быть довольно одного какого-либо легкаго отрицательнаго знака: совсѣмъ другое было впереди. Побуждаемый холодомъ, Петръ приблизился къ огню, который служителями, по причинѣ суровости погоды, разведенъ былъ среди двора (Іоан. 18, 18). Но положеніе его было такъ ново для него и опасно, что онъ никакъ не могъ долго и съ твердостью выдерживать лица, имъ принятаго. Между тѣмъ, когда послышалось на дворѣ, что первосвященникъ спрашиваетъ Іисуса о ученикахъ и учениіи Его; то и стража, наполнявшая дворъ, также начала толковать объ ученикахъ Іисусовыхъ. Какъ не ко времени было теперь присутствіе Петра! — Въ при дверницѣ, введшей Петра, первой (Іоан. 18, 17) родилось касательно его подозрѣніе. «И ты, мною впущенный, не изъ учениковъ ли этого чловѣка», — повторила она, подошедши къ Петру, — впрочемъ не столько изъ злаго намѣренія, сколько изъ простой престо-

*) Hess, Lebensgesch. Jesu.

***) Abweichende Darstellungen der Neutest. Schriftsteller. Th. II, 6. 99.

рожности; но робкому Симону самая дружеская шутка въ семь родѣ показалась бы теперь невыносимою — въ такое время и такомъ мѣстѣ: онъ рѣшительно сказалъ, что *не знаетъ и не понимаетъ, что она говоритъ* (Мар. 16, 68).

Когда Петръ, вслѣдъ за стражею, поведшею Іусуса къ Каіаѣѣ, выходилъ изъ двора Ананова, послышался въ первый разъ голосъ алектора (Мар. 16, 68): но Петръ или не слыхалъ его, или не обратилъ вниманія. — Первое, описанное нами, отречение его предъ рабынею, имѣло еще видъ случайной неосторожности въ словахъ и могло казаться такимъ поступкомъ, который, конечно, нельзя одобрить, но и нельзя еще представлять прямою измѣною Учителю.

Между тѣмъ какъ Іусусъ Христосъ находился въ домѣ Анны, къ первосвященнику Каіаѣѣ, не смотря на глубокую полночь, собралась большая часть членовъ синедріона. Верховное судище сіе представляло теперь самымъ живымъ образомъ — *церковь лукавнующихъ* (Ісаи. 25, 5). Двѣ главныя секты — фарисейская и саддукейская, пылали давнею ненавистію къ Іусусу Христу. Каіаѣа, въ рукахъ коего находилась верховная власть, давно уже изрекъ свое мнѣніе: *«яко унѣ есть, да единъ умретъ за люди.»* Для безпристрастнаго наблюдателя достаточно было одного взгляда на лица и движенія будущихъ судей Іусуса, дабы со всею увѣренностію заключить, каковъ будетъ судъ, и чего должно ожидать подсудимому.

Не смотря однакоже на твердое, давно положенное намѣреніе лишить Его жизни, синедріонъ хотѣлъ дать сему дѣлу весь видъ справедливости и, какими бы то ни было средствами, приписать Іусусу вину, достойную смерти. Сего требовала, можетъ быть, и совѣсть нѣкоторыхъ судей, испорченная, но не совсѣмъ заглушенная страстями, и приличіе, которымъ, особенно въ общественныхъ собраніяхъ и дѣлахъ, не пренебрегаютъ люди самые злонамѣренныя. Но главнымъ источникомъ мнимой справедливости было опасеніе — прослыть въ народѣ, приверженномъ къ Іусусу Христу, явными гонителями невинности, если бы осудили Его безъ всякаго суда, по одной личной ненависти.

Рѣшились употребить тоже самое средство къ обвиненію Господа, на которое Онъ предъ Ананомъ ссылался въ Свое оправданіе, — свидѣтелей. Законъ требовалъ въ семъ случаѣ только трехъ или даже двухъ (Чис. 35, 30; Втор. 17, 6; 1 Тим. 5, 19): первосвященникамъ, въ ослѣпленіи страсти, казалось возможнымъ представить ихъ тысячи. Въ другое время дѣйствительно

нашлось бы достаточное число безсовѣстныхъ людей, способныхъ клеветать на самую невинность; потому что Иерусалимъ былъ наполненъ приверженцами фарисеевъ, и слѣд. врагами Іисуса. Но теперь въ глубокую полночь, — когда весь городъ спалъ, свидѣтелей надлежало искать — и не безъ труда. Начиная отъ первосвященника и до послѣдняго члена всѣ занялись симъ изысканіемъ *): каждый приводилъ себѣ и другимъ на память челоуѣка, способнаго лжесвидѣтельствовать на Іисуса, и по своему образу мыслей, и потому, что слыхалъ Его бесѣды. Такая заботливость судей въ изысканіи причинъ къ обвиненію подсудимаго, поспѣшность и замѣшательство, съ коими дѣлались предложенія, давали собранію синедриона видъ самый странный, и сквозь личину мнимой справедливости явно проглядывала злоба и личная ненависть.

Но для чего, можно спросить при семъ, — первосвященнику не рѣшились воспользоваться услугами Іуды, который, зная ученіе и всѣ дѣянія Господа, изъ угожденія врагамъ Его, изъ новой платы, и даже въ оправданіе своей измѣны Учителю, могъ быть самымъ жестокимъ обвинителемъ? — Предатель, какъ мы видѣли, исполнивъ преступное обѣщаніе — указать мѣстопробываніе своего Учителя, тотчасъ удалился; а потому его не вдругъ можно было отыскать. Притомъ свидѣтельство Іуды, послѣ того какъ узнали бы о Его предательствѣ (а скрыть сего было нельзя), не имѣло бы цѣны въ глазахъ людей безпристрастныхъ. Можно даже сказать, что едва ли бы самъ Іуда имѣлъ столько дерзости, чтобы клеветать на своего Учителя, въ Его присутствіи. Мы увидимъ, что въ мрачной душѣ его, и послѣ преданія, невольно сохранилось еще сильное чувство уваженія къ Его невинности.

Всѣми искомые лжесвидѣтели начали наконецъ появляться съ разныхъ сторонъ. Что они ставили Господу въ преступленіе, неизвѣстно: только свидѣтельства ихъ были несогласны между собою и не заключали съ себѣ уголовнаго обвиненія. Вѣроятно, указывали на какое либо нарушеніе покоя субботняго, на несоблюденіе преданій фарисейскихъ и проч. — на такія преступленія, кои много значили въ устахъ книжниковъ, когда они оболъщали народъ легковѣрный, но не содержали въ себѣ законной причины

---

*) Архидіаконъ же и старцы и сонмъ весь искаху лжесвидѣтельства на Іисуса. Мат. 26, 59.

къ осужденію обвиняемаго на смерть: между тѣмъ судіямъ хотѣлось найти преступленіе именно послѣдняго рода *).

Наконецъ явились еще два свидѣтеля, которые, имѣя въ виду слова Спасителя, произнесенныя за два предъ симъ года къ народу (Іоанн. 2, 19) въ храмѣ Іерусалимскомъ, хотѣли обратить ихъ въ уголовное обвиненіе: но оба, злонамѣренно или по забвенію отъ давности времени, превращали слова Іисуса Христа. Одинъ (Матѣ. 26, 61) лжесвидѣтель утверждалъ, будто Онъ сказалъ однажды: «Я могу разрушить храмъ Божій и въ три дня воздвигнуть его.» Въ такомъ ложномъ видѣ слова, усвояемая Іисусу Христу, могли предъ судьями показывать дерзость и самохвальство, соединенное съ неуваженіемъ къ самымъ священнымъ вещамъ, каковъ храмъ. Другой (Мар. 14, 57) лжесвидѣтель объявлялъ, будто ему слышалось, какъ Господь говорилъ: «Я разрушу храмъ сей *рукотворенный*, и въ три дня воздвигну другой *нерукотворенный*.» Въ такомъ превратномъ видѣ слова сіи казались обнаруженіемъ чего-то мятежнаго, богопротивнаго, какъ будто Іисусъ Христосъ не только имѣетъ самое низкое понятіе о храмѣ Іерусалимскомъ (слово *рукотворенный* употребляется въ св. книгахъ для означенія идола; Псал. 21, 19) и храма идольскаго, Псал. 16, 12), но и намѣренъ разрушить его, дабы создать другой, неизвѣстно какой, храмъ, всего вѣроятнѣе никакого. Это представлялось явною хулою на храмъ, равною хулѣ на Бога и Моисея, которая, по закону, вела за собою смерть хулившему (Лев. 24, 13). Вѣроятно, несогласіе лжесвидѣтелей состояло не въ однихъ выраженіяхъ, а и въ прочихъ принадлежностяхъ свидѣтельства **); но какимъ именно, сего, при молчаніи Евангелистовъ, опредѣлить невозможно.

Ничего не было легче, какъ отвѣчать на обвиненія лжесвидѣтелей, если бы они стоили отвѣта. Во-первыхъ, Господь никогда не говорилъ: *Я разрушу*, или *могу разрушить* храмъ, а говорилъ только условно къ іудеямъ, требовавшимъ чуда: *«разрушьте.»* Во вторыхъ, когда Онъ говорилъ сіе, то подъ церковію разумѣлъ не храмъ Іерусалимскій, а собственное тѣло, такъ что слова Его имѣли такой смыслъ: вы требуете чуда, и будете имѣть оное въ моемъ воскресеніи; ибо когда вы разрушите церковь тѣла моего — умертвите Меня; то Я чрезъ три дня воздвигну ее — воскресну изъ мертвыхъ (Іоан. 2, 19—20).

*) Мат. 26, 59. *Εξήτοιον ψευδομαρτυρίαν, ὡπως αὐτὸν θανατωσῶσι,*

***) *Ἰσὼι μαρτυρίαι οὐκ ἦσαν.* (Марк. 14, 56).

Между тѣмъ Господь не отвѣчалъ и на сіи лжесвидѣтельства, также какъ и на первое (Матѹ. 26, 63). То, что Онъ сказалъ бы въ изъясненіе смысла словъ Своихъ, не послужило бы къ Его оправданію *): смерть Его уже была запечатлѣна въ сердцѣ первосвященниковъ. Съ другой стороны, поелику слова Господа заключали въ себѣ символическое предсказаніе о Его смерти и воскресеніи; то поясненіе смысла, въ нихъ содержащагося, было бы далеко несообразно съ настоящими обстоятельствами и, не доставивъ никакой пользы, привело бы только къ недоумѣніямъ и насмѣшкамъ. Молчаніе, наконецъ, было самымъ лучшимъ отвѣтомъ уже потому, что свидѣтели не были согласны между собою; потому что такое разногласіе дѣлало ихъ показанія совершенно недѣйствительными предъ закономъ **).

Суди, при всей личной ненависти къ Подсудимому, сами чувствовали слабость лжесвидѣтельствъ; но величественное молчаніе Его для мелкаго самолюбія казалось непростительнымъ невниманіемъ, или презрѣніемъ. Если бы Господь защищалъ Себя, то могли надѣяться, что въ собственныхъ Его словахъ найдется что либо противное закону; ибо первосвященники и книжники не разъ испытали на себѣ строгость Его обличеній, почитаемую ими за дерзость и богохульство. И вотъ Каіаѹа, который доселѣ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и сохранялъ, хотя не безъ принужденія, важность предсѣдателя нечестиваго совѣта, первый потерялъ терпѣніе, всталъ съ своего мѣста и, выступивъ на средину (Мар. 14, 60), гдѣ находился Господь, сказалъ съ гнѣвомъ: «какъ Ты не отвѣчаешь ничего? развѣ не слышишь, что они противъ Тебя свидѣлствуютъ?»

Но Господь не отвѣчалъ ни слова... Раздраженный симъ молчаніемъ, первосвященникъ всего скорѣе согласился бы почестъ его за признаніе въ преступленіи: но нѣкоторый остатокъ приличія еще обуздывалъ личную ненависть. Между тѣмъ, вступивъ въ разговоръ съ Узникомъ, онъ не могъ уже безъ стыда окончить его ничѣмъ. Хитрость саддукея нашла средство, не прибѣгая къ явно несправедливымъ мѣрамъ, не только заставить подсудимаго говорить, но и сказать нѣчто такое, чѣмъ весь допросъ въ немногихъ словахъ могъ быть совершенно оконченъ. Какъ первый

*) Non intererat occidentium, quid diceret. Tacit.

**) Мат. 28, 16; Втор. 17, 6; 1 Тим. 5, 19; Числ. 25, 30. Seldenus de Syned. 2. 13.

служитель Бсга Израилева, первосвященникъ, при всемъ недо-
стоинствѣ своемъ, имѣлъ право спрашивать о чемъ-либо обви-
няемаго подѣ клятвою: способъ допроса, на который нельзя было
не отвѣчать, не преступивъ должнаго уваженія къ клятвѣ, къ
сану первосвященника и самому закону. Къ сему-то средству
прибѣгъ Каіаѳа.

«Заклинаю Тебя, сказалъ онъ, съ притворнымъ уваженіемъ
къ словамъ, имъ произнесеннымъ, — заклинаю тебя Богомъ
живымъ: скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Божій?» (то есть,
Ты ли Мессія) (Мат. 26, 63)?

«Я, отвѣчалъ Господь: *даже реку вамъ болѣе: отсель узрите
Сына человѣческаго (Меня) сѣдѣща одесную силы Божіей и
грядуща на облацѣхъ небесныхъ.*»

(То есть, какъбы такъ было сказано: вскорѣ самыя дѣла
покажутъ вамъ, что Я тотъ славный Царь, который, по описанію
пророка Даніила, сидитъ на облакахъ одесную Ветхаго днями.
Дан. 7, 14).

Сего именно признанія и желалъ Каіаѳа; потому что оно со-
вершенно отвѣтствовало его цѣли. Но положеніе дѣла требовало
сокрыть при семъ свое удовольствіе; и оно сокрыто... Какъ бы
услышавъ ужасное, нестерпимое богохульство, лицемѣръ тотчасъ
представился вышедшимъ изъ себя и разодралъ одежды свои
(переднюю часть): поступокъ, который въ первосвященникѣ вы-
ражалъ чрезвычайную крайность *) душевнаго волненія и пока-
зывалъ величайшій избытокъ мнимой ревности по славѣ Бога
Израилева. «Слышали ли, вскричалъ потомъ Каіаѳа къ прочимъ
судіямъ, — слышали ли вы, что Онъ сказалъ?.. Онъ явно богохуль-
ствуетъ, и мы еще требуемъ свидѣтелей?»...

Всѣ молчали, раздѣляя съ первосвященникомъ притворный
ужасъ по причинѣ мнимаго богохульства. «Что же вы думаете,
продолжалъ лицемѣръ, чего Онъ достоинъ?» (Мат. 26, 65. 66).

«Смерти, смерти», повторяли одинъ за другимъ старѣйшины.

Симъ кончился первый допросъ. Судіи и совѣтники разошлись,
дабы нѣсколько успокоиться сномъ, потомъ снова собраться, при
первомъ разсвѣтѣ. Цѣль, давно желанная, достиженіе коей еще
за нѣсколько дней казалось невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ
продолженіе праздника, сія цѣль—осужденіе на смерть Іусуса —

*) Іус. Нав. 7, 6; Іудео. 11, 35; 2 Пар. 1, 11; 3 Цар. 21, 27. Geierus de
Iustu Hebr. 22. 11.

теперь, сверхъ чаянія, представлялась уже почти достигнутою; оставалось только въ новомъ собраніи подтвердить приговоръ, теперь сдѣланный.

Господь, въ ожиданіи новаго собранія, выведенъ былъ изъ жилища первосвященника, гдѣ происходилъ совѣтъ, на дворъ. До утра оставалось немного времени (два, три часа); но для Него сей промежутокъ времени былъ весьма тяжелъ, потому что Онъ находился въ рукахъ буйной толпы, состоявшей изъ стражей храма и служителей первосвященническихъ (Лук. 22, 63—65; Мат. 26, 66—67). Тѣ и другіе почитали за долгъ выказать свое раздраженіе и презрѣніе къ чловѣку, который, по ихъ мнѣнію, имѣлъ дерзость быть врагомъ ихъ начальниковъ. Можетъ быть, даже отъ первосвященниковъ данъ былъ слугамъ намекъ, какъ поступать съ Узникомъ. «Пророкъ галилейскій! Мессія-самозванецъ!» Такими насмѣшками началось поруганіе. Но скоро отъ словъ перешли къ ударамъ. Одни заушали Господа; другіе ударяли Его по ланитамъ, иные плевали въ лице *). Кто хотѣли казаться остроумными, закрывали Его лице (Мар. 14, 65; Лук. 22, 64) одеждою и при каждомъ ударѣ спрашивали: «угадай, Христось, кто Тебя ударилъ», — потому что Мессія, по мнѣнію іудеевъ, долженъ былъ знать все.

Что Господь всѣ сіи оскорбленія переносилъ терпѣливо, безъ всякаго ропота, о семъ евангелисты не почли за нужное и упомянуть. Они замѣчали только, если Онъ что-либо говорилъ своимъ мучителямъ для ихъ вразумленія.

Обратимся къ Петру. Здѣсь прилично рассказать, какъ исполнилась послѣдняя часть предсказанія Іисуса Христа о его отреченіи.

Не смотря на опасность, срѣтившую Симона **) во дворцѣ Анана, онъ слѣдовалъ за толпою служителей, вѣдшихъ Іисуса Христа во дворецъ Каіаѳы, желая знать, чѣмъ кончится судъ надъ Учителемъ, коему измѣнили уже его уста, но сердце пребыло вѣрнымъ. Первое возглашеніе пѣтеля при первомъ отреченіи Симона, какъ мы видѣли, не произвело надъ нимъ ника-

*) Заплеваніе у евреевъ почиталось знакомъ крайняго презрѣнія и ненависти. Числ. 12, 74.

**) Прежнее имя Ап. Петра, которое Господь замѣнилъ новымъ. назвавъ его, въ ознаменованіе крѣпости его вѣры, Кифою, или Петромъ (каменнымъ, Іоан. 1, 42.

кого впечатлѣнія *) или можетъ быть, даже возбудило рѣшимость доказать на дѣлѣ, что зловѣщій пѣтелеъ не будетъ болѣе свидѣтелемъ измѣны Апостола. И во дворцѣ Каиаѣи Симонъ представлялъ лице человѣка, который пришелъ на шумъ народный изъ одного любопытства; и также, вмѣшавшись въ толпу слушателей, грѣлся вмѣстѣ съ ними у огня, который былъ разведенъ на дворѣ, по причинѣ ночнаго холода. Но предсказанная Господомъ измѣна преслѣдовала Симона и здѣсь. Галилейское нарѣчіе, коимъ онъ говорилъ, природная живость характера, соединенная теперь съ величайшею робостію, особенное участіе въ извѣстіяхъ о ходѣ суда надъ Іисусомъ Христомъ, кои служителями были выносимы изъ судилища, и множество другихъ обстоятельствъ часъ отъ часу болѣе и болѣе измѣняли Симону предъ наглыми служителями, кои, находясь въ услугахъ у судей и будучи употребляемы при слѣдствіяхъ и розыскахъ, привыкли открывать людей подозрительныхъ. Одинъ изъ служителей, обративъ на него вниманіе, началъ говорить окружавшимъ его: «этотъ человѣкъ долженъ быть изъ числа учениковъ Іисусовыхъ.» Симонъ затрепеталъ снова; уста, однажды измѣнившія, еще скорѣе разверзлись для втораго отреченія: однихъ увѣреній показалось уже недостаточно, — и малодушный ученикъ присовокупилъ ко лжи клятву въ томъ, что онъ вовсе не знаетъ Іисуса. Такъ скоро и глубоко падаетъ добродѣтель человѣческая! Освободившись отъ опасности, Симонъ удался отъ огня; страхъ гналъ его вонъ, но любовь опять удержала; и онъ остановился у дверей.

Протекло еще нѣсколько времени; первый допросъ кончился — и Іисусъ Христосъ былъ выведенъ изъ судилища на дворъ. Влекомый любовію, ученикъ невольно приблизился, чтобы еще разъ взглянуть на своего Учителя, показаться Ему, если можно, и доказать свое участіе въ Его судьбѣ. Казалось, безопасно: но вдругъ одинъ изъ служителей остановилъ Симона вопросомъ: «вѣрно и ты былъ съ Нимъ; ибо ты галилеянинъ, и нарѣчіе твое измѣняетъ тебѣ.» Прочіе служители подтвердили сіе подозрѣніе; ибо нарѣчіе галилейское было очень замѣтно для всякаго **);

*) Св. Злат. бесѣд. на Матѣ. 85, ал. 86.

**) Оно отличалось грубостію и неправильностію произношенія многихъ буквъ и даже цѣлыхъ словъ. Посему въ Іудеи не допускали галилеянъ къ чтенію въ синагогахъ. V. Вухторф. Lex. Talm. p. 434. 2416. Pfeifer Dubia Vexat. p. 1166.

а между тѣмъ всѣ знали, что ученики Иисусовы родомъ галилеяне. Изумленный Симонъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи: ибо, хотя при взятіи Иисуса воины не имѣли, повидимому, повелѣнія брать учениковъ Его; но, теперь, когда удалось такъ счастливо овладѣть Учителемъ, вѣроятно, не пощадилъ бы и ученика, который самъ попалъ въ ихъ руки. Какъ же глубоко должно было упасть сердце Симона, когда, не дожидаясь его отвѣта, одинъ изъ слугъ архіерейскихъ, бывшій съ воинами въ саду Геосиманскомъ, родственникъ того самаго Малха, коему Петръ отрѣзалъ ухо, — началъ въ слухъ всѣхъ обличать его, говоря: «не я ли тебя видѣлъ съ Нимъ въ саду Геосиманскомъ?» Робкій Симонъ не зналъ, что дѣлать, забылъ себя и Учителя, умеръ, по выраженію св. Златоуста *), отъ страха, и всѣми видами клятвъ началъ утверждать, что онъ не только никогда не думалъ быть ученикомъ Иисуса, но и вовсе не знаетъ сего человѣка.

Еще малодушный ученикъ не успѣлъ окончить своихъ клятвъ, какъ проповѣдникъ покаянія (пѣтель) возгласилъ въ слухъ его въ другой разъ...

Въ это же время Господь, бывшій среди стражи на дворѣ, обратился въ ту сторону, гдѣ находился Симонъ Петръ (и гдѣ по причинѣ спора произошелъ шумъ) и посмотрѣлъ на него пристально... Петръ, при всемъ замѣшательствѣ своемъ, замѣтилъ это; взоръ Учителя и Господа проникъ его сердце **). Кажется, онъ снова слышитъ роковое предсказаніе: «прежде нежели пропоеть пѣтухъ, ты отвергнешься Меня три раза.» Мѣсто малодушія заступили стыдъ и раскаяніе ***). Но, — опытъ кончился! Слуги архіерейскіе, удовлетворившись клятвами, перестали беспокоить Петра. Но шумъ двора архіерейскаго былъ уже несносенъ для сердца, терзаемаго скорбію, — и онъ, со слезами на глазахъ, спѣшилъ вонъ, дабы въ уединеніи плакать о своемъ непостоянствѣ. *И изшедъ вонъ, плакася горько...*

Св. Климентъ, ученикъ Ап. Петра, повѣствуетъ, что онъ во всю жизнь, при полуночномъ пѣніи пѣтуха, становился на колѣни, и обливаясь слезами, каялся въ своемъ отреченіи и просилъ

*) Бесѣд. на Мат. 85. Conf. S. Victor. Antioch. in 14 Mar.

***) «Тотъ не могъ оставаться во тьмѣ отреченія, на кого воззрѣлъ Свѣтъ міра.» Блаж. Иеронимъ. Conf. S. Leon. Serm. 3. de Pass.

***) Мат. 16. 18. Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адава не одолѣютъ ей.

прошенія, хотя оно было дано ему самимъ Господомъ вскорѣ по воскресеніи. По сказанію Никифора *), глаза св. Петра отъ частаго и горькаго плача казались красными.

Разительною чертою характера Петрова оканчивается исторія сей ночи, въ коей стеклоь столько противоположныхъ явленій: непоколебимой преданности въ волю Божію, великодушнаго терпѣнія, низкой измѣны, буйнаго безчеловѣчія, мнимой справедливости, истинной праведности; — въ продолженіе коей природа человѣческая обнаружилась и съ самой лучшей (въ Іисусѣ Христѣ), и съ самой худшей (въ Іудѣ и первосвященникахъ), и съ средней стороны (въ Петрѣ); — въ которую положено начало событію, объемлющихъ все человѣчество, имѣющихъ окончиться вмѣстѣ съ бытіемъ настоящаго міра, но въ своихъ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ имѣющихъ продолжиться въ вѣчности.

---

*) Lib. 2, с. 37.

ОПОНТАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОРЪ ПРОТИВЪ ИИСУСА ХРИСТА СИНЕДРИОМЪ.

Второе — утреннее собраніе синедриона. — Второй смертный приговоръ. — Его совершенная неправильность. — I. Христосъ препровождается къ Пилату. — Почему и зачѣмъ?) .

Аступало утро дня, единственнаго въ исторіи рода человеческого. Въ навечеріи его, какъ мы видѣли, іудеи закалала агнца пасхальнаго; а теперь, среди полудня, имѣлъ быть закланъ Агнецъ Божій, вземлющій грѣхи міра *). Надлежало, чтобы истинная жертва принесена была съ жертвою прообразовательною въ одинъ день. Умы всѣхъ іудеевъ заняты были послѣднею: думалъ ли кто нибудь о первой?...

Еще добрые израильтяне покоились сномъ, не думая, что бы *Утѣха Израиля* была такъ близко къ нимъ, какъ чертоги Каиабы снова наполнились старѣйшинами, фарисеями и книжниками **). Не думали повторять розысканій, выискивать свидѣтелей (все это и прежде дѣлалось для одного вида): желали только, —

*) У евреевъ день начинается съ вечера.

***) I Мар. 16, 1; Лук. 22, 66 — 71. — Нѣкоторые толковники (Grotius, Kuinöl, Gregor, Maueg. etc.) не допускаютъ втораго собранія синедриона, здѣсь описываемаго, полагая, что Ев. Лука разумѣетъ подъ нимъ тоже самое собраніе, которое мы представили первымъ. — Но точное и опредѣленное указаніе времени (какъ настала день — *πρωιας δε γενομενης*, Мф. 27, 1), подробное исчисленіе собранныхъ для совѣта сословіи (Мар. 15, 1), полнота собранія (Мар. весь совѣтъ), сказаніе Талмуда (*Mischna 4 Sanhedr. c. 4. § 1*), что въ уголовныхъ дѣлахъ осужденіе должно быть произнесимо по крайней мѣрѣ на другой день, какъ начался судъ, — заставляютъ думать, что это было новое собраніе.

сообразно обыкновению — не осуждать преступника на смерть въ одно засѣданіе *), снова въ полномъ присутствіи синедріона выслушать признаніе Господа, что Онъ есть Мессія, и вслѣдствіе сего снова подтвердитъ приговоръ смертный. Чего не доставало для единогласія, то могло быть сдѣлано посредствомъ тайныхъ сношеній въ остальную часть ночи. Не страшились болѣе и возмущенія народнаго: жители Иерусалима не могли еще узнать о приключеніяхъ прошедшей ночи. Дѣло тѣмъ совершалось такъ успѣшно, какъ только могли желать служители тѣмъ. По всему можно было имъ надѣяться, что они скоро совершенно избавятся отъ ненавистнаго имъ Обличителя нравовъ и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ займутся празднованіемъ пасхи.

Господь былъ введенъ въ собраніе. «Ты ли Мессія, скажи прямо», спросилъ Каіаѳа тѣмъ голосомъ, который уже отзывался смертнымъ приговоромъ.

«*Аще и реку вамъ (что Я Мессія), отвѣчалъ Господь, не имете вѣры. Ащ и вопрошу васъ (о томъ, что могло бы вывести васъ изъ ослѣпленія), не отвѣщаете Ми, и (хотя бы Я доказалъ, что вы должны вѣрить словамъ моимъ) не отпустите Мя. (Послѣ сего остается одно) отсель Сынъ человѣческой (Я Мессія) будетъ сѣдѣи одесную силы Божіей (не будетъ болѣе являться предъ вами въ видѣ уничиженнаго узника, а приметъ видъ всемогущаго царя и суди).*»

«Итакъ Ты Сынъ Божій» (Мессія)? спросили съ нетерпѣніемъ нѣкоторые изъ судей.

«*Азъ есмь*», отвѣчалъ Господь.

«Онъ самъ на себя произнесъ осужденіе», повторяли одни за другими старѣйшины; «болѣе не о чемъ и разсуждать. Смерть, смерть богохульнику!... Смерть, смерть Лжемессіи!»... (Лук. 22, 66 — 71).

Благомыслящіе члены синедріона или не были при настоящемъ рѣшительномъ осужденіи Господа, или должны были молчать. Ихъ частный голосъ только повредилъ бы имъ, ничего не сдѣлавъ въ пользу невинно осужденнаго. Касательно Іосифа аримаѳейскаго прямо замѣчается въ Евангеліи, что онъ не участвовалъ въ настоящемъ *преступномъ совѣтѣ и незаконномъ дѣлѣ* синедріона.

Мы говоримъ: преступномъ совѣтѣ и незаконномъ дѣлѣ:

---

*. In capitalibus judiciis sententia absolutoria die coepti iudicii pronunciaripotest, condemnatoria no. nisi postridie. Sanhed. c. 4 § 1.

ибо, какъ ни старались первосвященники въ судѣ надъ Господомъ соблюсти видъ законнаго судопроизводства, настоящей приговоръ противъ Него сдѣланъ вопреки всѣмъ законамъ правосудія. Основались единственно на объявленіи Господа, что Онъ есть Мессія. Но объявленіе себя Мессією, коего всѣ ожидали, само по себѣ долженствовало быть причиною не смерти, а уваженія и почестей. Итакъ надлежало ожидать, что синедрионъ, хотя изъ одного вида, потребуеть доказательствъ на то, что Онъ есть истинный Мессія, войдетъ сколько нибудь въ разсмотрѣніе Его дѣлъ и ученія, отъ чего, какъ мы видѣли, не далеко было, повидимому, самъ тестъ Καіаθαι, Ананъ. Но сего вовсе не сдѣлано. Ослѣпленнымъ лично ненавистію, опутаннымъ съ ногъ до головы расчетами мелкаго саддукейскаго самолюбія, судіямъ-врагамъ Иисусовымъ представлялось невозможнымъ, чтобы ожидаемый народомъ іудейскимъ, Мессія былъ таковъ, какимъ казался теперь Иисусъ Христосъ: это было для нихъ дѣло, совершенно рѣшенное. Поелику же синедрионъ основалъ приговоръ смертный на томъ, что непремѣнно требовало новаго и безпристрастнаго изслѣдованія: то судъ его, не смотря на всѣ старанія — придать ему видъ законности, представляетъ явное неправосудіе. «Форма только, говоритъ св. Златоустъ, была суда, а въ самомъ дѣлѣ это было не что иное, какъ нападеніе разбойниковъ».

Принявъ объявленіе Господа, что Онъ есть Мессія, за ложь, синедрионъ могъ находить въ немъ два преступленія, по отношенію къ двойной власти, имѣвшей силу въ Иудеѣ. Въ отношеніи къ отечественнымъ законамъ, Иисусъ Христосъ представлялся человѣкомъ нечестивымъ, который, забывъ страхъ Божій, осмѣливается присвоить себѣ священное наименование Мессіи, дабы вводить народъ Божій въ заблужденіе, которое по существу своему (ибо съ появленіемъ Мессіи ожидали преобразования правленія) могло имѣть пагубныя слѣдствія для всей Іудеи. Въ отношеніи къ римскому правительству, Иисусъ Христосъ оказывался возмутителемъ, который, пользуясь народною вѣрою іудеевъ въ пришествіе Мессіи, хочетъ привлечь ихъ на свою сторону, дабы потомъ свергнуть иго римлянъ. Въ томъ и другомъ отношеніи виновный подлежалъ смертной казни. За богохульство и присвоеніе достоинства пророческаго, законъ Моисеевъ повелѣвалъ побивать камнями (Лев. 24, 13); за возмущеніе народа, по уложенію римлянъ, назначенъ былъ мечъ или крестъ *).

*) Bynaeus de Mort. Christi,

Иудейскіи синедріонъ пользовался еще правомъ наказывать смертію за преступленіе отечественныхъ законовъ: только приговоры его исполнялись не прежде, какъ по утвержденіи ихъ областнымъ прокураторомъ*). Слѣдовательно, по осужденіи Господа на смерть, первосвященникамъ оставалось только испросить согласія тогдашняго прокуратора и потомъ предать Его стражамъ храма и слугамъ своимъ на побіеніе камнями, или другую какую-либо отечественную казнь **). Но первосвященники не сдѣлали сего; а предпочли отослать Осужденнаго къ прокуратору, дабы онъ приказалъ казнить Его по законамъ римскимъ. Это было совершенно въ духѣ фарисейской расчетливости. Совершеніе казни отъ лица синедріона обратило бы всю ненависть народа, приверженнаго къ Іисусу Христу, прямо противъ первосвященниковъ и фарисеевъ; могли даже опасаться, что народъ произведетъ возмущеніе въ пользу любимаго всѣми Пророка, — что было сдѣлать гораздо труднѣе, когда Онъ находился въ рукахъ римскаго, для всѣхъ страшнаго, правительства. Самое наступленіе праздника препятствовало первосвященникамъ распорядиться отечественною казнію; а отложить ее до окончанія праздника сопряжено было съ новою опасностію отъ народа. Въ преданіи Господа Пилату представлялась и та выгода, что прокураторъ можетъ осудить Его на самую поносную смерть — на крестъ, каковая казнь опредѣлялась только римскими законами. Между тѣмъ надлежало исполниться и предсказанію Господа о томъ, что Его предадутъ въ руки язычниковъ, кои осудятъ Его на распятіе (Іоан. 18, 32) (Мы во всей исторіи страданій Христовыхъ будемъ видѣть, какъ естественныя повидимому обстоятельства сами собою располагались такъ, что, противъ воли враговъ Іисусовыхъ, на Немъ во всей подробности совершились событія, предсказанныя за нѣсколько вѣковъ пророками и самимъ Богочеловѣкомъ). Требовалось только придумать, какъ сильнѣе подѣйствовать на прокуратора, дабы онъ кончилъ дѣло безъ дальняго изслѣдованія. Для сего вѣрнѣйшимъ средствомъ казалось, если члены синедріона сами своимъ лицемъ явятся въ

*) Joseph. de Bell. Jud. 6. 5. 6. Wolfius in Curis ad Math. 26. Mayer, 68. Vertheidigung und Erklärung der Geschichte Jesu aus Profan-Scribenten § 242.

***) Въ Талмудѣ пишется, что въ распоряженіи сената іудейскаго находились четыре смертныя казни: побіеніе камнями, сожженіе, отсѣченіе головы мечемъ, удушеніе (strangulatio). Sanhedr. 7. 4. p. 240.

его судилище, представляютъ ему и важность дѣла, и единогласіе своего приговора, и очевидность преступленія, и крайнюю опасность со стороны преступника для самаго правительства римскаго.

Вслѣдствіе подобныхъ соображеній, Іисусъ Христосъ въ узахъ былъ отведенъ стражами изъ дома Каіафы въ преторію Пилата (такъ назывался весь домъ и въ частности судилище римскаго правителя). За Нимъ слѣдовали тудаже первосвященники, старѣйшины, фарисеи и книжники (Мат. 27, 1. 2).

СУДЬБА ПРЕДАТЕЛЯ.

(Раскаяніе Іуды. — Свидѣтельство о невинности преданнаго Учителя. — Онъ повергаетъ сребренники. — Самоубійство. — *Село крови*. — Исполненіе пророчествъ. — Характеръ предателя. — Что побудило его быть въ числѣ учениковъ Іисусовыхъ? — Почему и для чего онъ принять? — Страсть сребролюбія — непрестанно возрастающая. — Какъ могла образоваться мысль о преданіи?... — Іуда не ожидалъ отъ него *такого* конца. — Естественность раскаянія. — Тяжесть грѣха Іудина.)

духъ объ осужденіи синедріономъ Іисуса Христа на смерть привелъ, безъ сомнѣнія, въ содроганіе весь Іерусалимъ и, можетъ быть, нѣкоторыхъ даже изъ враговъ его: но самое сильное дѣйствіе произвелъ въ томъ человѣкѣ, отъ коего въ настоящемъ случаѣ всего менѣе можно было ожидать чувствительности — въ Іудѣ! — Какъ бы отъ нѣкоего чуда, предатель перемѣнилъ свои мысли и чувства. Раскаяніе самое сильное и мучительное наполнило всю его душу, и овладѣло имъ до того, что онъ, не зная что дѣлать, рѣшился на самый отважный поступокъ — идти къ первосвященникамъ, возвратитъ гибельные сребренники и всенародно свидѣтельствовать, что онъ согрѣшилъ тяжко — *предалъ кровь неповинную!* Трудно было надѣяться тронуть симъ поступкомъ (хотя онъ самъ по себѣ былъ весьма трогателенъ) сердце судей — враговъ Іисусовыхъ: но ученикъ-предатель хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, удовлетворитъ собственному чувству, облегчить сколько нибудь нестерпимое бремя грѣха, подавлявшее его душу. Первосвященники приняли раскаяніе Іуды и его свидѣтельство о невинности Іисуса съ презрительною холодностію людей, кои, якобы занимаясь только исполненіемъ законовъ, не имѣютъ времени обращать вниманія на порывы

мечтательной чувствительности. Ни одинъ не захотѣлъ спорить съ Иудею о невинности его Учителя (всего менѣе признаваемой личными врагами Иисуса); но ни одинъ не взялся пролить капли едея на растерзанное сердце — предателя. «Что намъ — отвѣчали, — до твоего поступка? Смотри самъ! Ты согрѣшилъ (если согрѣшилъ), ты и долженъ отвѣчать!» — Такъ холодно говорили уста, хотя сердце кипѣло злобою на Иуду за его всенародное раскаяніе и свидѣтельство о Иисусѣ, кою, служа къ оправданію Осужденнаго, были вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимымъ упрекомъ неправеднымъ судьямъ Его.

Огорченный упрекомъ священниковъ, бѣдный предатель дѣйствительно обратилъ весь взоръ на себя самого, — но взоръ отчаянія, предъ коимъ такъ скоро является и такъ кажется приятною — смерть!... Въ смятеннн чувствъ, онъ повергаетъ принятые сребренники въ храмъ *), спѣшитъ въ уединенное мѣсто, и тамъ, на дровѣ, задушаетъ въ себѣ жизнь тѣлесную, давно задушивъ духовную. Но ужасная картина сія, начатая рукою отчаянія, какъ бы съ намѣреніемъ продолжается перстомъ карающаго Провидѣнія; висящее тѣло упадетъ съ древа стремглавъ внизъ, середина его расторгается отъ паденія на части, и являются внутренности (Дѣян. 1, 18)...

Первосвященники, по свидѣтельству св. Матѳея, не согласились положить въ корванъ церковный сребренниковъ Иудиныхъ: потому что закономъ запрещено было принимать въ церковь деньги нечистыя (Втор. 22, 18); а это была цѣна крови! — Вмѣсто сего, съ общаго совѣта, куплено впоследствии у одного горшечника пустое за городомъ мѣсто для погребенія странниковъ, можетъ быть и іудеевъ, кою, во многихъ тысячахъ приходя во святой градъ, оканчивали нерѣдко тамъ земное поприще свое, а болѣе кажется, язычниковъ, коимъ, какъ, по мнѣнію іудеевъ, нечистымъ, приличествовало и мѣсто отдѣльное для погребенія. Глазь народа, въ коемъ такъ часто выражается глазь Божій, далъ вскорѣ сему кладбищу соответственное имя: Акеллама, то-есть, мѣсто крови.

Такимъ образомъ, по замѣчанію Евангелиста, исполнились древнія предсказанія пророковъ о предателѣ и плодахъ преда-

*) Мат. 17, 5. *Eu tu vas.* Но это мѣсто въ храмѣ іерусалимскомъ было доступно однимъ священникамъ. Какимъ образомъ могъ войти въ него Иуда? Развѣ съ отчаянія? Или, можетъ быть, бросилъ деньги въ двери храма. Или, наконецъ, что вѣроятнѣе, *vaos* стоитъ вмѣсто *иерон*.

тельства: тридцать сребренниковъ приняты, какъ «цѣна Цѣвненаго, Егоже цѣвниша отъ сыновъ Израилевыхъ», и отданы на землю горшечника, какъ то еще издревле открылъ Господь вѣрнымъ рабамъ своимъ (Захар. II, 12—13).

Сбылось, замѣчаетъ св. Петръ, и слово Давида о томъ, кто, *ядый хлѣбы, возвеличилъ запитаніе* (Дѣян. I, 20; Псал. 73, 26): *дворъ его остался пустъ*, — въ безмолвное жилище мертвыхъ! Въ окрестностяхъ Иерусалима и теперь показываютъ слѣды села крови *).

Но кто укажетъ слѣды нрава и жизни несчастнаго стяжателя его? — обозначить истинный характеръ сына погибельнаго? проникнуть тайну его лица и предательства? — Лице съ перваго взгляда ужасное, и вмѣстѣ таинственное, состоящее въ какой-то особенной, разительной противоположности съ достопоклоняемымъ лицомъ Сына человѣческаго! Каиниты, конечно, жестоко заблуждались, почитая Иуду за его предательство, совершенное яко бы потому, что онъ одинъ изъ апостоловъ обладалъ прозрѣніемъ въ тайну спасенія человѣческаго смертію Сына Божія **): но несогласно съ истиною поступилъ бы и тотъ, кто захотѣлъ бы видѣть во всей прошедшей жизни бывшаго апостола одно мрачное и преступное. За противное ручается уже его, почти четырехлѣтнее, пребываніе съ Іисусомъ, *среди напастей и искушеній* (Лук. 22, 28), когда многіе другіе оставляли Его (Іоан. 6, 65—67). Такое постоянство достается въ удѣлъ не всякому. Сильное раскаяніе во грѣхѣхъ, всенародное признаніе въ немъ во храмѣ, и торжественное свидѣтельство о невинности осужденнаго уже Іисуса, подвергавшее Иуду многимъ и важнымъ неприятнымъ послѣдствіямъ, — также громко свидѣлствуютъ, что въ душѣ предателя еще была совѣсть, что рука его умѣла не принимать только, а и повергать сребренники. Все это и многое другое заставляло еще отцевъ Церкви думать, что душа Иуды не чужда была многихъ добрыхъ чувствованій: почему онъ и былъ принятъ въ апостолы и причисленъ къ лику двѣнадцати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ Искаріота былъ зародышъ губельной страсти сребролюбія, этого, по замѣчанію св. Павла, *корня всѣхъ золъ* (I Тим. 6, 10). То и другое — и похвальная и предосудительная сторона его характера могли равно расположить его слѣдовать за Іисусомъ.

*) Смотр. Путеш. Норова.

***) *Irin. contra hæres. I, I. c. 25 Eriph. hæres. 38, § 1.*

сомъ. Гдѣ болѣе, какъ не въ Его святомъ обществѣ, какъ не въ Его Божественныхъ бесѣдахъ, было пищи для всѣхъ благихъ помысловъ и чувствованій? — При комъ, какъ не при Немъ — Мессіи — Царѣ всего міра, удобнѣе казалось удовлетворить и свою жажду къ серебру? — И вотъ, Искаріотъ — въ числѣ учениковъ Іисусовыхъ, и причтенъ къ лику дванадесяти. — Быть не можетъ, чтобы Іисусъ, избравшій своихъ апостоловъ послѣ все-нощной молитвы, среди собесѣдованій съ Отцемъ, не вѣдалъ, что Онъ избираетъ своего предателя. — *Вѣдѣше искони, кто есть предаѣя Его,* — и однакоже избралъ его! избралъ, да сбудется писаніе, *яко никтоже отъ нихъ погиге, токмо сынъ погигельный* (Іоан. 17, 12).

Неизбранный, Искаріотъ, конечно, не учинилъ бы преданія въ настоящемъ его видѣ; но могъ учинить въ тысячѣ другихъ видовъ: ибо Сынъ Божій, впостасная истина и благо, предается всякій разъ, когда мы злонамѣренно измѣняемъ истинѣ и добродѣтели. Напротивъ, смертельный недугъ, коимъ заражена была душа Искаріота, нигдѣ не могъ найти скорѣйшаго и прямѣйшаго исцѣленія, какъ въ святомъ обществѣ Іисусовомъ, еслибы несчастный захотѣлъ возстановить здравіе души своей! Въ семъ отношеніи принятіе Іуды въ число учениковъ было для него милость величайшая...

Постоянная, непосредственная близость Искаріота къ Іисусу, должна была, по свойству сердца человѣческаго, произвести одно изъ двухъ: или подавить совершенно страсть сребролюбія въ сердцѣ Іуды и сдѣлать его совершенно чистымъ, подобно прочимъ ученикамъ; или произвести въ немъ тайную, постепенно возрастающую скуку отъ святаго общества Іисусова, заставить его, убѣгая свѣта, такъ ярко сіявшаго предъ очами и освѣщавшаго всѣ шаги его, болѣе и болѣе погружаться въ собственную тьму, предаться совершенно страсти. Къ несчастію, надъ Іудой, по его собственной волѣ, сбылось во всей силѣ послѣднее. Тогда какъ прочіе ученики, вступивъ въ святое общество Іисусово, оставляли, такъ сказать, свою собственную жизнь, и со дня на день болѣе и болѣе начинали жить божественною жизнію своего Учителя и Господа, — Іуда остался съ своею гибельною самостоятельностью. Въ его умѣ продолжался мракъ невѣрія; въ его сердцѣ лежалъ, не тронутъ, ледъ самолюбія; онъ продолжалъ жить собственною нечистою жизнію, противоположною жизни Учителя. Средоточіемъ сей противоположности была страсть къ деньгамъ, столь противная

духу нищеты и самоотверженія Сына человѣческаго. Носимый Искаріотомъ, ящикъ сдѣлался ковчегомъ завѣта для сребролюбца, изъ котораго сатана давалъ ему свои откровенія: вся область тьмы обратилась на сію душу, находя въ ней убѣжище и мнимую твердыню противъ Того, Кто пришелъ разрушить *дѣла діаволя* (1 Иоан. 3, 8). Когда Сынъ человѣческой восходилъ отъ одного подвига къ другому — несчастный сынъ погибели ниспадалъ отъ лукавства къ лукавству, отъ измѣны къ измѣнѣ. Все злое тѣмъ глубже вѣдрялось въ душу Іуды, что должноствовало оставаться тайною его совѣсти: совнѣ онъ былъ апостолъ какъ и другіе.

Учитель, безъ сомнѣнія, употреблялъ всѣ средства къ излеченію недугующаго ученика. Свидѣтельство тому — послѣдняя вечеря. Сколько трогательныхъ и сильныхъ намековъ къ покаянію! Въ евангеліи Иоанновомъ сохранились и другіе слѣды особеннаго вниманія Іисусова къ состоянію души Іудиной (Іоан. 6, 70). Но, по причинѣ заключенія чувствъ сердца, занятаго страстію, все доброе оставалось на ея поверхности, — не было принято и не могло обращаться въ силу и жизнь духовную. Прикосновеніе — самое легкое и дружеское — врачующей руки къ ранѣ производило одно внутреннее содроганіе и боль.

Выводимый изъ терпѣнія своею страстію, можетъ быть, не разъ Искаріотъ, подобно другимъ, думалъ оставить Іисуса (Іоан. 16, 66). Но невидимыя узы все еще держали его до предопредѣленнаго времени; внутренній голосъ сильно еще говорилъ за Учителя. Могла говорить въ пользу пребыванія со Іисусомъ и самая страсть, все еще не терявшая совершенно надежды видѣть Іисуса Мессіею. Іуда, — какъ ни тяжело было принуждать себя непрестанно, — принуждалъ и оставался!...

Послѣднія событія, возбуждившія и въ прочихъ ученикахъ чужаніе о близкомъ воцареніи Учителя (Лук. 19, 11), въ Іудѣ должны были потрясти всю душу надеждою и страхомъ. «Теперь, думалъ Іуда, не далѣе, должна рѣшиться *Его*, — по крайней мѣрѣ, моя участь! Время подумать рѣшительно о своемъ будущемъ состояніи.» — Что же слышитъ сребролюбецъ отъ Учителя въ продолженіе всѣхъ послѣднихъ дней? — Частыя предсказанія о Его будущихъ страданіяхъ, и — ни слова о Его царствѣ и земныхъ наградахъ ученикамъ! «Первосвященники и фарисеи собираются для совѣщаній, берутъ всѣ мѣры, осуждаютъ насъ на смерть; а мы ходимъ туда и сюда безъ дѣла, проводимъ дни и ночи ни надъ чѣмъ... Прекрасное общество, — но оно не по

Иудѣ, коему нужно *чѣль жить*. Я не ихъ, и они не мои! Каждый пойдемъ своимъ путемъ!» — Но нельзя ли извлечь, шепталъ демонъ сребролюбцу, послѣдней пользы изъ твоего почти четырехлѣтняго пребыванія съ сими людьми? — Синедрионъ весьма дорожить узнаніемъ мѣстопробыванія Іисусова: почему не употребить въ свою пользу этого вызова?... Указаніе мѣстопробыванія не причинитъ большаго вреда Учителю, а тебѣ послужитъ въ пользу. Посмѣютъ ли стражи наложить руки на Іисуса! Не въ первый разъ возвращаться имъ отъ Него безъ успѣха. Даже, если бы они захватили Его, то во время праздника, по причинѣ народа, не посмѣютъ причинить Ему ничего худаго; дѣло окончится чѣмъ либо неважнымъ*), — по всей вѣроятности, удаленіемъ Іисуса въ Галилею; а ты можешь получить награду, какъ патріотъ, и отличишь себя въ глазахъ фарисеевъ, что можетъ имѣть весьма полезное вліяніе на твою дальнѣйшую судьбу...

Адская мысль принята, — и ученикъ-предатель весь занятъ — сатаню! Не ищите послѣ сего согласія въ его дѣйствіяхъ: — это значило бы искать порядка въ адѣ. Пусть Каиаѳа не будетъ обѣщать ему ничего болѣе 30 сребренниковъ — эти сребренники покажутся ему горами золота. Вырваться скорѣе изъ рая, — обратившагося въ темницу, — кончить, кончить дѣло, — вотъ чего хочетъ душа Іудина, діаволъ въ ней живущій!...

Но дѣло кончено! — Учитель въ рукахъ книжниковъ! Посредствомъ неимоверной поспѣшности, они успѣваютъ въ продолженіе ночи сдѣлать два собранія, выслушать лжесвидѣтелей, произнести осужденіе, предать Осужденнаго Пилату на распятіе... Вѣсти о всѣхъ сихъ событіяхъ, подобно громовымъ ударамъ, раздаются въ душѣ Іудиной. Разродившись предательствомъ, исполнивъ внушеніе сатаны, душа предателя сдѣлалась какъ бы праздною и потому доступною чувству забытаго долга. Какой ужасный голосъ раздается теперь въ сей пустынь! Все доброе, на время забытое, въ тысячѣ видахъ возникаетъ снова, тѣснится въ сердце, подавляетъ, разрываетъ его. — Иуда видитъ одно, слышитъ одно: смерть Учителя! Для него нѣтъ болѣе стыда и скрытности; всѣ расчеты, самая страсть исчезла, какъ адское привидѣніе: осталась одна совѣсть съ мученіями! Дружеское участіе въ семъ положеніи какого либо священника, — какого-либо человека, можетъ быть, остановило бы душу, готовую упасть въ

*) Теоф. Толк. на Мат. 27, 4.

адъ. Отъ нѣсколькихъ минутъ зависѣло все. Что же слышитъ самоосужденный предатель? — «Смотри самъ», — говорятъ ему съ презрѣніемъ. — «О, я хорошо вижу, думаетъ онъ въ отчаяніи, чего стоитъ подобное мнѣ чудовище: *око за око, кровь за кровь*, — говоритъ самъ законъ», — и первое древо служить ему орудіемъ казни надъ самимъ собою.

Послѣ сего уже стократъ *унѣ* было, дабы не родился, ужасно несчастный, *человѣкъ сей!*

Но речеть кто: *«аще писано есть пострадати Христу сіе, то чего ради порицаетъ Іуду? писанія бо сотворилъ есть.»*

«Но не тѣмъ изволеніемъ, а отъ лукавства. *Аще же не изволеніе его испытывати будеши, то и діавола отъ согрѣшенія свободиши. Но нѣсть сіе, нѣсть. Безчисленныхъ бо достойны суть мукъ и сей и онъ, аще и вселенная спасеся. Не преданіе бо Іудино спасеніе намъ содѣла, но Христова премудрость и Его художества богатство, иныхъ лукавства въ пользу намъ употребляя. Речеши: «аще и Іуда не предалъ бы, инъ не предалъ ли бы?» — И что сіе на предложеніе? «Яко аще распятися Христу подобаше, чрезъ нѣкоего подобаше, речеши: аще чрезъ нѣкоего, чрезъ такова человѣка всячески: аще же всѣ были блази, не содѣялося бы смотреніе о насъ.» Не буди; — самъ бо Всепремудрый вѣдѣше, како устроить полезная намъ, и сему не собывиуся; изобильна бо Его премудрость и непостижима. Сего ради да никто возмнѣтъ, яко служитель смотренія бысть Іуда, окаеваемъ его.» (Злат. бесѣд. 18 на Мат.)*

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДѢ ПИЛАТА.

(Характеръ Пилата и его отношеніе къ синедріону. — Голословное обвиненіе І. Христа первосвященниками. — Прекураторъ имъ не довольствуется. — Всенародный допросъ. — Отвѣтъ на него величественный, но противный ожиданію и видамъ судіи. — Тайный допросъ. — Пилатъ объявляетъ Узника виновнымъ. — Новыя клеветы со стороны обвинителей. — Безмолвіе Обвиняемаго. — Исусъ Христосъ отсылается на судъ Ирода.)

имскій прокураторъ Іудеи, коему достался несчастный жребій осудить на распятіе *Господа славы*, былъ Понтіи Пилатъ *): человекъ, по свидѣтельству іудейскихъ писателей, высокомѣрный, жестокій и корыстолюбивый **). Впрочемъ такой отзывъ могъ быть слѣдствіемъ національнаго предубѣжденія противъ чужеземнаго правителя ***), и если заслуженъ Пилатомъ, то болѣе въ послѣдніе годы его правленія. По крайней мѣрѣ, исторія суда Пилатова надъ Исусомъ Христомъ не показываетъ въ немъ особеннаго высокомѣрія, тѣмъ менѣе корысто-

*) Понтій было имя прокуратора, а Пилатъ прозваніе, данное ему потому, что онъ начальствовалъ когда нибудь надъ воинами, вооруженными pilis, коихъ называли пилатами (Pilati). Martial lib. X. epig. 48; или потому, что онъ за какое либо отличіе награжденъ былъ такимъ оружіемъ, каковая награда была въ обыкновеніи у римлянъ, Plat. in vita Romul.

***) Joseph. Antiq. 18. 3. 4. Bell. Jud. 2. 8. Philo legat. ad Caj. p. 589.

****) Germar. Program, in qua docetur Pilati facinora in admin. Judeae comissa partim non esse, qualia dicantur, partim aliorum magis culpa et necessitate, quam insita homini saevitia et iniquitate accedisse. 1785.

любія. Если бы приговоръ прокуратора можно было купить сребренниками; то первосвященники, вѣроятно, не пощадили бы церковнаго корвана, только бы скорѣе достигнуть своей цѣли, и избавить себя отъ униженія, коему они подвергались въ преторіи.

Понтій былъ собственно только прокураторомъ *) Иудеи, Самаріи и Идумеи (должность, которая сама по себѣ ограничивалась управленіемъ податей государственныхъ **): впрочемъ съ полнымъ правомъ претора — рѣшать всѣ дѣла и казнить смертію, каковое совмѣщеніе правъ дѣлалось въ нѣкоторыхъ, не такъ значительныхъ, провинціяхъ ***), куда не почитали нужнымъ посылать особыхъ преторовъ и проконсуловъ. Такими прокураторами назначались люди большею частію всадническаго (equestris) достоинства, иногда изъ вольноотпущенныхъ (libertini), чѣмъ либо отличившихся, и назывались, подобно другимъ главнымъ начальникамъ, игемонами или правителями ****). Пилатъ принадлежалъ къ сословію всадниковъ. Обыкновеннымъ мѣстопробываніемъ іудейскихъ прокураторовъ былъ городъ Кесарія: но на праздники, особенно на Пасху, они переселялись въ Іерусалимъ для ближайшаго надзора за спокойствіемъ народа и для укрощенія возмущеній, кои не рѣдко происходили во время праздниковъ *****).

Съ синедріономъ іудейскимъ римскому игемону трудно было жить въ мирѣ: ибо двѣ различныя, и по духу совершенно противоположныя, власти часто сталкивались. Пилатъ имѣлъ немалыя причины негодовать на іудеевъ и ихъ синедріонъ. Вскорѣ по вступленіи въ должность іудейскаго прокуратора, ему захотѣлось (вѣроятно, изъ ласкательства кесарю) внести въ Іерусалимъ римскія знамена съ изображеніемъ кесаря: поступокъ самъ по себѣ не очень важный, но противный іудейскимъ обычаямъ. Упорство народа, соглашавшагося лучше лишиться жизни, нежели видѣть языческія изображенія въ святомъ градѣ, сдѣлало то, что Пилатъ принужденъ былъ велѣть вынести знамена изъ Іерусалима. Потомъ Пилатъ вздумалъ построить, на счетъ церковныхъ сокровищъ, водопроводъ для Іерусалима: намѣреніе, весьма полезное для

*) *Ἐπιτροπος τῆς Ἰουδαίας*. Phil. leg. ad Caj. p. 1033. Procurator, Tacit. Annal. 15. 44.

***) Dio Cassius lib. 53. Bynacus de mort. Christ. tom. 2. p. 412—13.

****) Онѣ исчислены у Тацита. Hist. 1, 1. с. 2.

*****) Lampii comment. in Johan. p. 543. Kuinöl comment. ad Math. 10. 18.

*****) G. Meyer, Versuch einer Vertheidigung der Geschichte Jesu allein aus griech. und röm. Profan-Scribenten. 8. 24.

жителей столицы, много, — и особенно въ праздники, — терпѣвшей отъ недостатка хорошей здоровой воды, — но непріятное синедриону, коему принадлежали деньги. Въ семъ случаѣ произошло народное возмущеніе, такъ что Пилатъ съ трудомъ разсѣялъ народъ, окружившій его лиюостротонъ, и нагло требовавшій оставить его — безъ воды *).

Объ Іисусѣ Христѣ и Его дѣйствіяхъ Пилатъ не могъ не имѣть давно свѣденій; но, безъ сомнѣнія, не имѣлъ вѣрнаго понятія, кромѣ того, что дѣйствія Его ни мало не опасны для римскаго правительства. Извѣстно было, конечно, Пилату и о происшествіяхъ минувшей ночи: взятіи Іисуса Христа подъ стражу, собраніи синедриона и проч.; ибо римская стража, усугублявшая свою бдительность во время праздниковъ, давала знать прокураторамъ о всѣхъ происшествіяхъ, заслуживающихъ вниманія. Пилату даже извѣстно было гораздо болѣе, нежели сколько хотѣли и, можетъ быть, ожидали первосвященники: — что они преслѣдуютъ Пророка галилейскаго единственно по личнымъ видамъ, изъ зависти и злобы (Мат. 27, 18). Такимъ образомъ появленіе Іисуса Христа въ видѣ узника не было для прокуратора вовсе неожиданнымъ явленіемъ: неожиданно было только, чтобы для обвиненія Его явился весь синедрионъ, такъ рано и въ тотъ день, когда всякій израильтянинъ, и искренно и лицемѣрно набожный, старался какъ можно удалиться отъ язычниковъ и всего языческаго, дабы не потерять законной чистоты, необходимой для совершенія Пасхи **).

Первосвященники и книжники, *пожирая*, по выраженію евангелія, *верблюдовъ*, дѣйствительно не забыли теперь *отцѣдить сего колапа* (Мат. 23, 24). Пришедши къ преторію Пилатовой, они не вошли въ нее, *чтобы не оскверниться*; и дали знать игемену, что ожидаютъ его на Лиюостротонѣ ***) для такого дѣла,

*) Joseph. Antiq. 50. 17, с. 3.

**) Числ. 9, 6. Нечистымъ, по закону, іудей становился только отъ прикосновенія къ мертвому и нѣкоторымъ другимъ вещамъ. Но фарисеи, изъ гордости, почитали такою нечистою всѣхъ язычниковъ, и даже вещи, имъ принадлежащія; посему-то возвращаясь съ площади, гдѣ всегда много было язычниковъ, они имѣли обыкновеніе мыть руки и даже все тѣло (Мар. 7, 3. 4). Жалкіи предразсудокъ сей укоренился въ народъ еврейскомъ, особенно со времени Маккавеевъ. Spencerus de leg. Hebr. 1. 1. с. 4. sect. 2. Seldenus de jure nat. et gent. 1. 11. с. 5.

***) Площадка предъ домомъ прокуратора, такъ названная отъ того, что была устлана мраморомъ и другими разноцвѣтными камнями. Среди Лиюостро-

которое не терпитъ отсрочки. Не забыли, безъ сомнѣнiя, извиниться предъ ижемономъ въ томъ, что законъ не позволяетъ имъ войти теперь во внутренность преторiи для личнаго съ нимъ объясненiя

«Жадкiй народъ! слѣпые изувѣры!» думалъ, конечно, гордый римлянинъ, чувствительный къ тому, что его подвластные почитаютъ домъ его такъ нечистымъ и богопротивнымъ, что опасаются войти въ него. Но духъ римской власти всегда щадилъ предразсудки побѣжденныхъ народовъ *); и Пилатъ немедленно явился на Лиоостротонѣ.

Первосвященнику въ краткихъ словахъ объявили, зачѣмъ они пришли и чего требуютъ, — надѣясь, что Пилатъ не заставитъ ихъ судиться съ преступникомъ, осужденнымъ цѣлымъ синедрiономъ.

Но для Пилата уже такая поспѣшность и настойчивость были подозрительны. Намѣстникъ кесаря менѣе всего расположенъ былъ служить слѣпымъ орудiемъ Каиаѳова коварства. Какъ бы не примѣчая, что обвинители дорожатъ временемъ и сердечно участвуютъ въ гибели Обвиняемаго, римскiй вельможа прини-
маетъ спокойный тонъ безпристрастнаго судiи, и спрашиваетъ: «въ чемъ же вы обвиняете сего человѣка **)?»

Потребовать вины и, безъ разсмотрѣнiя дѣла, не осуждать виновнаго было отличительнымъ свойствомъ римскаго правосудiя (Дѣян. 25, 15. 16).

«Если бы Онъ не былъ злодѣй, то уже ли бы мы (всѣ члены синедрiона) предали Его тебѣ для казни?» — былъ отвѣтъ старѣйшинъ, все еще надѣявшихся, что ихъ личная важность послужитъ вмѣсто всѣхъ доказательствъ.

Но такой неопредѣленный, личный языкъ еще болѣе измѣнялъ сердечной тайнѣ враговъ Иисусовыхъ; а ихъ самонадѣянность еще сильнѣе вызывала противъ себя гордость Пилата, внутренно, мо-

тона находилось судейское мѣсто (*Втриа*, tribunal); ибо судъ у римлянъ производился большею частiю подъ открытымъ небомъ. Joseph. Bell. Jud. 2. 9. 3.

*) Римляне оставили въ силѣ не только iудейскiе законы и религiю, но и самыя предразсудки. Такъ напр., никто не имѣлъ права принудить еврея нарушить покой субботнiй, хотя соблюденiе онаго простерто было до смѣшнаго излишества. Joseph. contr. App. 1. 11. Antiq. 1. 14. с. 17.

**) Иоан. 18, 29 — 31. Должно примѣтить, что у Ев. Иоанна описано самое начало суда Пилатова надъ Господомъ, между тѣмъ какъ другiе евангелисты начинаютъ повѣствованiе о семь судѣ съ вопроса Пилатова: «царь ли Ты?»

жетъ быть, радовавшагося, что наше.ль случай досадить своимъ врагамъ...

«Когда такъ, возразилъ игемонъ, когда вы хотите, чтобы я осудилъ сего человѣка безъ изслѣдованія дѣла: то къ чему и мое участіе? — Возьмите Его вы сами и, по закону вашему, судите — и наказывайте Его, какъ вамъ угодно. Я не хочу вмѣшиваться въ ваши дѣла.»

«Но преступленіе Его, отвѣчали обвинители, требуютъ смертной казни, потому что Онъ выдавалъ себя за Мессію, Царя израильскаго; а намъ нельзя никого предавать смерти, безъ твоего на то согласія» *).

Такое усердіе къ выгодамъ кесаря, особенно уклоненіе отъ осужденія на смерть мнимаго преступника — изъ устъ первосвященниковъ должны было казаться для Пилата чрезвычайно странными. Отказывались отъ своихъ правъ тѣ, кои всегда дожили ими и непрестанно спорили съ прокураторами о правахъ.

Однакоже важность обвиненія не позволяла болѣе уклоняться отъ судопроизводства; надлежало приступить къ допросу. Поелику первосвященники въ доказательство, что Іисусъ Христосъ есть возмутитель народнаго спокойствія, ссылались единственно на присвоеніе Имъ царскаго имени; поелику для римскаго прокуратора важность обвиненія въ присвоеніи себѣ кѣмъ либо званія Мессіи іудейскаго состояла единственно въ томъ, что съ симъ званіемъ, по отзыву синедріона, соединялось наименованіе царя; то Пилатъ, вмѣсто всѣхъ изслѣдованій, обратился къ Господу и спросилъ Его: «царь ли Ты іудейскій?»

При настоящихъ обстоятельствахъ, такой вопросъ не могъ быть произнесенъ безъ улыбки. Предъ Пилатомъ стоялъ такой человѣкъ, о которомъ нельзя было и подумать, чтобы онъ имѣлъ виды на престолъ іудейскій и осмѣлился спорить о правахъ на

*) Иоан. 18, 31. Такое изъясненіе словъ Иоанновыхъ, по самой простотѣ своей, кажется лучше другихъ изъясненій, напр. «намъ нельзя никого предавать смерти, по причинѣ наступающаго праздника» (Златоуст. Август.); ибо мы увидимъ, что первосвященники до самаго вечера будутъ участвовать въ совершеніи казни надъ Іисусомъ Христомъ; — или: «намъ не позволено распинать» (Феофил.); ибо въ такомъ случаѣ первосвященники употребили бы слово *βαβρονι*, и Пилатъ не сказалъ бы: «судите по закону вашему»; — или: намъ не позволено предавать смерти никого, обвиненнаго въ возмущеніи и нарушеніи законовъ величества (Deuling. obs. Sac. tom. 2. p. 313.); ибо такое ограниченіе слова: *οὐδενά* — слишкомъ произвольно.

Иудею съ кесаремъ. Конецъ суда, по видимому, зависѣлъ отъ того, что Обвиняемый скажетъ въ отвѣтъ: признаетъ, или не признаетъ Себя царемъ. Судія, конечно, не ожидалъ, чтобы Узникъ объявилъ себя предъ нимъ царемъ; не ожидалъ, можетъ быть, и того, что Онъ прямо отвергнетъ обвиненіе іудеевъ: ибо во всякомъ случаѣ надлежало предполагать какое либо основаніе въ обвиненіи, дѣлаемомъ цѣлымъ синедріономъ. Каково же должно быть удивленіе Пилата, когда Господь рѣшительно отвѣтствовалъ: «Я — царь» (Мар. 15, 2)!

Лучше сего отвѣта не могли желать враги Іусуса; опаснѣе его не могъ вообразить Пилатъ. При такомъ отвѣтѣ іудеи могли тотчасъ сказать, что дѣло кончено; потому что Обвиняемый говоритъ самъ на Себя. Можетъ быть, Пилатъ, и въ самомъ дѣлѣ, окончилъ бы теперь свой судъ подтвержденіемъ приговора противъ Іусуса Христа, сдѣланнаго синедріономъ, если бы внушающій къ себѣ благоговѣніе видъ Господа, твердость и спокойствіе, съ коимъ произнесено признаніе въ томъ, что Онъ царь, — собственное нерасположеніе Пилата къ синедріону и самолюбіе — продолжили начатое уже защищеніе невинности, — не побудили его войти въ новое разсмотрѣніе.

Такого разсмотрѣнія, впрочемъ, требовала и справедливость. Іусусъ Христосъ, называя Себя царемъ, не признавалъ еще вмѣстѣ съ симъ, что Онъ, какъ клеветали враги Его, развращаетъ народъ и запрещаетъ давать дань кесарю (Лук. 23, 2). Такая неопредѣленность отвѣта представляла судіи достаточную причину потребовать изъясненія, въ какомъ смыслѣ Онъ называетъ Себя царемъ?

Думая, можетъ быть, что Узникъ имѣетъ особенныя причины не обнаруживать подробно своихъ мыслей въ присутствіи своихъ обвинителей, и вообще желая дать Ему болѣе свободы въ объясненіи своего лица и своихъ дѣйствій, Пилатъ вошелъ въ преторію, давъ знакъ слѣдовать за собою тудаже и Іусусу.

Первосвященники, при всемъ желаніи быть свидѣтелями тайнаго допроса, оставались на дворѣ, изъ опасенія потерять чистоту законную, съ неудовольствіемъ видя, какъ немного подѣйствовало на прокуратора то самое признаніе Господа, которое въ синедріонѣ послужило единственнымъ основаніемъ смертнаго приговора.

«Итакъ, Ты выдаешь Себя за царя іудейскаго?» — началъ Пилатъ съ тѣмъ видомъ, который если не показывалъ особеннаго благорасположенія, то вызывалъ къ открытому объясненію.

Судя обыкновеннымъ образомъ, прямой отрицательный отвѣтъ былъ, очевидно, самый полезный для Обвиняемаго, которому прокураторъ изъяслялъ уже видимое снисхожденіе. Но могъ ли пользоваться личнымъ снисхожденіемъ римскаго судіи Господь неба и земли, Судя живыхъ и мертвыхъ? Дѣло шло не о избавленіи Себя какимъ бы то ни было образомъ, — напр. какъ теперь, посредствомъ намѣреннаго умолчанія, — отъ смерти, а о приведеніи судіи въ состояніе судить правильно и безпристрастно о силѣ обвиненія, заключавашагося въ словѣ: царь. Будучи принято въ чисто политическомъ, такъ сказать, римскомъ смыслѣ, въ коемъ одномъ оно имѣло предъ Пилатомъ силу уголовного преступленія, это названіе было чуждо Іисуса Христа; между тѣмъ какъ въ смыслѣ нравственномъ, пророческомъ, теократическомъ, оно не заключало въ себѣ вины предъ прокураторомъ, и принадлежало Іисусу Христу во всей силѣ. Посему' для правильности отвѣта надлежало знать, въ какомъ именно смыслѣ принималъ слово: царь, Пилатъ, когда спрашиваетъ: царь ли Ты? — Такъ точно и поступлено. «Отъ себя ли ты, спросилъ Господь Пилата, говоришь сіе, или другіе такъ сказали обо Мнѣ?»*) (По собственному усмотрѣнію и разумѣнію сего слова такъ ты спрашиваешь, или въ смыслѣ Моихъ обвинителей, оновываясь на ихъ словахъ и понятіи о семъ предметѣ)?

Не смотря на основательность и важность сего вопроса, онъ для римскаго вельможи, облеченнаго правомъ казнить и миловать, показался не совсѣмъ умѣстнымъ. «Развѣ я іудей,» отвѣчалъ Пилатъ съ наименностію (чтобы мнѣ мѣшались въ предразсудки, коими ослабленъ народъ іудейскій и нарушеніе коихъ ставятъ Тебѣ въ вину). «Твои сограждане и первосвященники предали Тебя,» (какъ виновнаго въ присвоеніи имени царя; въ слѣдствіе чего я, какъ прокураторъ, на коемъ лежитъ обязанность утверждать приговоры синедріона, долженъ, противъ воли, дѣлать Тебѣ допросъ, хотя доселѣ и не видалъ отъ Тебя самъ ничего, противнаго законамъ). «Итакъ, что Ты сдѣлалъ?» (чѣмъ подалъ поводъ думать, что Ты, по мнѣнію твоихъ обвинителей, ищешь царства?) отвѣчай!»

---

*) Іоан. 18, 34. Изъ сихъ словъ нѣкоторые заключали, что Господь не слышалъ обвиненія первосвященниковъ, будучи введенъ въ преторію при самомъ началѣ суда. Но кромѣ того, что по римскимъ законамъ обвиняемый долженъ слышать обвиненіе (Дѣян. 25, 18), противное открывается уже изъ Мат. 27, 11.

«Царство мое (въ словѣ: царь заключалось главнымъ образомъ все обвиненіе іудеевъ), отвѣчалъ Господь, *нѣсть отъ міра сего* (не есть какое либо земное царство, котораго ожидаютъ іудеи). *Аще бы отъ міра сего было царство мое: слуги мои подвизались бы, да не преданъ быхъ былъ іудеомъ. Но царство мое нѣсть отсюду»* (не есть земное, и потому совершенно безопасное для римлянъ).

Пилать, по видимому, остался доволенъ симъ отвѣтомъ.

Только слово: царство (Господь не безъ намѣренія удержалъ его) звучало сомнительно въ ушахъ политика; тѣмъ болѣе, что враги Иисуса Христа могли толковать его въ худую сторону. Поэтому Господь сказалъ только, въ чемъ не состоитъ Его царство, а не сказалъ, въ чемъ состоитъ оно; о чемъ также нужно было знать игемену.

«Однакоже Ты царь?» спросилъ Пилать, давая, безъ сомнѣнія, выразишь, какъ неумѣстно слово сіе въ устахъ Обвиняемаго.

«Ты глаголеши, яко царь Азъ есмь», отвѣчалъ Господь, давая съ своей стороны знать игемену, что названія сего, какъ оно ни кажется ему опаснымъ, нельзя не употреблять, когда уже оно употреблено обвинителями и, въ чистомъ своемъ смыслѣ, совершенно сообразно съ истиною. «*Азъ на сіе родихся, продолжалъ Онъ, какъ бы въ оправданіе своей твердости въ употребленіи опаснаго, но истиннаго названія, — и на сіе приидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину* (съ какою бы опасностію это свидѣтельство ни было сопряжено), *и всякъ, иже есть отъ истины* (для кого она дорога и у кого есть въ душѣ чувство истины), *послушаетъ гласа моего.*»

Еще ап. Павелъ назвалъ сіе признаніе Господа Себя царемъ на судѣ Пилата свидѣтельствомъ добраго исповѣданія (1 Тим. 6, 13). Въ самомъ дѣлѣ, оно показывало самую высшую степень самоотверженія и вмѣстѣ мудрости. Словами: «Я на то родился, чтобы свидѣтельствовать о истинѣ,» — Господь показалъ между прочимъ, что и тайный намекъ Пилата — удержаться отъ именованія себя царемъ, какъ весьма опаснаго, совершенно недостойнъ Его; потому что Онъ дѣйствительно есть царь, въ самомъ возвышенномъ смыслѣ сего слова, царь — единственный, вѣчный. Между тѣмъ сими же самыми словами, до очевидности, обнаружилось свойство царства Христова и его безопасность для римской власти.

Римскій всадникъ не способенъ былъ понять все сіе въ смыслѣ христіанскомъ, конечно, а въ философскомъ. Римляне, особенно вельможи римскіе были въ то время знакомы съ философіею стоиковъ, по ученію коихъ, истинный мудрецъ и человѣкъ добродѣтельный есть царь *). Изреченіе Горация: ты правитель (гех), если право поступаешь, — сдѣлалось въ Римѣ почти народнымъ присловіемъ **). Одно, можетъ быть, не нравилось игемену, что царь, мудрецъ, подлежащій его суду, пристрастенъ не только къ своимъ мыслямъ, но и выраженіямъ, даже опаснымъ: обыкновенный, думалъ онъ, недостатокъ мудрецовъ-энтузіастовъ, не знающихъ политики...

Поелику Господь такъ много усвоилъ истинѣ, то Пилатъ какъ бы невольно спросилъ Его: «что есть истина?» — и не ожидая отвѣта ***), вышелъ вонъ изъ преторію къ 'первосвященникамъ.

Не вдругъ можно опредѣлить истинный смыслъ сего вопроса Пилатова объ истинѣ. Что прокураторъ не имѣлъ намѣренія слушать ученія Іисуса Христа объ истинѣ ****), это показываетъ уже его немедленный выходъ изъ преторію. Можетъ быть, имѣя въ виду послѣднія слова Господа: *«всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа моего»*, и будучи тронуть внутренно нравственнымъ величіемъ Господа, римлянинъ хотѣлъ показать мимоходомъ, что и онъ неравнодушенъ къ истинѣ и въ свободное время съ удовольствіемъ вступилъ бы о ней въ собесѣдованіе *****). Можетъ быть, вельможа-политикъ вопросомъ о истинѣ, а болѣе тономъ, съ коимъ произнесъ его, хотѣлъ дать подсудимому новый намекъ на осторожность, какъ бы такъ говоря: «ты рѣшаешься жертвовать истинѣ всѣмъ; но что такое истина? Доселѣ ни одинъ философъ не только не нашелъ, даже не опредѣлилъ

*) Diog. Laërt. I. 7. sect. 122.

***) Rex eris, si recte facias. Horat. Epist. I. I. 59.

***) Въ такъ навываемомъ Евангеліи Никодима разговоръ Пилата съ І. Христомъ продолжается такъ: «Пил. Что есть истина? І. Хрис. Истина происходитъ съ неба. Пил. Слѣдовательно, на землѣ нѣтъ истины? — І. Хр. Истина есть и на землѣ и въ тѣхъ людяхъ, кои, будучи облечены достоинствомъ судей, наблюдаютъ истину и судятъ праведно.» Продолженіе весьма сомнительное! — (Auctarium Codic. Aprociph. N. T. Fabriciani. Kirch 1804. p. 26.)

****) Такъ думалъ Теофилактъ (толк. на Іоан.)

*****) Вупæus de Mort. Chris. I. 111. p. 53. Moschius in seiner Lebensgeschichte Jesu.

ея: думай не о истинѣ, а о жизни *)». Такой образъ мыслей весьма удобно можетъ быть приписанъ Пилату, во времена коего въ Римѣ любимую философію было ученіе академиковъ, кои, ничего не утверждая въ области истины, все разрушали и приводили въ сомнѣніе.

Какъ бы то ни было, но по выходѣ изъ преторію, Пилатъ рѣшительно объявилъ іудеямъ, что онъ, вслѣдствіе допроса, находитъ Іисуса Христа совершенно невиннымъ (Іоан. 28, 38).

Если бы первосвященники и не участвовали лично и такъ много въ дѣлѣ, теперь разсматриваемомъ; если бы обвиняли Іисуса Христа только какъ обыкновеннаго преступника: то и въ семъ случаѣ слова Пилата были бы для нихъ весьма жестки. Сказать ихъ, значило все равно, какъ и сказать, что весь синедрионъ слѣпъ, не стоитъ довѣрія, и клеветаетъ на челоуѣка невиннаго. Послѣ такого безчестія синедриону, надлежало ожидать съ обѣихъ сторонъ упорныхъ требованій и наглыхъ отказовъ.

Первосвященники сокрыли личное негодованіе на прокуратора; но тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ начали клеветать на Іисуса Христа: *глаголаху*, по выраженію Ев. Марка, *много* (Мар. 15, 3; Лук. 23, 5). Что именно? — Представляли, вѣроятно, какія безпокойства могутъ происходить въ народѣ, если предприимчивые люди будутъ ненаказанно присвоять себѣ титулы царей. Не задолго предъ тѣмъ случившееся возмущеніе Іуды Галилеянина **), бывшее виною многихъ убійствъ и разореній, могло для краснорѣчія фарисейскаго служить опытнымъ доказательствомъ гѣхъ опасностей, кои они предсказывали Пилату со стороны Іисуса Христа. Въ подтвержденіе того, что и отъ сего Галилеянина нельзя ожидать лучшаго, могли указывать на чрезвычайную приверженность къ Нему народа, на множество Его послѣдователей, кои выжидаютъ только благоприятнаго случая, чтобы соединиться и дѣйствовать открытою силою; могли выставять въ видѣ возмущенія порядка общественнаго даже нѣкоторыя дѣла Господа (только не чудеса, кои старались сокрыть), напр. очищеніе храма отъ торжниковъ. Между прочими обвиненіями, нѣкоторые изъ книжниковъ замѣтили (Лук. 23, 5), что Іисусъ Христосъ показалъ Себя нарушителемъ законовъ не въ одной Іудеи, что Онъ давно уже привлекъ на свою сторону безчисленное множество

*) Woltius in Curis; Kuinöl in comment. ad Johan.

**) Flav. Antiq. I. 18, 1.

галилеянь, гдѣ и начался Его дѣйствія *). Такое замѣчаніе клонилось къ тому, чтобы представить Ісуса самымъ опаснымъ возмутителемъ, который имѣетъ виды не на одну только Іудею, но и на окрестныя области.

Когда обвинители умолкли, и Божественному Узнику надлежало, въ свою череду, отвѣчать на ихъ обвиненія, — Онъ не сказалъ ни слова. «Что-же Ты не отвѣчаешь?» спросилъ Пилатъ, удивленный столь необыкновеннымъ равнодушіемъ, — «видишь, какъ много противъ Тебя обвиненій!»

Но Господь продолжалъ безмолвствовать....

Такое молчаніе могло удивить всякаго. Самые враги Господа должны были находить его весьма страннымъ. Они знали, что Обвиняемый, если бы захотѣлъ, могъ сказать въ защищеніе Себя многое: знали, что Онъ обладаетъ особенною силою слова; и тѣмъ паче долженъ былъ раскрыть всѣ Свои дарованія, когда дѣло шло о Его жизни, — для убѣжденія прокуратора, который казался къ Нему расположеннымъ. Вѣроятно, — такъ могли они думать, — Онъ совершенно потерялъ присутствіе духа; или полагается слишкомъ много на снисхожденіе къ Себѣ прокуратора; или ожидаетъ, чтобы кто либо изъ народа вступился за Него и высказалъ Его похвальныя дѣянія. Впрочемъ молчаніе Господа долженствовало быть для первосвященниковъ приятно, во многихъ отношеніяхъ. Если бы Онъ заговорилъ, то могли опасаться, что Онъ обнаружитъ не только невинность Своихъ поступковъ, но и личную ненависть противъ Него начальниковъ синедріона, что Онъ можетъ обратить, какимъ бы то ни было образомъ, вниманіе Пилата на Свои чудеса, которыя если не побудятъ тотчасъ освободить Его, то заставятъ продолжить судъ и войти въ подробнѣйшее разсмотрѣніе дѣла, что потребуетъ справокъ и времени, чего именно такъ сильно хотѣлось избѣжать врагамъ Іисусовымъ.

Пилатъ болѣе всѣхъ дивился молчанію Господа; однакоже нисколько не думалъ почитать его слѣдствіемъ невозможности защищать себя. Мнимая ревность первосвященниковъ о твердости римскаго правительства скорѣе всего могла возбудить смѣхъ въ хитромъ римлянинѣ, который очень хорошо зналъ на сей счетъ образъ мыслей Анана и Каиафы. Съ другой стороны

---

*) Галилея славилась своею склонностію къ возмущеніямъ. Joseph de Bello l. 1. c. 8,

кроткое спокойствіе Господа, Его возвышенный и свѣтлый образъ мыслей о царствѣ истины, неизъяснимое величіе въ Его лицѣ и взорахъ не позволяли и думать, чтобы въ душѣ столь чистой зрѣли какіе либо нечистые замыслы. Все располагало Пилата въ пользу Подсудимаго. «Но какъ и защищать Его отъ преслѣдованія враговъ столь упорныхъ, могущественныхъ и хитрыхъ, когда Онъ Самъ, явно, небрежетъ о Своемъ оправданіи, и по видимому, не ищетъ спасенія отъ смерти?» — Тонкій расчетъ прокуратора нашель въ самыхъ обвиненіяхъ средство, если не спасти невиннаго Узника отъ казни, то отклонить отъ себя жестокой удѣлъ осудить Его на сію казнь.

«Вы говорили, сказалъ Пилатъ, обратясь къ іудеямъ, что Онъ началъ возмущать народъ съ Галилеи; развѣ Онъ галилеянинъ?»

«Галилеянинъ *)», вскричали обвинители въ нѣсколько голосовъ, полагая, что сіе обстоятельство особенно подѣйствовало на Пилата, который былъ особенно нерасположенъ къ галилеянамъ, и находился во враждѣ съ ихъ правителемъ, Иродомъ Антипою, по случаю умерщвленія нѣкоторыхъ изъ его подданныхъ во время жертвоприношенія (Лук. 13, 1).

Но въ умѣ прокуратора было совсѣмъ другое. Подъ предлогомъ нежеланія вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія чужому правленію **), Пилатъ рѣшился отослать Іисуса Христа на судъ Ирода. Въ другое время исполненіе сего намѣренія потребовало бы нѣсколько недѣль; потому что мѣстопребываніемъ тетрарха галилейскаго была Тиверіада, отстоящая отъ Іерусалима не на малое разстояніе; но теперь это могло быть сдѣлано въ продолженіе одного часа; потому что Иродъ Антипа, исповѣдая іудейскую религію, находился теперь въ Іерусалимѣ для совершенія Пасхи. Отклоняя столь благовиднымъ образомъ отъ себя судопроизводство надъ Іисусомъ Христомъ, Пилатъ могъ еще при

*) І. Христосъ родился въ Вифлеемѣ, городѣ іудейскомъ, и принадлежалъ, по самой переписи народной, къ числу іудеевъ; но поелику Іосифъ и Марія, съ самаго младенчества Его, поселились въ галилейскомъ городѣ Назаретѣ, гдѣ Господь прожилъ потомъ около 30 лѣтъ; то народъ, и даже первосвященники, ошибочно думали, что Онъ галилеянинъ.

**) По словамъ Феофилакта, у римлянъ былъ законъ, чтобы преступникъ судимъ былъ тѣмъ начальникомъ, къ области коего онъ принадлежалъ. (Comment in Luc.) Впрочемъ сей законъ не строго наблюдали, и исполненіе его зависѣло болѣе отъ произвола судей. (v. Meryllii Notae philol. in pass. Chr. Num. III. in Luc.)

семъ надѣяться, что такая неожиданная учтивость послужитъ къ примиренію съ нимъ потомка Ирода Великаго.

Въ силу такихъ соображеній Божественный Узникъ немедленно отсымается къ Ироду, въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ приведенъ изъ синедріона, — то есть, въ узахъ и подъ стражею. Туда же, противъ воли, должны были слѣдовать первосвященники и прочіе члены синедріона, не имѣя ни малѣйшаго права и предлога протестовать противъ такого перенесенія дѣла изъ одного суда въ другой.

ИРОДЪ ХРИСТОСЪ НА СУДѢ ПРОДА.

(Характеръ Ирода. — Образъ мыслей его объ Іисусѣ Христѣ. — Отношеніе Ирода къ синедріону. — Желаніе его видѣть чудо. — Неисполненіе желанія. — Поруганіе и бѣлая одежда, въ коей Божественный Узникъ отсылается къ Пилату.)

етрархъ галилейскій, сынъ Ирода Великаго, Иродъ Антипа, къ коему на судъ долженъ былъ явиться Агнецъ Божій *), былъ тотъ самый деспотъ, который, въ угодность беззаконной женѣ своей Иродіѣ, лишилъ жизни Іоанна Крестителя. Жестокость и безчеловѣчіе не были собственно характеромъ Антипы; но склонность къ чувственности и слабость духа и сердца не разъ доводили его до жестокостей. Безстыдная Иродія продолжала обладать сердцемъ Антипы и правила имъ вмѣстѣ съ царствомъ; но теперь ея не было въ Іерусалимѣ. Впрочемъ въ настоящемъ дѣлѣ ей не было причины принимать личнаго участія, развѣ изъ одного любопытства.

Для Антипы появленіе теперь въ его дворцѣ Іисуса Христа было столько же пріятно, сколько неожиданно. Онъ зналъ Господа только по слухамъ: о чудесахъ Его слышалъ весьма много; слышалъ, конечно, что либо и объ Его ученіи: но быть слушателемъ Іисусовымъ въ Иродѣ не было никакого желанія; хотѣлось только видѣть какое либо чудо. Прежнее мнѣніе Ирода (Мат. 14, 1. 2; Лук. 9, 7—9), что въ Іисусѣ Христѣ воскресъ

---

*) О судѣ Ирода надъ І. Христомъ три Евангелиста вовсе не упоминаютъ. Только одинъ св. Лука повѣствуетъ о семъ, и довольно пространно. Лук. 23, 7—9.

Иоаннъ Креститель, имъ умерщвленный, теперь уже не тревожило сластолюбца: разсѣянность и забавы изгнали изъ воображенія сію мысль, которая могла быть благотворною для его совѣсти.

Но первосвященникамъ, безъ сомнѣнія, тяжело было влачиться изъ одного судилища въ другое, и при томъ безъ всякой опредѣленной надежды. Иродъ, не смотря на свою религію, не имѣлъ усердія къ синедріону, который состоялъ большею частію изъ фарисеевъ, секты весьма искательной, сильной въ народѣ, не терпѣвшей чуждаго владычества, а посему подозрительной для Ирода, коего фамилія происходила изъ Идумеи, возвысилась и держалась проусками при дворѣ кесарей *). Къ сектѣ саддукеевъ, кои также имѣли сильный голосъ въ синедріонѣ, Иродъ былъ болѣе расположенъ и держался ихъ мнѣнія **), — впрочемъ не такъ, чтобы во всемъ слѣдовать саддукейству ***). Зналъ, конечно, Иродъ, подобно Пилату, и о томъ, что первосвященники преслѣдуютъ Пророка Галилейскаго единственно по личнымъ видамъ. Все это не подавало синедріону большой надежды.

Не было впрочемъ особенной причины и отчаяваться въ успѣхѣхъ на судѣ Ирода. Какъ отъ государя іудейской религіи, отъ него надѣялись, по крайней мѣрѣ, лицемѣрнаго уваженія къ верховному священному судилищу іудейскому, хотя притворнаго вниманія къ преступленію іудейскихъ законовъ, въ коемъ обвиняли Исуса Христа, и которое для Пилата-язычника не имѣло никакой важности. Если и прежде, какъ мы видѣли, фарисеи успѣли убѣдить иродіанъ ****) дѣйствовать заодно съ ними противъ Исуса Христа: то въ настоящемъ случаѣ еще смѣлѣе можно было положиться на ихъ содѣйствіе.

Посланные отъ Пилата изъяснили, безъ сомнѣнія, Ироду, въ чемъ состоитъ дѣло; почему римскій судія не произнесъ осужденія на Исуса Христа и отослалъ Его къ правителю галилейскому: то есть, что Обвиняемый, находясь въ Іудеи, не сдѣлалъ ничего, заслуживающаго казни, для Него требуемой, и что теперь

*) Kuinól, comment in Matth. 14, 2.

***) Мат. 16, 6; смлч. Мар. 8, 15.

***) Такъ Иродъ, вопреки догмату саддукеевъ, что нѣтъ ни Ангела, ни духа, слѣдов. и безсмертія, вѣрилъ нѣсколько времени, что въ І. Христѣ воскресъ Иоаннъ Креститель. Мат. 14, 1. 2.

****) Мат. 22, 16. Иродіанами назывались люди, приверженные къ фамиліи Иродовой, старавшіеся объ увеличеніи политическаго могущества потомковъ Ирода Великаго.

остається Ироду разсмотрѣть: не слѣдаль ли его подданный чего либо такого въ Галилеи, какъ утверждали между прочимъ обвинители.

Но Иродъ не думаль объ изслѣдованіи дѣла, коего незначительность въ гражданскомъ отношеніи была для него столько же очевидна, какъ и для Пилата. Не обращая вниманія на высокыхъ обвинителей Іисусовыхъ, онъ видимо предался радости, что видитъ наконецъ предъ собою всѣми славимаго Пророка, котораго такъ давно и сильно хотѣлось видѣть ему (Лук. 23, 8). Теперь, думаль роскошный деспотъ, теперь подсудимый, угрожаемый муками и смертію, Чудотворецъ, для преклоненія меня на милость, раскроеть предо мною всѣ чудеса Своего могущества или искусства: и множество вопросовъ немедленно полилось изъ устъ любопытнаго... Евангелистъ не сказываетъ, о чемъ онъ спрашиваль; но что вопрошенія *словесы многими* не касались самаго дѣла, это показываетъ уже молчаніе Господа и младенческое любопытство, владѣвшее Иродомъ. Всего вѣроятнѣе, что это любопытство обращено было на прошедшія чудеса Господа, въ томъ числѣ, можетъ быть, и на чудесныя обстоятельства Его собственной жизни, напр. гласы съ неба и проч. Господь не отвѣчалъ ни слова; не показалъ даже и вида, что Онъ расположенъ удовлетворить желанію тетрарха — видѣть отъ Него какое либо чудо.

Сынъ человѣческой и здѣсь является въ томъ же величіи, въ какомъ мы видимъ Его при началѣ служенія, когда искушаемый въ пустынѣ, Онъ отвергаетъ съ презрѣніемъ предложеніе сатаны — употребить въ личную свою пользу даръ чудесъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Иродъ, увидѣвъ какое либо чудо, освободилъ бы Чудотворца отъ опасности, Ему угрожавшей: но творить, въ угодность Ирода и царедворцевъ его, чудеса значило бы унижать Св. Духа, силою Коего они совершались, — повергать святая псамъ...

Между судіями Господа одинъ только Пилатъ, по видимому, былъ нѣсколько расположенъ цѣнить высокія чувствованія и поступки Подсудимаго. Не знающій истиннаго величія, Иродъ, не получая удовлетворенія своему любопытству, предался сильному негодованію. Первосвященники замѣтили это, и тотчасъ, пользуясь случаемъ, начали клеветать на Іисуса Христа, доказывая, что Онъ, какъ непокорный властямъ, врагъ спокойствія народнаго, давно достоинъ смерти. Возмутительный нравъ галилеянъ, подданныхъ Ирода, придавалъ достовѣрность тѣмъ опасностямъ, кои они предрекли отъ Іисуса Христа; а настоящее

молчаніе Господа для злорѣчія служило очевиднымъ примѣромъ мнимой непокорности Его властямъ.

Но Иродъ, при всемъ негодованіи на обманутую надежду видѣть чудо, не былъ расположенъ вѣрить клеветамъ фарисейскимъ. По всей вѣроятности, молчаніе Господа почтено имъ за сознание въ слабости сдѣлать предъ нимъ чудо, достойное вниманія. И прежде едва ли отъ сердца вѣрилъ Иродъ слухамъ о чудесахъ Іисуса Христа, приписывая ихъ, можетъ быть, какому-либо тайному искусству; но, какъ человѣкъ безъ твердыхъ правилъ, колебался въ своемъ мнѣніи, почиталъ самое искусство стоящимъ вниманія. Теперь въ полной увѣренности, что подсудимый Узникъ сдѣлалъ бы для него чудо, если бы могъ, Иродъ принялъ Его за посредственнаго искусника, который между простымъ народомъ прослылъ Чудотворцемъ, но въ присутствіи просвѣщенныхъ царедворцевъ долженъ прибѣгать къ молчанію, — который, будучи надменъ успѣхами, видя наклонность народа признавать Его за великаго человѣка, вообразилъ себя Мессією, впрочемъ не имѣя никакихъ опредѣленныхъ видовъ, происходя изъ низкаго рода, безъ знаній и дарованій воинскихъ, съ однимъ пристрастіемъ къ народному учительству, ни мало не опасенъ для правительства. Такіе люди, думалъ Иродъ, заслуживаютъ не смерть, а осмѣяніе, и самъ первый началъ издѣваться надъ Господомъ. Толпа царедворцевъ немедленно присоединилась къ своему повелителю. Со всѣхъ сторонъ полетѣли острыя насмѣшки, язвительныя укоризны и грубыя шутки. Сынъ человѣческой былъ осмѣянъ, поруганъ столько, сколько праведникъ можетъ быть осмѣянъ при дворѣ, подобномъ двору Антипы.

Въ довершеніе всѣхъ насмѣшекъ, Иродъ велѣлъ надѣть на Іисуса Христа, длинную, бѣлую, лоснящуюся одежду *). Такъ одѣвались въ Римѣ полководцы **) и всѣ тѣ, кои приготавливались искать у народа какой либо должности ***). Такъ, думалъ

---

*) *Λαμπρα εβδης*. По сирскому переводу червленая, по Вульгатѣ — бѣлая одежда. Но *λαμπρός* рѣдко значитъ червленый, и притомъ тогда только, когда червленое отливаешь свѣтомъ (Raphel. obser. in Polyb. 288. Wolfius in Curis); бѣлое чаще означаетъ, но такое бѣлое, которое отсвѣчиваетъ. Собственно *λαμπρός* — блестящій, отъ *λάμπω*, — въ приложеніи къ одеждѣ — лоснящійся. — Вунаeus de mort. Christ. tom. 3. p. 36—37.

**) Valer. Max. 1, 6. II.

***) Polyb. Hist. I. x. c. 14. Отъ сей-то одежды ищущіе предъ народомъ какой либо должности, или достоинства и назывались у римлянъ кандидатами (*candidam vestem amicti*).

насмѣшливый деспотъ, долженъ быть одѣтъ и Тотъ, кто имѣлъ безразсудство представлять изъ Себя, хотя безъ особыхъ умысловъ и дальнихъ послѣдствій, Царя іудейскаго.

Въ сей же самой одеждѣ Иисусъ Христосъ отосланъ обратно на судъ къ Пилату. Дарованіемъ Ему свободы Иродъ не хотѣлъ, вѣроятно, раздражить первосвященниковъ; между тѣмъ взаимною учтивостію думалъ отплатить за учтивость Пилата и показать, что онъ перестаетъ быть его недругомъ. Ибо съ сего времени, по замѣчанію Ев. Луки, Иродъ и Пилатъ сдѣлались по прежнему друзьями. Законнымъ предлогомъ къ отсылкѣ Узника на судъ прокуратора іудейскаго, если нуженъ былъ предлогъ сей, могло служить то, что Иисусъ Христосъ, хотя провель большую часть Своей жизни въ Галилеи, но родился и записанъ былъ въ народную перепись въ Іудеѣ, управление кою принадлежало Пилату.

Солнце было уже высоко: три допроса и переходъ изъ одного судилища въ другое продолжались столько времени, что первосвященникамъ трудно было надѣяться въ сей же день окончить дѣло, ими начатое. Но отложить его до другаго времени, значило почти тоже, что вовсе оставить. Съ продолженіемъ времени обстоятельства еще болѣе могли расположиться въ пользу Узника, и безъ того покровительствуемаго прокураторомъ. Особенно могли опасаться народа, который, узнавъ объ участи, угнетаемой великому Пророку, легко могъ возстать противъ синедриона. Посему старѣйшины съ необычнымъ для нихъ терпѣніемъ опять слѣдовали за Иисусомъ Христомъ въ Пилатову преторію, получивъ одно утѣшеніе, что Иродъ поругался надъ Господомъ, но не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго, кромѣ своего упорства.

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ ОУЖДАЕТСЯ НА ПУЧОВАНІЮ И СМЕРТЬ ПИЛАТОВЪ.

(Прокураторъ снова провозглашаетъ Иисуса Христа невиннымъ, соглашаясь токмо на наказаніе исправительное. — Упорство первосвященниковъ. — Предложеніе народу на выборъ Иисуса и разбойника Вараввы. — Сонъ жены Пилатовой и ходатайство за Иисуса. — Первосвященники науцають народъ. — Свобода Вараввѣ, крестъ Иисусу! — Пилатъ напрасно думалъ замѣнить казнь смертную бичеваніемъ. — Лютость сего наказанія. — Вѣнецъ терновый. — Се чловѣкъ! — Царя ли вашего распну? — Не ималы царя, токмо кесаря. — Опасность и признаки народнаго возмущенія. — Устрашенный прокураторъ омываетъ руки, и осуждаетъ на смерть неповиннаго.)

Ѣ то время, какъ Иисусъ Христосъ находился во дворцѣ Иродовомъ, предъ домомъ Пилата часть отъ часу болѣе собирался народъ (Лук. 23, 13), не столько для того, чтобъ быть свидѣтелемъ суда надъ Пророкомъ Галилейскимъ (заключеніе Его въ узы еще не могло сдѣлаться извѣстнымъ всему городу); но чтобы участвовать въ подаваніи голосовъ на освобожденіе узника. Ибо въ это время у іудеевъ существовало обыкновеніе, чтобы въ честь праздника пасхи давать свободу одному изъ осужденныхъ на смерть преступниковъ *). Народу предложено было полное право выбирать, кого угодно. Это соста-

*) Откуда сіе обыкновеніе и когда оно началось? — Трудно опредѣлить. Производили его между прочимъ отъ римлянъ, кои въ извѣстные праздники снимали оковы съ своихъ преступниковъ (Liv. 5. 13). Но слова (*βυνθησια ἔμμεν*) «у васъ есть обычай» (Іоан. 18. 39) указываютъ на еврейское происхожденіе сего обычая; не говоря уже о томъ, что переходъ обыкновеній отъ римлянъ къ іудеямъ, нетерпѣвшимъ иностраннаго, самъ по себѣ не вѣроятенъ. Вѣроятно, что іудеи сами ввели у себя обыкновеніе освобождать одного изъ преступниковъ на пасху, въ память своего освобожденія изъ рабства египетскаго, и

вляло остатокъ свободы, коею римляне любили льстить народамъ, ими побѣжденнымъ. Въ избраніи преступника, безъ сомнѣнія, сколько нибудь соглашались предварительно. Поелику Пилатъ былъ правителемъ собственно Іудеи и Самаріи; то голоса тѣхъ, кои жили въ его областяхъ, особенно іерусалимлянъ, конечно, были слышнѣе прочихъ и болѣе имѣли силы. Фарисеи, по своему довѣрію въ народъ, могли имѣть сильное вліяніе на такіе выборы.

По возвращеніи синедріона, Пилатъ, противъ воли, долженъ былъ снова начать судъ, для него столько непріятный. Извѣстіе о поруганіяхъ, коимъ Іисусъ Христосъ подверженъ былъ отъ Ирода и его царедворцевъ, насмѣшливое одѣяніе, въ коемъ Онъ препровожденъ назадъ, давали разумѣть Пилату, что правитель галилейскіи почитаетъ сего Узника за мечтателя, коего довольно наказать однимъ осмѣяніемъ, но должно наказать чѣмъ либо...

Итакъ, подозвавъ къ себѣ членовъ синедріона и народъ, прокураторъ началъ говорить къ нимъ такъ: «Вотъ, вы привели ко мнѣ человекъ сего, какъ возмутителя народнаго спокойствія; но я при васъ самихъ спрашивалъ Его и нашелъ совершенно невиннымъ въ томъ, въ чемъ вы Его обвиняете. Иродъ, къ коему я посылаю Его, сколько вижу, тѣхъ же мыслей; по крайней мѣрѣ, онъ нисколько не нашелъ въ немъ преступленія, достойнаго смерти; итакъ я не могу, по вашему желанію осудить Его. Наказать *), если угодно, я накажу; но послѣ долженъ возвратитъ Ему свободу, какъ невинному (Лук. 23, 14 — 15).

Въ сихъ словахъ уже примѣтна нѣкоторая уступка со стороны Пилата. Прежде онъ утверждалъ, что Узникъ не достоинъ ни малѣйшаго наказанія; теперь соглашается употребитъ наказаніе исправительное. Увѣренность его въ невинности Іисуса Христа не перемѣнилась, какъ увидимъ; перемѣнились только обстоятельства. Положить какое либо наказаніе Узнику казалось нужнымъ и потому, чтобы показать вниманіе къ намеку новаго друга своего — Ирода на Его мечтательность, а болѣе — изъ снисхожденія къ синедріону, чтобы онъ имѣлъ возможность безъ особеннаго стыда прекратить преслѣдованіе невиннаго. Что такой оборотъ дѣла будетъ стоить Праведнику незаслуженныхъ страданій,

---

начавшееся подъ сирійскимъ правленіемъ; обыкновеніе сіе утверждено потомъ Августомъ. (Rosenmüll. Grotius ad Matth. 27, 15. Wolfius. Kircherus ad Luc. 23, 15.)

*) *Παιδεύσας ἀπολύσει.*

о семъ Пилать не заботился, почитая торжествомъ своего правосудія, если въ такихъ обстоятельствахъ успѣетъ спасти, по крайней мѣрѣ, Его жизнь.

Но первосвященники, видя снисхожденіе къ себѣ, сдѣлались тѣмъ неуступчивѣе и объявили рѣшительно, что они, кромѣ смертной казни, не удовлетворятся никакимъ другимъ наказаніемъ. Господь находился предъ лицемъ Иродовой; спрашивать Его снова не было никакой нужды; ибо обвиненія были тѣже самыя, что и прежде. Пилать былъ въ явной нерѣшимости, что дѣлать...

Шумъ народа вывелъ его изъ недоумѣнія. Праздная толпа изъявляла неудовольствіе, что игемонъ, занявшійся судомъ надъ Іисусомъ Христомъ, медлитъ исполнить народный обычай — освободить ради праздника одного изъ преступниковъ. Дерзость сія, въ другое время обидная, теперь была пріятна для Пилата тѣмъ, что представила ему способъ выйти изъ затрудненія. Извѣстно было, что народъ намѣренъ просить Варавву *), преступника весьма важнаго, который произвелъ возмущеніе и убійства и теперь съ своими сообщниками сидѣлъ въ темницѣ, ожидая казни, вѣроятно, крестной. Что, думалъ Пилать, если я поставлю Іисуса на ряду съ симъ разбойникомъ, и предложу народу на выборъ? — Ужели іудеи предпочтутъ Іисусу возмутителя и убійцу? — Послѣднее казалось весьма невѣроятнымъ; ибо Пилать зналъ, что народъ не раздѣляетъ съ первосвященниками ненависти къ Іисусу, и что напротивъ народная любовь къ Нему виною ихъ зависти и недоброжелательства.

Сообразивъ мгновенно все это, игемонъ обратился къ народу. «Хорошо, сказалъ онъ, я готовъ исполнить ваше требованіе; слышно, что вамъ хочется просить свободы Вараввѣ. Не пре-

---

*) Въ трехъ древнихъ кодексахъ, переводѣ армянскомъ и сирійско-іерусалимскомъ, Варавва называется Іисусомъ Вараввою; и уже Оругенъ (tract. 35 in Matth.) находилъ это наименованіе во многихъ спискахъ. Такое сходство именъ, догадывались нѣкоторые, и было причиною того, что Пилать назвавъ Іисуса по имени, для отличія отъ Вараввы, прибавилъ: «такъ называемаго Христа.» Недостатокъ же слова: Іисусъ — при имени Вараввы въ позднѣйшихъ кодексахъ производили изъ суевѣрія переписчиковъ, кои, почитая неприличнымъ, чтобы разбойникъ носилъ одно имя съ Господомъ, выпускали оное изъ текста. (Schmidt, Biblioth. der Neuen Theolog. Litter. V. I. p. 237.) Но по суду лучшихъ критиковъ чтеніе: *Варавву — Іисуса* есть плодъ неисправности переписчиковъ. Примѣрный образецъ таковой неисправности описанъ у Грисбаха. Comm. ad Matth. 23, 17.

пятствую. Впрочемъ предлагаю вмѣстѣ съ нимъ на выборъ другаго. Хотите ли, чтобы я отпустилъ вамъ Иусуса, такъ называемаго, Христа, Царя іудейскаго (Мат. 27, 17; Мар. 15, 9; Іоан. 18, 39).

Болѣе Пилатъ ничего не сказалъ въ одобреніе Иусуса Христа. Изъ его устъ одобреніе скорѣе могло имѣть противное дѣйствіе, и показаться посягательствомъ на произволъ избранія, коимъ столько дорожилъ народъ, воздыхавшій о древней свободѣ. Впрочемъ все, что онъ сказалъ бы въ одобреніе, уже нѣкоторымъ образомъ заключалось въ наименованіи Узника *Христоль, Царемъ іудейскимъ*, которое, кажется, употреблено Пилатомъ въ знакъ снисхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, съ симъ наименованіемъ соединены были всѣ пріятныя воспоминанія, всѣ лестныя надежды народа іудейскаго, нѣкогда имѣвшаго собственныхъ царей, и теперь съ нетерпѣніемъ ожидавшаго Мессію-Царя изъ потомковъ Давидовыхъ. Самая честь народная требовала дать свободу и жизнь тому человѣку, коего все преступленіе состояло въ наименованіи себя Царемъ іудейскимъ.

Только въ устахъ римскаго прокуратора названіе Иусуса Христа Царемъ іудейскимъ могло представиться двусмысленнымъ и даже насмѣшливымъ. Если не самъ народъ, то враги Господа могли толковать ихъ такъ, какъ бы игомонъ издѣвался надъ ними, испрашивая свободы для Царя іудейскаго...

Во всякомъ отношеніи, предложеніе Пилата народу о избраніи Иусуса Христа было весьма необыкновенно. «Смотри, замѣчаетъ Златоустъ, какъ порядокъ превратился! Народъ долженъ просить у Пилата свободы преступнику; а теперь самъ прокураторъ просить ее у народа *).»

Первосвященники и народъ нѣсколько удалились для совѣщанія. Пилатъ оставался на судейскомъ мѣстѣ, среди лиюостротона, для производства суда надъ прочими узниками.

Когда такимъ образомъ Иусусъ Христосъ былъ всѣми оставленъ, и самъ Пилатъ уже начиналъ, хотя противъ совѣсти, преклоняться къ строгимъ мѣрамъ: невинность Его обрѣла на время защиту тамъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать защитниковъ. Жена прокуратора прислала къ нему своего служителя съ тайною просьбою не осуждать необыкновеннаго Узника и, если можно, совершенно уклониться отъ судопроизводства

*) In Matth. Hom. 86. al 87.

надъ Нимъ *): «ибо, говорила она, въ прошедшую ночь я видѣла чудесный сонъ и много пострадала за сего святаго мужа.»

Не имѣя историческихъ указаній, бесполезно было бы догадываться, что именно видѣла во снѣ жена Пилатова: въ такомъ случаѣ надлежало бы обратиться къ догадкамъ совершенно произвольнымъ. Впрочемъ изъ всего видно, что Прокула **) убѣждена была сномъ своимъ не только въ невинности Іисуса Христа, но и въ томъ, что Онъ есть праведникъ: наименованіе, которое въ устахъ язычницы означало челоуѣка необыкновенной добродѣтели; любимца Божества. Должно также думать, что во снѣ открыто было Прокулѣ, болѣе или менѣе, и высокое достоинство лица Іисусова, и страшная участь, ожидающая враговъ Его и судей неправедныхъ.

На Пилата предостереженіе жены тѣмъ сильнѣе должно было подѣйствовать, чѣмъ болѣе оно согласовалось съ убѣжденіемъ его собственнаго сердца, и чѣмъ извѣстнѣе было ему нравственное достоинство его супруги. Если бы онъ не сдѣлалъ предложенія народу избрать Іисуса или Варавву, то, можетъ быть, нашелъ бы предлогъ тотчасъ прекратить, по совѣту жены, судопроизводство. Впрочемъ обстоятельства позволяли еще Пилату успокоить жену свою, касательно судьбы Праведника, тѣмъ, что въ его рукахъ находится еще довольно средствъ спасти Его, если не отъ наказанія, то отъ смерти ***).

Между тѣмъ (какъ Пилатъ разговаривалъ съ посланнымъ отъ жены и производилъ судъ надъ другими узниками) первосвященники и старѣйшины употребляли всѣ способы къ наущенію народа противъ Іисуса Христа. Успѣтъ въ семъ случаѣ для нихъ было тѣмъ удобнѣе, что іерусалимяне (имѣвшіе особенную силу въ избраніи) были приверженнѣе другихъ къ фарисеямъ ****), не любили галилеянъ, и вообще были развращеннѣе и горделивѣе. Между прочимъ въ наущеніе могли говорить:

*) Выраженіе (*μηδεν σοι καὶ δεῖται κεινοῦ*) ничтоже тебѣ и Праведнику тому — означаетъ болѣе, нежели: *ничего не дѣлай Праведнику сему*, или: *не осуждай Его*. Conf. Вупаеус.

**) Такъ называется жена Пилата уже въ Никодимовомъ Евангеліи.

***) Въ такъ называемомъ Никодимовомъ Евангеліи есть еще нѣсколько свѣдѣній касательно сего случая, но не заслуживающихъ вѣроятія.

****) У Флавія (Antiq. 13. 23.) самъ Александръ, царь іудейскій, предъ смертію признается, что фарисеи могутъ дѣлать изъ народа, что имъ угодно, — располагать его въ пользу своихъ друзей и во вредъ своихъ враговъ.

«Синедрионъ въ полномъ собраніи, два раза, со всѣмъ безпристрастіемъ, подѣ клятвою допрашивалъ Іисуса; и, основываясь на собственныхъ словахъ Его, нашелъ въ Немъ чловѣка нечестиваго, крайне опаснаго для благоденствія народа іудейскаго... Дѣла, Имъ совершенныя, странны; но кто не видитъ, что Ему помогали темныя силы, что Онъ посланникъ Вельзевула (Мат. 9, 34)? — Ибо когда Онъ совершалъ ихъ? въ субботу, вопреки закона Моисеева, къ поруганію нашей религіи (Мат. 12, 2. 8). А чему учить Онъ? разрушаетъ всѣ преданія (Мат. 15, 2), грозитъ разрушить самый храмъ (Мат. 26, 61), поносить все священное, не исключая и насъ первосвященниковъ. А какъ живетъ Онъ? — Ъстъ и пьетъ съ мытарями и грѣшниками (Мат. 9, 11; 11, 19); ведетъ дружбу съ самарянами (Іоан. 8, 48); всѣ презрѣнные люди съ Нимъ въ единомысліи. И такой чловѣкъ называетъ себя *Сыномъ Божіимъ!* — Если бы Онъ былъ дѣйствительно Мессія; то дошелъ ли бы до теперешняго состоянія, позволилъ ли бы обходиться съ собою, какъ съ рабомъ, согласился ли бы служить посмѣшищемъ для Иродовыхъ слугъ? Гдѣ пророки Моисей и Іилія, кои должны возвѣстить всѣмъ приходъ Мессіи (Іоан. 1, 21)? — Напротивъ, этотъ чловѣкъ преданъ собственнымъ ученикомъ: такъ мало цѣнятъ Его самые друзья! Да и кто ожидаетъ Мессію изъ Назарета (Іоан. 1, 46), — изъ дома плотника? — Нѣтъ, не будетъ того, чтобы глупые и дерзкіе галилеяне могли дать намъ царя: Іерусалимъ не поклонится Назарету! — Что въ пришествіи Мессіи радостнаго? Не то ли, что Онъ освободитъ народъ іудейскій отъ враговъ Его, возстановитъ престолъ Давидовъ (Лук. 19, 11)? — Но посмотрите на сего чловѣка: это ли побѣдоносный потомокъ Давида, который съ трепетомъ ожидаетъ милости и смерти отъ приговора римскаго всадника? Онъ когда и былъ свободенъ, непрестанно твердилъ: давайте дань кесарю! — это Мессія — только не іудейскій, а развѣ римскій! Честь народа требуетъ испросить Ему самой поносной казни. Не примѣчаете ли, что Пилатъ, называя Его царемъ нашимъ, и прося Ему свободы, издѣвается надъ нами? — О, если бы Господь не смирилъ насъ за грѣхи отцевъ нашихъ, мы показали бы необрѣзанному, какъ поносить Израиля! — По крайней мѣрѣ, охраните честь синедриона, храма, имя Бога Израилева — вы израильяне! Проклятъ, кто скажетъ хотя слово въ пользу сына Іосифова!»

Преступленія Вараввы также могли быть прикрываемы и уменьшаемы. Ничто не препятствовало фарисеямъ произведен-

ное имъ возмущеніе изображать въ видѣ ревности по отечественной независимости, по закону Моисееву и преданіямъ. Возмущенія въ Палестинѣ тогда не были дѣломъ необыкновеннымъ; и при всѣхъ несчастіяхъ, отъ нихъ происходящихъ, преданный политической мечтательности народъ смотрѣлъ на возмутителей, какъ на людей, въ коихъ дышетъ духъ свободы, а посему достойныхъ лучшей участи. Напротивъ Мессія, не сдѣлавшій ни одного покушенія свергнуть иго римлянъ, казался уже потому самому для многихъ не истиннымъ.

Наущенная толпа приблизилась къ лиоостротону. «Итакъ, кого изъ двухъ хотите, чтобы я отпустилъ вамъ, спросилъ Пилать; хотите ли, чтобы я отпустилъ Царя іудейскаго?» (Весьма некстати употребляетъ онъ опять сіе наименованіе, которое наущенному народу казалось язвительною насмѣшкою.)

«Не Его, раздалось со всѣхъ сторонъ, не Его, а Варавву!»

Въ замѣшательствѣ мыслей, еще не успѣвъ придумать никакого оборота, Пилать, какъ бы не хотя, спросилъ народъ: «что же мнѣ дѣлать съ такъ называемымъ Царемъ іудейскимъ?»

«На крестъ Его, на крестъ», кричала чернь, какъ бы въ самомъ дѣлѣ ей предоставлено было право рѣшать всѣ дѣла.

(Единое указаніе на самый родъ казни обнаруживаетъ, что наущавшіе не забыли никакихъ подробностей.)

«Но какое зло сдѣлалъ Онъ?»

«На крестъ, на крестъ!» болѣе не слышно было ничего.

«Нѣтъ», отвѣчалъ Пилать, раздраженный неудачею и не привыкшій терпѣть подобныхъ наглостей: «что прежде я сказалъ, то и будетъ: наказать Его, я накажу, а потомъ отпущу.»

Послѣ сего тотчасъ дано повелѣніе: Варавву освободить, а Іисуса Христа подвергнуть бичеванію. Сильнѣе наказаніемъ игомъ, какъ увидимъ, надѣялся совершенно удовлетворить лютости враговъ Его.

Бичеваніе *) (flagellatio), коимъ Пилать думалъ замѣнить

*) По сказанію Ев. Іоанна (19, 1) Іисусъ Христосъ претерпѣлъ бичеваніе прежде осужденія на смерть, а по другимъ Евангелистамъ — послѣ. Здѣсь событіе излагается по сказанію Іоаннову. Ибо 1) прочіе Евангелисты о послѣднихъ событіяхъ на судѣ Пилата говорятъ весьма кратко; Іоаннъ гораздо подробнѣе, и въ болѣе хронологическомъ порядкѣ. 2) Пилать, какъ мы видѣли, съ тѣмъ и рѣшился наказать І. Христа, дабы послѣ даровать Ему свободу. 3) Старанія Пилата, послѣ бичеванія, объ освобожденіи І. Христа и новый допросъ даютъ знать, что бичеваніе не было слѣдствіемъ осужденія на

смертную, было однимъ изъ самыхъ поносныхъ и мучительныхъ наказаній *), опредѣляемыхъ у римлянъ за важныя преступленія большею частію для рабовъ и тѣхъ, кои не имѣли права римскаго гражданина **). И въ іудейскихъ синагогахъ наказывали розгами: но опредѣленное число ударовъ было не велико ***); наказанный не лишался даже чести гражданской. Римляне, напротивъ, подвергали бичеванію за важныя преступленія, большею частію предъ совершеніемъ смертной казни ****). Число ударовъ и прочія подробности не были опредѣлены закономъ, и предоставлялись человѣколюбію или безчеловѣчію воиновъ, кои у римлянъ совершали всѣ казни *****). Бичи дѣлались изъ веревокъ или ремней, въ кои по мѣстамъ ввивались острия костяныя или металлическія палочки *****). Не рѣдко умирали подъ бичами *****). Такимъ-то наказаніемъ Пилатъ хотѣлъ показать снисхожденіе и къ врагамъ Его и обвинителямъ!...

Вслѣдствіе приказанія, воины, находившіеся при Пилатѣ, взяли Исуса Христа съ лиоостротона и отвели въ преторію — на дворъ прокураторскій, гдѣ производились подобныя наказанія; потомъ созвали большую часть военной сперы или когорты, заключавшей въ себѣ отъ 600 до 1000 человѣкъ *****); ибо бичеваніе составляло родъ увеселенія для сихъ грубыхъ людей. Еванге-

смерть: иначе первосвященники и народъ тотчасъ закричали бы, что прокураторъ противорѣчитъ самъ себѣ, защищая уже осужденнаго преступника.
4) Частица *тотѣ* (тогда, Мат. 17, 27.), на коей основываютъ противное жнѣніе, не противорѣчитъ сему: потому что у св. писателей опредѣленные нарѣчія времени часто полагаются вмѣсто неопредѣленныхъ. Также Bynaeus, Kuinöl. Gratz.

*) *Horribile flagellum* — ужасный бичъ. Horat. Sat. 1. 3. 119.

***) Гражданъ наказывали розгами. Lipsius de Cruce. L. 2. с. 3.

****) 39 разъ. Втор. 25, 3; 2 Кор. 11, 24. Ioseph. Antiq. 4. 8.

*****) Phil. in Flacc. p. 975. Jahn, Archaeologie B. II. § 207.

*****) Liv. L. 32. с. 26. Val. Max. 1. 7.

*****) v. Bynaeus de mort. Christ. tom. III.

*****) Ulpian. de poenis l. 8. Ministrorum immanitate multi sub ejusdem flagellis interierunt.

*****) Lipsius de milit. Rom. 1. 4. Римскій гарнизонъ въ Іудеѣ составляли обыкновенно 6 когортъ, изъ коихъ 5 находились въ Кесаріи, а одна, большая, въ Іерусалимѣ. Посему выраженіе Евангелистовъ: созвали всю сперу, не должно брать въ строгомъ смыслѣ, чтобы созвана была вся спера; иначе въ это время крѣпость Антонія и другія мѣста оставались бы вовсе безъ стражи.

листы не упоминаютъ, чтобы пречистое тѣло Господа въ время бичеванія было привязано къ столбу; но постоянное и всеобщее преданіе утверждаетъ, что было *). Жестокое само по себѣ, бичеваніе теперь было еще жесточе: каждый изъ воиновъ хотѣлъ дать почувствовать силу руки мнимому противнику кесаря — божества преторіанцевъ.

Насытивъ свою жестокость, воины перешли отъ мученій къ насмѣшкамъ: — или по обыкновенному въ грубыхъ людяхъ сочетанію варварства съ увеселеніемъ, или по примѣру Ирода и его царедворцевъ. Вздумали заставить Узника представить лице царя, возводимого на царское достоинство. Для сего на обнаженное, покрытое ранами и кровію, тѣло Господа накинута червленную хламиду — родъ короткой почетной епанчи, закрывавшей только половину тѣла, которая застегивалась на правомъ плечѣ, и была въ употребленіи между важными военными людьми **). Само собою разумѣется, что хламида сія была какая либо ветхая и негодная къ употребленію. Военнымъ одѣяніемъ хотѣли только означить мнимое домогательство Іисуса Христа верховной власти надъ іудеями.

Потомъ нѣкоторые изъ воиновъ для той же цѣли сдѣлали наскоро вѣнокъ и надѣли его на голову Господа. На соплетеніе сего вѣнца употреблены были тернистыя вѣтви; но какого именно дерева или травы (ибо тернистыхъ породъ много) — сего, по одному значенію подлинныхъ словъ Евангелія, опредѣлить невозможно ***); потому что греческое слово (*ἀκανθα*) означаетъ всякое колючее растеніе ****). Отцы Церкви, начиная съ Климента Александрійскаго ****), разумѣютъ тернъ, въ собственномъ смыслѣ сего слова. Въ самомъ дѣлѣ, хотя вѣнецъ придуманъ не столько для увеличенія мукъ, сколько въ насмѣшку; впрочемъ безчеловѣчная прихотливость воиновъ, безъ сомнѣнія, не усумнилась

*) Hieron. in Epitaphio Pavlae. S. Pavlin. Epist. 34. Prudent Diptich LXI.

***) Кои посему у Плавта (Rud. II. 2. 9) и называются *chlamidati*, одѣтые въ хламиду.

****) Нѣкоторые, изъ путешествовавшихъ въ Палестинѣ, полагали, что это должна быть, и теперь во множествѣ растущая въ Палестинѣ трава, называемая отъ арабовъ *набекою*, по листьямъ и цвѣту похожая на плющъ. (Hasselquist, Reise nach Palaestina. S. 540.) Другіе судили иначе. V. Michael ad L. I. Neue Orient. Biblioth. Th. I. § 186. Bartholinus de corona spinea.

*****) V. Lexicon in N. T. Schleisneri et Breitschneideri, sub hac voce.

*****) Paedag. L. II, c. 8. Tertul. contra Iudaeos c. 13.

употребить самое колючее растеніе, какое только могло найтись на дворѣ прокураторскомъ. А посему названіе вѣнца Иусуса Христа терновымъ соотвѣтствуетъ и значенію слова, употребленнаго въ подлинникѣ, и постоянному всеобщему преданію.

Теперь недоставало только послѣдняго знака царской власти — скиптра: вмѣсто его одинъ изъ воиновъ вложилъ въ руку Иусуса Христа палку изъ тростника (*καλαμος*) палестинскаго, который похожъ на нашъ тростникъ, только гораздо толще и тверже его *).

Послѣ такого мнимо-царскаго облаченія, которое само по себѣ уже было посмѣяніемъ, начались ругательства самыя грубыя. На Востокѣ уваженіе къ царямъ обыкновенно изъясняютъ паденіемъ предъ ними на колѣна. То же дѣлали и теперь. Падая (по одиначкѣ) предъ Иусусомъ Христомъ на колѣна, говорили: «радуйся, Царь іудейскій **)!» Съ сими словами каждый воинъ плевалъ Господу въ лице, бралъ у Него изъ рукъ трость и ударялъ Его по главѣ.

Что такое безчеловѣчіе было произвольно и даже вопреки законовъ, объ этомъ воины ни мало не думали. Царь-самозванецъ, галлеянинъ, презираемый самыми іудеями, для нихъ презрѣнными, казался имъ такимъ преступникомъ, коего нельзя довольно измучить.

Иусусъ Христосъ среди сихъ поруганій являлся такимъ, какъ провидѣлъ Его еще за нѣсколько вѣковъ Пророкъ, когда въ Божественномъ вдохновеніи изрекъ: «яко агнецъ на заколѣніе ведеса, тако не отверзаетъ устъ своихъ (Исаі. 53, 7).» Будучи злословимъ, по замѣчанію Апостола, Онъ не злословилъ взаимно; страдая, не угрожалъ; но предавалъ и Себя и мучителей Своихъ Своему Отцу Судіи праведному (1 Петр. 2, 23).

Между тѣмъ первосвященники и народъ, не смотря на объявленіе прокуратора, что бичеваніемъ Иусуса Христа должно окончиться все дѣло, продолжали стоять у преторіи, съ явнымъ намѣреніемъ требовать Ему смерти. Снисхожденіе, имъ оказанное, увеличивающаяся толпа народа, который во время бичеванія еще болѣе могъ быть наущенъ, ободряли къ новому упорству и

*) V. Levinus Lemnius de Herbis biblicis. Cap. 27.

**) У Филона (in Flacc.) находится списание подобныхъ насмѣшекъ надъ однимъ полоумнымъ человѣкомъ, котораго заставили представлять лице царя, въ укоризну Ироду Агриппѣ, выпросившему у Калигулы себѣ царское достоинство.

дерзостямъ. Пилать видѣлъ сіе. Какъ самовластный судія, онъ могъ сказать, что дѣлю кончено: но его самовластіе было зыбко предъ многочисленною толпою мятежной черни, которая, бывъ одушевлена личнымъ присутствіемъ своихъ вождей, была въ состояніи отважиться на все. Надлежало выслушать синедріонъ и народъ, и не раздражать ихъ явно.

Оставивъ леостротонъ, Пилать вошелъ въ преторію къ воинамъ, дабы видѣть, какъ исполнено его повелѣніе. Увы, оно исполнено было слишкомъ усердно!... Исполнено такъ, какъ, по всей вѣроятности, не ожидалъ, равнодушный къ положенію Узника, римлянинъ!... Взглядъ на жалостное положеніе Узника, безчеловѣчіе, надъ Нимъ оказанное, и кроткій Божественный видъ Страдальца еще болѣе убѣдили прокуратора въ той мысли, что если для подсудимаго, по обстоятельствамъ, неизбѣжно было какое либо наказаніе; то Онъ наказанъ уже слишкомъ много. Но, какъ спасти Его? — Показать въ семь самомъ видѣ народу? — Ужели, думалъ Пилать, и сей жалостный видъ не тронетъ враговъ Его, особенно тѣхъ изъ іудеевъ, кои не имѣютъ къ Нему личной ненависти?

Въ сихъ мысляхъ прокураторъ оставляетъ преторію, повелѣвъ слѣдовать за собою Іисусу. «Вотъ, сказалъ онъ народу, я вывожу Его къ вамъ, дабы вы снова знали, что я не нахожу въ Немъ никакой вины (Іоан. 19, 4).»

Въ то же время и Господь вышелъ изъ преторіи, съ облитымъ кровію, полузакрытымъ багрянцею, тѣломъ, съ колючимъ вѣнкомъ на головѣ, которая также была изъязвлена и окровавлена...

«Се человѣкъ!» — воскликнулъ Пилать, повидимому, тронутый жалостнымъ видомъ Божественнаго Узника. — (Смотрите, есть ли въ Его лицѣ что-либо дерзкаго, мятежнаго, — въ Его положеніи что-либо опаснаго для правительства! — Смотрите, какъ Онъ въ угодность вамъ поруганъ, измученъ!)

Слова сіи и положеніе Господа дѣйствительно тронули многихъ изъ іудеевъ. Еще раздалось нѣсколько голосовъ: «распятъ, распятъ Его!» но уже не съ такимъ свирѣпствомъ. Первосвященники, старѣйшины и книжники замѣтили это, и начали кричать сами вмѣстѣ съ народомъ (Іоан. 19, 6). Многочисленная толпа слугъ ихъ и приверженцевъ кричали тоже; минуты были самыя рѣшительныя...

И Пилать началъ терять равнодушіе судіи. «Ну, сказалъ онъ, если уже вы такъ упорны, то возьмите Его и сами распните

(если можете); а я еще разъ скажу вамъ, что (по моему образу мыслей и законамъ римскимъ) не нахожу въ семъ человѣкѣ никакой вины.» — Суровый видъ прокуратора показывалъ, что онъ сдержитъ свое слово.

Первосвященники, при всемъ желаніи видѣть Господа осужденнымъ по римскимъ законамъ, принуждены были на время оставить сію надежду, и снова обратиться къ обвиненію Его въ преступленіи отечественныхъ постановленій. Въ послѣднемъ случаѣ, представлялась по крайней мѣрѣ та выгода, что Пилатъ, какъ язычникъ, не имѣющій права судить о священныхъ законахъ іудейскихъ, а слѣдовательно, о ихъ преступленіи, по необходимости долженъ полагаться на слова книжниковъ іудейскихъ, коимъ, при помощи фарисейскаго правовѣдѣнія, не трудно было вывести, что Господь, по уложенію Моисея, достоинъ смерти.

«Что за нужда, отвѣчали первосвященники Пилату, что ты не находишь Его достойнымъ смерти, по твоимъ законамъ: у насъ есть свой законъ, по коему Онъ долженъ быть казненъ; ибо выдавалъ Себя между прочимъ и за Сына Божія.»

Но обвиненіе сіе произвело въ Пилатѣ совершенно другое впечатлѣніе, нежели какого надѣялись враги Господа. Прокураторъ, по замѣчанію Ев. Іоанна, *услышавъ сіе слово* (Іоан. 19, 8), то есть, что Іисусъ Христосъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, еще болѣе испугался. Прежде сего онъ опасался осудить невиннаго человѣка, праведника, необыкновеннаго мужа, можетъ быть, любимца боговъ; теперъ страшился произнести приговоръ надъ Сыномъ Божіимъ, за Котораго Богъ-отецъ Его, кто бы онъ ни былъ, долженъ жестоко отмстить ему: ибо Пилатъ, какъ язычникъ, нисколько не чуждъ былъ той вѣры, что боги иногда въ видѣ человѣческомъ нисходятъ на землю и раждаютъ полубоговъ*). Ничего невозможнаго не находилъ онъ и въ томъ, чтобы такой полубогъ явился въ Іудеи, подвергся узамъ и предсталъ его судилищу: ибо языческая религія допускала, что и самые боги принимали иногда видъ бѣдныхъ странниковъ**), а полубоги

---

*) Такowymi полубогами почитались у язычниковъ: Геркулесъ, сынъ Юпитера и Алкмены, — Ромулъ, сынъ Марса и Реи Сильвіи, — Эней, сынъ Венеры и Анхиза. Conf. Vуpaeus.

**) Таково странствованіе Юпитера у Овидія. Metam. I. 1. И въ книгѣ Дѣян. описывается, какъ ликаонцы, увидѣвъ чудо, произведенное Ап. Павломъ, почли его за Меркурія, а Варнаву, съ нимъ находившагося, за Юпитера. 14, 11. 12.

подвергались иногда даже оскорбленіямъ и уничтоженію. Напротивъ догадкою, не полубогъ ли находится въ его судилищѣ, изъяснялось для Пилата многое, чего онъ прежде никакъ не могъ рѣшить: и чудный сонъ жены его въ пользу Узника, ей неизвѣстнаго, иновѣрнаго; и необыкновенные поступки Господа: Его молчаніе, необыкновенное терпѣніе, высота мыслей и чувствованій.

Распрашивать обвинителей, какъ и за какого Сына Божія выдавалъ Себя Обвиняемый, казалось неумѣстнымъ. Раздраженные первосвященники прямо могли бы сказать Пилату, что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла ихъ религіи, которая находилась подъ покровительствомъ самого кесаря. Лучшимъ представлялось обратиться къ самому Узнику и отъ Него узнать тайну Его Божественнаго происхожденія.

Полный страха и сомнѣнія, Пилатъ входитъ немедленно въ преторію, давъ знакъ слѣдовать за собою І. Христу.

«Откуда Ты?» былъ первый вопросъ. — Не о мѣстѣ рожденія спрашивалось, — ибо Пилатъ слышалъ уже, что Господь родился въ Галилею, — но о томъ, какого Онъ происхожденія, отъ людей ли рожденъ, или отъ боговъ? Требовалось, чтобы Господь открылъ Свое происхожденіе естественное, или сверхъ-естественное.

Если и прежде не трудно было Іисусу Христу преклонить на Свою сторону судію, то теперь еще легче. Не смотря на свой скептицизмъ, суевѣрный, испуганный язычникъ какъ будто готовъ былъ вѣрить всему, что бы ни было сказано Узникомъ чудснаго о Своемъ происхожденіи. Но Іисусъ — *отвѣта не даде ему* (Іоан. 19, 9.)!...

Достоинъ ли былъ знать святѣйшую изъ таинъ суевѣрный язычникъ, который спрашивалъ Господа не по любви къ истинѣ, а по страху, послѣ того какъ совершенно вопреки своей совѣсти, подвергъ Его мучительному бичеванію? — Понтію даже не способенъ былъ понять тайну предвѣчнаго происхожденія лица Іисусова, которая, по высотѣ своей, не могла найти себѣ мѣста даже въ умѣ первосвященниковъ и книжниковъ, всегда почивавшихъ на законѣ Моисеевомъ. Все слышанное, или читанное Пилатомъ о сынахъ божіихъ, коими наполнена миѳологія грековъ и римлянъ, не помогло бы ему въ разумѣніи тайны лица Іисусова; на основаніи сихъ басенъ, Пилатъ всего скорѣе сравнялъ бы Его въ своемъ умѣ съ какимъ либо Геркулесомъ или Ромуломъ *).

*) V. Lamp. comment. in Iohan. 19.

Притомъ избавить себя отъ смерти повѣствованіемъ о своемъ небесномъ происхожденіи было совершенно несообразно съ нравственнымъ достоинствомъ Іусуса Христа. Мы видѣли, что Онъ, рѣшившись положить душу Свою за спасеніе міра, вмѣстѣ съ симъ отрекся отъ всѣхъ сверхъ-естественныхъ средствъ къ Своему освобожденію; Ему угодно было, чтобы Его судили какъ человѣка, а не какъ Сына Божія.

Впрочемъ, если бы Господь, — какъ думаютъ, къ сожалѣнію, въ наше время нѣкоторые даже изъ ученыхъ толкователей слова Божія *), — происходилъ отъ земныхъ родителей, а не произошелъ, какъ Онъ Самъ говоритъ, съ неба, отъ *Отца*: то, можетъ быть, самая любовь къ истинѣ, для свидѣтельства коей Онъ родился, побудила бы теперь вывести Пилата изъ заблужденія, сказавъ: «я, подобно всѣмъ людямъ, происхожу отъ смертныхъ родителей; я не Сынъ Божій въ собственномъ смыслѣ сего слова, и называлъ Себя такъ единственно въ томъ отношеніи, въ какомъ каждый добродѣтельный человѣкъ можетъ быть названъ сыномъ Божиимъ.» Пилатъ, можетъ быть, не былъ бы не способенъ понять, въ чемъ состоитъ нравственное сыновство Божіе. Но какъ Іусусъ Христосъ былъ и есть дѣйствительный, естественный Сынъ Божій, то Ему и прилично было отвѣчать — (какъ и поступлено) на вопросъ Пилата — молчаніемъ.

Поелику для Пилата причины, по коимъ онъ не получалъ теперь отвѣта, были не домыслимы; между тѣмъ для гордости римскаго всадника такое молчаніе казалось вовсе неумѣстнымъ въ Узникѣ, Который, сынъ ли Онъ боговъ, или нѣтъ, близокъ ко кресту; то онъ, желая прервать молчаніе, съ надменіемъ спросилъ: «какъ? Ты и мнѣ не отвѣтствуешь? развѣ не знаешь, что я имѣю власть распять и отпустить Тебя?»

Не смотря на высокомѣріе словъ сихъ, въ нихъ все еще выражалась наклонность Пилата даровать Господу свободу: но куда дѣвался страхъ его? — Туда же, откуда произошелъ. Легкомысліе родило его, легкомысліе и разсѣяло. Впрочемъ навичная хитрость римскаго вельможи и здѣсь могла дѣйствовать: онъ могъ, скрывая свой собственный страхъ, съ намѣреніемъ устрашать Іусуса Христа своею властію, дабы, судя по тому

---

*) V. Breitschneider, Handbuch der Dogmatik. 2. Band. 2. Ausg. 1822. S. 155—158., гдѣ указаны всѣ новѣйшіе писатели, допускающіе сіе ложное мнѣніе.

дѣйствию, какое произведетъ угроза на Узника, заключить: чловѣкъ ли Онъ простой, или сынъ боговъ.

Между тѣмъ надменными словами: «я имѣю власть распять и отпустить Тебя» — Пилатъ невольно обнаружилъ тайное свойство своего правосудія и своей совѣсти. «Смотри, замѣчаетъ св. Златоустъ, какъ онъ предварительно произноситъ судъ на самого себя! — Ибо, если все было въ твоей (Пилатъ) власти; то почему ты, не найдешь въ Немъ никакой вины, осудилъ Его на крестъ?» *)

Самохвалство судіи не осталось безъ обличенія, которое, безъ сомнѣнія, столько же казалось необыкновеннымъ для Пилата, сколько было прилично Господу. *«Отвѣща Іисусъ: не илаши власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше; сего ради предавый Мя тебѣ болій грѣхъ илать»* (Іоан. 19, 11).

Справедливо замѣчаетъ при сихъ словахъ блаж. Августинъ, что Іисусъ Христосъ *когда молчалъ, молчалъ какъ агнецъ; а когда говорилъ, говорилъ какъ пастырь* **). Въ сихъ словахъ слышенъ истинный гласъ истиннаго Пастыря, Который, рѣшившись *положить душу Свою за овцы*, не оставляетъ безъ вразумленія и самыхъ вепрей, ищущихъ Его души. Пилатъ, желая знать о томъ, чего ему нельзя было знать, — о небесномъ происхожденіи Іисуса Христа, совершенно забылъ ту истину, которую ему прежде всего надлежало помнить, то есть, что суды земные, какъ и всѣ дѣянія чловѣческія, находятся подъ невидимымъ управленіемъ Судіи небснаго, Который потребуетъ нѣкогда строгаго отчета отъ неправедныхъ властителей. — И вотъ, Господь, не удовлетворивъ безвременному любопытству Пилата, подаетъ однакоже помощь его слабой совѣсти, — приводитъ ему на память истину, что дѣло, коимъ онъ теперь занимается, подлежитъ, кромѣ его лиюостротона, суду гораздо высшему, Божественному, и что ему остается быть только орудіемъ сего суда на землѣ. — Словами: «болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ», освѣщена предъ Пилатомъ, сколько нужно было для его вразумленія, будущая судьба враговъ Іисусовыхъ и его собственная. Ему дается предварительно слышать будущій приговоръ на себя отъ небснаго Судіи за то, что не спасъ отъ смерти Праведника, — слышать во всей точности, то есть, что его жи-

*) Hom. 83 al. 84 in Johan.

***) Tract. in Johan.

даетъ неизбѣжное наказаніе, хотя меньшее въ сравненіи съ наказаніемъ личныхъ враговъ и предателей Іисусовыхъ.

Совѣсть римлянина и на сей разъ не была глуха. Смѣлое указаніе І. Христомъ на Судію небеснаго, явный намекъ на несчастную участь, ожидающую Его гонителей, твердая рѣшимость исполнить свое великое предназначеніе, прозрѣніе въ тайну совѣсти Пилатовой, — кажется, совершенно устранили неблагоприятную переменную мыслей, могшую произойти въ послѣднемъ, по причинѣ молчанія Господа на его вопросы и даже угрозы. Если судія не слышалъ отъ Подсудимаго признанія въ томъ, что Онъ есть Сынъ Божій, то не слышалъ и отрицанія. Между тѣмъ могъ полагать, что необыкновенный Узникъ имѣетъ какія либо особенныя причины не открывать тайны Своего лица и происхожденія. Посему, по выходѣ изъ преторіи, Пилатъ, по замѣчанію св. Іоанна (Іоан. 19, 12), не только не переменилъ прежняго вида защитника невинности Іисусовой, но еще началъ тѣмъ усерднѣе искать средства спасти Его отъ смерти. Молчаніе Евангелиста не позволяетъ сказать рѣшительно, къ чему именно обращался прокураторъ для достиженія сей цѣли, и что говорено имъ первосвященникамъ.

Прокуратору явно нельзя было утверждать, что Обвиняемый не признаетъ Себя виновнымъ въ присвоеніи имени Сына Божія; ибо кромѣ того, что Господь не отрекся предъ нимъ отъ сего наименованія, первосвященники могли вдругъ представить свидѣтелей, какъ Онъ называлъ Себя Сыномъ Божиимъ; нельзя было Пилату сказать и того, что обвиненіе Іисуса Христа въ наименованіи Себя Сыномъ Божиимъ не составляетъ преступленія, достойнаго смерти: ибо не его было дѣло судить о тяжести преступленій, касающихся іудейской религіи. Но тѣмъ съ большимъ правомъ Пилатъ могъ представлять первосвященникамъ, что подсудимый Узникъ, если въ чемъ либо и виновенъ, то уже наказанъ за то слишкомъ; и несправедливо было бы за одно и тоже наказывать такъ жестоко дважды; могъ снова отклонять отъ себя окончательное рѣшеніе дѣла, подъ предлогомъ нужнаго сношенія съ Иродомъ, къ области коего принадлежалъ Іисусъ Христосъ; — могъ даже, какъ представитель кесаря, явно принять Господа подъ защиту римскаго правосудія, какъ человѣка, гонимаго синедріономъ по личнымъ видамъ.

Какъ бы то ни было, защищеніе Пилата было такъ дѣйствительно, что первосвященники принуждены были оставить обвиненіе Господа въ нарушеніи отечественныхъ законовъ, и почли

за лучшее снова обратиться къ одному уголовному извѣту — въ измѣнѣ противъ кесаря. Во время послѣдняго Пилатова вопроса Господу, фарисейскіе и саддукейскіе лжеполитики имѣли всю удобность согласиться между собою и найти средство, какъ усилить сей извѣтъ и сдѣлать его неотразимымъ для прокуратора.

«Итакъ, ты хочешь, вскричали гордо первосвященники, избавить Его отъ казни? Поступай, какъ угодно; но знай, что если ты Его отпустишь свободнымъ, то ты не другъ кесарю: всякій, кто называетъ себя царемъ; есть противникъ кесарю.» (Иоан. 19, 12). Наущенная чернь кричала тоже самое, упрекая Пилата невѣрностію своему государю.

При сихъ неожиданныхъ словахъ, внезапно исчезла вся твердость Пилата...

«Другъ кесаревъ» — было такое наименованіе, коимъ гордились первѣйшіе люди въ Римѣ, начальники обширнѣйшихъ провинцій. Самъ Иродъ Великій почиталъ себѣ за особенную честь именоваться и слыть въ народѣ другомъ Августа. Тѣмъ паче долженъ былъ дорожить симъ наименованіемъ римскій всадникъ, который еще весьма далеко былъ отъ того, чтобы повелитель свѣта назвалъ его *своимъ другомъ*...

«Если освободишь Его, то ты врагъ кесарю» — слова сіи, сказанныя предъ всѣмъ народомъ, устами цѣлаго синедріона, были ужаснѣе грома. Изъ нихъ открывалось, что первосвященники готовы перенести дѣло на судъ кесаря, дабы тамъ обвинять вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ и Пилата, какъ измѣнника, который не радитъ о чести и выгодахъ своего владыки. Для Пилата сіи угрозы тѣмъ болѣе имѣли силы, чѣмъ менѣе онъ въ качествѣ правителя Іудеи, свободенъ былъ отъ проступковъ *), за кои по справедливости и съ успѣхомъ можно было обвинять его предъ кесаремъ, особенно такимъ врагамъ, кои дѣйствовали въ Римѣ и золотомъ и проусками.

Еще бы не такъ ужасало обвиненіе предъ кесаремъ въ измѣнѣ, если бы на римскомъ престолѣ сидѣлъ тогда Августъ, или ему подобный. Можно было надѣяться, что полубогъ римскій, забывъ свою личность, разсмотритъ дѣло въ истинномъ его видѣ, и не поставитъ Іисусу Христу въ вину одного наименованія себя царемъ. Но Римъ стоналъ тогда подъ желѣзнымъ скиптромъ Тиверія-чудовища, которое, не имѣя довѣрія и жало-

*) Philo Legat. ad. Caj. p. 1033. Joseph. Antiq. 18. 141. Bell. Jud. 1. 2: 8:

сти даже къ роднымъ, питаясь сомнѣніями и притворствомъ, терзало всякаго по самымъ маловажнымъ подозрѣніямъ; у ко- его самые безстыдные извѣты всегда находили себѣ довѣріе и награду *).

Кромѣ будущей опасности со стороны кесаря, надлежало страшиться и настоящей со стороны народа. Необузданная, наущенная фарисеями, толпа становилась часть отъ часу наглѣе и мятежнѣе. Свирѣпый крикъ ея уже предвѣщалъ, что она готова позволить себѣ всѣ роды насилія **). Горсть преторіанцевъ ничего не значила въ сравненіи съ безчисленнымъ множествомъ іудеевъ, собравшихся со всего свѣта на праздникъ Пасхи. Кромѣ опасности отъ народнаго возмущенія, за него надлежало бы еще отвѣчать предъ кесаремъ. Что же, если бы Тиверій узналъ, что единственною причиною возмущенія былъ отказъ, сдѣланный римскимъ прокураторомъ народу іудейскому, требовавшему казни для личнаго врага Тиверіева, какимъ предполагался мнимый домогатель престола іудейскаго?!

Подобныя мысли могли смутить и не Пилата, — челоувѣка съ не вовсе заглушенною совѣстію, имѣющаго понятіе о справедливости и нѣкоторое расположеніе къ ней, но изъ дѣтства привыкшаго, по примѣру вельможъ римскихъ, ставить свою пользу выше нравственности, смотрѣть не столько на совѣсть, сколько на обстоятельства, — угожденіе кесарю почитать высшимъ закономъ своихъ дѣйствій, казаться справедливымъ, гдѣ можно то дѣлать безъ вреда для себя, по крайней мѣрѣ, важнаго; — челоувѣка, незнакомаго съ истинною религіею, съ лучшими чувствованіями и надеждами рода челоувѣческаго, — тѣми чувствованіями, кои одни производятъ истинныхъ героевъ добродѣтели, — тѣми надеждами, безъ коихъ самая возвышенная нравственность зыбка и ненадежна.

Чтобы для защищенія невиннаго отказаться всенародно отъ дружества съ кесаремъ, презрѣть опасность собственной жизни, для такой высокой жертвы и въ язычествѣ необходимъ былъ твердый духъ Регула, безкорыстіе Цинцинната: но духъ Регуловъ и Цинциннатовъ давно оставилъ Капитолію, наполненную льстецами Августа и рабами Тиверія.

---

*) *Majestatis crimen*, пишетъ Тацитъ, *omnium accusationum complementum erat*. *Annal.* 3. 8. *Svet. in vit. Tiber.* с. 58.

**) Пилатъ, видя, что ничто не помогаетъ, но волненіе умножается. *Mat.* 27, 24.

Присовокупимъ еще одну мысль. Если нѣкоторые еще изъ древнихъ учителей Церкви *) предполагали, будто Иуда продалъ своего Учителя въ надеждѣ, что Онъ посредствомъ сверхъ-естественныхъ силъ освободитъ Себя изъ рукъ Своихъ враговъ: то еще основательнѣе предположить, что Пилатъ, рѣшившись осудить Иисуса Христа на смерть, вѣроятно, надѣялся при семъ, что боги, если Онъ ихъ сынъ, неумедлятъ спасти Его отъ казни, столь поносной для ихъ Божескаго достоинства.

Сообразивъ все сіе, легко понять, какимъ образомъ *крикъ народа и первосвященниковъ превозмогъ* ослабѣвшее усиліе судіи **).—

Рѣшившись уступить необходимости, Пилатъ взошелъ на судейское мѣсто для окончанія суда. Господь, доселѣ остававшійся въ преторіи, былъ выведенъ на лиоостротонъ для выслушанія приговора. Обвинители также приблизились; мѣсто шума заступила тишина: всѣ ожидали, что скажетъ прокураторъ, и чѣмъ кончится дѣло, столь необыкновенное.

«Се Царь вашъ!» воскликнулъ невольно Пилатъ, при взглядѣ на Того, Котораго надлежало теперь, вопреки совѣсти и желанію, осудить на смерть.

«Распятъ, распятъ Его!» закричала буйная толпа, желая прекратитъ зрѣлище и для нея не легкое.

«Какъ? Царя вашего распятъ?»...

«Распятъ, распятъ Его!»

«У насъ нѣтъ, присовокупили первосвященники, царя, кромѣ кесаря.»

Не такъ говорили они въ синагогахъ своихъ; тамъ всего чаще повторяли: «у насъ нѣтъ другаго Царя, кромѣ Бога ***).» При томъ всѣ ожидали Царя — Мессію, всѣ надѣялись, что онъ свергнетъ иго кесаря; о семъ молились въ храмахъ, въ домахъ и на пути, старцы и дѣти, утромъ, въ полдень и вечеромъ. И между тѣмъ для погубленія Иисуса, цѣлый синедрионъ предъ всѣмъ народомъ не устыдился признать себя законнымъ рабомъ кесаря, коего ненавидѣлъ; — отказаться отъ общественныхъ надеждъ и славы, даже нѣкоторымъ образомъ отъ самаго Мессіи! — Нѣсколько десятилѣтій, протекшихъ отъ распятія Господа

*) Смотр. Теоф. толк. на Матѳ.

***) Лук. 23, 23. Пилатъ самъ въ донесеніи своемъ къ Тиверію ссылается на сію же причину.

***) V. Grotius ad Johan 19, 15.

до разрушенія Иерусалима, показали, какъ первосвященники и фарисеи сохраняютъ вѣрность кесарю: нѣтъ ни одной измѣны, которая бы не была совершена тогда нѣсколько разъ, доколѣ въ Иерусалимѣ не остался камень на камени.

Теперь надлежало произнести приговоръ «на праведника, любимца, можетъ быть, сына боговъ.» Мысль сія все еще была слишкомъ тяжела для римлянина. Въ такомъ случаѣ ищутъ какой бы то ни было опоры своей совѣсти. Пилать, къ сожалѣнію, скоро нашелъ ее.

У іудеевъ было обыкновеніе, обратившееся даже въ законъ, что если находили гдѣ либо мертвое тѣло; то старѣйшины ближайшаго города должны были надъ головою юницы омыватъ руки, говоря: «руки наши не проливали сей крови, и глаза наши не видали убійства (Втор. 21, 6.)» Пилать, живъ не малое время въ Іудеи, зналъ о семъ обыкновеніи, подобное коему было и у язычниковъ, кои въ знакъ своей невинности, и для очищенія себя отъ грѣховъ, также употребляли омовеніе *). Бѣдный мужествомъ, и слабый совѣстію, судія-язычникъ рѣшился всенародно обратиться къ сему обряду, который, доставляя нѣкоторое успокоеніе его совѣсти, былъ полезенъ теперь и тѣмъ, что стоящіе въ отдаленіи іудеи, коимъ за шумомъ не слышны были слова Пилата, могли изъ омовенія судіею рукъ заключить, что онъ осуждаетъ Іисуса Христа противъ воли.

«Я не повиненъ, воскликнулъ Пилать, омывая руки, — я не повиненъ въ крови Праведника сего! Смотрите вы! вы принуждаете меня пролить ее: вамъ должно будетъ и отвѣчать за нее!» —

Слова сіи не могли быть произнесены иначе, какъ съ самымъ глубокимъ и горькимъ чувствомъ. Это былъ единственный въ исторіи случай, что римскій судія выражалъ съ такою силою увѣренность свою въ невинности осуждаемаго имъ на смерть узника. Если бы прокураторъ не былъ сильно растроганъ, то одно самолюбіе заставило бы его произнести приговоръ, какъ можно короче, дабы не подать вида, что его къ тому принуждаютъ. Особенно долженъ былъ Понтій сожалѣть теперь и упрекать себя, если онъ въ то время, какъ получилъ предостереженіе отъ жены, могъ отклонить отъ себя осужденіе Господа, и не отклонилъ его потому, что надѣялся имѣть въ рукахъ своихъ еще довольно средствъ для Его спасенія.

---

*) Macrob. Satyr. 3. 1. Ovid. Fast. 2. 36. Scholiast. Soph. Ai. 663.

Буйный народъ, не смотря на разъяренность свою, понялъ, чего хотѣлось прокуратору, и каково состояніе души его; но, наущенный слѣпыми вождями своими, онъ зашелъ уже слышкомъ далеко, чтобы вдругъ возвратиться назадъ; опасеніе осудить невиннаго, дѣлающее столько чести язычнику, показалось маловажнымъ для почитателей Иеговы, коимъ внушаемо было понятіе справедливости изъ дѣтства. Какъ бы желая пристыдить или ободрить малодушіе прокуратора, всѣ закричали: «кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!»

(Слова сіи, ужасныя сами по себѣ, представляются еще ужаснѣе, когда вспомнимъ, что ихъ надобно разумѣть безъ всякаго ограниченія, во всей буквальной точности; потому что іудеи, сообразно ученію Пророковъ, твердо вѣрили, что Богъ, за преступленіе родоначальниковъ, наказываетъ все ихъ потомство *).

Наконецъ земный судія, *видя, яко ничтоже уснѣваетъ, но паче молва* (возмущеніе народное) *бываетъ*, произнесъ смертный приговоръ на Судію живыхъ и мертвыхъ.

Приговоръ сей, по обыкновенію римскаго суда, состоялъ изъ краткихъ словъ, что *такой-то*, за *такое-то преступленіе*, осуждается на *такую-то казнь* **).

Въ дополненіе евангельской исторіи суда надъ Іисусомъ Христомъ не излишне замѣтить, что Пилатъ отправилъ впослѣдствіи къ Тиверію донесеніе, въ коемъ описалъ жизнь Іисуса Христа, Его чудеса и святость, свой судъ надъ Нимъ и причины, побудившія осудить Его на распятіе. Въ существованіи сего донесенія, въ подлинномъ видѣ его для насъ давно потеряннаго ***) , не позволяютъ сомнѣваться свидѣтельства Іустина Мученика ****) и Тертуліана *****) , кои ссылались на него, какъ на несомнѣнное доказательство, въ своихъ апологіяхъ къ сенату и народу рим-

*) Подобное мнѣніе было и у многихъ древнихъ народовъ. Псад. 4. 160.

***) Въ Никодимовомъ Евангеліи пересказываются самыя слова сего приговора (коихъ нѣтъ у Евангелистовъ); но къ сожалѣнію, они такъ запутаны и оразноображены въ различныхъ спискахъ сего Евангелія, что не имѣютъ никакой цѣны исторической.

****) Отрывокъ дѣяній Пилата, находящійся въ Фабрицевомъ собраніи Псевдениграфовъ, давно признанъ подложнымъ. Въ III и IV вѣкахъ существовали подъ симъ именемъ и другія сочиненія, составленныя еретиками и язычниками. V. Bible d'Avignon. t. 13. p. 513. Henke de actis Pilati. 1783. Alman de Epist. Pilat. ad Tiber. 1755.

*****) Apolog. 1. 76, 84.

*****) Apolog. 5. 21. Evseb. 22. Epirh. Нѣг. 50. 1.

скому. Тиверій, по свидѣтельству сихъ же писателей, столько былъ пораженъ описаніемъ чудесъ и святости Іисуса Христа, что предложилъ сенату включить Его въ число римскихъ боговъ: но сенатъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, на сіе не согласился; и Тиверій удовольствовался тѣмъ, что, подъ опасеніемъ казни, запретилъ преслѣдованіе христіанъ.

Замѣтимъ еще, что Пилатъ незаконнымъ осужденіемъ Іисуса Христа на смерть не избѣгъ опасности, которой страшился. Чрезъ четыре года послѣ сего, онъ вызванъ въ Римъ къ суду вслѣдствіе жалобъ, принесенныхъ іудеями, и не имѣя возможности оправдаться, заточенъ въ Вѣну, гдѣ погибъ отъ самоубійства *).

Участь другаго судьи Іисусова, Ирода Антипы, была немного лучше Пилатовой. Подстрекаемый властолюбивою Иродією, онъ вмѣсто тетрархіи галилейской, началъ домогаться въ Римѣ царскаго достоинства надъ всею Іудеею, желая владѣть ею нераздѣльно, по примѣру отца своего, Ирода Великаго. Но это домогательство приняло такой несчастный оборотъ, что Антипа, вмѣсто вѣнца царскаго, сосланъ былъ въ ссылку, въ Ліонъ, гдѣ окончилъ жизнь свою — въ нищетѣ и безвѣстности **).

---

*) V. Hermanson de Pontio Pil. 1624. Joseph Antiq. 18. 5. Tacit. Annal. 15. 44. Philo Legat. ad. Caj. 58g — 5g.

**.) Joseph. Antiq. 18. 7. 5. Euseb. Hist. Eccl. 1. 4.

ВЗГЛЯДЪ НА ОБРАЗЪ СУДА НАДЪ ИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ.

(Чрезвычайная необыкновенность сего суда. — Характеръ трехъ судилищъ. — Низость и виновность первосвященниковъ. — Нечистота Пилатовыхъ видовъ и его двоюдушіе. — Благородство жены Пилатовой. — Откуда и для чего чудный сонъ ея? — Нравственное величіе Господа во время суда. — Молчаніе Его нисколько не препятствовало правильности суда. — Свойство Его отвѣтовъ. — Трогательность Его внѣшняго положенія. — Дивное исполненіе путей Промысла.)

ри самомъ легкомъ взглядѣ на образъ суда надъ Иисусомъ Христомъ тотчасъ открывается, что онъ во многомъ былъ отличенъ отъ обыкновенныхъ, и даже необыкновенныхъ судовъ человѣческихъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ выдержать истязаніе отъ трехъ различныхъ властей: іудейской, галлейской и римской, — за такое дѣло, которое ни одна изъ нихъ не признавала своимъ; — быть упорно обвиняему іерусалимскимъ синедріономъ и народомъ за то, чего синедріонъ и весь народъ нетерпѣливо ожидали; — найти ревностнаго защитника своей невинности въ римскомъ прокураторѣ, котораго все, по видимому, не располагало въ пользу подсудимаго, и Его бѣдность и молчаніе, и сила враговъ, и опасность обвиненія; изъ устъ судіи слышать неоднократно торжественное провозглашеніе своей невинности, и непосредственно за симъ отъ того же судіи выслушать приговоръ на смерть крестную, съ наименованіемъ праведника; — имѣть множество и естественныхъ и сверхъ-естественныхъ средствъ для своего защищенія, и пользоваться ими не болѣе, сколько нужно для обнаруженія своей невинности: — это такія обстоятельства, кои находимъ только въ исторіи суда надъ Иисусомъ Христомъ!

Каждое судилище обнаруживало свой собственный характеръ. Въ синедріонѣ Іисусъ Христосъ былъ судимъ личными врагами Своими, — какъ судить незаконіе. Во дворцѣ Ирода жребій Его находился въ рукахъ деспота, который не знаетъ другаго закона для своихъ дѣйствій, кромѣ прихоти, коего все правосудіе состоитъ въ томъ, чтобъ не быть слишкомъ неправосуднымъ. Преторія Пилатова могла служить убѣжищемъ невинности — человѣческой: но не могла вмѣстить правды Божественной. Здѣсь вмѣстѣ съ правосудіемъ засѣдалъ духъ мірской, языческой власти, на судъ коей голосъ невинности или не былъ слышенъ, или долженъ былъ отзываться выгодою. Истина небесная въ лицѣ Сына Божія, кажется, посѣтила теперь всѣ суды человѣческіе, дабы видѣть *еще есть разумѣвая или взыскай правду*. И теперь, какъ во время Давида, оказалось, что всѣ уклонились и сдѣлались непотребными: *нѣсть творяй благое, нѣсть до единого* (Псал. 13, 3).

Ослѣпленіе и буйство народа іудейскаго, особенно вождей его, обнаружилось во всей силѣ. Еслибы Іоаннъ Креститель воскресъ: то и теперь, когда вся Іудея наполнилась славою чудесъ Іисуса Христа, когда первосвященники сами неоднократно слышали бесѣды Его, разсматривали лице и дѣло Его и готовились вознести Его на крестъ, — и теперь проповѣдникъ покаянія могъ бы снова сказать всему народу іудейскому: *«се стоитъ посредѣ васъ нѣкто, Егоже вы не вѣсте* (Іоан. 1, 26)!» — Нельзя вѣроломнѣе отвергнуться Мессію, какъ отвергаются Его теперь; нельзя жесточе преслѣдовать Его, какъ преслѣдуютъ теперь. Не будемъ предполагать, что враги Іисуса Христа дѣйствовали противъ Него вопреки яснаго и твердаго убѣжденія, что Онъ есть обѣтованный Мессія: это значило бы приписывать природѣ человѣческой злобу и ожесточеніе діавола, который ненавидитъ истину, потому что она истина. Должно однакоже сказать, что со стороны вождей народа іудейскаго сдѣлано все, дабы имъ остаться нѣкогда безотвѣтными. Какъ недостойно и безчестно поступили они при самомъ взятіи Іисуса Христа подъ стражу! Какъ безразсудно и опрометчиво рѣшили въ своемъ соборѣ дѣло о Мессію — лица, съ Коемъ неразрывно соединено временное и вѣчное благо всего Израиля, въ Которомъ они могли узнать своего Царя, Судію и Господа! Положимъ, что бѣдное состояніе Іисуса Христа соблазняло ихъ: но развѣ они не слыхали о чудесахъ Его? развѣ не предъ ихъ почти очами совершилось за нѣсколько дней воскресеніе Лазаря? — Если и это событіе не могло убѣдить синедріонъ

въ томъ, что Иисусъ Христосъ есть Мессія; то, по крайней мѣрѣ, должно было заставитьъ его дѣйствовать осмотрительнѣе, не спѣшить умерщвленіемъ чловѣка, который, по общему мнѣнію, имѣлъ въ себѣ столько признаковъ Мессіи. Самая медленность, съ кою производился судъ надъ Господомъ въ преторіи, по видимому, допущена Промысломъ для того, чтобы враги Его имѣли время увидѣть свою ошибку и придти въ чувство. Можно сказать, что Пилатъ былъ для нихъ въ семъ случаѣ проповѣдникомъ покаянія. — Между тѣмъ, къ какимъ низкимъ средствамъ не прибѣгаютъ старѣйшины іудейскіе, дабы достигнуть цѣли, слѣпо принятой! — Подкупаютъ ученика; идутъ послѣ вечера пасхальной съ оружіемъ и дрекольми въ Геосиманію; собираются, подобно разбойникамъ, въ полночь для совѣщанія; влачатся изъ одного судилища въ другое; наущаютъ народъ; притворяются усердными слугами кесаря; угрожаютъ судіи клеветою, даже кричатъ вмѣстѣ съ чернію: — это ли стража дома израилева, драгоценные камни святилища, преемники Моисея и пророковъ?... — Никогда верховный совѣтъ іудейскій не унижался до такой степени, до какой унизился теперь, чтобы собственнымъ посрамленіемъ купить безчестную казнь для своего Мессіи.

Нельзя думать, чтобы среди толпы народа, испросившей Господу смерть, не было людей, къ Нему поверженныхъ. Но ихъ собственная безопасность требовала не объявлять, по крайней мѣрѣ, въ слухъ первосвященниковъ своего мнѣнія. Въ противномъ случаѣ, они сдѣлались бы жертвою необузданности слугъ и клеветовъ фарисейскихъ, кои до того простерли свою дерзость, что начали угрожать самому прокуратору. А посему молчаніе Евангелистовъ о томъ, что-бы кто либо изъ іудеевъ вызвался защищать Иисуса Христа предъ Пилатомъ, надобно принимать за рѣшительное свидѣтельство, что таковыхъ защитниковъ не было; и такъ называемое Никодимово евангеліе, въ коемъ Никодимъ, силоамскій разслабленный, жена кровоточивая и капернаумскій сотникъ повѣствуютъ предъ прокураторомъ о ученіи и чудесахъ Иисуса Христа, не стоить довѣрія историческаго. Испросившая смерть Господу, толпа, до очевидности, показала собою, что значить народный голосъ и какъ легко злоупотреблять его дѣйствіемъ людямъ злонамѣреннымъ. Вмѣсто того, чтобы гласу народа быть звучнымъ, но мирнымъ гласомъ Божиимъ, онъ сдѣлался теперь дикимъ воплемъ Веельзевула...

Пилатъ служить разительнымъ примѣромъ, чего должно ожидать отъ судіи съ слабымъ характеромъ, поставленнаго въ не-

обходимость отказаться для истины отъ всѣхъ личныхъ выгодъ. Надъ нимъ вполнѣ оправдались слова Господа: свѣтильникъ тѣлу есть око: *«аще яко твое просто, все тѣло твое свѣтло будетъ, и аще око твое лукаво, все тѣло твое темно будетъ»* (Мат. 6, 21 — 22).» Око души Пилатовой — начало его дѣйствій — было лукаво: не вѣчный, непремѣняемый законъ правды лежалъ во глубинѣ его сердца, и составлялъ основаніе его поведенія; а нечистая любовь къ самому себѣ, пристрастіе къ земнымъ выгодамъ, повапленное любовію къ справедливости; и вотъ, все тѣло Пилата является темнымъ, всѣ поступки его, не смотря на похвальную ихъ сторону, выражаютъ что-то, достойное сожалѣнія и презрѣнія. Самое первое дѣйствіе прокуратора уже запечатлѣно измѣною истинѣ: онъ хочетъ отклонить отъ себя осужденіе невиннаго, предоставляя оное то іудеямъ, то Ироду: какъ будто позволить другимъ совершить злодѣяніе, имѣя право и долгъ остановить его, не тоже значило, что и самому совершить оное! — Потомъ, единственно изъ угожденія именованнымъ и сильнымъ обвинителямъ, Праведникъ подвергается мучительному бичеванію. Нѣтъ нужды, что Онъ можетъ умереть подъ бичами: для судіи довольно, что онъ хотѣлъ спасти Его отъ смерти. Таково правосудіе людей вѣка. Думаютъ, что все сдѣлано съ ихъ стороны, между тѣмъ какъ не хотятъ сдѣлать именно того, что должно. И всѣ прочія усилія Пилата къ освобожденію Іисуса Христа представляютъ жалкую борьбу своекорыстія съ чувствомъ долга. Видишь человѣка, который мучитъ самъ себя, устремляется во всѣ стороны, обращается съ распутія на распутіе, чтобы выйдти изъ пропастей, въ кои зашелъ добровольно; но не хочетъ возвратиться на царскій путь правды, который лежитъ прямо предъ его очами и на который зоветъ совѣсть. — Наконецъ, страхъ и своекорыстіе превозмогли; но Пилатъ, поправъ справедливость, хочетъ сохранить на себѣ ея личину: судія омываетъ руки, — и думаетъ быть чистымъ отъ крови праведника!... При семъ зрѣлищѣ чувство сожалѣнія невольно превращается въ негодованіе...

Впрочемъ, мы не имѣемъ права простирать сужденія своего о Пилатѣ далѣе приговора, который уже произнесенъ въ слухъ его самимъ Господомъ. *Болѣе* (во всякомъ отношеніи болѣе) *грѣха на томъ, кто предалъ ему Господа* — на Іудѣ, іудеяхъ, особенно старѣйшинахъ іудейскихъ. Тогда какъ первосвященники видимо приближались къ ужасной крайности (а нѣкоторые, можетъ быть, и впади въ нее) грѣха на Духа Святаго, который,

по слову самаго Спасителя, не отпускается ни въ сей вѣкъ, ни будущій (Мат. 12, 32): Пилать, явно, грѣшилъ только противъ Сына человѣческаго, слѣд. принадлежалъ къ числу тѣхъ грѣшниковъ, за спасеніе коихъ осужденный имъ, Сынъ Божій шель теперь на крестъ.

Великодушнымъ поступкомъ жены Пилатовой нѣкоторымъ образомъ искупаются низкія дѣйствія мужа ея. Какая разительная противоположность между сею язычницею и оною іудейкою, наложницею Ирода, которая такъ мало уважала Іоанна Крестителя (Мар. 6, 17)! Что Іоаннъ былъ праведникъ, даже пророкъ, достойный того, чтобы признавать его за Мессію — этому всѣ вѣрили; и не смотря на сіе, Иродія не усомнилась принести его въ жертву своей безстыдной страсти. Прокула, напротивъ, бывъ язычницею, имѣла открытое чувство для всего истиннаго и добраго. Она видитъ знаменательный сонъ, принимаетъ его за откровеніе небесное, и спѣшитъ, даже вопреки отечественному закону, позволяющему женамъ вмѣшиваться въ дѣла мужей-правителей *), спасти Праведника отъ смерти. Различіе религіи, которое, къ несчастію, такъ много удаляетъ людей другъ отъ друга, не препятствуетъ ей искать спасенія іудейскому Узнику. Не напрасно почла она сонъ свой за указаніе свыше. Если бы онъ былъ слѣдствіемъ одного воображенія, то почему оно именно въ сію ночь произвело сочетаніе мыслей, столь соотвѣтственное съ положеніемъ Пилата и Господа? Нѣтъ! Воображеніе скорѣе представило бы, что теперь для мужа ея удобный случай осужденіемъ на смерть бѣднаго Галилеянина пріобрѣсти дружбу синедріона, для мужа полезную. Но видно такая нечистая мечта была недостойна благородной души Прокулы **).

Невѣроятно, чтобы Клавдія Прокула принадлежала къ числу іудейскихъ прозелитокъ. Кѣмъ бы она была обращена къ іудейству? Такимъ ревнителемъ вѣры, какими Господь описывалъ фарисеевъ (Мат. 23, 15)? Но отъ сихъ наставниковъ она не получила бы выгоднаго понятія объ Іисусѣ Христѣ, и, наущенная фарисеями, всего скорѣе согласилась бы вспомошествовать первосвященникамъ въ погубленіи Праведника.

Вѣроятнѣе, что Прокула сама по себѣ имѣла благородный

*) По сей причинѣ, во времена республики римской, правителямъ областей запрещено было брать съ собою женъ. Svet Vit. Aug. cap. 24. Tacit. Annal. 3. 33.

***) Conf. Hess. Lebensgeschichte Jesu, B. 3. 1823. Ausg. S. 316 — 322.

образъ мыслей и чувствованій *), — стоила того, чтобы Промыслъ открылъ ей волю свою, какъ нѣкогда открывалъ оную и другимъ язычникамъ — Авимелеху (Быт. 20, 3), друзьямъ Иова (Иов. 20, 7), и проч.

«Но что вышло изъ сего сна, спросить кто нибудь, если онъ не былъ игрою фантазіи? Предостереженіе пришло слишкомъ поздно; оно не могло перемѣнить, по крайней мѣрѣ, не перемѣнило хода дѣлъ.»

Дѣйствительно, сонъ жены Пилатовой не перемѣнилъ судьбы, ожидавшей Господа: и, можетъ быть, если бы онъ могъ перемѣнить ее, то не былъ бы и данъ; но тѣмъ не менѣе онъ былъ нуженъ, и произвелъ дѣйствіе, ему приличное. Жена Пилата, конечно, не осталась равнодушною къ дальнѣйшей судьбѣ Праведника, который такъ много занялъ ея душу; — приняла участіе въ послѣдующихъ событіяхъ христіанства, вступила въ сношеніе съ учениками Иисуса, и увѣровала въ Его ученіе. Преданіе, весьма древнее, утверждаетъ, что Прокула, находящаяся въ числѣ святыхъ, по греческимъ спискамъ оныхъ, есть не кто другая, какъ жена Пилатова, обратившаяся въ христіанство и потомъ претерпѣвшая мученіе за имя Праведника, коего не могла спасти отъ мученія.

Въ самомъ Пилатѣ предостереженіе жены его не осталось вовсе безъ дѣйствія; хотя онъ, къ собственному несчастію, не воспользовался ея совѣтомъ. Оно-то, вѣроятно, побудило его, предъ изреченіемъ смертнаго приговора, выразить увѣренность свою въ невинности Господа столь знаменательнымъ дѣйствіемъ, каково умовеніе рукъ; оно-то побудило его, торжественно назвать Праведникомъ, осуждаемаго на смерть Узника: ибо сіе наименованіе, очевидно, занято имъ отъ жены, которая такъ назвала Иисуса Христа. Такое свидѣтельство о невинности Иисуса Христа изъ устъ судіи и язычника служитъ къ чести христіанской религіи, заграждаетъ уста враговъ Иисусовыхъ, и въ послѣдствіи времени могло имѣть дѣйствіе на сердце самыхъ іудеевъ.

Кромѣ сего, Промыслъ низпосланіемъ чудеснаго сна женѣ Пилатовой показалъ, что Онъ никогда не попускаетъ челоуѣку искушаться болѣе того, сколько онъ *можетъ перенести* (1 Кор. 10, 13). Пилату предстояло величайшее искушеніе: для защиты

---

*) Посему-то, думалъ св. Златоустъ, и откровеніе дано было ей, а не Пилату. Homil. in Matth. 86. al. 87.

невиннаго Узника — отказаться всенародно отъ наименованія друга кесарева. Совѣсть его, сама по себѣ слабая, неподкрѣпляемая истиною религію, неминуемо должна была пасть подъ тяжестью сего искушенія. Между тѣмъ Пилатъ доселѣ довольно вѣрно, повидимому, слѣдовалъ ея слабому мерцанію. И вотъ, Промысль посылаетъ ей подкрѣпленіе свыше. Пилатъ не воспользовался небеснымъ вразумленіемъ; но Промысль оправдалъ пути свои. Безъ сего нѣкоторые изъ насъ, можетъ быть, пожалѣли бы, что Пилатъ, показывавшій столько расположенія быть правосуднымъ, въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ былъ оставленъ самому себѣ.

Господь среди обвинителей и судей своихъ является въ неподражаемомъ величіи духа. Платонъ, можетъ быть, узналъ бы теперь своего праведника, изображеніемъ коего такъ полна была душа его, еслибъ былъ свидѣтелемъ суда надъ Іисусомъ*). Теперь уже совершенно непримѣтно въ Немъ слѣдовъ той кровавой, изнурительной борьбы съ самимъ собою, которую Онъ испыталъ въ саду геосиманскомъ. Теперь видѣнъ *левъ отъ колѣна Іуды* (Апок. 5, 5), который, будучи связанъ невидимыми узами правосудія небеснаго, явился *агнецемъ, неотвергающимъ устъ* (Исаі. 53, 7), когда ведутъ его на закланіе. Между тѣмъ какъ судіи и обвинители все приписывали себѣ, Господь взираетъ на нихъ какъ на орудія, коими управляетъ высшая сила. Духомъ, невидимо Онъ стоялъ на другомъ судѣ — на судѣ Отца, который *освятить Его и послалъ въ міръ, дабы Онъ вознесъ тѣло въ своихъ грѣхи рода человѣческаго* (1 Петр. 2, 24). Невидимый судъ сей, происходившій въ совѣтѣ триипостаснаго Божества, касался уже не одного лица Іисусова, а всего міра, коего искупленіе принялъ на себя Сынъ Божій. Здѣсь врагомъ Господа былъ князь тьмы, долженствовавшій потерять владычество надъ родомъ человѣческимъ (Іоан. 12, 31. 32), обвинителемъ — сама правда Божія, требовавшая удовлетворенія за грѣхи людей, искупаемыхъ отъ смерти вѣчной. Здѣсь — прежде сложенія міра произнесенъ приговоръ, коему надлежало исполниться теперь предъ лицемъ неба и земли. Съ сей божественной высоты, что значилъ

---

*) Изображая, какая участь можетъ постигнуть истиннаго праведника, сей философъ говоритъ, что его обременять оковами, подвергнуть бичеванію, будутъ издѣваться надъ нимъ, зашутъ его, плевать ему въ лице, потомъ пригвоздятъ ко кресту. De Rep. L. 2.

для Сына Божія Пилатъ съ его преторією, синедрионъ съ его лжесвидѣтелями, Иродъ съ его царедворцами?...

Зная, что чаша страданій не можетъ *тило ийти*, Господь спокойно взиралъ, какъ она предъ Его очами наполнялась до верха. Впрочемъ, святое молчаніе Его нимало не препятствовало правильности суда. Личнымъ врагамъ своимъ, первосвященникамъ и книжникамъ, Онъ двукратно сказалъ болѣе того, нежели сколько они желали знать; — что Онъ есть Мессія, и что отнынѣ они сами увидятъ въ Немъ божественнаго Судію. Ихъ ослѣпленіе было виною, что они не обратили вниманія на сіе грозное предостереженіе. Убійца Іоанна требовалъ чудесь, а не словъ; хотя не стоилъ ни того, ни другаго. Предтеча сказалъ уже ему все, что могло поселить въ его сердцѣ любовь къ справедливости, и отсѣченная въ угожденіе Продіады глава его засвидѣтельствовала, чего должно ожидать отъ сердца Иродова. Пилатъ не получалъ отвѣта только тогда, какъ спрашивалъ изъ любопытства, а не по долгу; и зналъ истину столько, что, даже осуждая Іисуса Христа на смерть, принужденъ былъ своею совѣстію назвать Его праведникомъ. Римскій всадникъ уступилъ бы необходимости осудить праведника, хотя бы слышалъ нѣсколько самыхъ краснорѣчивыхъ рѣчей въ его защищеніе. «*Унѣ, да едина у претъ за люди*», было правиломъ еще болѣе римскаго, нежели іудейскаго правленія. Чтобы не допустить народъ до возмущенія, чтобы удержать титуло друга кесарева, іудейскій прокураторъ не пощадилъ бы ни Демосоена, ни Цицерона...

Отвѣты Іисуса Христа судіямъ, при всей краткости ихъ, постоянно выражаютъ высшую мудрость. Сердцевѣдецъ видѣлъ состояніе ихъ совѣсти, и болѣе съ нею, нежели съ лицами и вопросами ихъ, соразмѣрялъ свои отвѣты. Посему-то иное въ словахъ Его можетъ быть для насъ не совсѣмъ понятно; иное даже, судя по обстоятельствамъ, въ коихъ они произнесены, можетъ показаться какъ бы несоотвѣтственно; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ всѣ слова Господа были сильны и убѣдительно, какъ то наипаче доказываетъ примѣръ Пилата.

Самый внѣшній видъ Господа, не смотря на мученія и поношенія, безъ сомнѣнія, отличался невыразимымъ величіемъ и трогательностію. Если толпа народная была къ нему не столь чувствительна, какъ бы надлежало ожидать; то потому, что, наученная книжниками, расположенная злобою, не видѣла, можно сказать, сама себя. Но, посмотрите на судію — язычника! Каж-

дый разъ, какъ только онъ вступитъ въ личную бесѣду съ божественнымъ Узникомъ, даже не получивъ отвѣта на свои вопросы, даже оскорбившись Его молчаніемъ, всегда однакоже возвращается къ обвинителямъ съ новымъ убѣжденіемъ въ невинности Подсудимаго. Что замѣняло для него въ такомъ случаѣ слова, брало верхъ надъ его самолюбіемъ, какъ не кроткое величіе невинности и святости, сіявшее, не смотря на внѣшнее уничтоженіе, въ лицѣ и взорахъ Богочеловѣка? — Не то же ли самое обуздало и удержало отъ строгихъ мѣръ и тетрарха галилейскаго, коего самолюбіе такъ много страдало, не будучи удостоено ни однимъ словомъ въ отвѣтъ на столько вопросовъ?...

Вообще, образъ суда надъ Иисусомъ Христомъ со всею точностію выражаетъ, какъ премудро Промыслъ управляетъ дѣянiami человѣческими; какъ онъ, не нарушая свободы человѣческой, приводитъ въ исполненіе свои судьбы посредствомъ тѣхъ самыхъ лицъ, кои противятся сему исполненію. По видимому, все происходило случайно; каждый дѣйствовалъ по своей волѣ, даже по страстямъ, самымъ противоположнымъ: сребролюбивый Іуда получаетъ сребренники, честолюбивый синедрионъ отмщаетъ за оскорбленную гордость, прихотливый Иродъ хочетъ видѣть чудо, челоѣкоугодливый Пилатъ страшится кесаря, грубые воины предаются насмѣшкамъ: между тѣмъ *запечатлѣваются видѣнія и пророки, приводится правда вѣчная, истребляется полазаніе, градъ и святилище іудейское предобручаются разрушенію* (Дан. 9, 24—26).

«Нѣтъ! — скажемъ и мы словами знаменитаго витіи-пастыря, — не челоѣки здѣсь ругаются Божию величеству, Божій Промыслъ посмѣвается буйству челоѣческому, безъ нарушенія свободы, заставляя его служить высочайшей своей премудрости. Не лукавые рабы прехитряютъ Господа; всеблагій Отецъ не щадитъ Сына, дабы не погубить рабовъ лукавыхъ. Не вражда земная уязвляетъ любовь небесную; небесная любовь скрывается во вражду земную, дабы смертью любви убить вражду, и распространить свѣтъ и жизнь любви сквозь тьму и сѣнь смертную. *«Богъ возлюбилъ міръ, и Сына своего едиnorodнаго далъ есть, да всякъ, вѣрующій въ онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный!»* *)

*) Поуч. сл. преосв. Филар. 1821. изд. 2, ст. 100.